

Николай СИЗОВ
КОД «ШЕВРО»

Николай СИЗОВ

КОД «ШЕВРО»

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1987

ББК 84Р7
С34

С $\frac{4702010200-066}{078(02)-87} - 186-87$

ОТ АВТОРА

В основу «Невыдуманных историй» легли действительные события и факты. Это рассказы о случаях исключительных, редких, но все же порой имеющих место в нашей жизни.

У нас нет гангстерских корпораций, которые держат в страхе целые города в некоторых капиталистических странах, нет широких организованных банд, которые грабят целые поезда и колонны машин, перевозящие государственные ценности. Нет и не может быть прежде всего потому, что сам народ стоит на страже порядка в своем доме и не допустит этого.

Буржуазные ученые-криминологи все чаще говорят о преступности как явлении, якобы фатально неизбежном для любого человеческого общества, вытекающем из несовершенства природы человека.

Этой насквозь реакционной «теории» социалистический мир противопоставляет основанное на научном марксистско-ленинском анализе утверждение, что в условиях коммунистического общества будет покончено не только с преступностью, но и со всеми причинами, ее порождающими.

Но цепко, удивительно цепко, держатся некоторые негативные явления, чуждые нашему строю. Липнут к людям, передаются привычки, взгляды и нормы морали, несвойственные социалистическому обществу. Немалую долю в оживлении этой ядовитой поросли вкладывают и те, кто хотел бы самых обильных урожаев этой дряни, — защитники и проповедники капиталистического «рая».

Сейчас наша партия при поддержке всего народа повела решительное наступление против любых нарушений нравственных норм нашей жизни; поставлена задача вести целенаправленную работу по формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство и высокую моральную чистоту.

Борьба за трезвый образ жизни, против тунеядства, стяжательства, накопительства, за сознательное, добросовестное отношение каждого человека к труду, борьба

против любых нарушений норм социалистического общежития — дело многотрудное, оно потребует активных усилий каждого советского человека, всего нашего общества.

Истории, рассказанные в книге, говорят о неотвратимости возмездия тем, кто попирает социалистический правопорядок, напоминают еще раз о том, насколько важна бдительность общественной среды, насколько опасны всякие поблажки и смягчения, когда речь идет о склонности отдельного члена общества к легкой жизни, о нравственной деградации, пренебрежении нормами нашей, социалистической морали.

Некоторые же истории свидетельствуют о необходимости более внимательного, чуткого отношения каждого коллектива к людям, всех нас друг к другу, с тем чтобы каждый советский человек в случае каких-то неблагоприятных жизненных обстоятельств чувствовал плечо и поддержку окружающих его людей.

Автор не ставил перед собой задачу исчерпывающе анализировать истоки и психологические мотивы тех преступных проявлений, о которых рассказывается в книге. Носители зла получили заслуженное наказание. Но чтобы найти их, изобличить, неопровержимо доказать виновность, понадобилась длительная и кропотливая работа, упорство и высокое профессиональное мастерство тех, кто призван охранять покой советских людей, бороться с носителями чуждых нам нравов и норм жизни.

В 8 представленных в сборнике повестях и рассказах при всей подлинности материалов по вполне понятным причинам заменены имена и фамилии некоторых участников описываемых событий.

В разное время эти повести и рассказы были опубликованы в различных литературных журналах, некоторые из них выходили в сборниках моих произведений. Интерес читателей к ним, что явствует из многочисленных писем, побудил меня предложить «Невыдуманные истории» молодому читателю.

КОД «ШЕВРО»

Тихий, вымощенный булыжником переулок, сплошь застроенный сараями, складами, упирался в хозяйственный двор фабрики имени 1 Мая. Жилья здесь уже не осталось, невдалеке высились новые высокие дома, и обитатели переулка перебрались в них. Только в двух или трех неказистых, приземистых домишках жило несколько семей.

В таком же домишке жила и Васена Бугрова с двадцатилетней дочерью Настей. Обе работали на фабрике: мать — кладовщицей в закройном цехе, а дочь — оператором в модельном.

Им не раз предлагали переехать, но не хотелось Васене Павловне покидать угол, где прошла вся ее жизнь, и она упростила дочь не трогаться пока с насиженного места. Привыкла очень, да и до работы было рукой подать. Так и жили Бугровы в этом тупичке — людном и шумном днем, когда на фабрику и обратно снуют машины, слышны людские голоса, и тихом, полутемном вечером и ночью, когда даже прохожий здесь редкий гость.

В тот вечер Настя задержалась в вечерней школе и домой пришла около одиннадцати вечера. Мать уже беспокоилась и встретила ее на крыльце.

— Что так поздно?

Девушка ничего не ответила, молча закрыла на щеколду и крючок дверь и заторопила мать:

— Пошли, пошли в дом.

Васена Павловна уловила тревогу в голосе дочери и обеспокоенно спросила:

— Что случилось-то?

— В переулке какие-то подозрительные люди.

— Какие-нибудь собутыльники. Ты хорошо заперла дверь? Задерни поплотнее шторы да садись ужинать.

— Я в школе, в буфете перекусила.

— Ну тогда раздевайся да и в кровать, время позднее.

Минут через сорок или через час Васена Павловна сквозь пелену подхолившего сна слышала звук автомобиля. Машина шла по направлению к воротам фабрики.

«Кто это полуночничает? — подумала она. — Неужто наши?»

Когда вновь слышался шум мотора, женщина встала, приоткрыла штору и вгляделась в темноту улицы. Разбуженная ее шагами, проснулась дочь и, поднявшись, тоже прильнула к окну. Машина шла от фабрики. Показался тусклый желтоватый свет фары, и грузовик тихо, будто с опаской, прополз по улице. Затем вновь все стихло.

Настя проговорила, укладываясь опять в постель:

— Странно как-то. Ночью... Фабрика же не работает.

— Наверно, строители. Фундаменты под станки делают в механическом.

Утром Бугровы отправились на фабрику. Шли молча. О ночных событиях не вспоминали. Каждая думала о своих делах: Васена Павловна о том, что сегодня, видимо, придет новая партия кож и день будет трудный; Настя прикидывала, удастся ли выбраться с девушками на новый фильм. Как бы не назначили цеховое комсомольское бюро...

В середине дня к Насте в цех прибежала мать. Была она до крайности взволнована, губы дрожали.

— Настенька, беда! Беда-то какая! Обокрали нас, обокрали!

— Когда? Где? Ты что, дома была? — недоумевала дочь.

— Да нет. Склад обворовали. В дирекцию вот бежала, сообщала.

Наказав дочери, чтобы она после работы зашла за ней, Васена Павловна торопливо побежала обратно.

...Утром Васена Павловна, как это делала всегда, зашла в диспетчерскую справиться, будет ли поступление ожидаемой партии сырья. Около склада ее уже поджидали двое рабочих из заготовительного цеха с тележкой — пришли за кожами.

Бугрова тщательно осмотрела пломбу на двери склада, висевшую между ручкой и замком, привычно, механически вставила в скважину ключ. Зашелестела вложенная туда белая ленточка бумаги. Ее личный «секрет» был не тронут. Значит, как всегда, все в порядке.

Наряды у рабочих оказались на пяток кож. Последующие выдачи тоже были мелкими. Для таких нужд у Бугровой лежало несколько десятков кож здесь же, под рукой, в ее рабочей комнате. К основным же стеллажам, что располагались за тесовой перегородкой, не понадоби-

лось идти часов до одиннадцати или двенадцати, пока не зашел начальник цеха вместе со старшим мастером закройки. Они мудрили над какой-то новой моделью, и им понадобились две самые мягкие и тонкие кожи.

То, что предложила им Бугрова, инженеров не устроило. Кожи оказались грубоваты.

— Тогда пойдемте выберем из нового поступления.

И она прошла в основное помещение склада. Начальник цеха и мастер вошли вслед и увидели, что Бугрова стоит между стеллажами растерянная.

— Что случилось, Васена Павловна? — обеспокоенно спросил начальник цеха.

— Да, вот... своим глазам не верю. Ведь все стеллажи-то были битком. А тут смотрите...

Совсем недавно фабрика получила большой экспортный заказ, под него прибыло шевро высшего качества. Кожи еле уместились тогда на стеллажах. Теперь же стеллажи были полупустые.

— Воры побывали. Не иначе, — в голосе Бугровой слышались слезы. — Что же теперь делать?

Она торопливо считала и пересчитывала пачки. Несколько раз сбивалась, принималась считать вновь.

— Сто сорок осталось.

— А было сколько? Сколько пачек-то приняла?

— Двести пятьдесят.

— Точно помнишь? Не запамятовала?

— Да нет, помню хорошо.

Все же она, выйдя в свою комнатку, открыла толстую книгу учета, посмотрела в нее.

— Да, двести пятьдесят.

— А выдача? Выдача-то была?

— Нет, в эти дни большой выдачи не было, вы же знаете.

Да, начальник цеха знал это, но он, как и Бугрова, не хотел верить в случившееся.

— Павел Павлыч, что же делать-то? А? — женщина разрыдалась.

— Подождите плакать раньше времени. Надо немедленно сообщить дирекции. Разберутся.

Сотрудники УВД Москвы майор Дедковский и лейтенант Стежков выехали на фабрику тут же после звонка заместителя директора фабрики Кружака.

Еще когда мчались по улицам города, Дедковский с досадой показал на густой снегопад:

— Только этого нам не хватало.

Приехав на фабрику, майор еще больше расстроился. Все кругом было бело от легкого снежного покрова. Зато территория вокруг склада темнела, вся истоптанная. Весть о краже со склада уже облетела цехи, и десятки людей, улучив минуту-другую, забегали сюда поглядеть...

— Да, не очень-то найдешь тут следы преступников, — угадав мысли майора, покачал головой Стежков, вылезая из машины.

Майор вздохнул.

— Знаешь, за двадцать лет работы в МУРе не помню ни одного случая, чтобы место происшествия осталось нетронутым.

Действительно, след, хоть и не очень явственный, еле проступавший под тонким слоем истоптанного снега, был. Он принадлежал автомашине-полуторке. Было обнаружено, что машина через дощатый настил на рельсах заводской железнодорожной ветки, проходящей под окнами склада, подавалась задним ходом. Левым колесом был поврежден штакетник узкого, чахлого газончика, тянувшегося между рельсами и стеной склада.

При дальнейшем осмотре было обнаружено и еще кое-что: окно в прихожей комнате склада кем-то открывалось. Оно было заперто на один шпингалет. На подоконнике — ни пылинки. На соседнем же — тонкий слой лежал нетронутым. Бугрова утверждала, что вытирала окна одновременно неделю назад.

Стало более или менее ясно, как все произошло. Кто-то, въехав на территорию фабрики, открыл склад, погрузил кожи через окно в машину и, вновь заперев замки, уехал...

Допрос Бугровой, работников охраны, беседа с руководителями цеха, фабрики заняли у сотрудников опергруппы весь вечер.

Заместитель директора фабрики Кружак, крепкий, молодой мужчина, то и дело старательно закрывающий большую залысину рыжевато-седой прядью волос с затылка, представился Дедковскому как уполномоченный руководства фабрики по всем могущим возникнуть вопросам.

— Какая-то очень опытная группа действует, — зая-

вил он. — Это уже второй случай. В прошлом году была аналогичная ситуация. Ваши коллеги оказались не на высоте, и пятьсот пар нашей первосортной обуви вместо Баку и Еревана — пунктов назначения — отбыли неизвестно куда. Да, действуют, видимо, умелые руки.

Дедковский согласно кивнул:

— И кто-то им помогает. Как думаете, Федор Исаич, кто это может делать на фабрике?

Кружак поднял глаза к потолку.

— Кто? В самом деле, кто? Ключи кладовщики уносят с собой. Они лица материально ответственные.

Стежков прервал его:

— Говорят, что сегодня ночью на фабрику приходила какая-то машина.

— Да? Не слышал об этом.

— Не знает об этом и охрана. Как вы это объясните?

Кружак пожал плечами:

— Ну, если бы я знал все это, то зачем, собственно, уголовный розыск?

Предварительная беседа с Бугровой и у Дедковского и у Стежкова оставила тягостное чувство. Женщина была подавлена всем случившимся. Ее била нервная дрожь, спазмы схватывали горло, заплаканные, покрасневшие от слез глаза глядели удивленно, испуганно, с непроходящим отчаянием. Она поминутно повторяла одно и то же:

— Как же теперь? Засудят ведь, засудят. Ведь я своими руками все закрыла, запломбировала...

Ее отпустили домой, предупредив, чтобы никуда не выезжала из Москвы.

— Куда же мне отлучаться-то? Дочка у меня, Настенька.

Дедковскому позвонил Кружак:

— Вы даете возможность Бугровой замести следы.

— А вы что, Федор Исаич, имеете доказательства ее вины?

— По-моему, это ясно как дважды два.

— Вам ясно, а нам нет.

— Дело ваше. Только боюсь, как бы не получилось так же, как и в прошлом году...

Сторож проходной № 2 и хозяйственного въезда фаб-

рики, тучный, но подвижный, краснолицый старик Шамшин, тоже был предельно удручен.

— Удивительная история. Просто даже, я бы сказал, таинственная. Через мой пост даже муха не пролетела. За это я отвечаю. И потом собаки же у нас. Если я, допустим, обмишурился, они-то оповестили бы о гостях. Очень даже история удивительная, просто фантастическая.

На старика так подействовало происшествие, что он говорил с трудом, лицо горело.

Дедковский спросил:

— Вы что, плохо себя чувствуете? Может, вызвать врача?

— Да нет, ничего. Обойдется.

Дедковский все же позвонил в заводскую поликлинику. Пришедшая вскоре врач осмотрела Шамшина, сделала укол и посоветовала:

— Лечь ему надо. И немедленно.

В это время Стежков положил перед Дедковским записку: у Бугровых в сарае обнаружена пачка коричневых кож. Десять штук.

Прочтя записку, майор с досадой упрекнул себя: «Тоже мне криминалист. Кружак-то был прав, предупреждая». И уже с большей настороженностью посмотрел на Шамшина.

— Ладно, сейчас поедem к вам. Будем делать обыск. А потом дадим вам отдохнуть.

— Пожалуйста, пожалуйста. Посмотрите, все посмотрите. Я понимаю... Но, видит бог, нет у меня на душе греха.

Однако под разным хламом в узком проеме между гаражом, где стояла машина сына, и забором, отделяющим гараж от полосы отчуждения железной дороги, был обнаружен сверток кож.

Когда их положили перед сторожем, тот понялся, как от наваждения, замахал руками.

— Нет, нет, не может этого быть...

Старику сделалось плохо, и его под руки ввели в дом, положили на диван. Невестка дала какие-то капли. Как только ему стало чуть легче, Шамшин попросил позвать майора.

— Товарищ следователь, клянусь вам, не брал я кож. Не знаю, как они к нам попали.

Вскоре старику опять стало хуже. Дедковский и

Стежков не решились в таком состоянии везти его на Петровку и оставили на попечении родственников и врача.

А к утру Шамшин скончался буквально на руках у медиков.

Заместитель начальника управления полковник Каныгин разговаривал с Дедковским и Стежковым сурово:

— Я удивляюсь, майор, почему вы допускаете такие промахи? Ведь ясно же, что тут был сговор. Пока вы вели с ними душеспасительные беседы, сподручные расхитителей наверняка сплавляли похищенное шевро по надежным адресам.

Дедковский поднялся:

— Разрешите идти?

— Обиды свои оставьте, майор. Если есть разумные соображения — докладывайте.

— У меня сложилось мнение, что ни Шамшин, ни Бугрова к этому преступлению не причастны.

— А основания? Какие есть основания для таких выводов?

— Фактов нет. Интуиция.

— Интуиция? Вашу интуицию я вместо пойманных виновников в прокуратуру не представлю. Отставить интуицию и мобилизовать оперативную амуницию, — нехотя пошутил он и уже серьезно приказал: — Бугрову немедленно доставить сюда. Завтра в это же время жду вас с докладом о ходе, а лучше о результатах розыска и следствия. — Обратившись к Стежкову, добавил: — А вы тоже, лейтенант, ворочайте мозгами. Это дело для вас серьезнейший экзамен.

— Я тоже думаю, товарищ полковник, что воры были другие.

Полковник пристально посмотрел на Стежкова, перевел взгляд на Дедковского:

— Эти или другие — мне все едино. Но преступники и кожи должны быть найдены.

Придя к себе в комнату, Дедковский с мрачной усмешкой спросил Стежкова:

— Ну как, лейтенант, вдохновляющая беседа?

— Что ж, беседа как беседа.

— Да, пожалуй. А потому займемся делом. Итак, предполагаемые виновники Шамшин и Бугрова? Что

здесь «за» и что «против»? Прежде всего, что это за люди?

Стежков открыл папку.

— Старик Шамшин на фабрике работал десять лет. До этого — на Казанской железной дороге. Почти всю жизнь. На пенсию проводжали всем депо. Работать пошел со скуки. Сын работает в министерстве, невестка тоже там. Семья вполне обеспеченная. Теперь Бугрова. Эта девчонкой на фабрику пришла. В трудовой книжке одни благодарности. И о ней и о дочери самые хорошие отзывы.

Дедковский внимательно выслушал Стежкова.

— Все правильно, лейтенант. Но есть еще несколько вопросов. Оказывается, к строителям никакая машина не приходила. Значит, на фабрике была другая машина и с другой целью. Как она могла пройти на территорию без помощи сторожа? Ведь ворота-то на запоре. Плюс собаки. Далее. Склад не взломан, а открыт ключами. У кого были ключи? У Бугровой...

Стежков задумчиво добавил:

— А если учесть обнаруженные у Бугровых и Шамшиных кожи...

— То выходит, полковник Каныгин прав, назвав нас шляпами.

— Ну так он, кажется, нас не называл.

— Не называл, так назовет. И еще добавит. Хотя именно обнаруженные у кладовщицы и сторожа пачки меня и вводят в сомнение. Зачем Бугровой и Шамшину надо было оставлять их у себя? Ведь известно, что после обнаружения кражи неизбежно будет обыск.

— Ну, может, просто не успели спрятать или куда-нибудь отправить.

— Основной-то куш успели... — Дедковский показал на стопку бумаг на столе. — Сообщения из отделений милиции. Нигде — ни в магазинах, ни в скупочных пунктах Москвы, ни на рынках области — ничего похожего на наши кожи не обнаружено.

— Осторожничают, выжидают.

— Да, выжидают. А как с розыском машины?

— Обшарили все гаражи в этом районе. Протекторы у всех под одну гребенку. Наши эксперты в тупике. Хоть бы, говорят, какая-нибудь зазубринка или изъян какой на резине был. Обычный, чуть сношенный рисунок. Таких машин в Москве тысячи.

— Надо об этом еще раз поговорить с Бугровой. Может, она вспомнит какие-либо характерные особенности машины?

— Младшая сегодня звонила, просила ее выслушать. После работы зайдет.

— Вот и хорошо. У нее следует выяснить связи матери. Бугрова очень любит дочь и вряд ли имеет от нее какие-либо секреты.

Беседа с Настей Бугровой не внесла нового в имеющуюся по делу информацию, но сомнения Дедковского и Стежкова в правильности направления поисков усилились.

Девушка тоже была обескуражена свалившимся на нее несчастьем, но держалась спокойно. Карие глаза смотрели напряженно, но открыто и твердо. Четко отвечала на вопросы, не теряла уверенности, что вся эта история обязательно выяснится.

— Да, когда шла домой, трое каких-то мужчин гуртовались на противоположной стороне. О чем они говорили, я не слышала. Перепугалась немного, время было позднее.

— Машину? Да, видела, когда она обратно, от фабрики шла. У нее тускло светилась одна фара. Именно одна — это я точно помню.

— С кем мама знакома? Когда отец был жив, знакомых было много. Потом стало меньше. Я — на работе да в школе, а у мамы хлопот по хозяйству по горло. Да еще живем мы на отшибе, к нам не так-то легко добраться. По воскресеньям приезжает мамина сестра, она живет в Краскове. Летом иногда мы выбираемся к ней на денек. Если же вы моими знакомыми интересуетесь, то, пожалуйста, вся моя бригада и почти вся наша группа в школе... Как объясню, что у нас нашли сверток кож? Этого я объяснить не могу. Во всяком случае, ни я, ни мать кожи на фабрике не брали... Да, я понимаю, что говорю без доказательств, но я знаю, что это правда. И уверена, что тот, кому положено, обязательно разберется во всем этом.

Когда девушка вышла, Дедковский спросил:

— Ну, так как, коллега, что скажешь?

— Девушка, безусловно, интересная.

— Еще что заметил?

— Глаза у нее видели? Агаты, а не глаза. Это еще в горе, а если засмеется?

Дедковский ухмыльнулся:

— Да, лейтенант Стежков, очень существенные детали вы установили. Так мы и до морковкиного заговения грабителей не найдем.

— А что вы можете возразить против моих слов?

— Ничего. Ровным счетом, ничего. Но ведь во дворе у этой красавицы с агатовыми глазами обнаружены похищенные с фабрики кожи, ключи от склада были только у ее мамы. Ну, и так далее. Это-то ты берешь в расчет?

— Беру, беру, — горячо проговорил Стежков, — и все же думаю, что настоящие воры гуляют себе на свободе и посмеиваются над нами.

— Может быть и такое.

В этот момент позвонил Кружак. Он сообщил, что собрал широкое совещание и хочет на него поставить вопрос о порядках с охраной социалистической собственности на фабрике. «Было бы хорошо, чтобы товарищи с Петровки приняли участие...»

— Но ведь у вас только вчера было такое совещание? — удивился Дедковский.

— Быть-то было, а результат — кража со склада. А потом вчера мы его довольно быстро свернули и условились, что продолжим сегодня. Нет, я их буду молотить, пока не добьюсь настоящего порядка.

Совещание собралось действительно довольно широкое. Здесь были начальники цехов, почти все руководящие работники отделов сбыта и снабжения, заведующие складами, все основные работники охраны. Кружак распекал всех на чем свет стоит: за беспечность, халатность, бесхозяйственность. Говорил остро, гневно, и чувствовалось, что дело он знает. Буквально каждому из присутствующих он предъявлял какие-нибудь претензии, и, судя по тому, что люди молча опускали глаза и ежились, претензии эти были вполне обоснованными.

— Вот вы, Филипп Петрович, — обращался он к начальнику отдела снабжения Кострову, — сколько раз я говорил вам: нельзя реализацию всех фондов стягивать к концу месяца. Забиваем склады, много материалов остается на улице. Прекрасные условия для хищений! А вам, товарищ Хлыстиков, как начальнику пошивцеха,

разве не давалось указание, чтобы вы не оставляли в цеху неиспользованные отбракованные, непарные заготовки? А я шел сегодня через цех — штабеля целые лежат! Бери — не хочу! Опять к вам вернусь, товарищ Гришаков. Вы, как начальник охраны, у нас именинник. И не первый раз. Вся фабрика только и говорит о вас. Людей вы распустили, за их службой не следите, активности проявляете мало. Сколько раз собирались заменить сторожевых собак? Это же типичные тунеядцы. Им брехать и то лень! Тявкнут раз-другой, и все. Дескать, хватит, чего мы будем глотку драть...

Участники совещания вносили много дельных предложений, спрашивали совета, сообщали о разных неполадках. Кружак одобрительно качал головой, записывал что-то в своем толстенном блокноте.

После совещания Кружак попросил Дедковского и Стежкова задержаться.

— Ну, как там, ничего нового? — спросил он, когда все вышли.

— Нет, пока ничего, — ответил Дедковский. И попросил: — Не откладывайте, пожалуйста, со снятием остатков по центральному и цеховым складам.

— Да, да. По закройному цеху уже начали. А как Бугрова, все молчит? — И, не получив ответа, продолжал: — С кем-то связаны были старички. Факт. Только с кем? Теперь ищи ветра в поле. Так что я понимаю ваши трудности.

Трудности, вставшие перед оперативной группой, и в самом деле были немалые. Машину, что была в этот вечер на территории фабрики, найти не удалось. Старик Шамшин если и знал это, унес тайну с собой. Кладовщица Бугрова больше однажды рассказанного ничего добавить не могла или не хотела. Следы автомобиля, стертая пыль с подоконника склада лишь подтверждали предположения, как была совершена кража, но не давали реального пути для поисков преступников.

— Чертовщина какая-то, — досадовал Стежков. — Будто печистая сила действовала. Ведь отпирал же кто-то двери, окно, ворота хозяйственного въезда, потом опять закрывал — и никаких следов.

— Бывает всякое, лейтенант, — отвечал Дедковский. — Хотя мы и считаем, что следы обязательно остаются, однако нет правил без исключения. Несколько лет назад расследовал я дело о краже вещей в одной кварти-

ре в Филях. Поверишь ли, три дня и три ночи искали мы эти самые хотя бы незначительные улики. И не нашли. Вошли воры в квартиру, подобрав ключи; так как хозяева были в отъезде, действовали они спокойно, не торопясь, и не оставили даже малейшего следа.

— А как же вы нашли их?

— По почерку. Судя по тому, с какой аккуратностью и тщательностью была выпотрошена квартира, можно было предположить, что это дело рук Кимзы. Был у нас такой опытейший домушник. Но он уже несколько лет как завязал, мирно и тихо жил в Измайлове. Наведался я к нему. Сидит с супругой, чаек попивает. Меня тоже пригласил:

«Садитесь, кум-майор, побалуйте чайком. И скажите, зачем пожаловали?»

Сел я за стол. Хозяйка в кухню пошла, чтобы чай налить. Приносит. Сердце у меня так и екнуло: не прочно, думаю, ты завязал, Кимза. Со стола она брала стаканы в золоченых подстаканниках, а принесла без них. Что бы это значило?

Выпили мы с Кимзой по стакану, я спрашиваю:

«Зачем в Филях шухер наделал? Вся Москва говорит. Ведь обещал-то мертвым узлом завязать?»

«Кум-майор, вы ошибаетесь. Не имею я к этому делу никакого касательства».

«Эх, ты! А мы тебе верили. Вещички из Филей у тебя. И мы их сейчас найдем».

А Кимза свое:

«Нет у меня ничего. Зря обижаете, гражданин начальник. Я сейчас тише воды, ниже травы...»

Позвал я ребят, что со мной приехали, посмотрели мы все закоулки — ничего нет. Только заметил кто-то, что паркет в комнате очень свеж. Комната-то вроде не ремонтирована, а паркет новый. Спрашиваю:

«Почему такое?»

Кимза поперхнулся и говорит:

«Отциклевали недавно».

Ну, стали мы плинтуса поднимать, кто-то из ребят не очень аккуратно дернул одну паркетину, она вдовь треснула.

Кимза поморщился, очень он хозяйственный мужик был, и говорит:

— Пол ломать, между прочим, не надо, ни к чему. Люк под шкафом. Вещи там...

Стежков вздохнул:

— У вас биография — хоть роман пиши. А на несчастных кожах даже вы споткнулись. Неужели мы не разгадаем этот ребус?

— Эти несчастные кожи, дорогой мой, стоят не один десяток тысяч. Ценность огромная. И не думаю, что за таким кушем ринулся какой-то неопытный да зеленый. Это действовали люди, выдавшие виды. И продумали они все до деталей. Потому-то мы с тобой и бьемся как муха об стекло. Не знаем, где начать и где кончить. Нет, лейтенант, это будет операция не из легких.

Недели через две полковник Каныгин вновь позвал к себе Дедковского и Стежкова. Доклад майора он слушал не перебивая. Но по тому, как хмуро поглядывал на обоих, как нервно барабанил костяшками пальцев по настольному стеклу, было видно, что недоволен, и недоволен крепко. Так оно и оказалось.

— Значит, так... Будете разрабатывать версии номер один, два, три. Продумывать легенды такие-то. Брать под наблюдение то, потом это. А когда же будет результат? Да еще Бугрову хотите освободить. Чепуха какая-то!

Дедковский, однако, стойчески выдержал упрек и спокойно ответил:

— Мы делаем все возможное. Бугрову же освободить следует. Никуда она не денется. Связей у нее в интересующем нас плане пет. А если и есть, то мы их не упустим.

— Ну, вот что, — непримиримо проговорил Каныгин, — согласия на освобождение Бугровой не даю. Состав преступления в ее действиях налицо. Преступная халатность — раз, хищение — два. Так что если вы застрянете с розыском соучастников, будем судить ее одну. Это дело вот где у меня сидит, — показав на шею, закончил полковник.

Проверка версий, о которых Дедковский и Стежков докладывали Каныгину, не привела к положительным результатам. Подозрительных связей Бугровой установлено не было, машина как в воду провалилась. Поиски шевро ни на рынках, ни в магазинах, ни в малых, ни в больших мастерских ни к чему не привели.

Дедковский обратился с рапортом по начальству о

продлении срока для расследования. Разрешение было получено, однако дальнейшее руководство следственной группой поручили не Дедковскому, а другому работнику. Уголовное дело по обвинению Бугровой в халатности вскоре было окончено и направлено в народный суд.

Дедковский и Стежков присутствовали на всех судебных заседаниях. Ничего нового, дополняющего имеющиеся у них сведения они, однако, не слышали. Свидетели, представители фабрики, Бугрова повторяли то, что было уже известно. Судьи, как до них Дедковский со Стежковым, а потом следователь Сахнин бились над одним и тем же: кто соучастник Бугровой? Куда девались кожи?

Ответ Бугровой был один: «Не знаю, ничего не знаю...»

Она похудела, осунулась, как-то очерствела вся, смотрела на окружающее отсутствующим, ничего не выражающим взглядом. Ни гнева, ни возмущения, ни слез. Односложные, бесстрастные ответы. Она, в сущности, даже не защищала себя, с удивительным равнодушием слушала речи и обвинения и защиты. Только когда увидела дочь, разрыдалась.

— Позор-то какой, Настенька, позор-то какой. Только знай, невиноватая я.

Стежков донимал Дедковского вопросами:

— Что с Бугровой?

— Психологически это вполне объяснимо. Она не может доказать свою невиновность и понимает, что будет осуждена. Отсюда — безразличие ко всему. Мысль, что выхода нет, парализовала ее волю, все ее жизненные проявления.

— Понимаете, в моем сознании не укладывается, что эта пожилая, всю жизнь проработавшая на фабрике женщина и ее дочь-комсомолка роют во дворе тайник и прячут туда ворованное добро. Чушь какая-то!

— Да, представить это действительно трудно. Но суд да и мы тоже обязаны руководствоваться не эмоциями, а фактами.

Бугрову осудили. Было вынесено также частное определение о необходимости дальнейших мер по розыску похищенного и установлению возможных соучастников кражи.

Дедковский, выслушав определение, сказал:

— Видишь, лейтенант. Дело это не закончено. И мы должны довести его до конца. Понимаешь? Должны.

Полковник Каныгин, однако, мыслил по-другому.

— Если возникнут какие-либо новые обстоятельства, поручим заняться кому-нибудь. А у вас и других дел по горло, — заявил он Дедковскому.

Майор настаивал:

— Я не согласен с вами, товарищ полковник. По делу надо активно работать и дальше. Прошу разрешения обратиться к комиссару.

— Обращайтесь, но ответ, я уверен, будет тот же.

Но полковник Каныгин ошибся. Комиссар милиции Пахомов поддержал предложение Дедковского и приказал продолжать активный розыск преступников, взяв дело под личный контроль.

И вот все материалы дела о хищении шевровых кож с фабрики имени 1 Мая вновь внимательно изучаются, тщательно анализируются в опергруппе, в состав которой включены майор Дедковский и лейтенант Стежков.

Розыскные материалы растут, ширятся. Любые сообщения, сведения, данные, имеющие значение для розыска преступников и похищенного ими, тщательно проверялись, анализировались, уточнялись. Оперативно-розыскная группа была уверена, что рано или поздно она нащупает нужный след.

— Кожи — не золото, годы лежать они не могут, — высказал майор свои соображения. — Люди, которые похитили их с фабрики, выжидали. Прекращение активной работы по делу, суд над Бугровой убедили их, что гроза миновала. Уверен, скоро начнется реализация похищенного, и нам надо смотреть в оба. В ближайшее время мы с вами наведаемся на фабрику. Все-таки это мой родной район.

Однако выехать в родной район Дедковскому пришлось гораздо раньше, чем он предполагал.

На следующий день после этого разговора в кабинете заместителя директора фабрики имени 1 Мая Кружака раздался звонок с пошивочной фабрики, расположенной по соседству.

— Федор Исаич? Здорово, — слышался в трубке голос заместителя директора Еремина. — Несчастье у нас: воры сегодня побывали.

— Да что ты? — удивленно и даже как будто испуганно переспросил Кружак. — И что, серьезно пощипали?

— Два контейнера чернобурок уплыли.

— Куш немалый. В МУР-то сообщили? Хотя, судя по тому, как они наше шевро ищут, особых надежд не питайте

Положив трубку, Кружак прошелся по кабинету, усмехнулся и позвонил директору.

— Павел Иванович, хочу сообщить новость. Соседей-пошивочников тоже обворовали. Да нет, что вы, не радуюсь, но, как это говорится, на миру и смерть красна. От сыщиков-то? Нет, ничего пока не слышно, плакали наши первоклассные кожи.

Кража на пошивочной фабрике была совершена так же мастерски, как и на обувной.

— Опять нечистая сила действует, — мрачно пошутил Стежков после осмотра места происшествия.

— Да, умело работают, — согласился Дедковский.

Они стояли на широком выступе цокольного этажа склада, поднятом над землей метра на полтора — до уровня пола товарных вагонов.

Дедковский был задумчив, мрачен и все смотрел и смотрел молча на рельсы. Они пролегали параллельно складу и уходили за забор, ограждающий территорию, а за ним вплетались в сеть находящейся недалеко отсюда Товарной-второй.

Наконец Дедковский поднял на Стежкова глаза:

— Кажется, мы у конца ниточки, лейтенант. Лисьи шкурки увезены в вагонах, вот по этим самым путям. Скажу тебе больше: шевро от соседа, — он показал на фабрику имени 1 Мая, — тоже могло уйти по ним же. Ветка-то одна.

Стежков внимательно посмотрел на Дедковского.

— Мысль новая и оригинальная, товарищ майор. Но... Вагоны по выходе с территории проверяются охраной фабрики. Затем контроль на станции...

— Это уже вопрос организации дела. А поставлено оно у жулья, как мы убедились, довольно тонко.

Утром Стежков был уже на станции Товарная-вторая. Ознакомился с графиком поступления грузов на пошивочную, порядком возврата порожняка, системой контро-

ля. В ту ночь, когда были похищены чернобурки, фабричная ветка приняла двадцать два вагона. Двенадцать — с углем и лесом, они были разгружены ночью же и порожняк возвращен, а десять вагонов дожидались утра, так как там были ткани, ватин, меха — они принимались центральным складом. К десяти утра и эти вагоны ушли с территории.

На сортировочном пункте пояснили, что часть вагонов, разгруженных ночью, пошла на Узловую, часть — в Архангельск на формирование вертушек. Догнать, найти ушедшие вагоны было и невозможно и бессмысленно. Чернобурок в них уже нет. Зато Стежков убедился, что выход порожняка с предприятия почти не контролируется. Что проверять в пустых вагонах? Да, предположение Дедковского, что краденое с пошивочной, а возможно, и с обувной фабрики было отправлено по железнодорожным путям, не лишено оснований.

Когда Стежков, докладывая майору итоги дня, высказал эту мысль, Дедковский невесело улыбнулся:

— Нам осталось немного — установить, кто это сделал.

— Ничего себе — немного! Самое главное.

— Да, именно — самое главное, — согласился майор и сообщил: — Недавно слушатель нашей школы, проходя по Сретенке, заметил, что какой-то молодой человек около магазина «Обувь» предлагал женщинам заготовки туфель черного и коричневого цветов. Слушатель пригласил его в ближайшее отделение милиции на Садовой. Только беда в том, что работники отделения отпустили задержанного, не разобравшись, кто он. Записали лишь фамилию да адресок, что явное нарушение. А когда хватились и проверили, то оказалось, что ни гражданина Проскурина, ни адреса, который он дал, в Москве не существует. Значит, молодой человек, сбывавший туфли, орудует с липовым паспортом. Вот этим так называемым Проскуриным надо заняться вплотную.

Весь остаток дня ушел у Стежкова на составление словесного портрета неизвестного, благо слушатель школы, который задерживал молодого человека на Сретенке, да и работники отделения запомнили его хорошо. Ночью эти материалы уже были в отделениях.

Утром Стежков вновь отправился на Товарную-вторую. Ему надо было выяснить, постоянный ли состав поездных бригад обслуживает соседние предприятия. Како-

ва система оповещения о прибывших вагонах и готовом к отправке с предприятий порожняка? Да и еще многое надо было узнать. Он сидел у начальника станции и беседовал с ним, когда в кабинет вошла пожилая, но энергичная женщина. Прислушавшись к их разговору, она как-то естественно и просто включилась в него:

— Порядка пока нету, чего тут говорить. При таких-то послаблениях может быть всякое. Был же у нас случай, когда вагон с посудой вместо базы Главторга на мебельную фабрику загнали? А три вагона электроарматуры из Ленинграда? Мотались по веткам, поди, месяц. За пересменкой глядим плохо. Вот, намедни, Бычков и Терехин что удумали? Вышли не в свое дежурство. Весь график нам поломали. А почему? Все из-за своих дружков да подружек на фабриках. Оно конечно, парни у нас справные и фабричные девушки всегда рады с ними побалагурить. Только у нас из-за этого порой целая карусель получается.

Стежков установил, что это «намедни», когда Бычков и Терехин явились на работу вне графика, было одиннадцатое число, то есть именно тот день, когда была совершена кража на пошивочной. Было над чем задуматься...

Утром он подробно рассказывал Дедковскому о разговоре с нарядчицей Товарной-второй. Стали прикидывать, как подробнее узнать, что это за люди — Бычков и Терехин.

Затрещал телефон. Звонил начальник отделения милиции с Юго-Запада. Патрульным нарядом задержаны двое подозрительных граждан — молодой человек и женщина. «Парень, кажется, тот, кого вы ищете. Женщина тоже довольно странная и с оригинальной поклажей. Пусть Дедковский подъедет...»

А дело было так. По Университетскому проспекту шла женщина, катя впереди себя детскую коляску. Обычная картина для московской улицы, и вряд ли кто обратил бы на этот факт особое внимание. Но женщина дефилировала по проспекту уже несколько раз. Прошла от дома № 17 до дома № 31, завернула во двор и обратно к дому № 17. Затем опять тот же маршрут. И еще. И еще. Старший патрульного отряда сержант Кравцов, когда

женщина в третий раз поравнялась с ним, приветливо улыбнувшись, отковырял:

— Добрый день. Долгонько гуляете-то.

— Да, приходится, маленькому воздух нужен, — торопливо ответила женщина и заспешила по тротуару.

Может быть, на этом бы все и кончилось, но перед выходом из-под арки двора в очередной рейс женщина сторожко огляделась кругом.

Сержант, стоя в это время в телефонной будке и говоря с отделением, заметил эти меры предосторожности обладательницы детской коляски. Это удивило и насторожило его.

Выйдя из будки, он пошел женщине навстречу.

— Может, вы детей у нас на Университетском похищаете? — шутливо поинтересовался он и заглянул в коляску. Ребенка не было видно, пышное голубое одеяло покрывало его с головой.

— Можно посмотреть вашего питомца? — спросил лейтенант.

Женщина торопливо и испуганно ответила:

— Нет, нет. Что вы? Спит малый.

В это время из-под арки двора вышел парень и подошел к лейтенанту и женщине.

— Что, разве гражданка нарушает порядок? Оставьте ее в покое, сержант.

Кравцов удивился:

— А при чем здесь вы? Проходите, не вмешивайтесь.

Женщина, видя, что внимание лейтенанта переключилось на парня, попыталась уйти, но Кравцов быстро встал у нее на пути. Глядел он, однако, по-прежнему на парня, лицо которого показалось ему знакомым. «Кто же это? — думал сержант. — Удивительно знакомая физиономия». А вокруг них собралось уже несколько любопытных.

Парень возмущался:

— Ну, чего пристал к гражданке? Что она сделала? Это же произвол, сержант.

Женщина тоже говорила что-то насчет беззакония. Их поддержал кое-кто из толпы.

Кравцов между тем, наклонившись над коляской, поднял верхнюю кромку одеяла, потом открыл его еще больше. Под одеялом лежал... серый мягкий мешок, связанный крест-накрест белым шпагатом. Из горловины мешка выпирал пушистый черно-серебристый мех.

— Лисьи шкурки. А где же дитя?

Женщина в смятении начала причитать:

— Товарищ сержант! Это не моя коляска. Какая-то женщина попросила побыть минуточку возле ее ребенка. Купить молока, говорит, надо. Пошла в магазин и пропала. Вот битый час жду ее, по тротуару хожу, чтобы встретить. Я думала, действительно дитя, а тут шкурки какие-то. — Женщина нервно озиралась по сторонам, плакала. — Я пойду, товарищ начальник. Вы с ней разберайтесь.

Кравцов остановил ее:

— Нет, нет. Подождем вместе.

Парень, заступавшийся за женщину, стал протискиваться из круга. Кравцов заметил это.

— Вы, гражданин, тоже не уходите.

— Это почему? У меня нет времени.

Но кольцо людей стояло плотно. А с противоположной стороны улицы к толпе спешили два милиционера.

Кравцов сказал женщине:

— Ждать, я думаю, бесполезно. Коляска эта — ваша.

— Откуда это вы взяли? Говорю же вам, гражданка какая-то...

— Ну, хорошо. Разберемся в отделении.

Прохожие, сначала выражавшие сочувствие обладательнице коляски, сейчас возмущались:

— Сколько еще разного жулья!

— Да, есть еще такие вот прохиндейки.

— Спекулянтка, наверное.

— А может, и того хуже, какой-нибудь магазин или склад обворовала.

Дедковский и Стежков, приехав в отделение, захотели увидеть прежде всего молодого человека. В комнату вошел рослый, хорошо сложенный парень лет двадцати пяти. Уверенная, чуть вразвалку походка, брюки в обтяжку, полузастегнутая рубашка из красно-синей буклированной ткани.

— Чем могу служить, граждане начальники?

— Фамилия, имя, отчество?

— Черненко Борис Игнатьевич.

— А точнее?

— Перед вами, как я вижу, мой паспорт.

— Да, паспорт передо мной. Но две недели назад, когда вас задержали на Сретенке, вы предъявляли другой. На имя Проскурина. Как это понимать?

— Никто меня пока не задерживал. Все это из области фантазии, товарищ майор.

— Значит, ошибка? Ну, что же, возможно и такое. Отложим нашу беседу до приезда товарищей, которые сталкивались с неким Проскуриным. Может, вы просто похожи. Подождите в соседней комнате.

Парень стал упрашивать:

— Товарищ майор, очень прошу, отпустите. По дурости влез я в эту историю. Думал, зря, мол, лейтенант женщину обижает. А оказалось... Откуда я мог знать? У меня, понимаете, братишка из школы вот-вот придет, а ключи от квартиры — вот они. Замерзнет парень на улице. Живем-то мы с ним вдвоем.

— Вдвоем, говорите? А родители?

— Нету таковых.

— Значит, Борис Игнатьевич Черненко?

— Да, именно так.

— Точно?

— Абсолютно.

— Где работаете?

— Строитель. Шестнадцатое стройуправление. Дороги, мосты и прочее.

— Значит, на Сретенке не задерживались?

— Нет, не задерживался.

— Вы это точно помните?

— Абсолютно. Если бы такое было, сказал бы. Я ведь знаю, с вами надо в открытую.

— Да, в открытую лучше, — согласился Дедковский. — Ну что ж, ладно. Подождите немного. Отправим вас домой. Но не исключено, что пригласим.

— Пожалуйста, в любое время. Но, откровенно говоря, причин не вижу, ибо никаких грехов за мной нет. — И парень вышел из комнаты.

— Зачем вы его отпустили? Почему? Ведь похож же, ну очень похож, — недоумевали Стежков и начальник отделения.

— Вполне возможно, — согласился Дедковский. — Но ведь братишка замерзнет.

— А вы в это поверили? Ну, знаете... — Стежков даже поперхнулся от удивления.

Майор улыбнулся:

— Подожди горячиться, лейтенант. От того, что Проскурин-Черненко сейчас окажется в камере, проку будет мало. Что мы ему предъявим? Похож на Проскурина? Но он будет настаивать, что сходство случайное. Что продавал две пары заготовок на Сретенке? Заявит, что не

продавал и знать ничего не знает. Заступался за обладательницу коляски? Но что же тут такого? Он же объяснил: «Заступался, пока не знал, кто она...»

Начальник отделения заметил:

— Не знаю, знакомы ли они, но, как мне доложил Кравцов, разговор между ними был какой-то чудной. Что-то такое о папаше, о шашлыке по-карски... И шипела на него дамочка, что не помог.

— Папаша? Шашлык по-карски? — Дедковский насторожился. — Вот это уже интересно. Ну-ка, расскажите подробнее. — И, выслушав начальника отделения, попросил: — Пусть кто-то из ваших ребят отвезет Черненко домой. А перед этим зайдет ко мне. Потом мы займемся дамой...

Женщина вошла в комнату не так уверенно и смело, как Черненко. Она была явно растерянна, нервно перебирала в руках цветной шарф. Представилась с натянутой улыбкой:

— Клавдия Антоновна Муравицкая.

— Садитесь, Клавдия Антоновна. Расскажите, что это за история с вами случилась? Почему в коляске вместо мальчика или девочки вдруг оказался тук с лисьими шкурками?

— Да не знаю я ничего, гражданин начальник. Иду по улице, какая-то женщина остановила меня и просит: «Постой минуточку у коляски, в магазин за молоком забегу». Ну, как тут не помочь? Остановилась, качаю маленьку коляску-то. А женщины все нет и нет. Десять минут нет, двадцать нет. Полчаса прошло. Я и давай ходить по тротуару, может, думаю, встречу, может, в другой магазин она подалась. А тут товарищ лейтенант... Вот и все.

— Вот что, Клавдия Антоновна. Все это неубедительно. Мы задерживаем вас. Подумайте. Вы должны рассказать все. Имейте в виду, что ложь никого в таких делах не спасала.

— Но я же вам все-все рассказала. Все, как есть.

— Скажите, пожалуйста, в каком ресторане сегодня встреча?

— Какая встреча? О чем вы, товарищ майор? Я ничего, ничегошеньки не знаю. И не понимаю даже, о чем вы спрашиваете.

— Не хотите говорить, ну что ж... Установим без вас.

Вскоре после того, как увели Муравицкую, вернулся Кравцов, отвозивший Черненко. Он доложил, что, как и

говорил Черненко, пацан лет десяти ждал его на улице. Они зашли в магазин, купили хлеб, колбасу, кефир и отправились домой. Только...

— Что только?

— В квартире, куда они вошли, никакого Черненко, как и Проскурина, не числится. Там живут граждане Донские и Тепляковы.

— Спасибо, сержант. Факт важный. А адресок-то точный?

— Точный, товарищ майор.

— Что ж, наметим ближайшие меры. Вам, Стежков, вместе с группой товарищей из МУРа, разгадать загадку с «шашлыком по-карски». Думаю, что это один из московских ресторанов. Есть такая повадка среди некоторых наших подопечных именовать рестораны и кафе по названиям их фирменных блюд. «Бастурма», например, это на их языке ресторан «Арагви», «На ребрышке» — это «Баку», «Трепанги» — ресторан «Пекин». Ну и так далее. А вот какое заведение специализируется на шашлыках по-карски — убей, не знаю. А узнать надо. Думаю, что Черненко обязательно подастся туда. Ему есть о чем рассказать приятелям, и ваша задача, Стежков, не упустить их из виду.

— А может, Муравицкая имела в виду что-то другое? — усомнился начальник отделения.

— Может быть, я и ошибся. Но все же, думаю, разговор следует понимать так: «Сегодня наши гуртуются в таком-то ресторане. Дай знать, что завалились... Пусть предупредят «напашу». И они, конечно, постараются это сделать, и немедленно. Потом кое-кто, возможно, будет пытаться сменить свои адреса. Это тоже надо иметь в виду. Одним словом, лейтенант Стежков, перед вами несколько уравнений, и все со многими неизвестными. Действуйте. Поезжайте на Петровку и предпринимайте все, что нужно.

— Товарищ майор, а если Черненко сейчас забьет тревогу? Предупредит, чтобы в ресторан не являлись?

— Не думаю. Он ведь уверен, что его мы ни в чем не заподозрили. А кроме того, его связи отныне мы будем знать.

Клавдия Муравицкая жила в небольшой комнате нового многоэтажного дома. Соседи по квартире рассказывали, что переехала она сюда недавно. Женщина смир-

ная. Правда, бывают у нее иногда гости, позднеенько за-
сидживаются, но приходится мириться, дело ведь молодое.

В детских яслях, где работала Муравицкая, отзывы о
ней дали тоже вполне положительные:

— Муравицкая? Завхоз-то наш? Недавно она у нас,
но работает старательно.

Когда же в кладовой обнаружили шесть туго связан-
ных тюков с лисьими шкурками, заведующая удивилась
до крайности:

— Какие-то лисы? Почему здесь, у нас?

— Действительно, странно, — в тон ей ответил Дед-
ковский.

Предстояло узнать, куда возила Муравицкая меха, так
оригинально используя «детский пассажирский транс-
порт». Сама она вела себя как оскорбленная добродетель,
отвечать на вопросы отказывалась, повторяла свою ста-
рую версию о случайно встреченной женщине.

Из бесед с соседями по квартире и с работниками ясе-
лей было установлено, что есть у Муравицкой подруга по
по имени Аня. Работает где? В каком-то из здешних
магазинов. Через два дня приятельница Муравицкой
была установлена. Это была Анна Прядова из комис-
сионного магазина № 26, находящегося на соседней
улице.

— Где прячу лисы? Какие такие лисы? Ничего я не
знаю.

— Нам известно, что гражданка Муравицкая перевез-
ла к вам несколько тюков с лисьими шкурками.

— Нет, нет, не путайте меня в какие-то темные
дела.

— Боюсь, что вы уже влезли в них. Придется делать
у вас обыск. И если найдем эти самые лисьи шкурки...
не обессудьте. Будете отвечать в одной компании со сво-
ей подругой.

— А почему это я должна отвечать? Попросила она
меня поддержать у себя кое-что из ее вещей, я и согла-
силась. Живу-то я в собственном домишке, места у меня
много. Три или четыре свертка привезла вчера, а потом
куда-то запропастилась, ни слуху ни духу. Теперь-то я
понимаю, где она. Но я тут ни при чем.

В сарае за развалом березовых дров лежали тюки со
шкурками. Прядова, провожая оперативных сотрудников,
сыпала проклятиями в адрес разных жуликов и прохо-
димцев, которых давно пора, как мусор, вынести из на-
шей жизни.

Явившись в ресторан, лейтенант Стежков решил еще раз проверить, по адресу ли прибыл. Он подошел к метрдотелю и вежливо осведомился:

— Будьте добры сказать, шашлычок по-карски у вас бывает?

Метрдотель, важный, упитанный мужчина с плавными, медлительными движениями, оглядев посетителя с ног до головы, снисходительно ответил:

— Если вы хотите скушать настоящий шашлык по-карски, а не дребедень какую-нибудь, то только здесь. В Москве лишь один человек может готовить их на недосыгаемом уровне — это Карл Феоктистович Калюто. А он работает у нас. Остальные рестораны лишь пыжатыся, но... не могут. Нет, не могут.

— Значит, настоящие любители могут получить это чудесное кушанье только здесь?

— Я вам, кажется, объяснил довольно всеобъемлюще, — ответствовал метрдотель и величественно поплыл по залу.

Стежков устроился за столом в углу. Весь зал был перед ним. Ждать пришлось недолго. Два парня чуть ленивой, вальяжной походкой прошли по залу и сели напротив стола Стежкова. Лейтенант незаметно рассматривал их. Парни как парни. Одеты обычно и выглядят обычно. На первый взгляд — не отличишь от остальных посетителей. Но что-то в них было бросающееся в глаза. Что же? Стежков задумался. Да, пожалуй, вот эта подчеркнутая независимость, снисходительный взгляд по сторонам, такая барственно-вольная посадка в кресле. Люди, часто и много бывающие в ресторанах, держатся иначе, проще, незаметнее. Для них это дело обычное. А тут этакое самоутверждение в новой и пока еще необычной среде. Дескать, и мы можем... Захотели и пришли и еще придем. Можем!..

Парень с гладко причесанными и блестящими вороным отливом волосами щелкнул пальцами и небрежно позвал официанта. Тот укоризненно поглядел на него, но молча выслушал заказ. Вернулся с двумя полстаканами желтоватого напитка и тарелкой льда. Чернявый стал колдовать над стаканами, а его напарник в куртке под какой-то черно-серый мех, водя пальцем по меню, заказывал ужин.

Стежкову даже не надо было вытаскивать фотографии из кармана. Это были Бычков и Терехин с Товар-

ной-второй. Их он уже знал хорошо, хотя и не беседовал лично. Дедковский не советовал спешить.

— Понимаешь, лейтенант, пока нет в руках веских доказательств, говорить с подозреваемым в большинстве случаев бесполезно. Рассчитывать на признание жуликов — дело пустое. Такое желание у людей этой категории появляется, как правило, лишь под воздействием неопровержимых улик.

— Это, товарищ майор, верно лишь в отношении закоренелых преступников. А эти — начинающие.

— Хороши начинающие, если подозреваются в таких хищениях. Нет, это ребята из молодых, да ранние. Голыми руками их не возьмешь.

Вот почему со своими «знакомыми» лейтенант Стежков пока не поговорил, хотя знал их уже неплохо. А вот если сегодня придет к ним некто Черненко, то будет совсем все ясно. А прийти должен. Предупредить-то их он обязан.

Тот, кого ждали парни, да и Стежков тоже, пришел, но не захотел появляться в зале. Прислал величественного метрдотеля. Парни, однако, уже подвыпили, на столе у них стояла закуска, источающая дразнящий запах, и выходить они не захотели. Тогда Черненко торопливо подошел к столу. Сел. Оглядевшись по сторонам, сказал что-то. Парни отрицательно качали головами, налили ему полфужера коньяку, заставили выпить. Он выпил, стал торопливо есть и все говорил, говорил возбужденно, нервно, напористо.

Трудно сказать, сумел ли бы он убедить упрямых приятелей, если бы в зале не появился плотный лысоватый человек. Он вышел из-за штор одного из кабинетов, оглядел зал и, как будто не спеша, направился к столу, за которым сидела троица. Черненко вскочил, что-то начал торопливо объяснять, но лысоватый задерживаться не стал, бросил ему в ответ несколько слов и той же размеренной походкой направился к выходу. Парни поспешили за ним.

Стежков не видел этого человека в лицо и лихорадочно думал: «Кто же это?» В походке, в посадке головы, в крутой покатоности плеч этого человека было что-то знакомое. И только когда тот повернулся от двери, чтобы убедиться, идут ли за ним парни, Стежков узнал его: это был Кружак.

Стежков вышел в вестибюль вслед за ними. Сквозь

стеклянные лопасти крутящейся двери он увидел, что Кружак стоит в стороне от входа в ресторан и что-то энергично говорит окружающим его парням. Совещание шло недолго. Через минуту от ресторана уходили два таксомотора.

Две серые «Волги» стремительно неслись по Минскому шоссе. Вот Кунцево, Переделкино, еще два или три пригородных поселка. Наконец они повернули направо и через полчаса остановились около глухого высокого забора. За ним темнела приземистая дача. Приезжим долго никто не открывал, давился в неистовой злобе сторожевой пес. Наконец в доме замельтешил свет и скоро прогромыхали запоры.

Приехавшие передали Отару Давыдовичу Сумадзе приказ «папаши» — к утру все перевезти в другое место. Сумадзе не соглашался.

— Зачем? Почему спешка? У меня все предусмотрено. День-два, и товар отправим.

— Арестована Муравицкая. Может быть всякое...

— Что она знает, Муравицкая? Да ничего. Не надо суматохи. Только усложним дело. В спешке-то не все предусмотреть.

Его убеждали вновь и вновь, но старик стоял на своем.

Когда раздалась трель электрического звонка от калитки, все удивились: что, уже вернулись машины? Велено ведь позже!

К калитке подошел Черненко.

— Вы, ребята? — спросил он. — Ждите, скоро выйдем.

— Да нет, это не те ребята. Открывайте, уголовный розыск.

Черненко кинулся обратно на дачу. С побелевшим лицом, задыхаясь от испуга, он сообщил:

— Там, там... МУР.

Разом все повскакали со своих мест.

— Вы привели их, сопляки! — набросился Сумадзе на парней.

Выяснять отношения, однако, было поздно, у калитки стояла оперативная группа и трое понятых.

Сумадзе торопливо прошипел:

— Вы — мои гости. Зашли к дочери. Не знали, что

она в отъезде. Поняли? И молчать. Всем молчать. Ничего не знаем. А найти они у меня ничего не найдут.

Слова его действительно как будто сбывались. Обыск шел уже часа два, но ничего пока не дал. Все комнаты, чердак, кладовки дачи были осмотрены, подполье обследовано дважды, но ничего, что интересовало муровцев, не было. Ни одного лоскутка кожи, ни одного сомнительного куска меха. Котиковая шуба? Жены. Соболья накидка? Тоже ее. Еще каракулевая шуба? Дочкина же это, дочкина.

...Майор в задумчивости стоял около летней веранды и жадно курил сигарету. Подошел Стежков.

— В чем же дело, товарищ майор? Может, их хаза в другом месте?

— Вероятнее всего — здесь. Искать надо, искать.

Стежков отошел от майора и, круто поворачивая на тропинку, ведущую к огороду, задел ногой железную бочку. Таких бочек на территории дачи стояло пять штук. Лейтенант прошел уже дальше, чертыхаясь на хозяев-куркулей, которые так лелеют свое огородно-садовое хозяйство. Прошел и остановился. Вновь вернулся к бочке, легонько носком ботинка пнул ее. Раздался негулкий, но чуть звенящий звук... Почему такое? Она ведь с водой? Стукнул ладонью по боку верхнего звена. Вот здесь понятно, звук короткий, быстро глоснувший.

Стежков позвал Дедковского.

— Подозрительны мне эти бочки. Разрешите, опрокину одну?

— А в чем дело?

— Слушайте, — и Стежков повторил свой опыт.

— Действительно, что-то не так. А ну-ка, перевернем.

От крыльца к ним спешил хозяин, истошно крича о том, что нельзя этого делать. «Воду для полива нам приходится носить из соседнего водоема, а это нелегко, надо уважать людской труд».

Дедковский и Стежков, не обращая на него внимания, тщательно осматривали бочку. Стежков разыскал какую-то деревянную планку и резко опустил ее в воду. Планка стукнулась о металл где-то в середине бочки.

— Двойное дно. Факт, — он опрокинул бочку.

Посудина была сделана мастерски. Дно, которым она ставилась на землю, прикрывалось точно подогнанным металлическим кругом, покрытым черной, смолистой мастикой. Под мастикой обнаружилось кольцо. Стежков дернул его, и металлический круг вышел из пазов. Там была вторая крышка, плотно прижатая к стенкам тонкими распорными пружинами. Сняли и эту крышку. Всю емкость нижнего звена бочки занимали... аккуратно свернутые хромовые кожи.

Дедковский велел позвать понятых. Началось вскрытие остальных четырех бочек. Еще в двух из них были опять-таки кожи, а в остальных двух — тюки с лисьими шкурками...

— Отар Давыдович, мой вам совет, расскажите сами, где и что лежит. Иначе и нам работу затрудняете, и своему ранчо вред наносите. Будем вынуждены разобрать и перекопать все...

— Можете делать что угодно, но больше ничего нет. А по кожам и шкуркам я дам исчерпывающее объяснение.

— Насколько оно будет исчерпывающим — посмотрим. Обыск начинаем вновь...

Время близилось уже к полудню, а обследование все еще продолжалось. Дедковский прошел в самый конец сада, где двое сотрудников уголовного розыска вынимали землю между внешним забором и сараем.

— Как доберетесь до заднего угла сарая, так идите вглубь, может, придется копать метра на два, на три, — сказал им Дедковский.

— В том-то и дело, товарищ майор, что до этого самого угла еще далековато. И надо же такой сарайше отгрохать. Роту солдат поселить можно.

Дедковский посмотрел на молоденького, веснушчатого милиционера, на сарай, о котором шла речь, и торопливо пошел к его дверям. Догадка подтвердилась довольно быстро. Обстроенный со стороны территории дачи какими-то кладовками, душем, санузелом, а с двух внешних сторон закрытый забором и заросший малинником, крапивой и еще какими-то дикими кустами, сарай не просматривался на всю глубину. Сейчас же, когда Дедковский после разговора с милиционером вошел внутрь, ему стало все ясно. Он прошел к задней стене и стал искать в ней дверь. Она оказалась не в задней, а в левой боковой стенке, была имитирована под старые доски, будто наложенные стопкой у стены. Дедковский попробовал от-

крыть. Не удалось. Видимо, здесь был какой-то секрет. Он велел позвать Сумадзе.

— Сведите нас, пожалуйста, в эту обитель. Интересно знать, что там?

— Ну и нюх же у вас, майор, — прошипел Сумадзе.

Делать, однако, ему ничего не оставалось, и он открыл дверь. Привычно нащупал в темноте выключатель...

Они оказались в просторном помещении без окон. Здесь стоял столярный верстак, висели две станковые пилы, лежал еще кое-какой инструмент. Около внутренней стены стояло несколько высоких плоских ящиков, по форме напоминающих пианино. Дедковский подошел к ним. «Верх», «Низ», «Не кантовать», — прочел он нанесенные черными печатными буквами надписи.

— Так вы что же, и музыкальными инструментами занимаетесь?

— Нет, — глухо ответил Сумадзе. — Музыка здесь ни при чем. Это просто упаковка.

Когда ящики вскрыли, в трех из них оказались кожи, а в одном все те же лисьи шкурки.

— Зачем же такая своеобразная тара? — с недоумением спросил старший опергруппы.

— Наивный вопрос, — удивился Сумадзе. — Везут аккуратно, не кидают и не бросают. Сохранность гарантируется. А вы спрашиваете — зачем?

— Ну, может, на сегодня хватит? — устало садясь на огромный чурбан около сарая, проговорил Стежков. — У меня голова кружится от всех этих тайн и сюрпризов.

— Многовато их, это верно, — согласился майор. — Расскажи — не поверят! Но тайны кое-какие здесь еще остались, я уверен в этом. И все же на сегодня надо кончать, иначе нас самих товарищи с Петровки разыскивать начнут...

Дедковский доложил полковнику Каныгину о событиях, происшедших за последние несколько дней.

— Неотложным считаю задержание Кружака, заместителя директора фабрики имени 1 Мая, — заключил он свой доклад. — Он организатор всей этой кампании. Затем необходимо срочное этапирование в Москву из колонии Бугровой.

Каныгин в раздумье ответил:

— Возможно, вы и правы. Возможно... И все-таки... Какие есть доказательства вины Кружака? То, что он якшался с этими парнями в ресторане? Скажет, что случайно встретил. И все.

— Я вам добуду не одно, а несколько доказательств, но мне надо говорить с ним. Прямо и без обвиняков.

— А зачем так спешить с Бугровой? Я не исключаю того, что она участница этой группы. А если это и не так, то халатность-то с ее стороны все равно была.

— Нет, не было.

— Ну, батенька, вы объективность теряете. Суд же был, это помнить надо.

— Бугрова не виновата. Но сейчас не о том речь. Она нужна нам для следствия.

— Вот что, майор, пока не будет явных доказательств, задержание Кружака и этапирование Бугровой в Москву считаю преждевременным.

Дедковский понял, что его строптивость не забыта.

Был один путь быстрого развертывания дела: признание Сумадзе и его подручных и, как следствие, разоблачение Кружака. Однако и Сумадзе, и парни, и Муравицкая пока плетут ерунду. Они пока на что-то надеются. Видимо, на Кружака. Конечно, зря надеются, но утопающий, как известно, хватается и за соломинку.

Дедковский вновь вызывает на допрос Сумадзе.

— Отар Давыдович, поговорим серьезно?

— Поговорим, гражданин майор.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не столь наивны, чтобы верить вашим версиям?

— Дело ваше, гражданин майор, но я рассказал все. Как на духу.

— Ну, что вы валяете дурака? Ездили по магазинам... Я понимаю, в магазинах можно купить пять, ну десять штук. Но полтысячи?..

— Чернобурка вышла из моды. Ее везде сколько угодно.

— Тогда какой же был смысл покупать?

— Мода — не молния. Ослепляет не всех сразу. Кое-где лисичек еще жалуют.

— Значит, пользуетесь нерасторопностью наших торговых работников?

— Это у них так есть.

— Ну, что ж, Отар Давыдович, констатируем как факт вашу неискренность и нежелание чистосердечно расска-

зять следствию о своих преступных деяниях. А вам, как человеку опытному, должно быть известно, что это не шутка.

— Я это понимаю. И заявляю вам со всей искренностью. Лисьи шкурки купил в московских магазинах. Шевро — у Шамшина и Бугровой.

Дедковский откинулся на стуле.

— Отар Давыдович, креста на вас нет. Шамшин на том свете, Бугрова — в тюрьме. А вы их еще и черните?

— И, однако, это так, гражданин майор.

— Ну, что ж, тогда рассказывайте все подробно.

— Когда я работал в ателье на Семеновской, пришла женщина и спросила, не куплю ли я кожи. Сначала я не соглашался, но она очень просила. Купил пять штук. В следующий раз женщина пришла с полным высоким стариком. Тот тоже принес шевро. А месяца через два они предложили большую партию. Сначала это меня насторожило, но посетители шли на уступки, дело оказалось выгодным. Женщина и старик тоже не оказались внакладе, получили по десять тысяч. Вот и все.

— Ну что ж, Сумадзе, все, что вы рассказали, записано. Прочтите и распишитесь. Но должен вам заметить, что к своим преступлениям вы прибавляете еще одно: клевету.

Сумадзе отодвинул от себя листы допроса:

— Я еще подумаю.

— Подумайте. Это иногда полезно даже таким, как вы.

— А оскорблять меня, между прочим, вы не имеете права.

— А разве я вас оскорбил?

— Безусловно.

— Вот вы оскорбили двух, как я уверен, честных людей. И ничего. У вас даже ни один нерв не дрогнул. Да что там оскорбили? Вы один из тех, кто виновен в том, что эти люди оказались там, где находятся. — Дедковский с трудом поборол приступ гнева и неприязни к Сумадзе и продолжал допрос: — Есть у меня к вам один, если можно так выразиться, частный вопрос. Среди ваших бумаг была обнаружена копия чека на пять тысяч рублей за сапфировые серьги и брошь...

— Была такая покупка.

— Дорогой подарок, не правда ли?

Сумадзе вздохнул, опустив глаза:

— Дело это сугубо личное, интимное, и я очень просил бы...

— На этот вопрос, однако, ответьте: серьги и брошь покупали вы?

— Да, я. И вручил... кому считал нужным. Как и у каждого человека, у меня тоже есть слабости.

— Но актриса Вольская — обладательница этих драгоценностей — утверждает, что получила этот подарок... от гражданина Кружака. Вас же она... вообще не знает. Как вы все это объясните?

Сумадзе поднял голову, долго молча смотрел на Дедковского и наконец хрипло проговорил:

— Я устал. Прошу сделать перерыв в допросе...

— Сначала ответьте: вы знакомы с гражданином Кружаком?

Сумадзе нехотя выдавил:

— Да, знаком.

— Ну вот, теперь сделаем перерыв.

Уже несколько дней никого не вызывали на допросы. Дедковский, Стежков и другие работники опергруппы усиленно проверяли, уточняли все, что стало известно по делу, но требовало деталей, фактов, обоснований. Экспертиза подтвердила, что шевро, обнаруженное у Сумадзе, именно из той партии, что поступила на фабрику 1 Мая. Лисьи шкурки не из магазинов, а со складов пошивочной фабрики. Изучались и действующие лица этой истории.

Поэтому, когда Дедковский распорядился привести наконец Отара Давыдовича, тот начал с претензий:

— Почему так долго меня не вызывали? Несмотря на мои настойчивые требования...

— Понимаете, Отар Давыдович, честно говорить вы не хотите, приходится все проверять да уточнять. Вот и не получается со временем. Вы что-то хотели сообщить?

— Я хочу дать чистосердечные показания.

— Пожалуйста. И начинайте вот с чего: кто стоит во главе вашей группы? То, что вы звено важное, — это нам ясно, но кто «папаша»?

— Я собираюсь рассказать о своей жизни, своих ошибках и заблуждениях.

— Очень хорошо. Но имейте в виду, что морочить голову нам не надо. Мы вас уже знаем. Приговоры Тбилисского суда за махинации с валютой; народного суда города Нахичевани — по тем же статьям; третий приговор из Ростова за спекуляцию и, наконец, решение высшей судебной инстанции о вашем помиловании, учитывая чистосердечное раскаяние и желание искупить вину честным трудом, у нас имеются. Так что советую при жизнеописании меньше фантазировать, больше придерживаться фактов.

— После вашего вступления я должен подумать еще.

Долго оперативные работники ломали голову над загадками Бориса Черненко-Проскурина. И оказалось, что он не Проскурин и не Черненко, а Нахапетов, и не Борис, а Яков. В московские края приехал по отбытии пятилетнего срока за воровство и грабежи. Сначала работал в мостоотряде под Москвой, потом оказался в стройуправлении № 16.

До поры до времени вел себя аккуратно. Но когда управлению были поручены некоторые строительные работы на фабрике имени 1 Мая, старые наклонности проявились вновь.

Паспортов у Нахапетова оказалось несколько, на имя Проскурина и Черненко в том числе. На квартире у его приятеля Теплякова, жившего с младшим братишкой, которого Нахапетов частенько выдавал за своего брата, были обнаружены искусно сделанные три сотни самых разнообразных ключей. Среди них, отдельно связанные, — от склада закрытого цеха. На них имелись четкие и ясные отпечатки пальцев владельца.

... — Итак, гражданин Нахапетов.

— Черненко я.

— Нет, не Черненко и не Проскурин, а Нахапетов. Имеем к вам несколько вопросов. Биографию не надо, знаем. Разные версии тоже не требуются — слышали. Будем говорить по существу. Ясно? Кому принадлежит мысль о хищении кож — вам или Кружаку?

Нахапетов криво усмехнулся:

— На бога взять хотите? Никакого Кружака не знаю.

— Ну-ну, Нахапетов. Я ведь вас предупреждал, что

вести себя надо серьезно. Вы забываете, что у нас здесь Сумадзе, Бычков, Терехин, Муравицкая. Забываете и то, что вас взяли на даче у Сумадзе...

— И все-таки я здесь ни при чем.

Дедковский выложил на стол связки ключей, изъятые в квартире Теплякова:

— Узнаете?

— А чего тут узнавать? Ключи и ключи.

— Не просто ключи, а выточенные вами. А вот этими вы отпирали склад закройного цеха. Об этом, между прочим, свидетельствует и экспертиза. Вот заключение.

— Ловко, ничего не скажешь! — почти восхищенно проговорил Нахапетов. — А вы, оказывается, того, не лыком шиты.

— Спасибо за комплимент. Но вернемся к нашему вопросу: кто инициатор операции? Кто руководитель?

— Так вы, как мне кажется, все знаете. Зачем же воду в ступе толочь?

— Отвечайте на вопросы. Иначе разговор отложим. Дел у нас и без этого много.

— Но я не понимаю, какая разница, кто предложил, кто инициатор? Допустим, я.

— Хорошо, допустим. Откуда вы узнали, что кожи прибыли? И именно на этот склад?

— Ну, слышал.

— От кого? Где? Когда?

— Не помню.

— В ночь кражи состав из десяти порожних вагонов был задержан отправкой на станцию. Это было сделано для того, чтобы использовать задний вагон для погрузки кож. Как вам удалось задержать вагоны? Ведь диспетчерская вам вроде не подчинена?

Нахапетов молчал.

— Вот видите. У лжи всегда короткие ноги. Не надо брать на себя лишнего. У вас и своих грехов достаточно. А теперь рассказывайте.

— Вы, может, забыли про меня? — налетела Муравицкая на лейтенанта Стежкова.

— Нет, как видите, не забыли. Вопросы у нас те же, что и на первом допросе. Какие обязанности выполняли в преступной группе? Кто возглавлял ее?

Муравицкая замахала руками:

— Подождите, подождите. Я ведь не профессор какой-нибудь, чтобы так вот сразу все уразуметь... Ни в какой такой шайке я не состою. Я сама по себе.

— Откуда же меха? Может, это вы ограбили фабрику?

— Ну, что вы говорите такое? Черненко предложил мне реализовать их, эти шкуры. Мой дивидент — десять рублей со штуки, на полу они не валяются. Я человек небогатый. Вот и все.

— Не все и не так, Муравицкая. Привез-то их вам Черненко, но не от себя, а от гражданина Кружака. И не по десять рублей за штуку ваш дивидент, а сколько сумеете взять... Теперь расскажите о продаже туфель.

— Ну, это когда было? Весной. Он же — Черненко — принес. Пять пар.

— Один раз приносил?

— Одип.

— Нет, не один.

— Ах да, еще было. Тоже, кажется, пять пар.

— А откуда вы знаете Черненко-Проскурина-Нахапетова?

— Этих я не знаю. Только Черненко...

— Это одно и то же лицо. Откуда же его знаете?

— Ну, знаю, и все.

— Вы продолжаете упорствовать, Муравицкая. А ведь хотели говорить правду.

— А я правду и говорю.

— Так откуда вы знаете Черненко?

— Один человек как-то прислал его. Вот и познакомились.

— А кто этот человек?

— Это мое личное дело. Прошу его не касаться.

— Можем, конечно, и не касаться ваших сугубо личных дел. Но прислал вам его Федор Исаич Кружак. Так ведь?

Муравицкая опустила голову.

Дедковский позвонил Стежкову и попросил зайти. Когда тот появился, он несколько торжественно произнес:

— Ну что ж, лейтенант Стежков, пойдемте к «папаше» — Федору Исаичу Кружаку. Вы готовы?

— Если можно, через час-два, мои железнодорожники разговорились.

— Что-нибудь новое?

— Да нет, детали уточняем.

— Уточняйте, но в девятнадцать ноль-ноль двинемся.

Когда Дедковский и Стежков вошли к Кружаку, он побледнел, сердце у него екнуло, опустилось куда-то вниз, и он вдруг почувствовал, как по всему телу отдались его глухие, лихорадочно-торопливые удары.

Весь этот месяц, с тех пор как арестовали Сумадзе, Муравицкую, Черненко-Нахапетова и парней с Товарной-второй, Кружак не находил себе места. Он понимал, что развязка неизбежно приближается, и каждый день, и на работе и дома, ждал то ли звонка, то ли вызова, то ли просто визита людей из МУРа. Он не мог работать; ел, не видя, что ест; засыпал только после принятия удвоенных, а то и утроенных доз снотворного. Бывало, что он тешил себя: «В сущности, что они мне могут предъявить? До этих самых кож и лисьих шкурок я даже не дотрагивался... Разговор с Черненко? Но я откажусь, и все. Мало ли что может придумать какой-то там прощелыга. Деньги, что брал у Сумадзе? Но расписок-то моих у него нет».

Однако мысли эти перестали успокаивать после того, как он встретился с Еленой Вольской. Всегда нежно и ласково встречавшая своего «толстячка», на этот раз она была обеспокоена и насторожена. А то, что сказала, будто острым ножом прошло по сердцу Кружака, наполнило гнетущей и уже не уходящей тревогой и страхом.

— Федюнчик, меня приглашали на Петровку. Спрашивали про серьги и брошь, что ты мне подарил. И про какого-то Сумадзе допытывались. Я сказала, что никакого Сумадзе не знаю. Что подарок этот твой...

Теперь Кружак окончательно понял, что встречи с муровцами ему не миновать и надо приводить в исполнение давно задуманное.

Документы на такой случай у него были уже готовы. Адрес у Сумадзе он взял тоже загодя. В Алазанской долине, на отрогах гор есть небольшое селенье...

Федор Исаич застегивал туго набитый портфель, когда в комнату вошла жена.

— Ну, уложила чемодан? — не поднимая головы, спросил он.

— Федор, ты что-то скрываешь от меня. В командировки так не собираются. — Жена заплакала.

— Не канючь. Там кто-то звонит. Иди посмотри.

Через полминуты жена заглянул в полуоткрытую дверь:

— Там к тебе какие-то незнакомые мужчины.

В комнату входили Дедковский и Стежков.

— А, наши пинкертонеры пожаловали, — деланно улыбаясь, проговорил Кружак. — Чем могу служить? Как дела на фронте борьбы с преступностью?

Федор Исаич бодрился, а у самого лихорадочно билась мысль: «Опоздал, опоздал...»

— Федор Исаич, — деловито и буднично обратился к нему Дедковский. — Нам надо поговорить. И обстоятельно.

— Пожалуйста, с удовольствием.

— Удовольствия не обещаю. Разговор будет идти о преступной группе, которую вы возглавляете... Мы надеемся на ваш здравый смысл и реальное понимание вещей. Для скорейшего и наиболее точного расследования дела было бы очень желательно ваше искреннее признание и подробный рассказ о всех деталях и перипетиях этой затянувшейся истории.

Кружак огляделся по сторонам, будто хотел удостовериться, не слушает ли этот разговор еще кто-то, и глухо, хрипло отвечал:

— Но, позвольте, вы мне предъявляете тяжкое обвинение. Его надо доказать. Нельзя, знаете, так вот...

Дедковский укоризненно посмотрел на Кружака:

— Неужели вы думаете, что мы говорим это без доказательств?

— Тогда предъявите.

— Предъявим, обязательно предъявим. Но хочу еще раз посоветовать: вертеться, как вьюн на сковородке, это, так сказать, удел рядовых мошенников. Надо не усугублять дело, а стараться помочь следствию. Это единственный разумный для вас путь.

— Хотите воздействовать на мою психику? На сознательность бьете? Не выйдет, майор. Каждый должен драться за себя, и я не такой дурак, чтобы добровольно лезть в силки, которые вы мне расставляете. Вы хотите навязать мне руководство какой-то группой? Не знаю я никакой группы. Не имею никакого отношения к такого рода делам. Если у вас есть какие-то доказательства моих так называемых преступлений, предъявляйте мне их

официально, в точном соответствии с уголовно-процессуальным кодексом.

Дедковский встал с кресла, с сожалением посмотрел на Кружака:

— Я думал, вы умеете мыслить здраво. — И сухим, официальным голосом объявил: — Гражданин Кружак. Вот постановление на обыск в вашей квартире. Постановление на ваш арест также имеется. Вы поедете с нами. Будьте любезны, ознакомьтесь с обоими документами...

Кружак сразу весь сник, обмяк. Наигранная бодрость оставила его. Он запричитал:

— Но я хотел только сказать, заявить, что невиновен. Объяснить хотел... Вы должны выслушать.

— Обязательно выслушаем. Самым внимательным образом. Сейчас же займемся другим. Лейтенант Стежков, позовите понятых и приступайте к обыску.

Странно жили люди в этой квартире. И Стежков, производя обыск, не переставал удивляться этому.

Тесно, почти вплотную друг к другу стояла мебель: огромный платяной зеркальный шкаф сросся с современной полкой, а та, в свою очередь, впритык соприкасалась с вычурной пузатой горкой, битком набитой фужерами, бокалами, рюмками, замысловатыми вазами из хрусталя разных цветов и оттенков. На нижних полках белел фарфор сервизов.

Большой, красного дерева стол, массивные стулья вокруг него, еще какие-то два столика поменьше так близко подступали друг к другу, что пройти между ними можно было с большим трудом, осторожно протискиваясь боком.

Здесь же у стен стояли диван и широкая тахта, покрытая со стены до пола турецким ковром. Другой громадный ковер с причудливыми едкими цветами висел на противоположной стене. И еще какие-то коврики, дорожки, портьеры, шторы, сюзаны почти сплошь зашивали стены, драпировали двери, окна, устилали пол. Лишь потолок в комнате выделялся светлым и более или менее свободным пятном.

Такое же нагромождение случайных, ненужных, но дорогих вещей было и в битком набитых шкафах, гардеробах, кладовых.

Шубы, платья, костюмы, сшитые впрок, почти ненадеванные, старились здесь, на вешалках, быстрее, чем изнашивались.

Казалось, в квартире нечем было дышать, домашняя утварь сжирала воздух.

Федор Кружак давно привык жить на широкую ногу. Даже в трудные военные и послевоенные годы он, тогда еще молодой снабженец, не отказывал себе ни в чем. А чтобы соседи ничего не заподозрили, супруга разбирала, сушила его и свое барахло по ночам. По ночам же варила куриные бульоны мужу, чтобы люди не узнали, что Кружаки живут не по средствам. Тогда ведь курица была роскошью даже для академика.

Когда же Кружаку дали отдельную квартиру, пузатые шкафы, кладовки, горки принимали в свои чрева все новое и новое барахло.

А потом у Федора Кружака появились и другие потребности... Седина в голову, бес в ребро... Денег стало требоваться еще больше. Давно уже набивший руку на темных делах, он теперь не гнушался ничем. Брал где и как мог, пускался во все тяжкие. Наконец дошел до операций с шевро и лисьими шкурками...

Разговор с Кружаком состоялся на следующий день.

— Нам нужно уточнить период деятельности вашей группы. Когда она возникла? Видимо, при подготовке кражи обуви? Какое вы имели отношение к этой «операции»?

— К самой краже — никакого, скорее к ее итогам. Как-то ночью, идя по территории, я случайно заметил, как Черненко и еще двое парней прицепляли к составу порожняка вагон с контейнером. Я мог разоблачить их. Они это поняли и утром принесли мне... три тысячи... Так началось наше знакомство.

— Теперь о второй краже. Мысль о ней принадлежала вам?

— Не совсем.

— Но как же? Ведь о том, что на склад пришло первосортное шевро, на фабрике знали очень немногие. И уж, во всяком случае, этого не мог знать Черненко-Нахапетов.

— Да, пожалуй, что так.

— Как же все было?

— Я пригласил к себе Черненко или как его еще там зовут и сообщил ему о предстоящем поступлении кож. Он обещал все обмозговать со своими друзьями. На завтра пришел опять и изложил план действий. Я его одобрил.

— Кто связывался с Сумадзе? Вы лично или помощники?

— Я сам. Познакомился-то с ним я через Черненко после той первой кражи. Но потом мы имели дело на прямую.

— Итак, вы одобрили план. И что же дальше?

— Черненко и его... приятели осуществили его. В деталях я не вникал. Да и забылось уже многое.

— Ну что ж, напомним вам эти детали, — включился в разговор Дедковский. — Если что не так, вы уточните.

Ночью, шестнадцатого ноября, Нахапетов и Терехин подъехали к проходной, объяснив Шамшину, что завернули на огонек. Попросили у него кружку, чтобы выпить. Старика угостили тоже. Через некоторое время Терехин вышел из проходной будто бы взглянуть на машину. Он бросил за забор круг колбасы, напичканной барбамилом, как, впрочем, и водка, которой перед этим угостили старика. Через пятнадцать минут все стражи фабрики спали мертвым сном. Нахапетов и Терехин открыли ворота, подъехали к складу. В это время Бычков подогнал дрезиной вагон. Черненко открыл склад и вместе с Терехиным через окно начал грузить кожи.

Бычков ходил около и наблюдал. Погрузив сто десятка пачек, насторожились: твкнула собака, значит, сторожа начали просыпаться. Дальнейшую погрузку прекратили, аккуратно закрыли окно, потом так же аккуратно, с соблюдением всех «секретов» заперли двери. Вагон отогнали к центральному складу. В машину же положили две пачки.

Днем, когда Бугровы были на работе, а старик Шамшин мирно спал после ночного дежурства, пачки эти спрятали около их жилья. Закопали, завалили разным хламом. Все было продумано. Улики неоспоримые. Именно для этой цели, а также для того, чтобы сбить со следа розыск, вам и понадобилась машина. Ее мы искали по московским гаражам, а она оказалась из области — Сумадзе прислал.

Утром вагон с кожами, вслед за девятью другими, благополучно вытолкнули за пределы фабрики. В Лихоборах кожи перекочевали в грузовик Сумадзе, а затем на его дачу.

Кружак, воспользовавшись небольшой паузой, заметил:

— Тщательно, однако, мы все исследовали.

— Пока не все. Например, не ясно, кому принадлежит мысль подбросить кожи Шамшину и Бугровой? Вам?

— Ну, я не помню.

— Ваше, ваше предложение, Кружак. Припомните, Нахапетов даже в гении вас произвел за эту мысль.

— Ах! Да, да. Был такой разговор. У него с дочерью Бугровой что-то там произошло.

— Знаем. За хамство и приставание он публично получил от девушки пощечину и презрительную оценку своей персоны: «Подонок». Так что ваше предложение пришлось ему по душе. В общем, было продумано все...

Кружак махнул рукой:

— Где там все, раз здесь перед вами нахожусь.

— Будем объективны, Кружак. Вы должны были здесь оказаться значительно раньше. Если бы не ушел из жизни Шамшин — умер-то он из-за того, что не смог пережить своей вины за случившееся, — мы бы давно напали на ваш след. И тогда не было бы кражи у соседей.

— Ну, к этой краже я отношения не имею, — торопливо пояснил Кружак.

— Однако вам Сумадзе вручил пять тысяч.

— Неправда.

— Нет, правда, Кружак. — Следователь открыл папку с материалами уголовного розыска. — Вот запись в grossбухе Сумадзе: «5 тысяч Кружаку по «л. ш.». А «л. ш.» — это лисьи шкурки. Хотите взглянуть?

— Нет, не хочу. Я это отрицаю.

— Ну что ж, дело ваше. Уточним на очной ставке с Сумадзе. Но отрицаете вы этот эпизод зря. Ведь именно вы подсказали, как и когда осуществить операцию на пошивочной. И некоего Теплякова туда внедрили вы лично.

— Не знаю такого.

— Знаете, Кружак, знаете. Вы не только инициатор этой кражи, но даже распределение добычи из своих рук не упустили. Ведь Муравицкой-то по прямой вашей команде полсотни шкурок Черненко отвез.

Кружак вздохнул:

— И это знаете! Не зря хлеб едите, не зря. — Помолчав, выдохнул: — Обязан я ей, очень обязан.

— Видимо, действительно обязаны, раз такие «коро-

левские подарки» посылали. Но, впрочем, даровую-то добычу не жаль. Что легко дается, легко и тратится.

— Скажите, гражданин майор... — Кружак немного замялся. — У меня было ощущение, что с самого первого дня, как ваша группа приехала на фабрику, вы... подозревали меня. Ошибся я или интуиция мне правильно подсказала?

Дедковский усмехнулся:

— Нет, не ошиблись, и интуиция вас не подвела. Но ведь она питалась довольно точной информацией. Вы-то знали, кто украл на фабрике партию обуви, шевро, кто обокрал соседа. Да, подозрения в отношении вас у меня родились давно. И не по какому-то наитию и сверхчутью. Всеми силами вы оттягивали снятие остатков по складам. Это настораживало. Затем ваше знаменитое длительное совещание всех работников снабжения, складского хозяйства и охраны утром в день кражи. Серьезное совещание, говорят, было. В ходе его вы выходили по телефонному вызову, объяснив, что звонит жена. А жена ваша в эти дни была в Серпухове, у сестры. И совещание вы затеяли вовсе не для того, чтобы заострить вопрос. Вам надо было исключить какую-либо случайность, на постах-то почти никого не осталось, на складах тоже. И выходили вы не к жене, а на складскую площадку, чтобы поторопить своих помощников с выталкиванием вагона с кожами.

— И как это вы все установили?

— Установили это мы, к сожалению, позже, чем надо бы... Ваше повторное совещание, между прочим, укрепило нас в подозрениях еще больше. Расчет-то был понятен — убедить нас, что Кружак так ратует за порядок на фабрике, что даже заподозрен быть не может в чем-либо предосудительном. Но полной уверенности, что вы жулик, у нас все же не было. Окончательно в этом мы убедились, когда Стежков увидел вас в ресторане. Стало ясно, что вы и есть тот «папаша», которого так настойчиво хотела предупредить Муравицкая через Черненко-Нахапетова, когда они оба попали в отделение милиции.

— Да, выходит, круг замкнулся, — пробормотал Кружак.

— Замкнулся, — подтвердил Сахнин, — безусловно, замкнулся. Но неясно одно, Кружак, как вы дошли до жизни такой? Как и у Сумадзе — мания наживы? На днях у него на даче при новом обыске обнаружили

пять консервных банок с золотыми монетами, целую пачку валюты и даже на сорок тысяч старых денег. Не обменял в свое время, а выбросить жалко. Это кубышник. У вас что, тоже эта страсть?

Кружак долго сидел, закрыв глаза. Потом с легким раздражением признался:

— Нажил-то я не так уж много.

— И не так уж мало, — не выдержал Стежков. — Вон опись-то имущества какая! На тридцати страницах. В квартире повернуться негде от барахла. Как в комиссии. Кошмар какой-то! И как земля носит таких?.. Ни совести, ни чести, ни стыда.

— Вот видите, молодым всегда все ясно, — мрачно усмехнулся Кружак и, как бы ища сочувствия, взглянул на следователя и Дедковского. Но майор задумчиво, не глядя на Кружака, вымолвил:

— А что? Лейтенант сказал верно.

Кружак вдруг заговорил вновь. Заговорил нервно, торопясь, словно боялся, что его прервут:

— Все дело в семье. Сначала им все нес. Ненасытная она у меня, жена, склочная, вздорная скопидомка. Детей четверо. Все требуют. А ведь я тоже человек. Радости же никакой. Притулился к Клавдии Муравицкой. Очень душевная женщина. Потом закружилась голова от Елены. Ну, так закружилась, что себя не помню. А ведь я далеко не красавец. И немолод. Широкой душой привлек ее. Тут уж все вдвойне потребовалось. Одним словом...

— Одним словом, я и говорю, что ни стыда, ни совести, — брезгливо повторил Стежков.

— Зато я жил, молодой человек. Жил. Помните у Омара Хайяма:

Мы больше в этот мир вовек не попадем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье!
Его не подстеречь уж никогда потом...

Глаза у Кружака ничего не выражали: ни горя, ни раскаяния — ничего. Это было странно, удивительно даже для Дедковского, видевшего немало всякого люда. И майору подумалось: «Да, такие вот в угоду своим низменным страстишкам способны на все, ни перед чем не остановятся. И хорошо, черт возьми, что Кружак и его подручные пойманы наконец».

Как-то Дедковский, закончив вечером работу, шел к центру, к станции метро. Стоял тихий морозный вечер. Сухой снег скрипел под ногами прохожих, шуршал под шинами пробежавших по мостовой машин.

Около Большого театра майора окликнул девичий голос:

— Товарищ майор, а товарищ майор. Можно вас на минутку?

Дедковский остановился. К нему подошла несколько смущенная девушка.

— Вы меня не узнаете? Я Настя Бугрова.

— Нет, почему же. Я помню вас.

— Вы знаете, маму-то ведь освободили. Она совершенно не виновата. А тех... ну, жуликов, проходимцев, всех на чистую воду вывели, осудили.

— Очень хорошо. Я рад и за маму вашу, и за вас. Отвечать должен тот, кто виноват.

Откуда было знать Насте Бугровой, кто довел до конца дело под кодовым названием «Шевро»!

«АНТИКВАРЫ»

В тот день старший смотритель Исторического музея пришел на работу почти за час до открытия. Повесил в гардеробе пальто и шляпу и, не заходя в дирекцию, направился прямо в залы. Сквозь решетчатые фигурные окна с трудом пробивался свет тусклого октябрьского утра. Смотритель шел не спеша, привычным маршрутом обходил залы — первый, второй, третий, четвертый...

На втором этаже в одном из залов он вдруг остановился. Стенд со старинным оружием, стоявший в центре зала, был вскрыт. Верхнее стекло вынуто из металлических пазов, и на бархатной обивке виднелись лишь следы экспонатов — чуть примятые темные контуры пистолетов. Взломана и витрина с посудой XIX века. От золотой и серебряной утвари остались только этикетки. Смотритель побежал в соседний зал, где находились особенно ценные экспонаты — исторические реликвии Отечественной войны 1812 года. Опасения, которые мелькнули в голове и которые он старался отогнать, оправдались. У одного из центральных стендов была оторвана металлическая пайка бокового стекла, и личные вещи М. И. Кутузова украдены. Та же участь постигла и вещи генерала Платова. Происшедшее глубоко взволновало работников музея. Такого у них никогда не бывало. Правда, недавно произошел один странный случай. Почему-то оказалась снятой со стены старинная икона. Но она была обнаружена здесь же, в музее. Видимо, во время уборки с иконы стирали пыль и не повесили на место. И хоть случай этот был необычным, значения ему не придали. Икона ведь нашлась. А тут...

Несколько часов подряд научные сотрудники по учетным книгам фондов устанавливали перечень похищенного. Список оказался длинным: старинные пистолеты с литыми восьмигранными стволами, с тончайшей гравировкой и инкрустацией, эфес шпаги Кутузова тульской работы 70—80-х годов XVIII века, миниатюрные портреты М. И. Кутузова и его жены Е. И. Кутузовой на слоновой кости, ковши, кубки, подстаканники, бокалы, та-

бакерки, столовые приборы — золотые, серебряные, позолоченной бронзы.

— Что все-таки самое ценное из украденного? — спросил капитан милиции Иванцов, закончив читать длинный перечень.

Директор музея поднял на него удивленный взгляд:

— Не понимаю вас. Здесь все, буквально все имеет исключительную ценность. Возьмите ту же шпагу. Редчайшая художественная работа. Весь эфес осыпан стальными гранеными фасками «Диамант». Каждая бисеринка отшлифована на 12 граней. На эфесе — темляк в виде кистей того же стального бисера. Или портретная миниатюра Михаила Илларионовича. Она выполнена по слоновой кости гуашью. Овал под стеклом, в золотом ободке. Да любая из вещей ценна, какую ни возьми. Но дело не в материальной, денежной стоимости, а в исторической и художественной ценности вещей. Все они принадлежали нашим прославленным соотечественникам. Например, столовый прибор. Золоченая бронза, отделка рельефным орнаментом в стиле рококо. Но бог с ним, с рококо. Главное, что эти нож, ложка, вилка, солонка служили долгие годы Михаилу Илларионовичу Кутузову в его походах. В Алуште и Измаиле, Яссах и Бородине были с Кутузовым эти вещи. И такую же или почти такую историю имеет чуть ли не каждая из похищенных реликвий. Украдено народное достояние, цены которому нет. Вот так, товарищ Иванцов. Вы должны, обязаны найти этих вандалов, найти во что бы то ни стало.

— То, что мы должны их найти, бесспорно.

— Что касается нас — готовы помогать чем можем. Располагайте и мной, и всем нашим коллективом.

Вечером того же дня капитан Иванцов докладывал майору Дедковскому подробности происшествия, план действия по розыску преступников и похищенных ценностей.

— Уверен, что похититель не один. Действовала группа. Одному человеку такое количество вещей не унести. И группа эта состоит из людей, знающих цену историческим предметам. Экспонаты выбраны не подряд, не случайно. Дальше. Надо было знать, как войти в музей и как выйти из него, знать, что сигнализация накануне вышла из строя.

— Не могли ли позариться на ценности люди, занятые ремонтом музея? — высказал предположение Дедковский.

— Да, могли. Я и это имею в виду. Но опять-таки вкуче с теми, кто понимает в этом толк.

— Рассуждения не лишены логики, капитан. Но слишком общо, абстрактно.

— Директор музея, секретарь партийной организации заявили прямо, что в их коллективе таких извергов быть не может. Начальник стройучастка был менее категоричен, но тоже сомневался, что среди его рабочих есть подобные типы.

— Слабенькое сообщение вы нам сделали, капитан, слабенькое. Обнадеживающих предположений мы не слышали.

— Так ведь и времени прошло всего ничего. Что можно сделать за один день?

— Многое. Много можно сделать. Пока мы с вами здесь гадаем, реликвии музея могут быть так запрятаны, что долго искать придется. А еще того хуже, вообще исчезнут. При современных средствах связи и транспорта это не так трудно.

— Основные скупочные пункты, комиссионные магазины, рынки нами предупреждены. Таможенные органы тоже.

— Но конкретного разработанного плана действия у вас пока нет.

Иванцов удивленно посмотрел на Дедковского. У майора не было привычки заставлять работника излагать несозревшие мысли, высказывать непродуманные версии. Но Иванцов не знал, какой отзвук получило случившееся в Историческом музее у москвичей, особенно в кругах художников, писателей, ученых, в среде музейных работников.

Все возмущались этим фактом. На Петровке то и дело раздавались звонки: нашли ли злоумышленников? Приняты ли все меры к тому, чтобы похищенные ценности были возвращены?

Случаи, подобные этому, в Москве да и в других городах страны были редки, и неудивительно, что общественность так взволновалась.

Капитан Иванцов уходил от Дедковского озабоченный и мрачный. Утешало лишь то, что теперь, после разноса в МУРе, все смежные службы отодвинут на какое-то время менее срочные дела и станут работать на него, Иванцова, и его группу. Но все-таки было досадно, что не смог он предложить реальных, убедительных версий. «Времени, конечно, прошло очень мало, — думал Иван-

цов, — тем не менее надо было нам действовать энергичнее».

Иванцов и лейтенант Рябиков начали с изучения документов работников музея и ремонтно-строительной конторы. Увидев гору личных дел, Рябиков ахнул:

— Ничего себе, штаты у вас солидные!

Ученый секретарь музея обиделся:

— Без знания дела судите, молодой человек. Крупнейший музей страны. Сорок семь залов в основном здании, филиалы, сотни тысяч экспонатов и документов. Более полутора миллионов посетителей в год. И это объяснимо. Как же не интересоваться историей своего Отечества?

Рябиков смутился:

— Сдаюсь! Положили на обе лопатки. Но работенки нам предстоит...

— Вы напрасно собираетесь делать эту работу. Среди наших людей — директор уже говорил об этом капитану Иванцову — причастных к этому возмутительному делу не найдете.

— Тогда, может, вы скажете, где нам их искать?

— Где угодно, только не у нас.

И все-таки Иванцов и Рябиков тщательно знакомились с личными делами работников музея. Научные сотрудники, консультанты, смотрители залов, реставраторы, столяры, уборщицы. И все работают в музее по пять, десять, а большинство по пятнадцать-двадцать лет. Многие из них коммунисты, комсомольцы, общественники. Да, пожалуй, прав директор, утверждая, что в их коллективе вряд ли найдется человек, который мог бы варварски взломать витрины и стенды, посягнуть на вещи, дорогие тысячам людей.

Почти так же обстояло и со строителями. Вне подозрений люди. В Москве работают, правда, не очень давно — по три-пять лет, но работают добросовестно, освоили ведущие специальности: кто штукатур, кто маляр, кто монтажник. Ремонтно-строительный участок, осуществлявший работы в музее, считался одним из лучших.

— Товарищи из музея говорят, что некоторые ваши люди проявляли интерес к музейной экспозиции? — спросил Иванцов начальника участка.

Тот пожал плечами:

— А что тут удивительного? Люди у нас любознательные, все учатся. Факт этот, по-моему, закономерный.

— Допускаю, — согласился Иванцов. — Но как же все-таки получилось с проводами сигнализации?

— Тут наша вина. Задели провод при передвижке лесов. Бригадира я уже наказал.

Директор музея тоже укорял себя за это:

— Мы виноваты, не углядели. Сработай сигнализация, воры не ушли бы.

Плотники чувствовали себя очень смущенно, винулись и перед своим начальником, и перед дирекцией музея...

— Не заметили этот провод. Извините уж...

Специалисты, вызванные Иванцовым, подтвердили: обрыв провода произошел из-за толчка, из-за удара, нанесенного по нему углом металлического пояса передвижных строительных лесов.

— Все так, — согласился Иванцов. — Но почему преступники проникли в музей именно в тот день, когда вышла из строя сигнализация? Совпадение? А может быть, нет? Может, кто-то постарался именно в эту ночь вывести сигнализацию из строя?

Утром следующего дня Иванцов опять разговаривал с начальником стройучастка.

— Что вы скажете о Бобринце?

— Бобринец? Маляр из бригады Смурова? — Начальник участка задумался. — Парень чудаковатый, это верно. Но... А впрочем, здесь я бы, пожалуй, подумал, прежде чем дать гарантию.

— Я бы тоже подумал, — согласился Иванцов. — Он давно у вас работает?

— Недавно. Примерно полгода.

— И как работает?

— Знаете, мастер первого класса. Это даже не маляр, а скорее художник. И неплохой, по-моему. Девчат из бригады нарисовал так, что хоть в картинную галерею.

— А что же это он маляром-то работает?

— Я его спрашивал об этом. Он ответил в том смысле, что все великие мастера с малярной кистью дружили.

— Ну что ж, разберемся. Имейте в виду, между прочим, что на работу он сегодня не вышел по нашей вине. Лейтенант Рябиков с ним занимается.

Левой Бобринцом Иванцов и Рябиков заинтересовались не случайно.

Оперативной группе стало известно, что какой-то парень в кафе «Арфа», что в Столешниковом переулке, усиленно сбывал небольшую, овальной формы миниатюру

Кутузова. Сообщение поступило к вечеру. Всю ночь потратили оперативные работники на то, чтобы узнать, кто этот владелец миниатюры. Разыскали официантку, которая работала в дневную смену, но она была новенькой и посетителей пока не знала. Посоветовала найти кассиршу Валентину Чугаеву — та работает в кафе давно, всех знает.

Когда оперативные работники обрисовали Валентине наружность интересующего их посетителя, та, всплеснув руками, воскликнула:

— Так это же Бобринец! Лева Бобринец. Живет где? Не знаю точно, кажется, где-то на Пироговской. А впрочем, погодите, моя знакомая бывала у него. Сейчас позвоню.

«Ну, кажется, повезло», — подумал Иванцов, когда Чугаева, не отрываясь от трубки, стала диктовать ему адрес Бобринца.

Лева Бобринец жил в большом сером доме, в просторной квартире, занимал в ней крайнюю комнату, рядом со входом. Когда к нему вошли Иванцов и Рябиков, он лежал на черном дерматиновом диване. Лева не встал, даже не повернул головы, только чуть повел вопросительным взглядом в сторону вошедших и спросил:

— Чем могу быть полезен в такую рань?

— Вы Лев Бобринец? Мы к вам по поводу миниатюры Кутузова.

Бобринец, сделав ногами замысловатый пируэт в воздухе, медленно сел на диване, предложил:

— Садитесь. Вы, — мотнул он головой в сторону Иванцова, — вот сюда, на диван, а вы — вон на то сооружение, — он указал Рябикову на решетчатый ящик из-под консервов, стоявший у окна. Тут же лежал вещевой мешок и самодельный мольберт. Больше в комнате ничего не было, если не считать такого же решетчатого ящика чуть меньше размером, служившего... люстрой. Измызганный плащ с какой-то бурой меховой подкладкой лежал на диване вместо подушки.

— Так вас, говорите, интересует моя миниатюра?

— Миниатюра Михаила Илларионовича Кутузова.

— Да, да, я именно это и имел в виду. Хотя придет время, и профиль Льва Бобринца украсит не только жалкие миниатюры, а и гигантские полотна. Но об этом не будем. Ближе к делу. — Бобринец порылся в меховой подкладке плаща и достал миниатюру. Не отдавая ее в руки, объявил: — Тысяча.

— Давайте-ка посмотрим, — протянул руку Иванцов. — Может, она и не стоит этой цены.

— Стоит или не стоит, но меньше не возьму. Больше тоже.

— Почему так?

— Мне нужна тысяча. И я ее получу.

Иванцов с волнением взял миниатюру в руки. Пожелтевшая от времени слоновая кость. Золотой обвод вокруг овала. Несомненно, Кутузов. Его полный профиль, мудрый, задумчивый взгляд. Тщательно вырезанные морщинки лица.

— Как попала к вам эта вещь?

— А какое это имеет значение? — Бобринец уже снова возлежал на своем диване и глядел в потолок. — Могу успокоить — не ворованная.

— Допускаю. И тем не менее цену вы назвали немалую, потому хотелось бы знать.

— Расскажу, если купите. А так — ни к чему.

— Ну что ж, тогда внесем ясность. Мы из уголовного розыска. Вот документ. — Иванцов предъявил удостоверение. Но Бобринец не стал смотреть документы, а сделал опять сложное па в воздухе и сел.

— Эта штука принадлежала моему тестю. Где он ее взял — не знаю. Им лично подарена мне на память. За день до того, как он оставил земную юдолю.

— Значит, вы здесь живете с семьей?

— Никакой семьи у меня нет. Все это в прошлом. Я сам по себе — они сами по себе.

— Вам придется поехать с нами.

— Это необходимо?

— Да.

— Ну что ж. Власть есть власть, — зевнул Бобринец и с ходу нырнул ногами в стоптанные кеды. — Но мне, между прочим, к восьми надо быть на работе.

— Удостоверим, что опоздали вы по уважительной причине.

К вечеру Рябиков с недоумением рассказывал Иванцову:

— Удивительный тип этот Бобринец. Разузнал я о нем все что можно. Ленинградец. Женился на москвичке. Работал в Художественном фонде, в разных кустарных артелях. Поработает три-четыре месяца и пропадает. Приезжает в Москву обросший, грязный, как снежный человек, если такой, конечно, существует. Жена с ним жить не захотела. По-моему, он с серьезными отклонениями от

нормы. По поводу миниатюры твердит то же, что и вчера. Подарок тестя. Намерен получить за нее не менее тысячи. Объяснил почему. Ему, видите ли, нужна именно эта сумма. Часть денег он заработал в бригаде и в эту по-лучку их будет иметь. После чего отбывает куда-то на натуру, как он выразился.

Соскучился, видите ли, по лесным запахам, порывам ветра, шуршанию травы... Конечно, все это, видимо, просто фанаберия, туман. Мы ведь знаем, как некоторые узоры плетут.

Видя, что Иванцов слушает его рассеянно, Рябиков обеспокоенно спросил:

— А у тебя как? Санкцию на задержание этого любителя природы дали?

Иванцов молча пододвинул ему лист бумаги с мелко напечатанным на нем текстом. Это было заключение экспертов. Да — слоновая кость, да — профиль Михаила Илларионовича. И мастер, что делал, видимо, не из рядовых. Но миниатюра Кутузова, изъятая у Бобринца, музею не принадлежит.

— Не может быть! — пораженный, Рябиков присел на стул. — А мы-то думали...

— Думали мы с тобой плоховато. Ведь в описи точно указаны все мельчайшие особенности пропавших вещей. Ну, хотя бы эта. На похищенной миниатюре между золотым ободком и портретом нанесены слова: «Тот жив, бессмертен тот, Отечество кто спас». На этой же никакой надписи нет. А мы с тобой не потрудились посмотреть как следует. Можно было и не беспокоить человека.

— Ну, скажешь тоже. Похожи ведь вещицы-то как две капли воды. И потом, где там, в его конуре, да и в такую рань заметить, есть надпись на миниатюре или нет. Ее и днем-то в лупу смотреть надо.

— Все это так, но факт остается фактом — миниатюра не та, и объект нашего внимания, следовательно, тоже не тот.

— Что же теперь?

— Как что? Пожелай ему успехов в его путешествии и давай думать, с чем сегодня вечером пойдем к Дедковскому.

— Может, нам дело с «Соборниками» поворошить более обстоятельно?

— Да, я тоже думал об этом. Пожалуй, мы рано охладели к нему. Давай-ка посмотрим все материалы.

Дело «Соборников» было весьма значительным.

Несколько дельцов организовались в крепко сколоченную группу. Здесь были работники реставрационных художественных мастерских, одного рекламно-издательского предприятия, двух типографий, крупного комиссионного магазина. Свой «хлеб насущный» они зарабатывали похищением икон из церквей и соборов и сбытом их любителям русской старины.

Из церкви в Брюсовском переулке ими были похищены «Спаситель», «Иоанн Креститель», «Рождество богородицы» и «Тайная вечеря». В Покровском соборе украден «Георгий Победоносец». Несколько ценных икон были изъяты в старообрядческом храме Рогожского поселка, в церкви на Преображенском валу, в историко-краеведческом музее в Городце, Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде и в некоторых других соборах и церквях.

Участники, проходившие по этому делу, были изобличены и осуждены. Казалось, зачем к нему возвращаться? Но возвращаться следовало. Стало известно, что по разным причинам далеко не все «любители церковных реликвий» были разоблачены и оставшиеся на свободе пытались продолжать свою деятельность.

Электромонтер Исторического музея Кирилл Буняков во время тех событий работал в старообрядческом храме в Рогожском поселке, где было похищено несколько икон. Но причастность его к делу не установили, и он выступал на суде лишь в качестве свидетеля.

В Историческом музее Буняков слыл аккуратным, добросовестным работником. За три года не имел каких-либо замечаний. Правда, ходили по музею разговоры, что очень уж обеспеченно живет электромонтер. Приболел он как-то, и ездил к нему представитель месткома. Хорошо обставленная квартира, много дорогих икон с лампадами. Набожным человеком оказался Кирилл Буняков. Но, в конце концов, это было его личное дело. Достаток в семье вроде бы тоже объяснялся просто: подвизался Буняков в выборной десятке одной из известных московских церквей. Общественным служителям всевышнего тоже, видимо, перепадало от мирских подаяний.

Несколько вечеров и ночей подряд Иванцов и Рябиков изучали дело «Соборников» и все-таки ничего, что бы наводило на участие в нем Бунякова, не находили. К хищению реликвий из музея, судя по всему, отношения тоже не имел. В день кражи ушел с дежурства по болезни. Бюллетень представил.

Вел он себя спокойно, на вопросы Иванцова и Рябикова отвечал обстоятельно, объяснял все, что требовали объяснить. И все-таки оперативным работникам не верилось, что совсем чист электромонтер Буняков. Особенно в связи с одной мелкой, незначительной деталью. После одной из бесед с капитаном Иванцовым Буняков, выходя из комнаты, осенил себя крестным знаменiem. Рябиков, шедший в это время по коридору, пошутил:

— За что бога благодарите?

Буняков явно растерялся, но быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

— За то, что жив, по земле хожу.

— Ну, давай, давай, общайся с всевышним.

Когда Рябиков рассказал об этом Иванцову, тот в сердцах бросил карандаш на стол:

— Чувствую, что рыльце у него в пушку, а зацепок никаких.

— И я это тоже чувствую, только что проку от наших ощущений. Шубы из них не сошьешь.

— Ничего, терпение, лейтенант Рябиков, терпение. Все тайное когда-нибудь становится явным.

Разгадку личности электромонтера Бунякова нашли. Но нашли не скоро.

В один из осенних дней по старому Арбату не спеша шел пожилой, седой человек — Илья Александрович Пучков. Недалеко от комиссионного магазина он повстречался со старым приятелем — Петром Сергеевичем Лапоногом. Оба они были известными в Москве знатоками и любителями старины, непременными участниками всяких общественных начинаний по этой части. Все свои скромные сбережения и даже часть пенсии они тратили на коллекционирование редких и диковинных вещей. Но строгими людьми слыли старики. Не возьмут вещь ни за деньги, ни задаром, если почувствуют, что идет к ним не из чистых рук.

Лапоног, как только остановились и поздоровались, предложил:

— Илья, есть чудесная вещица. Кубок XVI века.

— А что же сам?

— Недавно две картины купил. Поиздержался. А потом утварь-то ведь больше по твоей части.

— Ну а владельцы? Надежные?

— Да вроде бы. Мне их Кирилл Фомич прислал.

— Буняков?

— Да, он.

— Странно. Он же сам никогда такое не упустит.

— Редкие иконы ждет. Не хочет тратиться.

Пучков не мог остаться равнодушным к столь заманчивой вещице, как кубок XVI века, и пожелал встретиться с его обладателем.

Он явился в тот же вечер.

Илья Александрович не зря всю жизнь провел в музеях, на выставках, заседал в закупочных и других комиссиях по оценке художественных предметов. Он бережно взял в руки голубоватый, с золотистыми разводами кубок, любовно осмотрел каждую деталь тончайшей художественной росписи, сдул пылинки. И тихо, аккуратно поставил на стол. Потом взял лупу и медленно осмотрел вещь еще более внимательным и цепким взглядом. Обеспокоила старого знатока крышка. Сам кубок был XVI века, а крышка... Крышка, судя по орнаменту, по замысловатому рисунку, явно принадлежала к XVIII веку.

В прошлом году Илья Александрович, работая над книгой по старинной русской керамике, целый месяц провел в Эрмитаже и слышал, как сокрушались работники одного из отделов по поводу того, что какой-то прощелыга «увел» две уникальные вазы; имеющие историческую ценность, и старинный кубок. Илья Александрович точно помнил, что речь тогда шла о кубке XVIII века. Кубок, что стоял на столе, был не тот, это ясно. Но, вот крышка...

Пучков решил отказаться от покупки:

— Дороговато, молодой человек, не по карману. Извините.

— Неужели это дорого?.. Пятьсот рублей?

— Да, для меня дорого.

— Но, понимаете, мне очень нужны деньги, очень.

— Понимаю, вполне понимаю. Но не могу.

Укладывая кубок в саквояж, парень все-таки предложил:

— Вы подумайте. А утром мы с приятелем к вам заглянем. Кое-что еще покажем.

Посетитель ушел. А Илья Александрович, встревоженный, позвонил в Ленинград своему приятелю, работнику Эрмитажа, и рассказал о визите.

— У нас действительно пропало несколько вещей с

немецкой выставки утвари XVI века. В том числе, кажется, и кубок. Но точно не помню, надо проверить.

— У вас ведь и раньше, как мне помнится, что-то из утвари пропадало?

— Да, да.

— Так вот, думаю, что посетитель, который у меня был, — один из ваших клиентов. Принимайте меры.

— Это интересно! Похититель у вас в городе, а мы — принимайте меры? Вы должны задержать этого гастролера.

— И как же я, по-вашему, должен поступить?

— Ну, я не знаю как. Сообщите куда и кому следует.

— Нет уж, увольте. Я совершенно не знаю, как это делается.

— Ну что ж, пусть уплывают музейные вещи в грязные руки спекулянтов и перекупщиков. Нам, знаете ли, тогда и говорить не о чем.

Сотрудник Эрмитажа оказался, видимо, решительным человеком. Он поднял в Ленинграде всех, кого надо, и утром Московский уголовный розыск получил сообщение: в Москве продается экспонат из Эрмитажа, следует немедленно связаться с гражданином Пучковым, живет там-то.

В это же утро к Пучкову вновь явился вчерашний парень. Его сопровождал такой же рослый молодой человек в широкой кожаной куртке. Им, видимо, действительно очень нужны были деньги. Поставив кубок на стол, его обладатель сообщил: «Четыреста».

Но у Ильи Александровича желание приобрести эту редкостную вещь уже окончательно пропало.

— Знаете, ребята, кубок я покупать не буду. Если он действительно ваш, снесите в комиссионный магазин, это в пяти минутах ходьбы отсюда. Если... чужой, то мой совет: верните туда, где взяли. Так будет лучше.

— Вы что же, пугаете, нас, подозреваете в чем-то? — поднял черные лохматые брови обладатель кубка.

— Да нет, что вы? Просто советую.

— Ну а по другим вещцам разговор будет такой же? — настороженно спросил второй парень.

— А о чем, собственно, речь?

Парень вытащил из внутренних карманов куртки завернутые в серые тряпицы три небольшие фарфоровые статуэтки.

Илья Александрович, далеко отставив от глаз, долго и внимательно смотрел на них.

— Вещи чудесные. Старинные изделия русских мастеров. Больших денег стоят.

— Во сколько их оцените? — спросили оба посетителя почти разом.

— Это дорогие вещи, ребята.

— Уступим, берите.

— Нет, нет, это не для меня. Советую обратиться туда же.

Посетители переглянулись:

— Вы что это, серьезно? И окончательно?

— Да, вы уж извините.

— Бывай здоров, старик. Нам рекомендовали тебя как знатока и коллекционера, а ты, оказывается, просто старый дрожащий заяц. — Парень в кожаной куртке ухмыльнулся было своему удачному, как ему показалось, каламбуру, но его спутник мрачно упрекнул:

— Пошли быстрее. Чего ухмыляешься?

Они вышли не оглядываясь. А через полчаса к Илье Александровичу явился лейтенант Рябиков.

— Чем могу служить? — удивленно спросил Пучков.

— Извините, Илья Александрович. Нам сообщили из Ленинграда, что вчера вам предлагали кое-какие музейные вещицы. В частности, пропавшие в Эрмитаже.

— Точно я этого сказать не могу, но сомнение у меня возникло, и я сообщил об этом ленинградским коллегам.

— Расскажите подробнее, что за люди были? Что у них за вещи? Понимаете, Илья Александрович, это очень важно.

— Что за люди? С одним я виделся дважды, вчера и сегодня, со вторым только сегодня и то накоротке, подробной характеристики дать не могу.

— Что, они и сегодня были здесь?

— Недавно ушли.

— Эх, какая досада! Так кто же это? Жулье?

— Да нет, на жуликов не похожи. Предлагали довольно редкий кубок тончайшей работы. Говорят, что из семейных реликвий. Я, конечно, не утверждаю наверное, но думаю, что вещь не из фамильного наследия. Еще предлагали три фарфоровые статуэтки. Тоже прекрасные изделия. И думаю, тоже не их родовые.

— Когда они обещали опять прийти?

— У меня они больше не будут. Я отказался купить эти вещи.

— Жаль, очень жаль. Ну что же, спасибо, Илья Александрович. Будем искать.

Войдя в кабинет Дедковского, Рябиков еле сдерживал волнение.

— Товарищ майор, объявились какие-то любители реликвий. Может, это именно те, кого мы ищем?

— Да? И где же они? — оторвавшись от бумаг, поднял голову Дедковский. Рябиков торопливо рассказал о посещении Пучкова.

Дедковский присвистнул:

— Если бы вы их с собой привезли, я бы понял ваш восторг. Но вы же их проморгали.

— Я был у Пучкова через час после сообщения из Ленинграда. За полчаса до меня они ушли. Жаль, конечно, что так получилось, но мы найдем их, найдем. Далеко уйти они не могли. А обрисовать их я уже смогу. Так что прошу вас дать указания всем службам о розыске.

...Их задержали, когда такси подкатило к Курскому вокзалу. И вот обладатели немецкого уникального кубка и фарфоровых статуэток в МУРе.

Перед Иванцовым и Рябиковым сидели разбитные молодые люди. Одеты небогато, но вычурно. Оба в пресловутых джинсах в обтяжку, в здоровенных ботинках и диковинных куртках. Держатся внешне спокойно, на вопросы отвечают не спеша, подумав.

— Как оказались в Москве?

— Сели в поезд и приехали.

— Зачем?

— Как это зачем? На град-столицу посмотреть.

— И это все?

— Все. А разве этого мало? Разве Москва не стоит таких поездок?

— Ну, как же. Тут спора быть не может.

— Именно. А вот что у вас в МУРе окажемся, не ожидали. Это в наши планы не входило.

— В наши планы тоже не входит мешать людям любоваться столицей. Но, как известно, нет правил без исключения.

— Тогда, может, объясните, чем мы обязаны этому исключению?

— Ясность в этот вопрос надо внести общими силами. И потому приступим к делу. Откуда у вас антикварный кубок немецкой работы и фарфоровые статуэтки?

— Какой кубок? О чем вы? Это какое-то недоразуме-

ние. Приехали посмотреть Москву. Побывали на Ленинских горах, на ВДНХ, в Третьяковке...

— Очень хорошо. Но все-таки, как насчет кубка и статуэток?

— Да не знаем мы никакого кубка, никаких статуэток. Не иначе здесь какое-то недоразумение.

— Ну что ж. Придется вас убеждать иначе.

Когда парни увидели входившего в комнату Пучкова, они переглянулись, побледнели, но продолжали свое:

— Знать ничего не знаем, видим этого гражданина в первый раз.

Илья Александрович возмутился:

— Вы что же, молодые люди, хотите сказать, что я говорю неправду?

— Вы просто путаете нас с кем-то.

— Ничего я не путаю и вам этого не советую. Я вам что говорил? Или идите в комиссионный, или сюда, если вещи приобретены нечестным путем. Я вам сочувствую, но помочь ничем не могу. — Повернувшись к Иванцову и Рябикову, Пучков торжественно произнес: — Товарищи следователи, заявляю официально и ответственно: именно эти молодые люди были у меня и предлагали антикварный кубок и три фарфоровые статуэтки. Что это за юноши, я не знаю, может, они и вполне приличные молодые люди, я же свидетельствую лишь то, что было.

— Что вы теперь скажете, молодые люди?

— То же, что и говорили.

— Значит, не хотите говорить чистосердечно?

— А мы и так говорим чистосердечно. Что есть, то и говорим. Заявляем еще раз категорически: гражданин нас с кем-то перепутал.

Пучков, обескураженный и пораженный этой бессознательной ложью, молчал. Потом воскликнул:

— Позвольте, позвольте! Есть же еще один человек, который подтвердит, что это именно те молодые люди.

— Кто же это? — спросил Иванцов.

— Лапоног Петр Сергеевич. Ведь именно он мне порекомендовал встретиться с ними.

— Что же, пригласим гражданина Лапонога. Будьте любезны сказать адрес.

Пучков, подслеповато щурясь, стал листать записную книжку. Но тут заговорил один из парней:

— Ладно, не будем осложнять дело. А то действительно создается впечатление, что к вам попали какие-то

матерые грабители. Гражданин говорит правильно, мы действительно были у него и действительно хотели продать кое-какие безделушки. Поиздержались малость в столице.

— Что именно вы хотели продать?

— Ну, вы знаете. Кубок и три статуэтки.

— Откуда у вас эти вещи?

— Домашняя утварь. Валялась довольно долго без всякого употребления. Потому и решили к делу пристроить. Ценность не так уж велика, но, когда в кармане пусто, и рубль сумма.

Иванцов возразил:

— Ну, зря вы так. Кубок, например, из коллекции Российского императорского дома. Изделие старых немецких мастеров. А статуэтки — работа семнадцатого века. Ценности отнюдь не пустяковые. И это вы прекрасно знаете. Но главное — они не из ваших домов, а из музеев.

— Что? Из музеев? Из каких музеев? Нет, вы явно решили приписать нам какое-то чужое дело.

— Не будем спешить. Давайте разберемся подробно. С кубком более или менее ясно. Теперь о статуэтках. Что это за вещи? Откуда они?

— Говорим же вам, собственные, домашние вещи.

— Это придется проверить. Вызовем специалистов, подвергнем вещи экспертизе. Если они принадлежат вам, а не кому-то другому, тогда что же... Где сейчас находятся кубок и статуэтки?

— Они... Мы... Ну, продали их.

— Продали?

— Да, продали. А чего ж тут такого? Ведь именно за этим мы и приходили к гражданину Пучкову.

— Где продали? Кому?

— Сегодня на Люсиновской улице.

— Сдали в магазин?

— Нет, в магазине не приняли. Пришлось продать какому-то любителю.

— Все это основательно осложняет дело. И осложняете его вы сами. Что ж, лейтенант, — обратился Иванцов к Рябикову. — Сделаем так. Вы подробно запишите с их слов портрет этого любителя и принимайте нужные меры. Надо найти его, обязательно найти. А мы тем временем свяжемся с гражданином Лапоногом.

Вечером, когда Рябиков пришел к Иванцову, тот озабоченно спросил:

— Ну как у тебя? Покупатель не обнаружился?

— Нет.

— Я так и думал. Между прочим, Лапоног этих ребят, в сущности, не знает, виделся с ними на коротке. Их ему рекомендовал... Кто бы ты думал? Буняков.

— Буняков? Интересно! Может, они того... вместе работают? И может, это кончик ниточки из клубочка?

— Вполне возможно.

— Повисло у нас это дело. Над нами уже подшучивать начинают.

— Неудивительно. Полгода прошло, а мы ни с места. Ну да ничего, любое дело концом хорошо. Я тоже почему-то думаю, что на сей раз мы не зря невод закидываем. Авось этот хитроумный и набожный карась Буняков не нырнет от нас в глубину.

Буняков, когда его пригласили на Петровку, поздоровался с Иванцовым и Рябиковым, как со старыми знакомыми.

— Опять, товарищи начальники, меня беспокоите? Ведь все, что мог, я рассказал.

— Кажется, не все.

— У меня есть хорошее правило: когда мне что-либо кажется, я крещусь.

— И помогает?

— Очень.

— В том, что у вас это правило соблюдается, мы убедились.

— Вот-вот. И вам его рекомендую.

— Спасибо. Но скажите-ка нам, Кирилл Фомич, вам известны Валерий Ломачев и Борис Куницын?

— Что-то незнакомые имена.

— А вы подумайте получше.

— Можно, конечно, и подумать, но вряд ли это поможет.

...Очная ставка с ленинградскими «любителями старины» ничего не дала. Буняков категорически утверждал, что видит этих людей впервые. Ломачев и Куницын твердили то же самое: не знаем, совсем не знаем этого гражданина.

— А вот Петр Сергеевич Лапоног утверждает, что именно вы рекомендовали ему встретиться с ними.

— Это неправда. На эту тему у нас разговора не было.

— Но вы встречались?

— Виделись на днях. Здравствуй да прощай, вот и вся встреча.

Попросили войти Петра Сергеевича Лапонога.

— Гражданин Буняков рекомендовал вам этих молодых людей?

— Да. Он посоветовал мне встретиться с ними. У ребят, говорит, интересные вещицы. Вещи оказались действительно стоящими, но в тот день я уезжал в Грузию. И потом, керамика и фарфор не по моей части. Поэтому дал адрес Ильи Александровича.

— Гражданин Буняков, вы слышали?

— Не было у нас такого разговора. Видеться — виделись. А вот о каких-то там владельцах ценностей речи не было. Что-то путает Петр Сергеевич.

— Многовато путаницы. Не находите, Кирилл Фомич?

— Нахожу. И думаю, что виноваты в этом вы. Очень уж неразборчивы в подборе свидетелей. Очень вам, видно, хочется зацепить на чем-то Бунякова. Вы же меня замотали вызовами. В который раз беседуем.

— А вам не кажется, Буняков, что говорить па черное — белое не лучший способ защиты?

— А мне защищаться не надо. Я никого не убил и ничего не украл.

Иванцов обратился к Лапоногу:

— Так как же, Петр Сергеевич? Кто из вас говорит неправду?

— Вы знаете, я что-то ничего не понимаю. У нас, коллекционеров, так принято, это обычное дело — рекомендовать друг другу то, что его интересует. Один собирает живопись, другой — керамику, третий — чеканку. И ничего предосудительного в том, что Кирилл Фомич познакомил меня с ленинградскими приезжими, я не вижу. Почему он отрицает это — ума не приложу.

— Я отрицаю потому, что этого не было.

— Но как же не было? Вы даже сказали, что вещи у них ценные, но ребята спешат на юг и продадут по дешевке. А я еще вас спросил: почему, мол, сами не хотите приобрести? Вы мне ответили: бережете деньги, так как на днях будет оказия с иконами. Так ведь?

— Ни о чем таком разговора не было. Мы и виделись-то две-три минуты.

— Ну как же две-три? Кофе же пили на Пушкинской.

— Знаете, у вас с головой что-то не в порядке. — И, повернувшись к Иванцову, Буняков заявил: — Я категорически отвергаю утверждение гражданина Лапоно-

га, он или путает, или действует по чьей-то подсказке. Отвергаю. И настоятельно прошу занести сие в протокол.

Из кабинета Иванцова Лапоног уходил донельзя удивленный. Поднялся и Буняков, уверенный, независимый. Но ему сказали, что придется немного задержаться.

— Что ж, пожалуйста, — заявил он в ответ. — Но все это будет известно прокурору. Предупреждаю.

Когда Иванцов и Рябиков остались одни, Рябиков вскочил с кресла и нервно забегал по комнате.

— Ты что-нибудь понимаешь? Я лично — ни черта! Какой-то заколдованный круг.

— Подожди кипятиться. Давай рассуждать спокойно. Я думаю, гражданин Буняков прекрасно чувствует, что какие-то концы мы с тобой зацепили. Это факт. Конечно, он молодчиков знает и Лапоногу их рекомендовал. Ну, с какой стати почтенному, убеленному сединой старику возводить на Бунякова напраслину? Зачем? Ты не обратил внимание, как Буняков его сверлил взглядом? Уверен, что он хотел предупредить: молчи, мол, и точка.

— А почему бы Бунякову не купить эти вещи?

— У самого себя?

— Ты что же думаешь, что он и эти ребята...

— Это предположение, насколько я помню, первым высказал лейтенант Рябиков.

— У меня уже голова кругом идет от всей этой истории. Может, нам прямо поставить эти вопросы всей их компании? Чего ходить вокруг да около?

— Рано. Скажут: нет, ничего не знаем. И все. Чем мы уличим?

— Да, ты прав. Если бы хоть этот кубок и статуэтки не уплыли. Где теперь их искать?

— Надо иметь в виду, что денег-то ведь у ленинградцев не оказалось. Только билеты и кое-какая мелочь. Так что, может, они и не успели найти подходящего покупателя?

— Тогда где же эти вещи?

— А ты подумай.

Рябиков неуверенно предположил:

— Буняков?

Иванцов усмехнулся:

— Вполне возможно.

— Тогда не миновать говорить с ним. Ведь держать-то его не можем?

— Сначала посмотрим, что он будет предпринимать.

Подписывая пропуск Бунякову, Иванцов миролюбиво предложил:

— А все-таки, Кирилл Фомич, лучше бы начистоту. Рассказали бы все чистосердечно.

— Ничего нового сказать не могу, все, что знал, сказал.

...Рано утром следующего дня на Киевском вокзале задержали племянницу Бунякова Полину Малыгину. В объемистой хозяйственной сумке под разной снедью у нее были обнаружены и злополучный кубок, и фарфоровые статуэтки. Направлялась она на дачу в Апрелевку.

Вызвали экспертов из Министерства культуры. Их заключение было быстрым и определенным. Кубок из Эрмитажа, фарфоровые статуэтки из Останкинского музея творчества крепостных.

— Извините, Кирилл Фомич. Вновь пришлось вас беспокоить. Надеемся, вы не в претензии? — не скрывая усмешки, спросил Бунякова Иванцов, когда тот к концу дня вновь сидел перед ним в МУРе.

Буняков вздохнул, простецки развел руками:

— Ругаю себя нещадно. За дурацкое упрямство ругаю. И чего уперся? Работу только вам лишнюю дал. Действительно, ребята предложили мне эти вещицы. Но народ незнакомый. Побоялся я. Потому и отправил их к Лапоногу. Тот их — к Пучкову. Ну а потом, когда и у того сделка не состоялась, они опять ко мне заявили. Пожалел ребят. Куда им деваться? Денег нет, а ехать им, говорят, надо. Ну и взял вещицы-то.

— А как же тогда понимать ваши прежние объяснения?

— Решил в сторонку отойти. Дело малоприятное с МУРом крутить амуры.

Он шутил, а глаза смотрели напряженно, цепко, хотел понять, как глубоко завяз, знают ли эти дотошные оперативники то, что скрывает он, Буняков.

Было установлено, что Ломачев и Куницын — работники одного из рекламно-оформительских предприятий Ленинграда — давно «увлекаются» антиквариатом. Посещают музеи, выставки и прибирают к рукам то, что плохо лежит. Потом сбывают «приобретенное» то ли в комиссионные магазины, то ли торящимся около них перекупщикам. На этой почве они познакомились и с Кириллом Буняковым. Продали ему кое-какие мелочи. Через некоторое время привезли церковную утварь, которую удалось похитить в Пскове.

После «операции» в Эрмитаже появились в Москве вновь. Но Буняков к кубку особого интереса не проявил, сказал, что одна ласточка весны не делает. Ну, на что ему этот самый кубок? И тут же подбросил мысль об Останкине. Перед этим с одним знакомым он полдня ходил по залам музея. Знакомый все восторгался некоторыми фарфоровыми вещами и как бы между прочим сообщил, что туристы из одной страны предлагают за такие «безделушки» баснословные деньги.

Ломачев и Куницын совет Бунякова поняли быстро и назавтра уже были в Останкине. Отстав от группы, спрятались в комнатах первого этажа, переждали, когда музей закрыли, и вернулись в залы. Вынули из витрины несколько фарфоровых статуэток, спустились в сад и возвратились в город.

Но Кирилл Фомич изменил свои планы. Его насторожила слишком уж стремительная удача ленинградцев, и он решил поостеречься. А тут еще знакомый, который говорил о туристах, сам укатил в какую-то поездку, и Буняков решил, что, пожалуй, не стоит связываться с вещами из Эрмитажа и Останкина. Пусть они попадут к Лапоногу, а там будет видно — с ним он в случае чего сторгуется. Но Лапоног переадресовал обладателей кубка и статуэток к Пучкову. Потерпев и тут неудачу, потолкавшись по комиссионным магазинам, Ломачев и Куницын вновь появились у Бунякова. Остаться в Москве им не хотелось. Москва была выбрана только как промежуточный пункт. У них давно уже созрел план посетить Феодосию («посмотреть» собрание картин Айвазовского).

Кирилл Фомич не очень-то обрадовался, когда увидел помощников у своего дома. Но деваться было некуда. Он взял вещи за бесценок, дав парням ровно столько, сколько нужно, чтобы добраться до Крыма. Дело получилось выгодное, вместо выплаченных грошей он рано или поздно получит солидный куш. Важно, чтобы все обошлось. Когда пригласили в МУР, он решил отрицать все. С ленинградцами было условлено заранее: в случае чего, они его не видели и знать не знают. Те так и держались. Но этот Лапоног! Буняков понимал, что муровцы верят этому старику, а не ему, Бунякову. Однако отказываться от своей версии он не хотел. Что они, собственно, могут ему предъявить? Мало ли чего может наговорить выживший из ума старик? Важно, чтобы ребята не сдрейфили, а те, кажется, ничего, крепкие. И Буняков упорствовал, уверив себя, что, пока муровцы не добыли доказатель-

ства, опасаться ему нечего. Когда его отпустили, первое, что он решил сделать, — спрятать злополучные вещи. Сам поехал на дачу без поклажи, с одним журналом в руке. Место в поселке нашел подходящее, в гараже у приятеля, далеко от своей дачи. Были у него и еще более укромные места, но их касаться не хотел. Рано утром племянница привезет вещицы, он укроет их понадежнее, и все. Пройдет время, все уляжется, тогда можно будет и в дело пустить.

Когда же его посыльную задержали, Буняков понял: МУР обложил его крепко и играть незнакомку уже бесполезно. Надо выпутываться из положения иначе... Придется признать, что да, купил, хотел помочь ребятам. А что вещи краденые — не знал. Откуда он мог это знать?

Но теперь его совершенно неожиданно подвели ленинградцы.

Данные дактилоскопической экспертизы показали, что витрину с утварью в Эрмитаже открывал Борис Куницын, стекло из шкафа с фарфором в Останкине вынимал Валерий Ломачев. Когда эти доказательства были предъявлены, Ломачев и Куницын перестали отпираться. Может быть, они и продолжали бы упорствовать, но их серьезно озадачили вопросы, касающиеся Исторического музея. Они еще в Ленинграде слышали об этой крупной краже. Свои грехи — что делать, от них не уйдешь. Но отвечать за чужие? Нет, избавьте. Сначала Куницын, а потом Ломачев рассказали все, как было. Об Эрмитаже, о Пскове, об Останкине.

Загадка с иконой, что была снята со стены в Историческом музее, раскрылась тоже. Это сделал Куницын. В конце сентября он приезжал в Москву, зашел к Бунякову. Вместе они ходили по залам музея, разговаривали о своих делах. В левой анфиладе шла уборка, протирка витрин. Двое маляров аккуратно подкрашивали опорную колонну. На ней висела небольшая старая икона. Куницын проговорил, взглядом показав на икону:

— Снять бы ее надо, маляры попортят.

— Правильно, — согласился Буняков.

Через несколько минут Куницын, обрядившись в синий халат, вновь появился в зале и, обращаясь к малярам, распорядился:

— Снимите, ребята, икону, а то не ровен час, замажете.

Те сняли икону и передали ее Куницыну, приняв его за работника музея. Сразу, однако, он ее выносить не

стал — было опасно, а поставил в зале, в углу. Теперь надо было улучшить момент, чтобы незаметно ее унести. Сделать это решил к вечеру, когда народу особенно много. Куницын поехал на Кузнецкий мост, раздобыл большую папку-планшет, с которыми художники ходят на этюды. Икона свободно могла войти туда. Однако, когда он вернулся в зал, на страже около иконы стояли две молодые смотрительницы. Они возбужденно обсуждали, кто мог дать указание снять икону, и ждали директора музея. Куницын поспешил незаметно ускользнуть.

Была установлена и причастность Бунякова к делу «Соборников». Он выполнял довольно важную роль «разведчика», определял, что в какой церкви наиболее ценно, как обстоит дело с охраной. Принадлежность к «активу верующих» облегчала ему эту задачу.

Но дактилоскопическая экспертиза установила, что оттиски пальцев, оставленные на витринах Исторического музея при краже вещей Кутузова и Платова, принадлежат кому угодно, только не Бунякову. Не нашлось там и следов Куницына и Ломачева. Значит, кражу реликвий из музея совершил кто-то другой.

— Выходит, что гражданин Буняков и К^о будут обвиняться лишь по второстепенным эпизодам? Жаль, очень жаль, — в который уже раз сокрушался Рябиков.

— Мне тоже жаль, — согласился Иванцов. — Но трудились мы все-таки с тобой не зря: кражи из Эрмитажа, из Останкина, из псковских соборов — не такие уж второстепенные эпизоды. И то, что выявлены новые, дополнительные данные по делу «Соборников», тоже существенно.

На следующий день Дедковский сообщил своим помощникам:

— Одна западная газета пишет, что недавно на аукционе в Амстердаме продавались какие-то реликвии, принадлежавшие Кутузову.

— Не может быть! — недоверчиво произнес Рябиков.

— Все может быть, лейтенант, если мы так плохо будем работать. Итак, дело нужно приостановить, завтра пойду к следователю, пусть поможет.

Капитан Иванцов и лейтенант Рябиков молчали. Молчал несколько минут и майор Дедковский, затем решил все же успокоить огорченных неудачей оперативников:

— Вешать головы, однако, не следует. Не только вы потерпели фиаско с розыском пропавших сокровищ. Недавно в одном журнале я прочел вполне резонные во-

просы: кто скажет, где сейчас творение Джорджио Моранди, похищенное из Флорентийского дворца Питти? Что стало с золотым скипетром юного фараона Тутанхамона, пропавшим в 1959 году из Каирского музея? Конечно, обидно и непростительно, что мы упустили воров. Но реальных направлений розыска на сегодня я не вижу. А попусту тратить время мы не можем: есть и другие заботы. Однако капитан Иванцов и лейтенант Рябиков должны помнить: дело приостанавливаем, но не прекращаем. Кража в Историческом музее должна быть раскрыта и виновники разысканы. Этот долг я оставляю за вами...

Неудача есть неудача, и никакие утешительные слова изменить этого не могут.

Хмурые, удрученные, уходили Иванцов и Рябиков из МУРа. Не глядя друг на друга, попрощались и пошли каждый в свою сторону.

Прошло полгода. Иванцов и Рябиков расследовали другие дела, но когда бы они ни встречались с Дедковским, тот неизменно спрашивал:

— Ну а как Исторический? Ничего нового?

— Пока ничего, товарищ майор.

Они и сами помнили об этом своем долге постоянно. Были в их практике дела и более сложные, опасные и запутанные. Однако отыскивались нити, факты, улики, которые позволяли вытаскивать на свет божий искуснейшим образом замаскировавшихся преступников. А тут все на мертвой точке. Столько отработано версий, столько проверено людей, изучено документов — все впустую. И, сидя над какой-нибудь запутанной историей, они порой говорили:

— Задача не менее сложная, чем по Историческому.

Они перечитали массу литературы, знали все случаи крупных краж из музеев мира. Историю нападения на Вандомский музей в Эксе, похищение Моны Лизы Леонардо да Винчи или «Равнодушного» Ватто из Лувра, «Герцога Веллингтонского» Гойи из Токийского музея, да и многие другие случаи знали, что называется, назубок во всех мельчайших деталях и подробностях. Превратились в заядлых знатоков и любителей антиквариата, перезнакомились со всеми более или менее знающими коллекционерами и работниками художественных салонов, комиссионных магазинов. Нередко можно было слышать

их споры то о мастерстве великоустюжских ювелиров, то о балхарской керамике или богородской резьбе.

Как только выдавался свободный час, Иванцов и Рябинов обходили магазины, скупочные пункты, толкучки возле них. Вступали в разговор с продавцами, оценщиками, завсегдатаями этих торговых точек. Им сообщали:

— Ваш заказик помним. Но столовых предметов из золоченой бронзы пока не было.

— Миниатюры из слоновой кости не появлялись.

Помня поручение Иванцова и Рябинова, навевались в магазины участковые уполномоченные, постовые милиционеры, дружинники из городского комсомольского отряда.

И вот как-то у комиссионного магазина на Верхней Масловке к Иванцову подошли двое знакомых ребят из народной дружины и сообщили, что уже несколько дней замечают одного и того же подозрительного посетителя.

— Чем же он вас заинтересовал?

— Понимаете, ходит сюда уже давно, но ничего не покупает и не продает. Мельтешит то тут то там, кого-то, наверное, высматривает. Сегодня к магазину подошли два иностранца. Он к ним. Разговора, правда, не получилось. Он по-английски балакает, а они не понимают. Посмеялись, развели беспомощно руками и отошли. Он же остался. Ждет кого-то еще. Вот он, смотрите.

Недалеко от входа в магазин стоял парень лет двадцати пяти в зеленом плаще «болонья». Парень пристальным взглядом встречал всех подходящих к магазину. Вот увидел плотного, в короткой нейлоновой куртке мужчину, шедшего по тротуару, и быстро направился к нему. Когда Иванцов поравнялся с ними, он услышал, как мужчина с усмешкой проговорил:

— Не понимаю вас, молодой человек. Говорите по-русски.

Парень, ни слова не говоря, отошел от мужчины и снова влился в толпу.

Иванцов раздумывал: стоит ли заинтересоваться этим молодым человеком? Было ясно, что он ловит иностранцев. Но ведь известно, что есть у нас любители разных заморских диковин, которые за галстук или носки умопомрачительной пестроты готовы отдать все, что имеют. Может, это один из таких? Но может быть и другое. За последние дни в МУР поступило несколько сообщений, что какие-то молодые люди выясняют в комиссионных магазинах возможность сбыта некоторых вещей, дав-

но интересующих оперативников. Один спросил, покупает ли магазин старинное оружие. Другой справлялся о ценах на старое столовое серебро. Спрашивали осторожно, с оглядкой. Вот почему Иванцов решил, что непременно следует узнать, что это за парень. Задержать бы его надо. Но какие причины и мотивы? А если тот ни сном ни духом ничего не знает, не имеет никакого отношения к истории, что так занимает его, Иванцова? Тогда что? Как ему объяснить? Но и отмахнуться от этого случая тоже нельзя.

В последующие дни молодой человек появлялся также в магазинах на улице Горького, Сиреневом бульваре, на Пятницкой, несколько раз был замечен в вестибюле гостиницы «Москва». Удалось установить, что именно он справлялся о ценах на столовое серебро.

Иванцов и Рябиков теперь уже не спешили с опрометчивыми выводами, не поддавались первым впечатлениям. Наоборот, заранее настраивали себя на возможную неудачу. Да, было ясно, что молодой человек ищет встречи с зарубежными гостями. И видимо, хочет что-то им сбыть. Но следовало прежде всего узнать, что именно.

Между тем настойчивые усилия молодого человека, кажется, увенчались успехом. Около киоска сувениров в вестибюле гостиницы «Москва» он разговорился с двумя шумливыми, разбитными гостями. Те настойчиво выспрашивали молоденькую продавщицу, что есть у нее интересного. Девушка выкладывала на крышку стеклянной витрины золотые перстни, серьги, массивные портсигары, ажурные солонки. Но гости качали головами и все повторяли:

— Самсинг мор интэрестинг. Что-нибудь поинтереснее.

Здесь-то и зацепил их парень. Стоя сзади иностранцев, он проговорил на ломаном английском языке:

— Зэриз эн интэрестинг синг. Есть, говорю, интересные вещицы.

— Иес? О'кэй.

Переговорив между собой, гости вместе с парнем отошли в глубину вестибюля и долго приглушенно разговаривали. Объяснение, видимо, шло туго. Они сели в кресло около круглого стола, и парень, оглянувшись по сторонам, стал что-то чертить на листке из блокнота.

Иванцов несколько раз прошел мимо них, но слишком заметно интересоваться беседой не считал возможным. Гости и их новый знакомый вели себя настороженно, пре-

кращали разговор, как только кто-нибудь подходил близко. Было ясно, что сделка здесь состояться не может. Речь, видимо, шла о месте и времени встречи. Изобретательными на этот счет ни гости, ни «продавец» не оказались.

В тот же вечер они сидели в ресторане «Нарва». Вместе с парнем, который вел предварительные переговоры в гостинице, сидел второй, того же примерно возраста, но не по годам полный, с глубокими залысинами. Он легче управлялся с английским языком, и беседа шла более оживленно.

Рябиков, сидевший с женой и ее подругой за соседним столиком, улавливал лишь некоторые фразы.

— Как вам тут у нас?

— О'кэй. Дворец съездов, метро, Люжники — о'кэй! Грандиозно!

— А как русская кухня?

— Кухня? Водка? О'кэй! На большой!

И в таком роде беседа продолжалась довольно долго.

Рябиков подумал, что, пожалуй, зря капитан Иванцов засадил его сюда на целый вечер. Обычные восторженные туристы и обычные ребята. Может, просто желание прихвастнуть перед приятелями: вчера, мол, целый вечер болтали с двумя интуристами в «Нарве» — и привело их сюда? Но почему же так настойчиво искали они этой встречи? Нет, Рябиков, торопишься, явно торопишься с выводами. Сдержи себя, лейтенант. И как бы в подтверждение этой мысли в руках у толстоватого парня появилась какая-то вещица. Маленькая продолговатая коробочка, похожая на небольшую пачку сигарет. Вещицей заинтересовались все, кто сидел за столом. И когда один из гостей открыл крышку, внутренность коробки сверкнула янтарно-золотым блеском.

Разговор за столом стал совсем тихим, его уже нельзя было разобрать. Вскоре соседи ушли. Покинул ресторан и Рябиков.

Когда он докладывал Иванцову итоги вечера, тот больше всего интересовался вещицей, которую разглядывали гости.

— Что за вещь? Портсигар, пудреница или еще что-нибудь?

— Небольшая коробочка. На старинную табакерку, во всяком случае, похожа. И внутри позолоченная, это точно.

— Ну а купля-продажа состоялась?

— Нет. Видимо, был просто показ. И договоренность о новой встрече. Но, товарищ капитан, не очень верится, что тут есть что-то криминальное. Правда, наши ребята особого доверия не внушают. Это верно. С другой стороны, если они хотят сбыть что-то подозрительное, то зачем показывать вещь в ресторане?

— А что им делать? В магазине или около него — еще опаснее. Тянуть покупателей куда-то в укромное место? Не каждый согласится на это. Тем более, что молодые люди, как ты отметил, имеют не очень-то презентабельный вид. Думаю, что именно эта проблема — где, когда, как произвести операцию — и обсуждалась в «Нарве».

— Может, и так.

— Что это за парни?

— Некие Матюшин и Горбанюк. Живут на 3-й Парковой. В квартире Белоусовой.

— Москвичи? Приезжие? Чем занимаются?

— Ну, на эти вопросы я ответить пока не могу.

— Займись ими завтра же.

С утра Рябиков был в Измайлове, в паспортном столе отделения милиции. Инспектор проверил прописные книги и объявил:

— Граждане Матюшин и Горбанюк на нашей территории не проживают.

— Как это не проживают? У гражданки Белоусовой, 3-я Парковая, дом 7.

— Проверим еще раз. — И инструктор снова листает и листает книги. И уверенно подтверждает:

— Нет, не проживают.

Вызвали Белоусову.

— У вас живут Матюшин и Горбанюк?

— Живут, а как же? Студенты.

Инспектор паспортного стола так и привскочил на стуле:

— Как живут? Без прописки?

— Почему без прописки? Прописаны, все честь по чести, как полагается. Посмотрите хорошенько.

Но и третья проверка книг ничего не дала. Среди прописанных жильцы Белоусовой не числились.

Женщина настаивала:

— Я же и заявление подавала, и форму подписывала. Они сами ходили к вам сюда и паспорта мне потом показывали.

Рябиков спросил Белоусову:

— Где сейчас ваши постояльцы?

— Дома. В поход какой-то собираются.

— Вот что, Прасковья Петровна, сходите-ка домой и принесите нам паспорта этих молодых людей. Скажите, домоуправление требует. И объясните, что сегодня же они их получают обратно.

Белоусова ушла, но скоро вернулась ни с чем.

— Сказали, что паспорта в институте. Завтра принесут.

Инспектор-паспортист нервно встал:

— Я сейчас к ним сам наведуясь!

— Не надо, — остановил его Рябиков и прошел в кабинет начальника отделения. Связался по прямому телефону с Иванцовым.

— Товарищ капитан, собираются. Прошу доложить майору. Считаю, что надо немедленно ввести в действие наш план.

— Да, пожалуй. Жди у телефона.

Выслушав Иванцова, Дедковский предупредил:

— Смотрите: если ребята не те, за кого вы их принимаете, взыщу очень строго. И то же самое — если упустите, не выяснив, что они затевают. — Положив трубку, Иванцов вздохнул. Рябиков, услышав этот вздох, осведомился:

— Как напутствие-то? Не из приятных?

— В общем, так. Или благодарность с тобой заработаем, или служебное несоответствие.

— Лучше бы первое, — невесело пошутил Рябиков.

Оба понимали, что Дедковский не пойдет на такое. Не такие уж они безнадежные люди. Ведь служебное несоответствие — это предупреждение об увольнении за неспособность к службе или грубые ошибки. Нет, не пойдет на это майор. Но и спуска не даст, если Иванцов и Рябиков что-то не предусмотрели или ошиблись.

Долго раздумывать, однако, времени не было. Матюшин и Горбанюк в это время уже вышли из дому и селись в такси. Через полчаса они подъехали к Савеловскому вокзалу. Минут пять или семь стояли на тротуаре, пока не подошел белый «мерседес». Из него никто не вышел, только открылась правая задняя дверь. Матюшин и Горбанюк торопливо влезли в машину, и она, лавируя между таксомоторами и автобусами, выбралась на Бутырскую улицу и помчалась по Дмитровскому шоссе. Километрах в двадцати от города «мерседес» снизил скорость, остановился на обочине около молодого березняка. Через четверть часа развернулся и пошел обратно к Мо-

скве. Его обогнала синяя «Волга» и, заняв полосу движения, стала снижать скорость. Слева оказалась вторая машина и, прижимаясь к борту белой машины, заставила ее сойти на обочину, а затем и остановиться. Из обеих машин вышли люди. Иванцов подошел к «мерседесу».

Сидевший за рулем высокий рыжеватый человек, плохо выговаривая русские слова, удивленно спросил:

— В чем дело, товарищ? Мы — иностранец.

— Извините, пожалуйста. Необходимо проверить документы ваших пассажиров.

Матюшин и Горбанюк возмутились:

— В чем дело? Мы всего-навсего попросили подвезти нас.

— Куда и откуда?

— А, собственно, почему вы спрашиваете об этом? Это дело наше.

Владельцы белого «мерседеса» молчали, обеспокоенно переглядываясь между собой. Сидевший за рулем старался ногой незаметно задвинуть какой-то небольшой сверток под сиденье.

Иванцов нахмурился:

— Все поняли мою просьбу? Предъявите ваши документы.

Достав паспорта, парни нерешительно протянули их Иванцову.

— Ну вот, это другое дело. И паспорта, оказывается, не в институте, а при вас. Теперь покажите вещи.

— Это уже полное безобразие. По какому праву? Обычные вещи, мы в поход...

— Не будем терять времени.

Вещи, лежавшие в рюкзаках, были действительно походные. Кеды, тренировочные костюмы, консервы и даже портативная газовая плитка. Но небольшой продолговатый сверток Матюшин явно не хотел вытаскивать из своего рюкзака.

Иванцов заметил это.

— А это что?

— Да так. Ерунда. Рыболовные принадлежности.

— Разверните.

— Но я же объяснил.

Рябиков взял сверток и развязал.

— Товарищ капитан, посмотрите.

В руках Рябикова был эфес шпаги.

— Граненые фаски «Диама́нт». Темляк того же сталь-

ного бисера... — Он уже наизусть помнил отличительные особенности разыскиваемых реликвий.

— Такие ценности и так небрежно храните. Нехорошо, — упрекнул Иванцов «студентов».

— Да какие это ценности? Мишура! — осклабился Горбанюк.

— Ценности, и притом очень редкие. С большим интересом послушаем, как вы ухитрились стянуть их из витрин Исторического музея.

— Мы? Из музея? Да вы что? Мы нашли эти побрякушки.

— Нашли? Тогда вам крупно повезло. Но об этом поговорим в Москве.

При осмотре машины из ее закоулков были извлечены табакерки, столовый прибор, бокалы, ложки, чашки и две миниатюры из слоновой кости...

Владельцы белого «мерседеса» по приезде в Москву потребовали немедленно дать им возможность связаться с посольством. Рябиков вопросительно посмотрел на Иванцова.

— Это их право. Да и нам не повредит. Пусть посольство узнает, чем занимаются некоторые их соотечественники, пользуясь нашим гостеприимством.

Утром Иванцову позвонил инспектор паспортного отделения и радостно сообщил:

— Вы знаете, товарищ капитан, Матюшин и Горбанюк действительно у нас не прописаны. И штамп, и моя подпись — все фальшивое!

— Так чему же вы радуетесь?

— А как же? Я же прав оказался. Не прописывались они у нас.

— Ну а то, что по поддельной прописке живут, это вас устраивает?

— Да, тут мы проморгали.

— Вот именно. И я бы на вашем месте не слишком радовался.

...На допросе Матюшин и Горбанюк ничего не хотели признавать. Вещи они нашли. Да, нашли. Случайно. В каких-либо сомнительных делах никогда замешаны не были. Они — бывшие студенты. С учебой, правда, не вышло, но они готовятся к тому, чтобы вернуться в институт. Вот и все.

Так держались они и на втором и на третьем допросах.

На чистосердечное признание преступников рассчитывать не приходилось. Иванцов и Рябиков настаивать не

стали и оставили «студентов» в покое. Раз они так повели себя, значит, люди опытные, заранее продумали все пути маскировки. Следовательно, надо основательно подготовиться к последующим разговорам с ними, документально, вещественно доказать несостоятельность их доводов, бессмысленность упорства.

Беседы с Белоусовой, соседями и знакомыми Матюшина и Горбанюка, материалы из Гудермеса и Нальчика, где подследственные родились и жили до приезда в Москву, прояснили многое. Немало дал обыск в их комнате. Были обнаружены чужие паспорта, военные билеты, несколько бланков разных московских учреждений. Встреча с руководителями института, куда три года назад были зачислены парни, дополнила картину.

Да, многое о Матюшине и Горбанюке стало известно. Много, но не все. Выходило так, что работали они вдвоем. Это, конечно, возможно, но маловероятно. Их «операция» в музее вряд ли могла быть проведена без чьей-либо помощи. Но кто этот помощник? Все связи Матюшина и Горбанюка, тщательно проверенные, ответа на этот вопрос не дали. Вновь и вновь Иванцов и Рябиков ломали головы над этой загадкой — изучали вещи задержанных, проверяли их знакомых.

На последней странице записной книжки, изъятной у Матюшина, крупным, небрежным почерком было написано: «К. Ф. четв. 10—18, пон. 18—20». Может, эта запись и не заинтересовала бы оперативных работников, если бы Матюшин сам не навел их на это. Он явно не захотел откровенно объяснить, что она обозначала. Сказал, что это просто Катя Филиппова, его знакомая. Адреса не знает. Где работает? Тоже не знает. Не интересовался. Кажется, в каком-то ателье.

Пришлось оперативной группе установить всех Екатерин Филипповых. В Москве их оказалось 57, но ни одна не знала Василия Матюшина. Может, эта Катя из Подмосковья? Однако никто из живущих под Москвой Екатерин Филипповых тоже не знал молодого человека с фамилией Матюшин. Тогда что же означала непонятная строчка?

— Видимо, здесь какое-то имя и неизвестный еще нам эпизод, — рассуждал Рябиков. — Константин Филиппович... Константин Федорович. Кирилл Федорович... Кирилл Федотович... Кирилл Фомич... — Это имя толчком отозвалось в мозгу. Рябиков встал, еще не веря в реальность своей догадки и боясь спугнуть внезапно при-

шедшую мысль. Опять сел за стол. Сидел долго. Затем вызвал машину и поехал в музей. Помнилось ему, что в комендатуре музея висело расписание дежурств обслуживающего персонала. Но, конечно, там был уже новый график. Разыскал коменданта, потребовал книгу записей дежурств за прошлый год. Когда книга была принесена, он, едва смахнув с нее пыль, стал торопливо перелистывать страницы. И наконец, откинувшись на спинку стула, радостно воскликнул:

— Вот теперь все ясно.

— Что же вам ясно, товарищ лейтенант? — удивленно спросил комендант.

— Все встает на свои места. Спасибо вам за книгу, я заберу ее. Верну, верну в целости.

В кабинет Иванцова он вошел не спеша, хотя ему стоило больших трудов себя сдерживать.

— Товарищ капитан, эврика!

— Что случилось, Сережа?

Рябиков молча положил перед Иванцовым книгу дежурств по музею, раскрыл ее и ткнул пальцем в третью строчку:

— Видишь? «Буняков Кирилл Фомич. Дни дежурства: понедельник, четверг». Понимаешь? Вот что значит «К. Ф. пон. и четв.» в книжке Матюшина. Нет, ты должен, капитан, должен признать, что помощник у тебя талантлив до чертиков!

Иванцов долго перелистывал регистрационную книгу, вчитывался в каждую ее строку. Внимательно рассматривал каракули на последней странице записной книжки Матюшина.

— Не знаю, как насчет таланта и прочего, но то, что ты молодец, Серега, это факт. Значит, они все-таки были связаны. Как, в какой степени? Какова роль Бунякова в этой истории? Как мы все это узнаем?

— Кирилла Фомича придется привозить в столицу.

— Безусловно. Но начнем со «студентов». И не откладывая.

Матюшин вошел в комнату бодрой, уверенной походкой. Небрежно бросил:

— Мое вам. Давненько не виделись.

— Здравствуйте, Матюшин. Поговорим?

— Поговорим.

— Так вы утверждаете, что шпагу фельдмаршала, миниатюры, и столовые приборы, и все вещи, что обнаружены при вашем задержании, вы нашли?

— Да, нашли. Я уже рассказывал, при каких обстоятельствах. Ходили в небольшой поход. В районе Горенок недалеко от края дороги увидели ящик. Открыли. Глядим, какая-то утварь. Не знали мы, что это государственные ценности. Думали, чье-нибудь личное барахлишко. — Иванцов спокойно слушал объяснение, но ничего не записывал. Матюшин обеспокоенно напомнил:

— Я прошу все это занести в протокол.

— А все это уже записано при первых допросах, ничего нового вы не сообщили.

— Рассказываю то, что было. Правду рассказываю.

— Ваш рассказ от правды так же далек, как Венера от Земли. И пора вам, Матюшин, кончать сказки. В них ведь никто не верит.

— Дело ваше, не верьте. Но и доказать обратное никто не может.

— Наивно все это, неужели не понимаете?

— Не понимаю, объясните.

— Что же, объясню. Работали в музее вы, конечно, аккуратно, в перчатках. Но оплошности допускают «мастера» и покрупнее вас. Когда вы перелезали через макет крестьянской избы в зале № 28, вы не могли преодолеть гипсовый бордюр внешней стороны макета, не опершись на него. Не знаю уж почему, но в этот момент на правой руке перчатки не оказалось. И след, ваш след, там остался.

— Не может этого быть! — Матюшин даже встал со стула.

— Почему же? Пожалуйста, читайте заключение экспертизы. Теперь еще одно. Вы утверждаете, что пистолетов не видели и не имеете о них никакого представления. Так?

— Да, именно так.

— Опять наивно получается. Пистолет, который взяли вы, обнаружен в Гудермесе у вас в сарае. А Горбанюк свой пистолет спрятал тоже дома — в Нальчике, на полке за книгами. Оба эти экспоната уже у нас. — Иванцов открыл сейф и показал пистолеты. — Можете удостовериться... О причинах ухода из института вы тоже сказали неправду. Не за опоздание к началу занятий вас исключили, а за пьянство, систематическое и злостное нарушение дисциплины, неуспеваемость и прочее. Выходит, опять ложь.

Лживы и ваши объяснения, касающиеся прописки в Москве: «Отдали паспорта хозяйке, и она принесла их

уже прописанными». Не она вам их принесла прописанными, а вы ей. Штамп прописки сделали сами. И даже предлагали кое-кому из института свои услуги по этой части.

Но все это, Матюшин, не главное. Хотя достаточно, чтобы вас судить. Нас прежде всего интересует кража из музея. Вот о ней и давайте говорить в первую очередь; говорить, как было, без легенд. Я думаю, вы уже убедились, что вам на них — на легенды-то — явно не везет. Врете вы с легкостью необыкновенной, но врете неубедительно. Примеры я уже привел. Могу их продолжить. Вот хотя бы с записью в вашей книжке. Ну, что вы нам плели о какой-то там Кате Филипповой? Товарищ Рябиков расшифровал и этот ваш секрет. «К. Ф.». Это Кирилл Фомич Буняков — крупный спекулянт антикварными ценностями, участник уголовного дела «Соборников». Вот что значит мудреный шифр «К. Ф.». Может, скажете, не так?

— А если скажу именно это?

— Ну что ж. Бунякова через несколько дней привезут в Москву, по совокупности он должен ответить и за кражу в музее. Дадим вам очную ставку. Ваша связь с ним для нас очевидна, и мы докажем ее. Так что мой совет: кончайте разыгрывать из себя простачка и давайте говорить серьезно. Вы ведь, судя по всему, старшой, заводила в этой вашей компании? Ну, так вот с вас и начинаем. Признаете ли себя виновным, что в сговоре с гражданином Буняковым и Горбанюком произвели кражу реликвий из Исторического музея и пытались сбыть их иностранцам?

— У меня к вам вопрос, — поднял голову Матюшин. — Вы сформулировали так, что я вроде старший, ну, вроде глава всего этого дела?

— Да, впечатление такое. И «заслуги» ваши судом будут соответственно учитываться.

— Вот это я и хотел уточнить. И заявляю официально: инициатива принадлежит не мне, организовывал операцию не я.

— А кто же?

— Вот тот самый «К. Ф.» — известный вам Кирилл Фомич Буняков.

— Что ж, допустим. Но, разумеется, все это мы проверим. Однако вы не ответили на вопрос: признаете ли себя виновным в похищении ценностей из Исторического музея и в попытке продажи их иностранцам?

— Придется, видимо, признаться.

— Отвечайте яснее.

— Признаю.

— Теперь подробно рассказывайте все обстоятельства дела. Затем вы также расскажете о подделке паспортов, о краже вещей из нескольких квартир москвичей, о краже в общежитиях Московского педагогического и Ленинградского технологического институтов, об ограблении гражданина Гулачо...

Матюшин удивленно посмотрел на Иванцова:

— Когда же вы успели так подробно изучить мой послужной список?

— Гражданин Матюшин, отвечайте по существу.

Началось, собственно, с поступления в институт. Матюшин и Горбанюк держали вступительные экзамены в Московский университет. Не прошли по конкурсу. Подались в государственный педагогический. Результат был тот же.

— Раз так, пусть стараются предки, — небрежно бросил Горбанюк, выходя из здания телеграфа, где он только что отстукал телеграмму домой.

Через день из Нальчика в столицу прилетел его отец — директор института. Он куда-то ходил, кому-то звонил, с кем-то встречался. И по прошествии двух дней объявил сыну и его приятелю:

— Вот адрес. Поедете завтра. Обещали устроить.

Матюшин и Горбанюк были приняты в один из институтов, связанных с подготовкой преподавателей-историков, хотя они не могли не заметить снисходительно-презрительных взглядов некоторых членов приемной комиссии.

Учеба у друзей шла туго. Тем более, что даже основ знаний у них из-за «льготного» пребывания в школе не было. Добывать же эти знания, наверстывать упущенное ни тот ни другой не хотели.

«Хвосты» — штука коварная, они росли от зачета к зачету. Матюшин и Горбанюк держали по ним постоянное первенство. Их стыдили, увещевали, объявляли предупреждения и выговоры. Но как можно было ликвидировать эти самые «хвосты», когда и дни и вечера заполнялись до предела? Приятелей завелось много, приятельниц тоже. С одними надо поехать на дачу (родители в отъезде, и можно прекрасно провести время), с други-

ми — прогуляться на катере по Большой Волге. Одним словом, дыхнуть некогда.

Круг знакомств ширился. Потребности росли. Вкус к праздной, веселой жизни превращался в привычку, в норму поведения. Наконец, за пьяный дебош на Химкинском речном вокзале приятели попали под суд и отработали две недели на какой-то овощной базе. За сим последовало исключение из института.

— Ну, куда направим свои стопы? — спросил Матюшина Горбанюк, когда они вышли из здания института на улицу.

— Зайдем к Фомичу. Он давно гнездется в этом древнем городе, что-нибудь посоветует.

...Их знакомство с Кириллом Фомичом Буняковым состоялось год или полтора назад. Приятели зашли в коммиссионный магазин на старом Арбате. Какой-то гражданин принес несколько небольших по размеру пейзажей старого, забытого мастера. Он разложил их на прилавке и все убеждал заведующего секцией, что это не просто картины, а шедевры. Но работник магазина был иного мнения:

— Нет, нет, папаша. Ничего оригинального. Обычные средние вещицы. Такие идут слабо. Люди хотят покупать действительно ценное.

Во время их спора Матюшин, стоявший около старика, взял один из пейзажей, проворно и незаметно положил в пачку газет и журналов, которую держал в руке, и кивнул Горбанюку:

— Пошли.

Пройдя два или три квартала, мельком показал приятелю картину.

Горбанюк удивился:

— Откуда это? Из магазина? Ну ты и мастак! Я и не заметил.

— Но кое-кто узрел... — голос раздался рядом. Приятели вздрогнули. Около них стоял невысокий, плотно сложенный человек в дубленке и белесой шляпе пирожком. Увидя испуг на лицах парней, он проговорил тихо: — Пойдемте-ка вот в это кафе, потолкуем.

— А что такое? Кто вы?.. Почему мы должны идти с вами? — запротестовал Матюшин.

— Пошли, пошли. Не бойтесь, — мужчина по-свойски легонько подтолкнул приятелей и первый направился через улицу.

Буняков угостил новых знакомых коньяком, кофе и,

вытащив из кармана несколько десятирублевых бумажек, положил их на стол. Пейзаж вместе с газетами придвинул к себе.

Матюшин молча взял деньги и деловито осведомился:

— А где вас найти в случае чего?

— В случае какого случая? — с ухмылкой спросил Буняков.

— Да вы не бойтесь. Мы надежные.

— А я и не боюсь. Чего мне бояться? Вот выпили, закусили — и до свиданья.

Буняков сразу понял, что за типы перед ним. Начинающие шаромыжники, это ясно. Никуда они не пойдут и ничего не скажут. А вот если у них будет что-нибудь подходящее — можно попользоваться. И Кирилл Фомич объяснил:

— Если что будет, меня найдете в Историческом музее. По понедельникам — днем, по четвергам — вечером.

Так состоялось это знакомство и появилась запись в книжке Матюшина.

Матюшин и Горбанюк обирали пьяных, работая «под иностранцев», познакомились с падкими на приключения девицами и обкрадывали их, не брезговали даже воровством у своих знакомых студентов в общежитиях.

Раза два или три с разной мелочишкой появлялись у Бунякова. Тот, посмотрев принесенное, брезгливо отодвигал от себя:

— Ерунда, барахло. Меня такое не интересует. Вот если бы ценная икона, картина или что-то в этом роде...

Когда удалось стащить в одной церквушке два серебряных подсвечника, Буняков взял их с удовольствием.

— Это дело стоящее. Такое приносите.

Знакомство продолжалось, и приятели не без основания рассчитывали, что в случае какого-то затруднения Буняков им поможет.

Действительно, когда им понадобилась комната, Буняков дал адрес Белоусовой — своей давней знакомой. Оставалось уладить с пропиской... Здесь «мудрым» советом помог приятель, с которым как-то вместе ужинали. И хотя дружок этот очень скоро после разговора отбыл на очередную отсидку, опытом его решили воспользоваться.

Горбанюк имел некоторые навыки в художественном ремесле, пытался когда-то рисовать и вырезать по дереву. Он решил, что штамп прописки изготовит сам.

Возился долго, но получилось неплохо. Прописка, таким образом, была оформлена.

Теперь началась совсем привольная жизнь. Промысел, рестораны, веселье и опять промысел.

Как-то сидели они в кафе «Националь». Молодой долгогривый парень угощал здесь свою компанию. Рефреном его пьяной, безудержной болтовни была одна мысль: «Надо уметь жить, брать ее — жизнь-то — за горло, такую-сякую. И картина-то вот с эту картонку, — показал он на ресторанное меню, — за пазухой убралась, а гулять будем долго. Вот так-то...»

Из кафе Матюшин и Горбанюк вышли поздно. Горбанюк проговорил:

— Везет же некоторым.

— При чем тут везенье? — зло ответил Матюшин. — Просто соображать надо. Фомич нам об этом говорил не раз. Разные там реликвии — самое верное дело.

После этого вечера «прогулки» Матюшина и Горбанюка по Москве стали более целеустремленными — музеи, выставочные залы, соборы... Но все тщательно охранялось, везде их встречали и провожали пристальные взгляды зрителей, экскурсоводов, сторожей.

При очередной встрече приятели посетовали Бунякову на свои неудачи, на что тот сообщил:

— Есть у меня одна мысль. Не знаю только, осилите ли. Слабаки вы.

Возмутились оба сразу:

— Ну, это вы зря.

— Ладно, ладно. Я подумаю. Наведайтесь через пару дней.

И когда состоялась следующая их встреча, разговор имел уже более конкретный, практический характер.

— Вы в нашем музее бывали?

— Да нет. Вот только у тебя. В залах-то не приходилось.

— Оно и видно. Тоже мне интеллигенция. А вещи там есть ценнейшие. И ремонт сейчас...

— Выходит, дело реальное?

— Вполне. И реальное и стоящее.

— Когда же осуществим?

— Не спешите. Есть одна заковыка. Сигнализация. Надо этот узелок развязать. Вот только как? Придется мне это взять на себя. А вы пока осваивайтесь, ходите по залам, особое внимание обратите на двадцать

седьмой и двадцать восьмой. Там вещи не громоздкие, а цены баснословной. Прикиньте, сориентируйтесь.

Как и обещал, «узелок с сигнализацией» Буняков развязал сам.

Строительные леса из металлических труб с прочными деревянными настилами стояли между двумя колоннами, верхним крепежным поясом почти касаясь одной из них. По кромке карниза аккуратной синеватой линией пролегал провод охранной сигнализации. Пол имел небольшой уклон, и под чугунные колеса лесов были подложены деревянные клинья.

«Лучше и не придумаешь, — обрадовался Буняков, когда после ухода плотников осматривал оставленное ими хозяйство. — Клинышки выбьем, и все будет в норме. Верхний пояс прилег вплотную к проводу и должен, обязательно должен задеть его».

Часов около шести вечера, вновь поднявшись в зал, Буняков ударом ноги выбил из-под колес деревянные клинья. Леса качнулись, с силой ударили металлическим поясом по грани колонны, проползли с полметра параллельно плоскости стены и остановились. Синий провод, рассеченный надвое, повис вдоль колонны.

— О'кэй! — пробормотал довольный Буняков.

Спустившись вниз, он пошел к коменданту.

— Голова болит нестерпимо, разрешите уйти домой.

Комендант возражать не стал. Может же заболеть человек!

А Буняков, выйдя из музея, направился к Центральному телеграфу. Здесь у входа его ждали Матюшин и Горбанюк. Он не остановился, а, пройдя мимо, обронил лишь одну фразу:

— Все в порме, действуйте.

Поздно вечером Матюшин и Горбанюк зашли за ограждающий здание музея временный забор и по строительным лесам поднялись на второй этаж. Выдавив окно, проникли в залы. Подсвечивая карманным фонарем, используя перчатки и полотно, которым были накрыты витрины, они взламывали латунные полусферы рамок и вскрывали витрины и шкафы. Серебряную и золотую утварь — кружки, ковши, бокалы, табакерки — рассовали по карманам, за пазухи. Широкое демисезонное пальто Горбанюка оказалось особенно вместительным. В соседнем зале тем же способом взяли столовый при-

бор, миниатюры М. И. Кутузова и Е. И. Кутузовой, два кремневых пистолета, эфес шпаги.

Через час тем же путем вышли на строительные леса и скрылись.

Как было условлено ранее, утром они были на Киевском вокзале. Здесь их ждал Буняков. Спиннинги, рюкзаки за плечами — у кого могло возникнуть какое-либо подозрение? Трое любителей-рыбаков отправляются за город.

В Апрелевке, в сарае на садовом участке сестры Бунякова, все похищенное было спрятано, завалено досками. Матюшин и Горбанюк взяли только по кремневому пистолету. Буняков отговаривал их, но те настояли на своем.

— Ну, ладно, леший с вами, только не попадайтесь с ними. Год выдержки. Через год будут у нас деньги. И немалые.

— Год? Долгонько ждать.

— Нельзя иначе. Знаете, какая кутерьма поднимется? Ни в один магазин, ни в одну гостиницу не сунешься. А чтобы вы спокойно могли ждать, вот вам аванс. — И Буняков вручил Матюшину и Горбанюку по пятьсот рублей. Денег этих приятелям, однако, хватило ненадолго, и они уже подумывали о том, чтобы пойти к Бунякову и потребовать или нового аванса, или реализации спрятанных вещей. Но случай изменил их намерения.

В «Иртыше» на Зацепском валу подсел к их столу один гражданин. Приятели поняли сразу, что это не москвич, и проявили максимум радушия. Когда знакомство было скреплено изрядной выпивкой, приезжий, уверовав, что ребята попались ему свойские и даже в некотором роде земляки, обратился к ним за помощью:

— Позарез надо купить кое-что ценное. Шубу жене, пару мебельных гарнитуров...

Была обещана и шуба и гарнитуры. А утром искатель дорогих вещей, некто гражданин Гулачо, был уже на Петровке и, ревя в три ручья, несвязно рассказывал о том, что вчера зело переложил, а проснувшись у себя в номере, не обнаружил ни документов, ни денег. А там было три тысячи.

— Что делать? Что делать?

Ни имен, ни фамилий, ни сколько-нибудь характерных примет своих «друзей» он назвать не мог.

«В памяти провал. Понимаете? Очень уж опьянел».

У Матюшина и Горбанюка оказался, таким образом,

немалый куш. С реализацией ценностей из музея можно было не спешить. И они, пробыв еще несколько дней в Москве, уехали к своим родным, в Гудермес и Нальчик.

Домашних они обрадовали рассказами об успешной учебе, обещали скоро привезти дипломы об окончании института. Весело погуляв в родных местах недели две и пополнив бумажники за счет родительских щедрот, приятели подались в Крым, потом перебрались в Тбилиси, оттуда в Ереван. Гуляли, пока не иссякли деньги. Вновь пополнили их испытанным уже способом. Но заметили как-то, что уж очень пристально приглядываются к ним двое молодых людей в штатском. «От греха подальше», — решили приятели и быстренько подались в Москву.

Сразу же по приезде наведались в Исторический музей. Надо же увидеть старого приятеля. Шли туда не без дрожи, но никто на них не обратил внимания. Удар обрушился чуть позже, когда они спросили, почему нет сегодня на дежурстве Кирилла Фомича. Дежурный по музею присвистнул:

— Бунякова? Он давно у нас не дежурит. Несет вахту в других местах. Пять лет получил.

— За что же это его? — удивленно спросил Горбунк.

— Какие-то старые дела вскрылись, — ответил дежурный и, в свою очередь, спросил: — А вы кто ему будете?

— Да так, знакомые, — быстро нашелся Матюшин, и оба поспешили к выходу.

Прямо из музея друзья отправились на вокзал и первым же поездом — в Апрелевку.

На участке никого не было. Они открыли сарай, торопливо вскрыли тайник. Все вещи лежали на месте.

Ночью они перевезли все ценности к себе в комнату. Теперь надо было реализовать украденное. Толкнулись в магазины. В один, другой, третий... Но там смотрели на них настороженно, недоверчиво: откуда ценности? Какая есть документация? Очень скоро им стало ясно, что кража в музее не забыта.

Находились и коллекционеры. Но как только знакомились с одной-двумя вещами, отказывались от сделки наотрез. Для профессионального взгляда было ясно, что вещи эти «студентам» не принадлежат. А раз так, то дело, следовательно, ненадежное, опасное.

— Самое лучшее — это найти бы какого-нибудь толстосума-иностранца и сбыть ему сразу все, — твердил Горбанюк.

Матюшин не возражал:

— Согласен. Только как это сделать?

Наконец после долгих поисков такой покупатель нашелся. Договорились и о сумме. Но что-то, видимо, заподозрил иностранец, потому что в назначенное время к месту встречи не пришел. На следующий день Матюшин разыскал его в гостинице, но тот не пустил его даже в номер, повторяя только одно:

— Найдн, найдн.

И все же решено было твердо: найти покупателя из приезжих гостей. Легкость, с какой тот иностранец согласился уплатить солидную сумму за показанные вещи, не давала покоя, питала надеждой на успех дела.

И вот приятелям удалось-таки зацепить двух заморских любителей русской старины. В «Нарве» договорились о встрече у Савеловского вокзала. По дороге, во время поездки, показали реликвии и сторговались. Не сумели договориться только о шпаге. Матюшин и Горбанюк хотели за нее отдельную и немалую цену, а покупатели на это не шли. Но и та и другая договаривающиеся стороны чувствовали, что, пока доедут до Москвы, сторгуются.

Однако операция эта проводилась, когда оба «владельца» музейных экспонатов были уже в поле зрения Иванцова и Рябикова. И белый «мерседес» в тот день возвратился с Дмитровского шоссе в сопровождении двух оперативных машин уголовного розыска.

Через месяц в МУР позвонили из музея.

— Приезжайте на открытие экспозиции. Реставраторам пришлось потрудиться, но все сделано, кажется, хорошо.

Дедковский вызвал Иванцова и Рябикова:

— Съездите. Раз приглашают, неудобно отказываться.

Иванцов и Рябиков, в свою очередь, атаковали Дедковского.

— Поедемте, товарищ майор, вместе. Займет это полчаса-час, а взглянуть интересно.

Дедковский махнул рукой:

— Ладно. Поедем.

Директор музея сам вызвался проводить гостей по залам. Он подробно, с нежной влюбленностью показывал каждый экспонат, каждую витрину.

— Вот это берестяные древнерусские грамоты XII—XV веков, обнаруженные при раскопках в Новгороде. Это свинцовая печать Александра Невского; это первая печатная русская книга «Апостол», вышедшая в типографии Ивана Федорова, а это глобус, по которому получал первые уроки географии Петр I.

Дедковский, улыбнувшись, заметил:

— Да вы не беспокойтесь, ребята теперь ваш музей знают прекрасно, я тоже бывал здесь... Покажите-ка лучше, как выглядит восстановленная экспозиция.

— Да, да. Обязательно. Вот эти залы.

В стеклянных витринах мерцали бриллиантовые грани шпаги фельдмаршала, выстроились предметы столового набора — свидетели былых походов великого полководца; мирно покоились в своих мягких гнездах пистолеты генерала Платова...

В зал вошла большая группа экскурсантов. Молодая девушка-экскурсовод начала рассказ:

— Мы находимся в зале героев Отечественной войны 1812 года. Перед нами вещи, принадлежавшие Михаилу Илларионовичу Кутузову и генералу Платову. Замечу, что экспозиция этих залов открывается только сегодня после восстановления и реставрации. Все эти вещи были похищены из музея и лишь недавно вернулись к нам благодаря самоотверженной работе товарищей, которые занимались их розыском...

Иванцов тронул Дедковского за рукав:

— Пошли, товарищ майор, дальше.

Дедковский посмотрел на смущенные и взволнованные лица Иванцова и Рябикова, обнял обоих за плечи:

— Ну что ж, ребята, взыскания вам не будет, а благодарность, как видите, уже объявлена. Так что поздравляю!

Однако в машине, когда подъезжали к Петровке, Дедковский несколько омрачил общее радостное настроение.

— Дело «антикваров» вы закончили, преступников нашли. И благодарность, конечно, заслуженная. Но несколько ошибок по делу вы, вернее мы с вами, допустили. И серьезных ошибок...

— Какие же это ошибки, товарищ майор? — запальчиво спросил Рябиков.

Дедковский улынулся:

— Спорить ведь будете? Верно? Верно, — ответил он сам себе. — А спорить сейчас некогда. Вот соберемся в конце месяца на оперативно-методическое совещание, то-

гда и поспорим. А за это время подумайте. Очень советую. Были ошибки, были. Победителей, как известно, не судят, но от критики и они не застрахованы. — И, посмотрев на часы, приказал: — Капитан Иванцов и лейтенант Рябиков, вам предстоит командировка в Алматы. Есть данные, что туда отбыл один интересующий нас объект. Через час, в четырнадцать ноль-ноль, прошу быть у меня. И подготовьтесь к отлету — самолет в шестнадцать часов.

**КОНЕЦ
«ЗОЛОТОЙ ФИРМЫ»**

В ресторане «Арагви» был в тот день выходной. Но администрация не могла отказать своим постоянным посетителям и гостеприимно открыла двери.

Свадьба была организована с купеческим размахом, устроители ее явно не поскупились на затраты. Столы ломились от дорогих вин и самых изысканных яств, целый взвод официантов шустро бегал из кухни в зал и обратно. Но самым впечатляющим был состав гостей. Всего несколько человек более или менее молодых, включая жениха и невесту, остальные — пожилые и совсем почтенного возраста. Почти все во фраках, в сверкающих белизной манишках, которые подчеркивали то худобу, то рыхлую полноту лиц, их пергаментный или лилово-склеротический цвет. Дамы были под стать супругам как по возрасту, так и по комплекции. Но туалеты на них были озорновато-смелые, соответствующие последнему крику моды: короткие юбочки, широкие декольте, голые руки, броские украшения.

Однако всех перещеголяла невеста. Несмотря на теплую июльскую погоду, она была одета в парчовое платье, норковая накидка накинута на плечи. На шее несколько ниток крупного жемчуга, в ушах серьги с крупными сапфирами, все пальцы в кольцах и перстнях с бриллиантами.

Застолье было шумным. Один за другим следовали тосты, витиеватые, многозначительные пожелания и молодым и гостям. В середине торжества из-за центрального стола встал среднего роста моложавый мужчина в сером, переливающимся какими-то серебристо-фиолетовыми тонами костюме, в шелковой с кружевами рубашке, с бабочкой.

Участники трапезы притихли. Лишь один кто-то из несведущих спросил соседа:

— Кто это?

Тот зашипел:

— Вы что? Не знаете? Это же Ян. Ян Косой.

Обладатель серого с переливами костюма обвел всех

прищуренным взглядом, ухмыльнулся скупой, одними уголками губ, и проговорил:

— За молодых, их счастье мы уже пили и еще выпьем. Но я хочу предложить тост за дальнейший расцвет нашей чудесной фирмы, чтобы все было и дальше о'кэй. За предстоящие наши дела...

Не очень-то понятная мысль для постороннего слуха. Но присутствующими эти слова были встречены с шумным ликованием. Ведь за ними, этими словами, крылось значительно больше, чем мог услышать любой непосвященный.

Дежурные по городскому штабу народных дружин, проходившие мимо ресторана, осведомились у администратора:

— Что так шумно сегодня?

— Свадьба.

Вышедшие в это время из зала в вестибюль двое мужчин включились в разговор. Один из них — чернявый, веселый, улыбчивый — проговорил с южным акцентом:

— Гуляем, молодые люди, гуляем. Ольга Жебалаева и Давуд Казбеков сочетаются законным браком. Вы поняли? Законным браком. А впрочем, значение этого события не всем дано знать. Не всем!

Да, факт этот ничего пока не говорил активистам городского штаба народных дружин. Откуда можно было знать, что шумное общество, собравшееся здесь, в «Арагви», — эти безобидные старички в белых манишках и декольтированные, не первой молодости дамы доставят немало хлопот и им, народным дружинникам, и оперативным работникам с Петровки, 38, и следственной группе подполковника Петренко.

Дела, за дальнейший расцвет которых поднимал бокал некто Ян Косой, начались за несколько лет до этой помпезной свадьбы.

...Москва всегда гостеприимна. Тысячи гостей — различные делегации, представители торговых фирм, многочисленные группы туристов, как обычно, заполняют центральные улицы столицы, повсюду слышен их многоязычный говор. Москвичи отвечают на вопросы гостей, объясняют, как добраться до Третьяковки, Государственного цирка на Вернадском проспекте, до Сокольников или до стадиона в Лужниках.

И было странно видеть, как какие-то юнцы с длин-

ными патлами, лишь входившими тогда в моду, воровато оглядываясь, суетились около иностранных гостей, таинственно шептали им что-то, жестикулируя, отзывали в сторонку, в укромные уголки гостиничных холлов, в подъезды домов. Это были так называемые фарцовщики — мелкие спекулянты, делавшие свой бизнес на купле-продаже заморских побрякушек и тряпья.

Их было немного — два-три десятка, но они портили настроение москвичам, унижали достоинство наших юношей и девушек, и потому комсомольцы столицы решили пресечь эту торгашескую суету. Пригласили наиболее назойливых, потребовали прекратить виражи вокруг гостей. Но при этом выяснилось, что некоторые пронырливые юнцы, кроме галстуков, носков и чулок, скупали у иностранцев и валюту. Это насторожило дружинников.

— Зачем она вам?

Одни пускались в длинные рассуждения о многогранности интересов, об увлечении нумизматикой например, другие вообще ничего не могли придумать в объяснение. Но, как оказалось, дело было не в нумизматике. Валюту-то они не только скупали, но и продавали. Некто Владик платил им за доллары и фунты советским рублем, и платил довольно щедро.

Работники с Петровки, внимательно выслушав комсомольцев, подтвердили:

— О Владике мы тоже слышали. Еще есть Косой и Сильва. Только кто они? Где обитают? Давайте общими силами решать эту загадку.

...Шофер такси Степан Шорников только что высадил пассажира у ВДНХ. И тут же в машину торопливо сел молодой иностранец. С трудом выговаривая русские слова, попросил отвезти его к Покровским воротам. Когда приехали на место, у пассажира оказался всего один рубль. Шорников требовал, что полагалось по счетчику: шесть рублей семьдесят копеек.

— Платить надо, понимаешь? Платить. Нехорошо получается. У вас же бесплатно на такси тоже не возят.

Пассажир полез куда-то во внутренний карман пиджака, долго рылся там и бросил на переднее сиденье... золотую монету.

На Шорникова это, однако, не произвело никакого впечатления.

— Вы мне уплатите нормальными советскими деньгами.

Машина стояла уже довольно долго, и проходивший мимо участковый уполномоченный Пашкин обратил на это внимание.

— В чем дело, граждане?

— Да вот, понимаете, ездить ездил, а платить не хочет. Какой-то не нашей монетой рассчитывается. А зачем она мне? Мне же надо выручку сдавать.

Пашкин тоже стал убеждать иностранного гостя, что платить за проезд надо как полагается. Пассажир, однако, посмотрев на часы, вдруг бросился бежать. Его, естественно, задержали. В отделении милиции подданный одной из соседних стран гражданин Хаким Ашоглу заявил, что задержали его незаконно, со всей восточной эмоциональностью требовал, чтобы его немедленно отпустили, иначе у него сорвется важная встреча.

— У меня дело. А Владик человек занятой, ждать не будет.

— Задерживать вас не собираемся, но все же расскажите, что за встреча? Кто такой Владик?

Ашоглу рассказал о предстоящем свидании. Как оказалось, он должен продать Владiku десять золотых английских фунтов стерлингов.

Работники отделения вместе с Ашоглу поехали на место назначенной встречи. Но Владик, по-видимому, действительно был человеком занятым, гостя не дождался. Ашоглу мало что мог рассказать о нем. Возраст? Лет двадцать семь или поменьше. Рост? Средний. Шатен. Одевается? Ярko, модно. Но деловой человек, очень деловой.

Хакима Ашоглу отпустили и доставили в гостиницу «Колос». Но строго предупредили, что куплей-продажей золотых монет в нашей стране заниматься не положено.

А через день в холле гостиницы «Москва» дружинники задержали двух студентов из Казани. Они предлагали пожилому командированному из Винницы шведские кроны.

— Та на кой бис мне нужны эти чужие монеты? — удивился тот.

Студенты, как оказалось, ждали опять-таки Владика, это по его поручению они добыли кроны. Но на встречу он почему-то не явился. Незадачливым же коммерсантам

позарез нужно было продать эти самые кроны, ибо не на что было добираться до Казани. Потому-то они и атаковали добродушного представителя из Винницы.

В последующие дни еще трое фарцовщиков искали встречи с Владиком. У Центрального телеграфа комсомольцы задержали развязного молодого парня. Был он во хмелю и упорно не желал идти в штаб дружины. Мотивировал свое сопротивление одним и тем же:

— Вот дождусь Владика, надаю ему по морде, тогда пожалуйста...

— Да что тебе дался этот Владик? Пойдем, добром тебя просим. Не маячь ты здесь, не позорь город.

— Как это «что дался»? Он у меня купил десять «лошадок» всего за полторы тысячи. А стоят они вдвое, понимаете, вдвое дороже.

— А что это за «лошадки»?

Но парень вдруг замолчал. Смиренно пошел в штаб и к разговору о «лошадках» никак не хотел больше возвращаться.

Предупреждение, сделанное в штабе дружины, как оказалось, образумило далеко не всех «бизнесменов». В гостиницах и на улицах продолжали шнырять длинноволосые юнцы, предлагавшие свои «деловые» услуги гостям.

Становилось ясно, что действует какая-то группа опытных, искусно замаскировавшихся спекулянтов-валютчиков, использующая этих «бегунков», рыскающих за иностранцами на улицах, как своих поставщиков.

Как-то августовским днем в сквере на площади Пушкина сидело несколько молодых людей. Кто с книжкой, кто с газетой. Около семи часов вечера здесь появился парень в модном нейлоновом костюме, в кепке-пуговке, со свернутым в трубку журналом в руке. Он прошел мимо восседавших на скамейке юнцов. Кивнул одному из них. Они прошли мимо кинотеатра «Россия», пошли дальше по бульвару. На ходу состоялся короткий разговор. Разошлись. Затем обладатель кепки-пуговки вернулся на Пушкинскую площадь, прошелся по скверу, кивнул другому сидевшему на скамейке парню, и они повторили тот же маршрут.

Так же было с третьим, с четвертым....

Все они были задержаны.

— Итак, Горбышенко Владислав Петрович?

— Да. Горбышенко.

— Чем занимаетесь? Где работаете, живете?

— В данное время готовлюсь в институт.

— О чем вели беседы с молодыми людьми?

— Разве это кого-нибудь касается?

— Да. Касается.

— Консультировался. Сказал же, что готовлюсь к экзаменам.

— А почему с каждым поодиночке консультировались?

— Так ведь предметы-то разные.

— Допустим. Но молодой человек, который последним был с вами на прогулке, даже не окончил среднюю школу. Чем же он мог быть вам полезен? Кстати, как его фамилия?

— Фамилия? Рычагов, кажется. Серега Рычагов. Собаку съел на истории.

— Что ж, возможно, но фамилия его, между прочим, Старцев. Ну а если начистоту, Горбышенко? О чем речь-то шла?

— Я и говорю начистоту, то, что есть.

— Нет, далеко не то.

— Я еще раз объясняю: консультировался по программе приемных экзаменов. И прошу побыстрее заканчивать разговор. Я спешу.

— К сожалению, Владислав Петрович, придется вам некоторое время побыть у нас.

— Это почему же? На каком основании? Выходит, даже с приятелем пройтись нельзя? Это же возмутительно! Я готов прийти по первому вызову. Но сейчас, сегодня остаться никак не могу. У меня неотложные дела. Да и дома будет паника, если не вернусь.

Старший лейтенант милиции, беседовавший с ним, терпеливо объяснял:

— Да вы не волнуйтесь. Выясним некоторые обстоятельства, и пойдете домой.

— А что, собственно, выяснять? Я что, преступник?

— Да нет, мы этого не утверждаем.

Вскоре Горбышенко вызвали к начальнику отдела майору Шокину. Взглянув на него, майор воскликнул:

— Э-э! Да мы уже встречались!

Горбышенко поднял насупленный взгляд:

— Что-то не помню.

— Забыли, значит. Бывает. Беседовали с вами, Владислав Петрович, годика три назад, когда передавали на вас дело в суд по поводу спекуляции, припоминаете.

— Да, да. Что-то такое мельтешит в памяти. Душеспасительная беседа была.

— Душеспасительная, верно. А не помогла.

— Почему же? Все в порядке. Срок отбыл аккуратно, тружусь честно. Почему меня держите здесь, не понимаю. Беззакония все же, как оказывается, имеют место.

Шокин нахмурился:

— Подождите, Горбышенко. Зачем бросаться такими словами? Лучше поговорим по существу. Понимаете, как установлено, ваши вчерашние встречи с молодыми людьми не случайны. И вовсе не о консультациях по разным наукам шла речь. Вы ведь рассчитываете на молчание своих клиентов, а они пока вашу школу не прошли. Полностью испортиться не успели. И вот что показывает, например, Старцев: «Мы условились с Владиком о повторной встрече на Самотечной площади у Доски почета. Он согласился купить имеющиеся у меня тридцать долларов».

— Ерунда это, выдумка.

— А вот что говорит Валерий Ничепорук: «Я приехал на Пушкинскую площадь, чтобы встретиться с Владиком. Цель встречи — продажа имевшихся у меня сорока пяти долларов». Тоже не убеждает?

— Нет.

— Такая же тема бесед была у вас и с другими «консультантами».

— Я это категорически отрицаю.

— Ну что ж, будем разбираться. Поедемте сейчас к вам на квартиру, будем производить обыск.

Горбышенко впал в истерику, заявил, что это убьет его родителей, опозорит перед соседями. Затем стал угрожать работникам милиции всеми карами за нарушение законности.

— Вы успокойтесь, Горбышенко, — уговаривал его Шокин. — Если вы ни в чем не виноваты, то чего же вам бояться обыска?

Оказалось, что от родителей Горбышенко вообще жил отдельно, снимал комнату на Большой Сухаревской. И обыск его пугал совсем по другим причинам.

Когда из гардероба в его комнате вытащили сдвоенную деревянную полку, в ней оказались американские

доллары, английские фунты, французские, швейцарские и бельгийские франки, шведские кроны. Здесь же был целлофановый пакет, в котором аккуратно завернутые лежали пятьдесят золотых английских фунтов. На пакете стояли две буквы «Я. Р.», небрежно написанные химическим карандашом.

— Что же вы, Горбышенко, возмущались? Оказывается...

— А что «оказывается»? Я к этим вещам никакого отношения не имею. Шкаф-то не мой, хозяйкин. Даже не предполагал, что такие ценности там спрятаны.

— Ну, ну, Владислав Петрович, всякому вранью должна быть мера. Защищайтесь, но не так наивно...

Долгие годы после нэпа преступления, связанные с нарушением валютных операций, спекуляцией валютными ценностями, были у нас редкостью.

Однако расширение всевозможных контактов и международных связей вновь вызвало к жизни и этот вид преступлений. И, как показывали факты, объем и размах деятельности «валютных дельцов», особенно накануне денежной реформы 1961 года, становились все значительнее. Причем за валютными делами нередко крылись другие, еще более существенные преступления. Поэтому было вполне закономерно, что наиболее крупными из валютных дел стали интересоваться органы государственной безопасности. Заинтересовались, в частности, и делом Владика — Косого — Сильвы.

...Старший следователь следственного отдела Комитета государственной безопасности подполковник Александр Митрофанович Петренко читал допросы Горбышенко, пересланные с Петровки, в третий или четвертый раз перечитывал материалы, имевшиеся у него раньше, и неотступно думал о том, есть ли какая-либо взаимосвязь между Горбышенко, Косым и Сильвой. Пока эту связь можно лишь предполагать. Горбышенко отрицает, что обнаруженные при обыске валюта и золото принадлежат ему. Эта уловка, конечно, долго не продержится. Валютой он торгует, это ясно. Но кому, куда он ее сбывает? Откуда берет средства на закупку? Вероятно, есть у него и источники для этих расходов, и крупные потребители. Как нащупать сообщников? Кто они?

...Закончив предварительный опрос, Петренко объявил:

— Гражданин Горбышенко, вы обвиняетесь в нарушениях правил о валютных операциях и спекуляции валютными ценностями, то есть в преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 25 закона о государственных преступлениях. Суть обвинения понятна? Признаете себя виновным?

— Суть обвинения понятна, но виновным себя не признаю. Никакой спекуляцией я не занимался.

— А как вы объясняете наличие валюты и золота у вас в квартире?

— На этот вопрос я уже тоже отвечал в милиции. Спросите об этом у хозяйки квартиры, а не у меня.

— Но ведь когда вы въезжали в комнату, шкаф был совершенно пустой? И комнату вы всегда запирали. Так?

— Так.

— И замок для двери вы и покупали и ставили сами?

— Ну и что? Подобрать ключи к замку дело нехитрое.

— Значит, вы утверждаете, что валюта принадлежит хозяйке?

— Вероятно. Категорически я это утверждать не могу. Знаю только, что лично я никакого отношения к этому не имею.

— Имеете, Горбышенко, имеете. Дело в том, что на конвертах с валютой есть отпечатки пальцев, и, как установила дактилоскопическая экспертиза, часть из них — ваши.

Сообщение следователя подействовало на Горбышенко удручающе. Он попросил перерыва в допросе. Наутро сказался больным, потребовал врача. Болезни, однако, никакой не обнаружилось. Под разными предлогами несколько дней уклонялся от решительного разговора. Противопоставить фактам ему было нечего. Это понимали Петренко и его сотрудник Фомин, понимал и сам Горбышенко. Наконец он признался, что, да, покупал валюту, но... для себя. Только для себя.

— Валюту у Казаченко, Гершевича и Ямщика покупали?

— Покупал.

— Казаченко и Ямщик показали, что они продали вам турецкие лиры. В общей сложности сто пятьдесят штук. При обыске они не обнаружены. Где эти лиры?

— Ну, я не знаю. Наверное, там же, где была и остальная валюта.

— Но вы присутствовали при обыске. И знаете, что турецких лир в шкафу не было. Где они?

— А разве не мог я поделиться своим добром с приятелем?

— Могли. Скажите, с кем поделились, мы проверим, кого вы так щедро благодетельствовали?

— Я не помню.

— Несерьезно это, Горбышенко. Скажите, что обозначают буквы «Я. Р.» на целлофановом пакете с золотыми монетами, изъятом при обыске. Инициалы? Кому принадлежат?

— Не знаю. Пакет этот остался у меня после какой-то покупки.

В камеру хранения Ленинградского вокзала вошли два гражданина. Один из них — моложавый, в ворсистом, цвета маренго пальто и тирольской шляпе — предъявил в окно выдачи квитанцию и, нетерпеливо поглядывая на часы, ждал, пока кладовщик среди сотен узлов, чемоданов, баулов, рюкзаков найдет его кладь. Его спутник — полный, пожилой — стоял поодаль и оглядывал сидевших на скамейках, входящих и выходящих из комнаты посетителей.

Наконец стоявший у окна получил два чемодана. Большой, коричневый, с «молнией», подхватил сам, другой, поменьше и попроще, передал спутнику. Тот вполголоса предложил:

— Проверить бы надо.

— Не здесь же. В машине посмотрим.

Перебросившись еще двумя-тремя фразами, мужчины вышли из здания вокзала и направились к стоянке такси. Дружинники Савченко и Матвиенко обходили в это время привокзальную площадь. Савченко, окинув взглядом человека в ворсистом пальто, придержал шаг, остановил за руку товарища:

— Слушай, вот тот, с коричневым чемоданом... Лицо знакомое вроде. Напоминает кого-то... Может, остановим?

— А основания? Что мы скажем?

Но Савченко уже направлялся к такси. Матвиенко последовал за ним.

Савченко, подойдя, еще внимательнее посмотрел на мужчин. Теперь он почти не сомневался, что моложавый именно тот гражданин, словесный портрет которого объясняли недавно на оперативном совещании командиров дружин. Тонкий нос, рыжие густые брови, узкое сухощавое лицо, голубовато-белесые глаза. «Он, честное слово, он», — еще раз уверил себя Савченко.

— Извините, пожалуйста, просим предъявить документы.

Мужчины тем временем уже садились в машину.

— Позвольте, на каком основании? Кто вы такие? А пожилой бросил шоферу:

— Трогай, трогай, браток, — и попытался закрыть дверь.

Но Савченко не дал этого сделать.

— Мы — дружинники. Просим вас пройти в отделение милиции. Это здесь рядом, в здании вокзала.

Мужчины переглянулись. Входить в конфликт с дружинниками, видимо, не входило в их расчеты. Идти в отделение — тем более. Тот, что помоложе, вдруг воркующе заговорил:

— Ребята, мы очень спешим. Если нарушили правила — извините. Оштрафуйте нас, и дело с концом. — И он полез в карман за бумажником.

— Штрафовать вас не собираемся. А в отделение просим пройти. Вещички тоже прихватите.

Начальник отделения милиции капитан Ибрагимов был человек пунктуальный. Он позвал всю вошедшую компанию в свой кабинет, предложил сесть. Потом не спеша достал бумагу, ручку, аккуратно устроил все это на столе и тогда только спросил:

— Итак, кто мы, откуда и куда держим путь?

Моложавый отвечал, едва сдерживая раздражение:

— А собственно, кому какое до этого дело? Почему мы должны вам что-то объяснять? Взяли свои вещи из камеры хранения и едем домой. А вот вы нам объясните, почему эти молодые люди творят безобразия? Задерживать людей без всяких на то оснований... Это знаете как называется?

Капитан Ибрагимов согласно кивнул головой:

— Без оснований, конечно, задерживать никого нельзя. Такого права никому не дано. Что же касается этих товарищей, они — дружинники. По поручению народа помогают нам порядок охранять. И помогают очень не-

плохо. Вот не далее, как вчера, одного молодца задержали. Тоже два чемодана получил. Оказалось — чужие. Квитанции выкрал. Нет, нет! Про вас я ничего подобного даже в мыслях не держу. Вот выясним кое-что, и уедете. Значит, Роготов Ян Тимофеевич?

— Да. Роготов.

— А вас как звать-величать?

— Благун Густин Яковлевич.

— Так и запишем.. Значит, взяли свои вещи, находившиеся в камере хранения? Так?

— Да.

— Но почему вам, москвичам, вдруг понадобилось хранить их у нас на вокзале?

И Роготов и Благун опять начали выходить из себя:

— Да какое это имеет значение? Всякие причины могут быть.

— Это, конечно, так. Но все-таки странно, необычно как-то.

В это время в комнату вошли еще двое людей. Они поздоровались с Ибрагимовым и с дружинниками, пристально посмотрели на Роготова и Благуну и сразу включились в беседу. Роготов еще более взвинтился:

— Позвольте, вы-то, граждане, почему вмешиваетесь?

— Спокойно, гражданин Роготов, — остановил его начальник отделения. — Эти товарищи из Комитета государственной безопасности.

Роготов побледнел, мгновенным тревожным взглядом обменялся с Благуном и, вдруг широко улыбнувшись, проговорил:

— Товарищи, может, кто-нибудь объяснит, в чем все-таки дело?

— Я же сказал вам: разберемся, — все так же невозмутимо продолжал Ибрагимов. — Так, значит, чемоданчики ваши?

— Наши. Точнее — мои. А товарища Благуну я попросил помочь.

— И что же в них, в этих чемоданах?

— Ну, обычное: предметы туалета. И кое-какие подарки знакомым. Неделю назад я в Ленинград должен был ехать. А когда уже был на вокзале, начальство выезд отсрочило, ну и, чтобы не тащить вещи обратно домой, оставил их в камере хранения. Сегодня, однако, решил забрать по той простой причине, что командировка откладывается надолго.

— Что ж, открывайте ваши чемоданы, посмотрим.

— Но, позвольте, почему? С какой стати? — гневно, перебивая друг друга, закричали Рогов и Благун.

Ибрагимов встал из-за стола.

— Тихо, тихо, граждане. Мы должны, обязаны это сделать. Убедимся, что вещи ваши, и все будет в порядке.

Рогов выбросил на стол ключи и нервно закурил.

В чемодане, что был попроще, действительно, оказались сплошь предметы туалета. Правда, многовато их было, этих предметов: нейлоновые рубашки, свитеры, дамские джерсовые костюмы, кофточки, обувь.

— Здесь то же самое, — приложив руки к груди и показывая на второй чемодан, уверял Рогов.

Сверху в нем действительно были уложены мужские и женские вещи, но под ними лежало нечто иное. В ничем не примечательной картонной коробке, в плотной воощенной бумаге оказались золотые монеты царской чеканки, золотые турецкие лиры, золотые фунты стерлингов. На самом дне коробки вроссыпь лежало несколько десятков кусков золотого лома. В другой коробке лежали аккуратно уложенные американские доллары.

Затем из чемодана извлекли два небольших узла. В них опять были золото, турецкие лиры, английские фунты стерлингов, десятки царской чеканки...

Наутро Рогов был на первом допросе у Петренко и Фомина.

— Что вы можете сказать по поводу валюты и ценностей, обнаруженных среди ваших вещей?

— К валюте и ценностям, обнаруженным в моем чемодане, отношения не имею. Как они туда попали — не имею понятия. Считаю, что это недоразумение или провокация. Прошу органы государственной безопасности разобраться в этой истории и защитить мое имя — имя честного советского человека.

— Да, конечно, разобраться придется. Но чудес, как известно, не бывает, Рогов, и по мановению волшебной палочки такие ценности в ваш чемодан перекочевать не могли. Не так ли? И потом, прием этот — я не я и лошадь не моя — известен давно. А вы, как человек грамотный, должны знать — простое отрицание вины ничего не доказывает и никого ни в чем не убеждает.

— Я настаиваю на своем заявлении. Прошу в точности занести его в протокол.

— Вы будете подписывать его и убедитесь, что это будет сделано.

Когда за Роговым закрылась дверь кабинета, майор Фомин спросил удивленно:

— Что это, неужели и правда не его ценности? Что-то уж очень легко он от них отрешивается.

— Видите ли, майор, он, конечно, поди, зубами скрежет, что пришлось заявить такое. Но свобода-то дороже! И готов на все, лишь бы концы в воду. Как волк. Тот ведь тоже добычу бросает, если охотник на след вышел. Нам с вами предстоит доказать, что гражданин Рогов, попросту говоря, врет. И доказать будет непросто, деляга он, по-моему, масштабный.

«Допрос Благуна тоже ничего существенного не дал: «С Роговым знакомы давно. Вчера он попросил съездить с ним на вокзал, чтобы взять вещи. Вот и все. Я, конечно, не имел представления, что там в чемоданах. Мог ли Рогов обладать этими ценностями? Не думаю. Это какая-то случайность».

Обыск в квартире Рогова был долгим и тщательным, но почти безрезультатным.

— Невероятно, но факт, никаких следов, — подвел итог Фомин. — Предвидел возможность ареста, вот и постарался. Значит, где-то есть у него другая «берлога», есть...

Среди различных мелочей в письменном столе Рогова была обнаружена толстая, в кожаном переплете записная книжка. Почти на каждой странице были какие-то непонятные пометки. На букве «В», например, «В. Н. 50 л.», строчкой ниже: «В. М. 100 и. л.».

Когда Рогова спросили, что обозначают эти записи, он смутился и после паузы объяснил:

— Извините, объяснения по этому поводу дать не могу. Это интимное. К теме наших бесед пометки отношения не имеют.

— И все же объяснить придется. Расшифруйте вот хотя бы эту запись: «Д. М. 20 л.+30 р.». Это что?

— «Д. М.» Минуточку. Ах, это... вспомнил. Одна знакомая. Буквы означают имя и фамилию. Далее возраст — 20 лет. Ну, а остальное, думаю, ясно. Вот и весь, так сказать, секрет.

— Грязноватый секрет-то. Если, конечно, в том его суть, — неприязненно произнес Фомин.

— В чем виноват, в том виноват. Женская половина рода человеческого — моя слабость.

На следующем допросе опять вернулись к записям Рогова:

— В вашей книжице на странице на букву «В» есть запись: «В. (Г) 50 л. — 500». Объясните ее.

— Ну что же, — несколько замямвшись, отвечал Роготов. — То же самое. Есть у меня одна знакомая...

— И ей пятьдесят?

— А что? Бывает. Бальзаковский возраст, знаете.

— А цифра пятьсот что означает?

Роготов опустил глаза:

— Я думаю, можно догадаться...

— А мы, кажется, и догадались. Шифрованная запись. И обозначает она ваши взаиморасчеты с Горбышенко.

— Никакого Горбышенко я не знаю. Повторяю еще раз: записи эти всего лишь перечень моих приятельниц.

— Но как же тогда понимать вот это? «Ш. 125 л. + +1500». Старовата приятельница-то? Не находите?

Роготов долго рассматривал страницу и со вздохом проговорил:

— Ну, здесь — просто ошибка. Речь идет опять-таки об одной знакомой. Ш — это Шура. Двадцать пять — возраст. Единица — просто моя ошибка.

— А тысяча пятьсот — оплата услуг?

— Да, именно.

— Все продолжаете изворачиваться, Роготов, ведете себя будто мелкий жулик. А ведь мы вас знаем или почти знаем.

— Что вы имеете в виду?

— Да хотя бы эти объяснения записей. Глупо же. А версия, что вы выдвинули по поводу золота и валюты в чемодане? Вы рассчитываете на простачков, Ян Роготов. Неужели вы не понимаете, что все это шито белыми нитками?

— Это какое-то совпадение трагических случайностей. Я честный советский человек, скромный служащий...

— Эта сторона вопроса тоже известна. Документ о вашей работе юрисконсультom поддельный. Не работаете вы, Роготов. А ценностей в ваших чемоданах между тем обнаружено более чем на два миллиона. Откуда они?

Участковый уполномоченный лейтенант милиции Пашкин утром докладывал по начальству итоги суток. Серьезных происшествий не было, и лейтенанту разреши-

ли уйти. Однако он не спешил и, когда оперативное совещание закончилось, вновь зашел к начальнику отделения.

— Вы что, Пашкин?

— Понимаете, товарищ начальник, повадились в один дом на улице Чернышевского разные иностранцы. Так-то вроде бы и ничего особенного. В Москве много разного народа обитает. Но, понимаете, ходят все молодые люди, то в одиночку, то по двое-трое. И все ближе к ночи, когда безлюдно. Заходят всегда в один и тот же подъезд. Долго, между прочим, не задерживаются. Полчаса пробудут и обратно. Один из этих гостей как будто знаком мне, хотя твердой уверенности нет. И, однако, беспокоит меня все это.

— Может, женщины замешаны? — высказал предположение начальник отделения.

— Была у меня такая мысль. Проверил. Не получается. То пары супружеские проживают, то в возрасте дамочки. Нет подходящего контингента.

— Что предлагаешь?

— Проверить: кто, к кому и зачем ходит.

— Что ж, поинтересуйся, но аккуратно.Guestов обижать негоже.

— Все будет аккуратно, товарищ начальник.

...Бориса Яковлевича Шницерова на улицу Чернышевского в этот день привели случайно сложившиеся обстоятельства. Вот уже целый месяц к нему не наведывался Ян Косой. А он был нужен ему, очень нужен. Клиентура Бориса Яковлевича — солидная и серьезная — ждала обещанных золотых монет. Косой, всегда аккуратно доставлявший их к нему в Люберцы, запропастился куда-то. Может, Борис Яковлевич и не стал бы очень волноваться по этому поводу, но два покупателя из Ташкента предложили такую выгодную цену, что Шницеров решил к завтрашнему дню во что бы то ни стало достать им «лошадок». Кряхтя и стоная, он влез в такси и поехал на улицу Чернышевского. Там жила дочь его старого друга, уже ушедшего в мир иной, Софья Михайловна Цеплис. Может, она знает, где разыскать Яна? Или сама выполнит его заказ. Женщина она с головой и таких дел не чурается.

Дверь ему открыл незнакомый человек. Борис Яковлевич, извинившись, подался было обратно, но перед ним извинились тоже и пригласили зайти.

Борис Яковлевич был в известной мере романтик и поэт, с возвышенными чувствами в душе. Делами он вращался крупными, несмотря на свои семьдесят лет. Было немало накоплено у Бориса Яковлевича, мог он безбедно просуществовать до конца дней своих, тем более что шла немаленькая пенсия. Но старые привычки и привязанности, азарт купли-продажи держали его в плену. Он ругал себя за это не раз, нарочно в самых мрачных красках рисовал будущее, но отказаться от давнего занятия не мог.

О сути событий, которые происходили в квартире Цеплис, Шницеров догадался сразу. Потому-то и хотел ретироваться.

За обеденным столом находился лейтенант Пашкин, рядом двое понятых. Напротив них сидел иностранец, что-то быстро говоривший на гортанно-дробном языке. Чуть поодаль от него стояла хозяйка дома. С прищуром глядя на лейтенанта и часто и глубоко затягиваясь сигаретой, она говорила:

— Поймите, лейтенант, это чистое недоразумение. Зашел человек, о чем-то спрашивает. Языка нашего не знает. Мы его тоже. Пытаемся хоть как-то объяснить. И в этот момент появились вы. Не знаю я этого гражданина, как и вы, вижу его впервые.

— Вы-то, может, и впервые, хотя сомневаюсь в этом, а я его знаю. Встречались. Спекулянт он и жулик. По нему давно тюрьма плачет.

Иностранец так и взвился за столом:

— Зачем, начальник, говоришь такое? Зачем так называешь? Не имеешь права. Я в посольство пойду. Протест будет.

Пашкин усмехнулся:

— Видите, хозяйка? А вы говорите — нашего языка не знает. Вполне нормально изъясняется.

— Что сегодня творится в этом доме? Ты можешь мне объяснить, что у нас происходит? — Софья Цеплис обращалась к своему мужу, который сидел на кушетке и смотрел на все затравленным, лихорадочным взором. Его руки, лежащие на коленях, била неумемная дрожь. — Полный дом незнакомых людей, представители власти, какой-то таинственный иностранец, не знающий языка и вдруг заговоривший по-русски...

— Хакима Ашоглу мы знаем, — продолжал Пашкин. — Он сколько раз обещал: «Уезжаю, уезжаю...»

А вместо этого все продолжает спекулировать. Мы к нему по-людски, а он по-свински.

— Опять оскорбляешь, начальник. Жаловаться буду. Я адрес искал.

— Чей адрес? Какой?

— Девушки одной. Очень хорошей русской девушки. Недавно познакомились.

— Нет, Хаким, не верю я тебе. Два года ты сюда шатаешься, нашел бы адрес за это время. Поедешь со мной. И все вы граждане тоже. Пусть теперь начальство разбирается.

...У Хакима Ашоглу ничего предосудительного поначалу не обнаружили. Только вот ремень, широкий, ковбойский ремень показался тяжеловатым. В нем было зашито сорок пять золотых турецких лир.

Бывший студент соседнего государства Хаким Ашоглу приехал заканчивать образование в одном из московских вузов. И хотя стипендия была повышенная, ее не хватало. Полюбились московские рестораны, кафе, да еще московские бега... Возвращаясь после каникул, привез он в Москву десяток золотых монет. Удачно сбыв их. Потом не столько учился, сколько ездил то на родину, то обратно. Причины выдумывались самые разнообразные: то мать больна, то брат женится, то сам решил жениться.

Превратился Хаким Ашоглу в заправского коммивояжера и спекулянта.

Хаким Ашоглу понимал, что шутить теперь с ним не будут. Он ведь прекрасно знал: в деле, что лежало перед подполковником, три его личные подписки о прекращении спекулятивной деятельности и выезде из страны. Да, Ашоглу понимал, что уговоры кончились и ему придется отвечать. Знал и то, сколько за эту деятельность полагается. Хорошо, если будет судить советский суд. Он, наверно, учтет, что Хаким — бывший бездомник, бедняк. А вот если на родине судить будут, то несдобровать Ашоглу, надолго засядет за решетку. Все прикинув, Хаким Ашоглу решил рассказать все как было и как есть.

Участковый уполномоченный Пашкин не ошибся в своих наблюдениях. Как оказалось, граждане, вызывавшие у него подозрение, посещали именно квартиру Софьи Цеплис. Это были студенты некоторых стран, обучающиеся в Москве, приезжие граждане из Прибалтики, Грузии, Азербайджана.

На следующий день после ареста Цеплис к ней на

квартиру заявила средних лет полная женщина с туго набитой авоськой в руках.

— Где Соня? — обратилась она к матери Цеплис. — Мне она быстренько и позарез нужна. Покупатель сегодня улетает... — И только тут женщина увидела, что в соседней комнате посторонние. В квартире шел обыск.

— Так что вас интересует? — спросил ее вышедший к ней навстречу майор Фомин.

— Я просто так, по-соседски, зашла. В магазин ходила, вот и заглянула.

— А о каком покупателе вели речь?

— Ничего такого я не говорила. Я по нашим соседским делам хотела повидаться с Софьей Михайловной.

В авоське посетительницы, Марины Призвановой оказалось... пятьдесят тысяч рублей.

— Так зачем же вы сюда шли? Что хотели купить?

— Да не мои это деньги. В телефонной будке только что нашла. Зашла позвонить, а сумка-то там и лежит.

Фомин усмехнулся:

— Поедете с нами, Призванова. И уж если собираетесь рассказывать сказки, то придумайте поинтереснее.

...Борис Яковлевич Шницеров вежливо поинтересовался, сколько его думают держать на казенных харчах. Нет, претензий он не имеет, уверен, что разберутся и убедятся, что Борис Шницеров чист как хрусталь. Но в Люберцах, на даче, у него коза Машка, пес Арно и кот Моисей. Может, по мнению товарищей подполковника и майора, это и мелочь, но все-таки живые твари, и им нужно есть. Если они не выдержат, кто возьмет грех на душу?

Подполковник Петренко, однако, не расположен был к шуткам и, всером разложив перед Шницеровым несколько фотографий, спросил:

— Кто эти люди?

Шницеров поджал губу, всплеснул руками:

— Что я должен обрисовать? Их социальное происхождение? Моральный облик? Умственные способности? Что же хочет следствие от старого рядового труженика Бориса Яковлевича Шницерова?

— Прежде всего правдивых показаний.

— Боже мой! А кто захочет говорить неправду

здесь, в этих стенах? Это было бы в высшей степени неосмотрительно.

— Так кто же эти люди?

— Из этих личностей я знаю двоих: вот этот — Ян Тимофеевич Рогов, а второй — Горбышенко Владик. Не знаю, как к ним относитесь вы, граждане следователи, а я лично с уважением. С большим уважением. Умные, ловкие, оборотистые люди! Я даже завидовал им. Были ли у меня дела с ними? Не очень крупные, но были. Что правда, то правда.

— Говорите точнее: вы совершали с Роговым и Горбышенко сделки по купле-продаже валюты?

— Ну, я бы не формулировал именно так наши отношения. Были взаимные деловые услуги — не более того.

— Какова была цель вашей встречи с Софьей Ценлис?

— А что, разве уже Шницеров не может зайти к знакомой женщине?

— Значит, просто личная встреча?

— Да, именно так.

— Допустим, допустим, Борис Яковлевич. А теперь посмотрите еще вот эти снимки, — Петренко положил перед ним несколько новых фотографий.

Шницеров бегло взглянул на них, хотел уже отодвинуть, но раздумал. Два снимка заинтересовали его. Фото мужчины с черными густыми усами и цепким взглядом черных навывкате глаз Борис Яковлевич рассматривал особенно долго. Наконец глухо проговорил:

— Мохамед Собхи. Этот зарубежный проходимец мне дорого, очень дорого обошелся.

— Вы имеете в виду продажу вам свинцовых болванок вместо золота?

— Да. Но, позвольте, разве вам это известно?

— Как видите, известно. Вы повнимательнее взгляните в фото Мохамеда Собхи.

— Не хочу и смотреть на него. Аллах ему еще вспомнит, как он обобрал бедного старика.

— И все-таки пусть «бедный старик» посмотрит на Собхи с усами и на него же — без усов.

Шницеров, взяв фотографии, отошел к окну, долго стоял там. Затем вернулся, тяжело опустился в кресло.

— Вы, может, шутите надо мной, гражданин следователь?

— Не имею ни времени, ни желания.

— Но ведь Мохамед Собхи... и Сергей Дьячков одно и то же лицо... Это невероятно! Просто невероятно!

Шницеров сидел молча, обильная испарина покрыла его коричневатый морщинистый лоб. В глазах была целая гамма чувств — злость, обида, растерянность.

Петренко убрал фотографии.

— В данный момент вся эта история для нас особого значения не имеет, мы к ней вернемся позже. Сейчас я прошу вас ответить на ранее поставленные вопросы — о ваших валютных операциях с Роговым, Цеплис, Горбышенко.

— Дело это, гражданин подполковник, как я начинаю понимать, непростое. Хотелось бы подумать, поразмыслить, взвесить...

— Выходит, не созрели еще для откровенного разговора со следствием?

— Пожалуй, что не созрел.

— Ну что ж, дозревайте. Надумаете говорить чисто-сердечно, позвоните.

— В своей камере я что-то не заметил телефона.

— Мы вас отпускаем. Надо же кому-то присматривать за вашим зверинцем. Но из Люберец не выезжать. И еще. Имейте в виду: этой вашей «Золотой фирме» очень, очень скоро придет конец. Все узлы развяжем. Ни заправилам, ни клиентуре по темным углам спрятаться не дадим. Так что упорствовать бессмысленно. Лучше идти вчистую. Бывайте здоровы, Борис Яковлевич.

...Полный недоумений, сомнений, самых смутных противоречивых мыслей, ехал Шницеров домой. Вся четвероногая братия благодаря заботе соседей была жива, но все равно она таякала, блеяла, мяукала и встретила хозяина гневным хором. Кое-как уgomонив ее, Борис Яковлевич поставил на стол бутылку с остатками какого-то красноватого напитка, граненую рюмку и так просидел до утра, даже не дотронувшись до бутылки. В тяжелых раздумьях провел Борис Яковлевич не один день. А потом поехал в Москву. Он позвонил Петренко:

— У вас не отпала еще необходимость в разговоре с Борисом Яковлевичем Шницеровым?

— Ну что вы, Борис Яковлевич, как можно!

— Тогда советую не откладывать, пока душа Шницерова жаждет очищения правдой...

Несколько дней подряд Петренко корпел над толстыми, аккуратно подшитыми папками, делал выписки. Пришли дополнительные материалы, запрошенные им из

ОБХСС Москвы, Тбилиси, Вильнюса, и он углубился в их изучение. Однако дежурный вновь напомнил ему, что Роготов настаивает на встрече.

— А что так спешно? Почему не может подождать?

— Говорит, что хочет сделать какие-то важные заявления.

— Ну что же, послушаем, что он нам скажет.

Роготов вошел в кабинет хмурый, сосредоточенный, даже несколько торжественный. Едва закрылась дверь за дежурным, заявил:

— Я хочу помочь следствию и рассказать все как было.

— Что ж, это похвально, Роготов. Слушаю вас.

— Пишите. Ценности, обнаруженные в чемодане, действительно принадлежат мне. Конечно, это понимать надо условно. Все это мною найдено совершенно случайно во время командировки в Прибалтику.

— Да? Интересно. Рассказывайте, как это было.

— Три месяца назад я ездил в Вильнюс. В выходной день вильнюсские друзья повезли меня осматривать один старый замок. Я, знаете ли, поклонник готики. И вот в одном из закоулков, под щебнем и мусором, я увидел сверток из коричневого дерматина. Какое-то внутреннее чутье подсказало мне, что сверток этот необычный. Вечером, когда мы вернулись в Вильнюс и друзья разъехались по домам, я взял такси и вернулся к развалинам замка. Сверток был там же. А в нем оказались пачки денег, золото, драгоценности. Я долго мучился: как быть? Понимал, что такая находка должна быть сдана государству. Но искушение взяло верх, мужества и решительности, чтобы пойти и заявить, не хватило. А потом уже и боялся, понимал, что меня могут обвинить в сокрытии ценностей, мне не принадлежащих. Вот их-то я и держал в камере хранения на вокзале. Я понимаю, что поступил нечестно, не по-советски, готов нести за это должную ответственность. Но уверяю вас, что никакой я не спекулянт, к разным там валютным махинациям отношения не имею.

Петренко, выслушав это, улыбнулся:

— Версия, Роготов, не из очень мудреных. Если это экспромт — то ничего, более или менее остроумно. А если она, как и предыдущие, плод длительного раздумья, то комплимента вы не заслужили.

Роготов посмотрел на потолок комнаты, долго и при-

стально рассматривал свои ногти и потом с притворным вздохом спросил:

— А зачем мне придумывать версии? Я рассказал все, откровенно рассказал.

— Если бы так, Рогов. Если бы так...

— Вы мне не верите? Но, позвольте, почему?

— Да потому, что это ложь. Могу сообщить вам кое-что, чтобы размышления ваши были более плодотворными. Гражданка Цеплис и ее муж Дьячков — по соседству с вами. И один из ваших иностранных клиентов — некий Хаким Ашоглу — тоже. Могу сообщить также, мы очень подробно беседовали с Борисом Яковлевичем Шницеровым.

— За информацию спасибо. Но имена эти мне неизвестны.

— Известны, Рогов, очень хорошо известны.

— Что же они утверждают?

— Что вы вместе занимались валютными операциями.

Рогову стоило немалого труда сдержаться, когда он услышал все это. В Цеплис он был уверен. А вот Дьячков... И Хаким... Да еще Шницеров... Он всегда недолюбливал этого болтливого, азартного старика. Да, было над чем поразмыслить.

— Сколько раз вы были осуждены, Рогов?

— Один раз.

— Неправда. Дважды. Один раз — на три года, второй — на восемь.

— И оба неправильно.

— Но вас не реабилитировали?

— Нет. Что я тоже считаю ошибкой.

— Совершали ли вы спекулятивные операции совместно с Благуном?

— Нет.

— А вот что говорит сам Благун: «Организацией сделок по скупке иностранной валюты, золота и предметов иностранного производства я занимаюсь после выхода из колонии. В основном мои операции проходили по поручениям Яна Рогова». Что вы скажете?

— Как-то мы встретились с ним в Москве. Разговорились. Он, поняв, что я располагаю средствами, попросил у меня денег на автомашину. Я помог ему. За это он мне оказывал кое-какие услуги. В частности, хранил мои вещи. Никаких валютных, спекулятивных операций с ним я не производил, как не занимался ими вообще.

— Значит, Благуни говорит неправду?

— Неправду.

— Но то же показывают Дьячков и Шницеров.

— Наговорить на человека можно что угодно. А вот доказать?

— Да, да, конечно. Но шифрованная запись ряда операций в известном вам блокноте идентична с их показаниями. И по датам, и по суммам операций, и по видам валюты и ценностей. А ряд наиболее крупных операций отражен одинаково и у вас, и в шифрованных записях Цеплис. Я жду объяснений.

— Я должен обдумать все это. Прошу отложить наш разговор.

— Все над ходами размышляете, Рогов? Все думаете, как уйти от ответа? А ход у вас, между прочим, один — рассказать правду. Пробудите и мобилизуйте свою совесть, если она еще осталась. Другого выхода нет.

...Софья Цеплис в кабинет Петренко вошла с поднятой головой, твердой, уверенной походкой. Приподнятые плечи, короткая шея, густые темные волосы, голубые глаза с цепким, холодноватым взглядом, маленький упрямый рот — все говорило о твердом, упрямом характере.

Она отрицала все — и совершенно очевидные истины, и любые, самые логические предположения и доводы: ничего и никого не знает, ни в чем не виновата и ни в каких темных делах не замешана. «Знакома ли с иностранными гражданами Штефаном Рахмутом и Ионом Хамзой?» — «Нет, даже никогда не слышала этих имен». — «А с Хакимом Ашоглу?» — «Тоже незнакома. В квартиру он зашел случайно. Совершенно случайно. Разыскивал какой-то адрес, зашел и постучал к нам. Почему называл меня Соней? Ну а как он еще мог меня называть? Установилась непринужденная обстановка, вот и все». — «За пятнадцать минут?» — «Да, именно». — «Хаким известный спекулянт валютой?» — «Не знаю. Понятия не имею о таких вещах. Мне он показался скромным молодым человеком».

Петренко невозмутимо и терпеливо слушал ее и наконец сообщил:

— Вот что показал Хаким Ашоглу: «Сорок пять золотых турецких лир, обнаруженных у меня при обыске,

я нес, чтобы продать Сильве, то есть Софье Цеплис. Сделка не состоялась, потому что пришел лейтенант милиции с какими-то людьми. Я еле успел надеть пояс с монетами на себя».

— Чепуха все это. Нет, гражданин подполковник, этот закордонный авантюрист в моих знакомых не состоит, никаких дел я с ним не имела. И вообще не понимаю, почему нахожусь здесь. Я уже обжаловала ваши действия генеральному прокурору. Кроме того, сделаю специальное заявление по поводу своего задержания в прессе. Этот вопиющий факт будет предан широкой гласности. И не только в нашей стране...

Петренко спокойно ответил:

— Ваше письмо генеральному прокурору переслано. Думаю, что встреча с работниками прокуратуры состоится у вас в ближайшие дни. Что касается вашего заявления о могущих возникнуть из-за вашего ареста международных осложнениях, то думаю, что вы тут ошибаетесь. Уголовные деяния в нашей стране неотвратимо наказуемы.

— А вот именно за то, что меня в какие-то спекулянты, уголовники произвели, ответить кое-кому придется.

Петренко вздохнул:

— Гражданка Цеплис, не будь достаточных оснований, мы бы вас не задержали.

— И тем не менее это сделано.

— Сделано потому, что факты, как известно, вещь упрямая.

На следующий день на имя начальника следственного отдела поступило заявление Цеплис о том, что к ней издевательски относятся врачи. Еще через день — жалоба на местные органы власти, которые якобы хотят уплотнить жилую площадь ее матери. Затем новый опус на имя генерального прокурора с гневным требованием о расследовании причин ее задержания и наказания людей, попирающих советские законы.

Петренко и Фомин решили пока не беспокоить Цеплис вызовами и вели расследование многочисленных операций Роготова, Горбышенко и их клиентуры. Они были уверены, что уточнение этих эпизодов еще рельефнее прояснит и роль Цеплис.

Горбышенко и Роготов, однако, все так же упорно держались выдвинутых ими версий, хотя хорошо понимали, что следователи не верят ни одному их слову. «Ничего,

пусть не верят, но время надо выиграть». Обычная уловка и обычный прием людей, преступивших закон и понимающих, что ответственность за это неизбежна: оттянуть время, затруднить разматывание клубка, увести следствие куда-то в сторону. А там, глядишь, удастся выпутаться, выкрутиться, уйти от неизбежного.

Конечно, куда легче вести следствие, если подследственный ведет себя честно, решился на то, чтобы снять с себя давящий груз содеянного. Но работники следственного отдела знали, что полагаться лишь на признание подследственных нельзя. Если даже они откровенны, доказательством совершенного преступления служить не могут. Вот почему следствие уделяло пристальное внимание выявлению соучастников, вольных или невольных свидетелей, сбору и исследованию документов, улик, прямых или косвенных следов преступления.

Куда же шли золотые монеты царской чеканки, турецкие золотые лиры и английские фунты, которые скупались у фарцовщиков, которые приносили Ашоглу, Штефан Рахмут, Ион Хамза и другие на улицу Чернышевского? Шницеров, например, покупал золотую валюту в довольно больших количествах. Но все же значительно меньше того, что продал Софье Цеплис один лишь Ашоглу. Значит, у Цеплис, Рогова и их компании есть и другая клиентура для сбыта золота и валюты. Кто она? В каких темных углах прячется? Под какими крышами живет и здравствует?

...В один из дней в следственный отдел были приглашены наиболее известные, ранее проходившие по крупным делам валютчики. Их решили предупредить о невыезде из Москвы.

Когда в коридоре появился Рогов, то даже присутствие идущих рядом конвоиров не удержало многих от того, чтобы не приподняться, не осклабиться в почтительной улыбке.

Рогов, идя сквозь строй знакомых лиц, подумал: «Действительно, не дремлют следователи. Основные киты почти все здесь...»

Он помахал рукой и даже изволил пошутить: «Король умер. Да здравствует король!»

Иначе реагировали на встречу с этими людьми Цеплис и Горбышенко. Прошли мимо, не поднимая головы, не взглянув ни на кого, словно это были пустые стулья. Но все — и подследственные, и их бывшие клиенты —

прекрасно поняла: конец нитки ухвачен прочно, и клубок будет разматываться неумолимо.

Петренко, Фомин и другие работники следственного отдела целыми днями выслушивают, протоколируют показания свидетелей. Медленно, нехотя, со скрипом признаются эти люди. Признаются лишь тогда, когда некуда деться, когда улики неопровержимы, факты неоспоримы...

...Рогов снова потребовал, чтобы его вызвал следователь.

— Теперь я расскажу все, — заявил он.

— Это вы мне обещаете уже в четвертый или пятый раз, — напомнил Петренко.

— На этот раз — без марафета.

— Ну что же, ответьте сначала на прежние вопросы: кто ваши основные партнеры? Кто в наиболее крупных размерах поставлял валюту? Куда, кому сбывали ее?

— Один из основных партнеров — Горбышенко.

— Где вы познакомились с ним? На какой основе?

— Здесь, в Москве, на совместных операциях. Он был основным связным с мелкими поставщиками валюты, золотишка и прочего. Скупал, затем привозил ко мне. Но крупных сделок у меня ни с ним, ни с кем-либо еще не было вообще.

— В числе операций, осуществлявшихся Горбышенко по вашему поручению, одна была по приобретению трехсот, другая — пятисот, третья — восьмисот долларов. И таких операций были десятки. Это что, по вашим масштабам, мелочи?

— Нет, не мелочи. Но таких операций я не помню.

— Вы ведь хотели говорить откровенно.

— Гражданин подполковник, должен заявить, что я понимал и понимаю границу допустимого. Я стремился не выходить за эти границы, чтобы не нанести ущерба государству.

— Все это пустые слова, Рогов, вы все темните. А какой, собственно, смысл? Кончать надо с этим, Ян Тимофеевич. Расскажите о своих сделках с Хакимом Ашоглу.

— Я не знаю никакого Ашоглу.

— А вот что говорит он: «Основными потребителями моего товара — валюты и золотых монет — были Софья Михайловна и Ян Косой. Последнему я привозил монеты семнадцать или восемнадцать раз. Обычно это были

партии по пятьдесят, семьдесят, сто штук. Я знал, что он делец крупный, мелочами не занимается».

— У Хакима Ашоглу, как вы его называете, видимо, со счетом неважно. У некоторых людей все, что больше сотни, уже миллион.

— Вы зря так говорите. Ашоглу достаточно грамотен, деловит и предприимчив. И вы прекрасно знаете его. Но раз вас не устраивает этот клиент, обратимся к другим. Ярыгина Дмитрия Дмитриевича вы знаете, конечно? Ну, так вот вы с ним совершили около двадцати сделок на покупку валюты общей суммой более чем в пятьсот тысяч; с Грайвороненко Христофором Кузьмичом — около двадцати пяти сделок, каждая от десяти до пятидесяти тысяч. Может, еще кое-что напомнить?

— Да нет, пожалуй, хватит. Данные интересные, но мне надо сверить их с собственной памятью.

— Сверяйте. Но учтите, что это только малая часть ваших операций и притом касающаяся лишь валюты. А нас интересуют все ваши операции, и в том числе с золотом...

— Оно не было главным предметом в моей деятельности.

— Так ли?

— Заявляю еще раз: я старался избегать сделок, которые могли нанести ущерб...

— И тем не менее... В сентябре прошлого года вы отправляете в Тбилиси двести пятьдесят золотых монет, в октябре — триста десятирублевых царской чеканки, в ноябре — триста пятьдесят золотых турецких лир...

— Такие факты требуют доказательств.

— Правильно. И они у нас есть. В том числе и по поводу лично вашей поездки в Тбилиси, когда вы продали семьсот двадцать золотых монет известным спекулянтам Малисмедовым. Сумма одной этой сделки превышала пятьсот тысяч рублей.

Роготов удивляется, возмущается, гневается, уходит то от одного, то от другого факта. Опровергает одну сделку, уточняет другую, подвергает сомнению третью.

— Не надо делать из меня Ротшильда.

— Однако, когда клиентура вас стала величать миллионером Корейко, вы не возражали? А сейчас хотите прикинуться мелкой рыбешкой и путаетесь в собственной лжи.

— Я говорю всю правду, гражданин подполковник.

— Вы не говорите даже четверти правды.

...Горбышенко было трудно отрицать очевидное. Патлатые фарцовщики, у которых он скупал валюту, и не думали выгораживать его. С какой стати? Одни были злы, что он мало платил, другие завидовали его удачливости в делах, третьи вообще не считали нужным скрывать то, что было. Они вполне резонно рассуждали, что за пятнадцать-двадцать долларов судить их не будут. Ну а тот, кто строил на их мелком бизнесе крупный, пусть отвечает.

И все-таки он тоже всеми силами старался теперь подчеркнуть свою незначительность.

— Вы не думайте, что я какой-то там воротила. В сущности, был мальчиком на побегушках. Целыми днями носился по Москве как угорелый, искал людей, у кого можно было бы купить десять, пятнадцать, двадцать долларов. Ну, найдешь, купишь — продашь. Обязательство перед человеком исполнишь, заработаешь что-то. Вот и все. Понимаю, что все это не очень-то красиво, но и преступление невелико.

— Жизнь у вас была действительно хлопотная. Но старались вы не без выгоды. При обыске изъято ценностей почти на миллион! Такой куш мог быть собран лишь при солидных масштабах сделок. Скажите, вы всю валюту сбывали только Рогозову?

— Да, только ему.

— Тогда где же валюта и золото, которые вы покупали у Богданова, Большакова, Фридмана, Юшкевича, Прокофьева, Гудкова, Павлова? Кроме золота, валюты, тряпья, вы промышляли еще и иконами. Они тоже не обнаружены. Значит, у вас есть дополнительная клиентура по сбыту? Или все это где-то лежит, спрятанное вами?

— Вы настойчиво хотите приписать мне чьи-то чужие грехи.

— Да нет, с вас и ваших достаточно. Давайте, в частности, проясним с вами и такой эпизод. Полгода назад в подъезде одного из домов Подколокольного переулка уборщица ЖЭКа Ульяна Никитична Брывко нашла под лестничной клеткой газетный сверток. В нем было на сорок тысяч различной иностранной валюты. Она сдала находку в Государственный банк. А через день к Ульяне Никитичне явились двое молодых людей. Отрекомендовавшись представителями Института востоковедения, они очень хотели получить сверток. Были там и обещания десяти тысяч за возврат, и угрозы. Когда Ульяне Ники-

тичне показали ваше фото, она абсолютно уверенно заявила, что вы были одним из тех, кто приходил к ней за свертком.

— Ни сном ни духом не знаю я никакой Брывко. В Институте востоковедения тоже никогда не работал.

— То, что в институте не работали, это точно. А вот комнату на Кривоколенном, оказывается, снимали.

Горбышенко весь как-то обмяк, посерел, испарина покрыла лоб. Глаза вспыхнули злым испугом, затем погасли, словно спичка на ветру.

— Снимал, — поперхнувшись, проговорил Горбышенко. — Что тут такого?

— Да ничего особенного, если не считать того, что в тайнике на чердаке этого дома обнаружено восемьсот американских долларов, сто тридцать тысяч французских франков, триста девяносто золотых английских фунтов, восемь тысяч четыреста бельгийских франков, три тысячи семьсот шведских крон...

— Но позвольте, а я-то тут при чем?

— Дело в том, что в тайнике вместе с валютой был диплом об окончании одного из московских учебных заведений на ваше имя. Странно, правда? Вы ведь, кажется, института-то не кончали? Но, с другой стороны, диплом — фамилия, имя и отчество — ваши. Совпадение?

— Не знаю. Сказать по этому поводу ничего не могу.

— Я тоже думаю, что не можете, — согласился майор Фомин, ведший допрос. — Для этого надо набраться мужества и сказать правду. А у вас пороха не хватает. Надеетесь на чудеса господни? А их не будет.

— Что ж, Софья Михайловна, мы давно не беспокоили вас, дали возможность собраться с мыслями. Надеюсь, разговор у нас будет более деловой и серьезный, чем раньше. Итак, признаете ли себя виновной в том, что занимались скупкой и перепродажей валюты, золота и других ценностей?

— Нет, не признаю. Никакими валютными делами, ни скупкой, ни продажей ценностей не занималась.

— Вы настаиваете на ранее данных показаниях в отношении посещения вашей квартиры иностранным подданным Ашоглу?

— Да, настаиваю. Повторяю, что заходил он лишь затем, чтобы узнать чей-то адрес.

— Гражданин Ашоглу утверждает следующее: «Золотые английские фунты, турецкие лиры и золотые десятки царской чеканки я сбывал Цеплис — Сильве неоднократно. В общей сложности у нас состоялось четырнадцать или пятнадцать сделок».

— Ложь или бред ненормального человека.

— Вы знаете Яна Тимофеевича Роготова?

— Немного знаю. Наш общий с мужем знакомый.

— В каких отношениях вы были с ним?

— Что вы имеете в виду? — гневно подняла брови Цеплис.

— Ваши деловые отношения.

— Не было у нас никаких деловых отношений. Знакомые, и только,

— А вот ваш муж, гражданин Дьячков, утверждает, что Ян Тимофеевич был близким человеком в вашей семье и имел с вами много общих дел.

— Это неправда.

— И, однако, Рогов имел ключи от вашей квартиры, мог заходить даже без вас, назначать встречи, хранил в вашем серванте значительные суммы денег.

— Это чья-то фантазия.

— Вы знаете Ярыгина Дмитрия Дмитриевича?

— Не знаю.

— А почему у него в записной книжке ваш телефон?

— Это надо спросить у него.

— Гражданин Ярыгин показал, что именно у него вы покупали золотые десятки царской чеканки, английские золотые фунты. И вы же давали ему поручения доставать золотые турецкие лиры, так как они пользовались большим спросом у спекулянтов из Закавказья.

— Но это же чушь!

— Почему чушь? Опровергайте, если это неправда. Знаете ли вы Марину Призанову?

— Знаю. Соседка, живет двумя этажами выше нас.

— Какие операции совершали с ней?

— Никаких. Она малограмотная женщина, работает дворником. Еле концы с концами сводит.

— И тем не менее покупала у вас золото. Была задержана у вас на квартире с деньгами в сумме пятьдесят тысяч рублей. Намеревалась купить у вас английские фунты.

— Не может этого быть. Все это чья-то фантазия.

— Вы знаете Давуда Казбекова и Ольгу Жебалаеву?

— Нет. Даже не слышала таких фамилий.

— Но при обыске у вас обнаружено письмо Давуда Казбекова к Жебалаевой и записка вам с просьбой передать это письмо по адресу. Как это объяснить?

— Не знаю я ни Жебалаеву, ни Казбекова.

— Но вы же были на их свадьбе в ресторане «Арагви».

— Мало ли на чьих свадьбах я была.

— Но незнакомые люди на свадьбу все-таки не приглашаются. Верно ведь? Теперь скажите, в какие города вы выезжали в последние два года?

— Почти никуда не выезжала. Только в село Дранды в Абхазию.

— А в Пензу?

— Да, в Пензу тоже ездила. К своим родственникам.

— А в Тбилиси, Вильнюс, Баку?

— Не выезжала.

— Надо иметь в виду, гражданка Цеплис, что эти вещи легко проверяются. Ездили вы в эти города. И ездили не на экскурсию. Расскажите о поездке в Пензу.

— А что тут рассказывать? Повидалась с родственниками, и все. Вечером уехала.

— Рогов тоже с вами ездил?

— Да, кажется, ездил. У него там какие-то служебные дела были.

— Значит, состоялась лишь встреча с родственниками, и все?

— Именно.

— Послушайте теперь, что показывает ваш муж: «Мы втроем: я, Софья и Ян, ездили в Пензу, чтобы осуществить сделку с иностранным гражданином Б. Мы уплатили ему триста шестьдесят тысяч рублей и, получив золотые фунты стерлингов, вернулись в Москву. Вечером распределили золото между собой».

— Это ложь! Дьячков не мог это показать.

— Гражданин Б. тоже подтвердил это.

— Не верю.

— Вы можете удостовериться. Вот протоколы, ими подписанные. Гражданин Дьячков показал далее, что неоднократно по вашему поручению возил в Тбилиси золотую валюту. В марте — на двести пятьдесят тысяч, в октябре — на двести семьдесят тысяч, в декабре — на триста двадцать тысяч.

— Мой муж совершенно лишен практической сноровки. Так что посылать его с такими заданиями было бы просто бессмысленно.

— И, однако, посылали.

— Нет, не посылала.

— А вместе ездили?

— Нет.

— Ездили, Софья Михайловна. В феврале месяце. И проживали в гостинице «Сакартовелло».

— Ах, да. Мы решили посетить родителей мужа.

— К родителям вы не заезжали. Продав триста золотых монет и пять тысяч долларов, вы вернулись в Москву.

— Если вы все это основываете на показаниях мужа, то я их опровергаю. Он, видимо, болен. Я требую свидания с ним.

— При очной ставке вы сможете его увидеть. Но имейте в виду, что не только он дает эти показания. Эти факты подтверждаются показаниями Роготова и тех, кто покупал у вас золото и валюту, — Якова и Ильи Малисмедовых. Ваши трехкратные операции в Вильнюсе также подтверждены вашими партнерами... То же самое я могу вам сказать и об операциях, которые вами осуществлялись в Москве. Их много. И вам их тоже придется подробно объяснить.

...Ее еще несколько раз приглашали на допросы, она отказывалась отвечать. На очных ставках с Роговым, Дьячковым, Шницеровым, Малисмедовыми держалась так же, презрительно обзывала их «ложкомойниками», обвиняла во всех смертных грехах. Но поняла наконец, что отрицание вины вопреки фактам — нелепо.

Рассказ Цеплис о ее коммерческих делах занял несколько дней.

Под конец Петренко спросил:

— Объясните значение вот этой вашей записной книжки, расскажите содержание записей, сделанных в ней. Мы предъявили такой же примерно «Дневник» гражданину Рогову. Он заявил, что все записи там относятся лишь к его знакомым женщинам. Пришлось посидеть над его шифрами нашим специалистам. Оказалось, что это регистрация выручки от спекулятивных операций, запись сделок в кредит. И женщины оказались ни при чем. Я рассказываю это вам для того, чтобы вы не шли по его стопам.

— Нет, я этого не сделаю. Я, как вы знаете, молчала долго, а сейчас, когда все установлено и раскрыто...

— Сколько вам надо времени, чтобы расшифровать все записи в этой книжке и подвести итог?

— Ну, думаю, день-два.

— Тогда займитесь этим.

К вечеру следующего дня Цеплис сообщила:

— Тщательно проанализировав сделанные мною записи, могу твердо заявить, что только с февраля по май было продано 10 193 американских доллара, 3228 золотых фунтов, 1130 турецких лир. С покупателей было получено 3 814 560 рублей.

Подполковник сравнил данные, сообщенные Цеплис, со своими записями и, довольный, усмехнулся:

— Все правильно.

— Выходит, вы и без меня все расшифровали?

— Ну, если не все, то основное. А главное, убедились, что вы действительно стали говорить правду...

В следственном процессе рано или поздно наступает такой момент, когда все доказательства и улики собраны, все экспертизы и исследования проведены, отмечено все лишнее, кажущееся, бездоказательное, сопоставлены все факты, события, показания подследственных и свидетелей... Итог всего этого — обвинительное заключение.

Показания десятков людей, непосредственно имевших сделки с Роговым, Горбышенко, Цеплис, свидетельские показания многих участников этих событий, изъяты у обвиняемых ценности, неопровержимые документы, вещественные доказательства открыли перед следствием немалое количество незаконных дел, творимых компанией Рогова — «Золотой фирмой», как они гордо называли свою «артель».

Это была крепко сколоченная, прекрасно замаскированная группа, в широких масштабах развернувшая куплю-продажу валюты, золота и драгоценностей.

Дело велось на широкой, почти научной основе. Рогов внимательно следит за международной обстановкой, курсом акций на биржах, изменяет тактику, методы, географию работы своей клиентуры.

Кто же продавал золото и валюту и кто покупал?

В нашу страну едут сотни и тысячи иностранных граждан. Едут студенты, ученые, деловые люди, туристы. Едут, чтобы ознакомиться с жизнью страны, строящей коммунизм, с нашей культурой, памятниками и реликвиями нашей истории.

Но не все едут за этим. Попадают и люди с моралью торгашей, смысл жизни которых — поклонение

золотому тельцу и его апостолам: барышу и стяжательству. Злоупотребляя советским гостеприимством, они приезжают со своим уставом, нарушая таможенные правила, ввозят контрабандой валюту, золото и различную дешевку с западных толкучек.

Они-то, эти поклонники формулы «деньги не пахнут», и явились основным источником, питавшим «Золотую фирму» звонкой монетой и нейлоновым барахлом.

Ну а потребители товара были те, кто путем жульничества, спекулятивных махинаций, обворовывания государства скопил значительные денежные запасы.

Яков, Илья и Шалва Малисмедовы, нажившие огромные средства на спекуляции вином и фруктами, наиболее яркие, но отнюдь не единственные представители этого отребья.

Хапуги и проходимцы типа Малисмедовых, будучи не уверены в прочности своего нетрудового богатства, лихо-радочно стараются обратить денежные знаки во что-то нетленное. Во что же? В недвижимость? Очень заметно. А вот обменять на золото, драгоценности — это давно испытано. Таких уникалов, конечно, у нас немного, но они есть, и пока еще довольно живучи. Своим спросом на золото и валюту они обеспечили расцвет роготовской корпорации.

За рубежами нашей страны, в некоторых соседних странах есть немало охотников до нашей советской валюты. И Роготов, Цеплис, Горбышенко в обмен на золото, инвалюту удовлетворяют и этот спрос.

Сложилась «Золотая фирма» не случайно. Совпадение целей, жизненных принципов, морально-нравственных устоев быстро сблизило их, сделало неразлучными партнерами по жульничеству, спекуляции, авантюрам.

«Как-то мне позвонил, — рассказывает Роготов, — Борис Яковлевич Шницеров, которому я неоднократно продавал золото. Он сказал, что нужны «лошадки» — золотые фунты стерлингов. Я захватил пятьдесят штук и поехал к нему. Шницеров повел меня к своим знакомым. «На твой товар есть хороший купец», — заявил он. Привели меня к Цеплис Софье Михайловне. Мы познакомились. У Цеплис в это время находились два гражданина с юга. Как оказалось, «лошадки» были нужны им. Они купили у меня их за сорок тысяч рублей. По две с половиной тысячи с меня взяли Шницеров и Цеплис за содействие и посредничество. С Цеплис быстро нашли общий язык, стали вместе разрабатывать планы наибо-

лее выгодных операций. У нее были широкие и очень ценные связи в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и других городах. Все это были люди, располагающие деньгами, не скупившиеся на затраты. Именно эти клиенты и стимулировали бурный расцвет нашей деятельности».

Была придумана целая система связи, маскировки, версий и легенд для надежной защиты в случае провала.

«Мы не исключали того, — объясняет Рогов, — что рано или поздно можем попасть в поле зрения органов власти. И договорились заранее: «Ничего не знаем. Друг с другом незнакомы». А уж если не будет выхода, сделки признавать самые минимальные».

Святая святых для этих дельцов была выгода. А для достижения этой цели все средства, любые пути и тропы хороши.

Рогов показал:

«Как-то зашел я к Илье Любирштейну и предложил ему купить золотые фунты. Тот сказал, что сам не скупает, но посредником выступить готов. Повез меня в одну святую обитель. Там шепнул Люцернову, с каким товаром мы приехали. Тот бросил молиться и к нам. Денег у него с собой не оказалось. Договорились встретиться завтра. Мы с Любирштейном ушли. Но я, распрощавшись с ним, вернулся, нашел Люцернова, и мы обо всем договорились уже без посредника. Вечером я ему отвез пятьдесят золотых фунтов и получил сорок пять тысяч рублей».

Как-то Цеплис узнала, что Илья Малисмедов без ее содействия и участия условился о встрече с Роговым. Гневу ее не было предела: как это — ее хотят отстранить от посредничества, хотят лишить заработка? Она заперла Малисмедова у себя в квартире, вызвала Рогова, и сделка по продаже Малисмедову золотых турецких лир состоялась лишь в ее присутствии. За «комиссию» она получила три тысячи. И это в то время, когда у нее в серванте лежало не менее миллиона.

Но наиболее ярко гангстерские нормы морали «Золотой фирмы» характеризуют операции «динамо» — как они их называли между собой, то есть обжуливание, обман своих же компаньонов.

В июле 1960 года в Москву из Вильнюса приехал некий Лабазников — один из клиентов Рогова и Цеплис, не раз покупавший у них валюту и ценности. Приехав, заявился к Цеплис.

— Нужны «лошадки».

— Очень хорошо. Сейчас приедет Ян. «Лошадок» найдем.

Скоро появился Рогов. Краткая беседа. Он забирает сумку Лабазникова с девяноста тысячами и уходит. Когда вышел на улицу, к нему подошли двое в штатском, отобрали сумку, взяли его под руки, посадили в машину и увезли. Лабазников все это видел из окна. Видела и Цеплис. Она стала куда-то звонить, лихорадочно собирать вещи, кричала, что, видимо, вот-вот нагрянет милиция. Лабазников не стал ждать дальнейшего развития событий и спешно удрал от греха подальше. А вечером Цеплис с Роговым разделили добычу и весело отметили это «небольшое происшествие».

Свадьба в ресторане «Арагви», с которой мы начали рассказ, тоже была одной из такого рода «операций». Правда, подготовлена она была не основными заправилками «фирмы», а «периферийной клиентурой».

Даже среди людей Рогова и Цеплис Ольга Жебалаева вызывала чувство зависти. Все знали, что она имеет много денег, торгует бриллиантами, золотом, кокаином.

Несколько лет назад муж Жебалаевой по поручению своих бакинских компаньонов повез в Москву два чемодана скупленных по дешевке облигаций. Реализовал их, выручив немалую сумму. Но компаньонам сообщил, что его обокрали, оставил их, что называется, при пиковом интересе. Компаньоны как будто простили ему этот фокус и даже пригласили на отдых на Черноморское побережье. Но через несколько дней Жебалаев, будучи неплохим пловцом, утонул в море при невыясненных обстоятельствах. Это была лишь первая стадия мести. Дельцы решили вытрясти из супруги Жебалаева «весь бутер», то есть изъять у нее накопленные богатства. Подставили к вдове «жениха» — Давуда Казбекова, смазливового, пронырливого пройдоху. Жебалаева — мать пятерых детей — влюбилась в него с первого взгляда, и скоро была отпразднована та пышная свадьба.

Через несколько дней молодой муж уезжал в Баку. Жебалаева-Казбекова посылала с ним для хранения в новом гнездышке два чемодана вещей и ценностей и триста золотых монет для продажи. Предложила это же сделать Цеплис и Рогову, тем более что Давуд обещал баснословные барыши. Рогов и Цеплис согласились.

И поклажа Казбекова увеличилась еще на пятьсот звонких денежных знаков.

А через день из Баку была получена телеграмма: «Брат серьезно заболел». Это означало, что Казбекова постигли неприятности — его забрали. В Баку срочно выехали Цеплис с мужем и Жебалаева-Казбекова. Но попытки обнаружить следы Давуда Казбекова не увенчались успехом. Ни в милиции, ни в других административных органах ничего не знали об этом случае.

Заправилам «корпорации» стало ясно, что их и «молодую» просто-напросто обманули. Цеплис, Дьячков и Жебалаева-Казбекова хотели поднять шум, собрались идти в прокуратуру, но родственники и друзья Казбекова предостерегли: «Неизвестно, чем это кончится...» А Казбековой пообещали: «Ты не очень расстраивайся, он еще объявится».

И ведь действительно объявился. Прислал Цеплис письмо для жены. Просил прислать вспомоществование.

Но «динамо», устроенное Давудом Казбековым, задело интересы заправил «фирмы», и смириться с такой потерей они не хотели. Собрались как-то у Цеплис и стали доискиваться, кто ввел в их круг этого Давуда Казбекова. Припомнили, что впервые пришел он к ним со Шницеровым.

— Вот ему и устроим «динамо».

Операцию было поручено разработать Роговцу.

Борис Яковлевич Шницеров был уже стар, плохо видел, порой не различал даже своих знакомых. И в то же время был горяч и азартен. На этом и был построен план.

Сергей Дьячков заказал где-то болванки из свинца, и по форме и по весу соответствующие золотым английским фунтам. Сообщил Шницерову, что один иностранец, некто Мохамед Собхи, хочет продать четыреста золотых монет, и продать дешево, так как уезжает из страны. Шницеров тут же изъявил желание купить золото.

Дьячков загримировался под «иностранца», наклеил усы, надел темные очки. Вечером поехал к Шницерову, и они условились о встрече ночью.

Боясь, чтобы его не обманули, Шницеров позвонил Роговцу и пригласил того присутствовать при сделке. Рогов, разумеется, согласился и в назначенное время был в условленном месте. Перед этим они вместе с Цеплис и Дьячковым осмотрели все подготовленное: болванки, упакованные в полотно и заклеенные в картонные тубики из-под фотопроявителя, маскировочный наряд Дьяčkова.

Шницеров и Роготов с нетерпением ждали клиента. Шницеров признался, что денег у него не хватило, часть он взял у приятелей: Браиловича и Богданова, которые стоят вон в том подъезде.

Вскоре появился «иностранец». На ломаном русском языке он сообщил, что спешит и просит совершить сделку скорее.

Браилович, заподозрив что-то, вышел из своего укрытия и предложил зайти к кому-нибудь в дом и проверить, что покупают.

Роготов объяснил «иностранцу», чего хочет покупатель. Тот разразился гневом и заявил, что если ему не верят, то он отказывается от сделки и сейчас же уезжает. Тогда Шницеров, войдя в азарт и боясь потерять редкого клиента, схватил Браиловича за грудки, обвинил его в трусости, кричал, что уже знает этого «почтенного гражданина», имел с ним дело.

Роготов подлил масла в огонь:

— Давайте покупать или отказываться, иначе мы все попадем в милицию. На нас уже обращают внимание.

Шницеров чуть не насильно вырвал у Браиловича деньги и подошел к машине, где восседал «иностранец».

Браилович вдогонку крикнул Шницерову, чтобы тот хотя бы взял несколько штук монет для осмотра.

Роготов передал «иностранцу» его слова. Тот дал Шницерову несколько действительно золотых монет. Шницеров побежал к Браиловичу и Богданову, показал их. Все успокоились. Получив двести пятьдесят тысяч рублей и вручив Шницерову восемь плотно упакованных тюбиков, «иностранец» немедленно уехал. Покупатели тут же, на улице, разделили покупку и разошлись по домам.

А утром чуть свет к Роготову прибежали Шницеров, Браилович и Богданов. Были они предельно возбуждены и обескуражены.

— В чем дело? — сквозь зевету спросил Роготов.

В ответ ему показали свинцовые болванки.

Роготов стал возмущаться, обещал из-под земли достать этого Мохамеда Собхи. Все поехали к Цеплис. Стали обсуждать план действий. Состоялось нечто вроде третейского суда. Председательствовал... Роготов. Он держал речь в том смысле, что в издержках должны участвовать все, а Шницеров, как инициатор, взять на себя две трети убытков. Роготов и Дьячков, как «не имеющие отношения к сделке», от этого «оброка» были освобождены.

...Когда следствие уже подходило к концу, Шницеров

напомнил Петренко, что тот намеревался вернуться к истории, касающейся экспроприации его капитала.

— Что ж, раз обещано — должно быть сделано, — согласился Петренко и попросил Фомина: — Владимир Федорович, ознакомьте Бориса Яковлевича с показаниями Дьячкова.

— Ах, какие проходимцы, как лихо все обставили, — без особого осуждения проговорил Шницеров, когда закончил читать эти показания.

— А вы сомневались, говорить или не говорить правду... Терзались насчет морального долга перед своими компаньонами. Убедились теперь, что эти понятия им просто-напросто чужды?

Шницеров развел руками:

— Се ля ви, как говорят французы.

Борис Яковлевич умел-таки философски смотреть на превратности жизни.

Понимая, сколь велики их преступления, Рогов, Горбышенко и Цеплис да и другие пытались теперь привлечь внимание следствия к своей жизни, биографиям, обстоятельствам, толкнувшим их на преступный путь. А объективных обстоятельств для этого, в сущности, не было.

Вот Ян Рогов. Отец — заместитель директора одного из ленинградских заводов. Но «нелады с обществом» начались рано. Еще в школе он начинает жизнь стяжателя. Его исключают из комсомола... Образумиться бы, учесть ошибки молодости, так нет, попал в заключение. Но не помогло. Попал вновь. Вернувшись, стал подторговывать книгами и заграничными безделушками. Как-то у гостиницы «Золотой колос» купил два костюма. Перепродал их. Понравилось. Прodelал такую же операцию с часами. Тоже не остался внакладе. Какой-то турист предложил доллары. Купил, перепродал. Убедился, что так можно делать деньги, и решил их делать. Покупал все, что продавалось, продавал все, что покупалось. Через полгода имел уже немалый оборот. Так он начинал. А сейчас говорил об операциях в сотни тысяч, и говорил спокойно, словно речь шла о вещах обычных, малозначащих.

У Горбышенко начало было похожим. Рогов, раз столкнувшись с ним, быстро вывел его на спекулятивную стезю.

Предупреждений тоже было немало. В штабе дружин, в милиции. Но ни они, ни два года заключения не пошли

впрок. Вернувшись, занялся тем же, чем и раньше. Ходил по улицам, подторговывал по мелочам. Рогов предложил достать доллары. Достал. Потом достал еще. И за несколько дней заработал десять тысяч. Когда Рогов рассчитывался с ним у себя дома, Горбышенко увидел у того целый чемодан денег. От Рогова не ускользнул завистливый взгляд подручного.

— Ты тоже можешь иметь их. Только живи с умом.

И Горбышенко начал «жить с умом». Дома отчитываться было не перед кем — родители жили в разводе. И у отца и у матери свои заботы. Он снимает комнату. Затем еще одну — для «деловых встреч». И все шире развивает спекулятивную деятельность...

Софья Цеплис кончила театральное училище. Работала в разных организациях, руководила самостоятельностью. Но везде манкировала обязанностями, дисциплиной, не уживалась с сотрудниками. Отличалась лишь одним качеством — умела достать что угодно, хоть птичье молоко.

В спекуляцию втянулась через приятелей отца — бывшего нэпмана. По старой привычке они приходили в квартиру Цеплис, чтобы обсудить свои дела, заключить подвернувшуюся сделку. В их разговорах фигурировали не какие-то там рубли да десятки, а тысячи. Софья Цеплис вошла в круг этих людей как «своя» и скоро стала не просто партнером, а партнером-асом. Самые крупные сделки совершались здесь, самые крупные клиенты приходили сюда, самые денежные тузы без опаски доверяли ей...

Супруг попался под стать. Сергей Дьячков начал было подвизаться в искусстве, но служение музам сменил на надежное покровительство предприимчивой жены и баснословные доходы от совместных спекулятивных дел.

Столь же извилистым путем шел по жизни Благунов. Работал в научном институте строительных конструкций, даже что-то и где-то консультировал. Но труд, работа претили ему. Спекуляции валютой и золотом оказались куда выгодней и заманчивей. Отсидел за это несколько лет и вновь пустился во все тяжкие.

Всех их роднило и объединяло одно: дух стяжательства, наживы, неумное стремление разбогатеть, разбогатеть во что бы то ни стало.

Рогов оформил себе четырехкомнатную квартиру в Москве, подыскивал каменную дачу в Подмосковье и дачу в Крыму...

Его интересы сводились к самым элементарным бытовым потребностям: рестораны, женщины, барахло, деньги...

Малисмедовы построили за четыреста пятьдесят тысяч каменный особняк. Потом стали скупать золото, драгоценности.

Дача под Сухуми, антикварная мебель, ковры, хрусталь, самые последние модели туалетов и деньги, деньги — цель и вождение Цеплис и Дьячкова.

Но у некоторых мыслишки шли дальше. Рогов не раз сокрушался, что в условиях нашей страны «деловому» человеку трудно развернуться. «Вот на Западе я бы показал себя!» Горбышенко не отставал в мечтаниях от своего шефа. Он тоже хотел оказаться «там». На первое время соглашался быть у Рогова... управляющим его магазином.

Этот молодой авантюрист пал особенно низко. Даже компаньоны сторонились его, их пугал его цинизм, пакостничество, физиологическая ненависть ко всем и всему.

Как-то он выгодно сбыл одному из иностранцев две старинные иконы. Когда вышли из кафе на ночные улицы Москвы, им навстречу шла группа веселой, смеющейся молодежи.

Иностранец (он был корреспондентом одной из газет), показав на молодежь, сказал:

— Ваши сограждане веселее тебя, Горбышенко. У них все о'кэй!

— Комсомольцы, — процедил Горбышенко.

— А ты не комсомолец? И не дружинник?

— Да вы что? Я этим комсомольцам да дружинникам... с удовольствием ребра бы переломал.

Сказано это было с такой злобой, что его спутник даже удивился.

Горбышенко рассказывал об этом случае Рогову с усмешкой, а глаза источали злобу, тоску, звериную ненависть.

Атмосфера паразитической жизни отравила их сознание, умерщвила все человеческое. Во мгле их жизни горел лишь один факел — нажива, стяжательство, корысть, алчность.

Золото с беспощадностью ржавчины изгрызло души этих людей, превратив их в механических роботов, извратило все понятия: чести, порядочности, человеческого достоинства.

Подполковник Петренко подводит итоги деятельности «Золотой фирмы»:

— Систематически скупая у иностранцев и советских граждан бумажную валюту и золотые монеты, а затем в целях наживы перепродавая их по спекулятивным ценам, вы нанесли серьезный ущерб советской денежной системе. Ваша преступная деятельность явилась источником нетрудового дохода большого круга лиц, способствовала нелегальному вывозу советских денег и иностранной валюты за границу, развитию контрабандной деятельности и спекуляции товарами. Приобретая нетрудовым путем крупные суммы денег, попирая законы Советского государства и руководствуясь спекулятивной мелкобуржуазной моралью, вы разложились сами и оказывали вредное воздействие на других лиц, толкнули многих на путь преступления.

В общей сложности, по далеко не полным подсчетам, вы, Роготов, совершили валютных сделок на десять миллионов рублей. Правильна ли эта цифра?

— У меня нет оснований оспаривать ее. Думаю, что действительно общий объем моих операций не был меньшим...

— По данным, собранным следствием, вы, гражданка Цеплис, совершили лично или приняли участие в сорока пяти крупных сделках, во время которых было скуплено и реализовано валютных ценностей на семь миллионов рублей. Подтверждаете ли вы эти данные?

— Подтверждаю.

— Вы, гражданин Горбышенко, только лично, без участия третьих лиц, совершили сделок по купле-продаже золота, валюты, икон на общую сумму примерно в три миллиона рублей. Оспариваете ли эти данные?

— Нет, не оспариваю.

Подтверждают свои спекулятивные сделки на сотни тысяч все другие обвиняемые, подтверждают многочисленные свидетели.

Петренко и Фомина вызвал начальник следственного отдела Комитета государственной безопасности. Тепло взглянув на подчиненных, он несколько торжественно объявил:

— Ну что ж, товарищи, поздравляю. Обвинитель-

ное заключение по «Золотой фирме» одобрено и утверждено.

Через несколько дней в центральных газетах было опубликовано сообщение, что Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР арестована и привлечена к уголовной ответственности группа преступников за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями в крупных размерах.

При обыске у них изъято большое количество золотых монет иностранной валюты, советских денег и других ценностей. Как установлено следствием, эти преступники скупили и перепродали иностранной валюты и золотых монет на несколько миллионов рублей.

Подполковник Петренко, прочтя сообщение, подумал с удовлетворением, что не зря потрачены многие месяцы кропотливого труда, не зря прошли бессонные ночи ученых, криминологов, экспертов, консультантов. Это их объединенными усилиями собраны в единую логическую цепь тысячи эпизодов и фактов из преступной деятельности «Золотой фирмы», доказана их неоспоримая достоверность.

Петренко открыл последнюю страницу обвинительного заключения, задержал взгляд на абзаце, резко подчеркнутым ярким синим карандашом. «Обвиняемые оказывали вредное воздействие на других лиц, толкнули на путь преступления».

Эти строчки были подчеркнуты рукой генерального прокурора страны.

Подполковник закрыл папку. Он прекрасно понял суть этой пометки. Дело Роготова, Горбышенко, Цеплис и их основных подручных закончено. Но предстояло выяснить степень вины тех, кто входил в широкий круг клиентуры этой группы, кто фигурирует в деле пока в качестве свидетелей. Их немало. И генеральный прокурор предупреждал о необходимости предельной осторожности с тем, чтобы суметь отличить невиновных от виноватых, сознательно вставших на путь преступления от тех, кого запутала в свои сети «Золотая фирма».

Мы сидим в небольшом строгом кабинете полковника Петренко. Он возглавляет уже другой, не менее сложный участок и, кроме того, ведет преподавательскую работу среди молодых чекистов.

Александр Митрофанович все так же собран, подтянут, глаза по-прежнему сверкают молодым задором. Только обильное серебро в волосах говорит о прошедших годах и нелегких делах, в расследовании которых ему пришлось принимать участие.

— Встречались ли с кем из участников дела Рогова, Горбышенко, Цеплис? — спрашиваю я полковника. — Ведь они уже, видимо, на свободе?

— Да, кое-кого видел. Благодарят за то, что вовремя прикрыли их «Золотую фирму», не дали докатиться до роковой черты, как это случилось с Роговым и Горбышенко. Обещают жить честно. Надеемся, что так оно и будет.

КОРАЛЛОВАЯ БРОШЬ

В кабинет к следователю прокуратуры советнику юстиции Кудимову вошел дежурный.

— Вам пакет из Сосновки. Из дачной конторы.

В пакете было письмо и небольшая, покрытая бархатом коробка. Советник отложил коробку в сторону и развернул послание начальника дачной конторы. Тот писал, что бригада, ведущая ремонт на даче № 40, за наличником окна спальни нашла прилагаемый сувенир. Рабочие просили отправить его в прокуратуру: может, он имеет какое-то отношение к истории, случившейся на даче? Еще начальник конторы просил решить вопрос с сараем. Основной владелец дачи, гражданка Фомина, хочет сарай пользоваться, а он, как известно, заперт, опечатан сургучной печатью, и без указания следственных властей контора открыть его не может.

Кудимов отложил письмо и взял коробку. Там лежала коралловая брошь. Вещица была отличная. Руки человека превратили прекрасный дар моря, ветку коралла, в подлинно художественное произведение. Искусно выточенные из целого куска светло-розового камня лепестки развернулись, как роскошный цветок, который казался грепетным, живым. Тонкий золотой стебель, к которому крепилась роза, и нежные листья из зеленого нефрита усиливали впечатление от этого яркого и оригинального украшения.

«С большим вкусом был мастер», — подумал Кудимов, убирая брошь в футляр. Когда он пристраивал ее в упругую скобку-держатель, картонка, покрывающая дно футляра, приподнялась, и под ней забелел небольшой, аккуратно вырезанный квадратик твердой, лощеной бумаги. Кудимов вытащил его. На бумажном прямоугольнике каллиграфическим почерком было написано: «Милому Галчонку на память о чудесных встречах. М. Б.».

Кудимов водворил картонку на место, медленно закрыл футляр, еще раз перечитал письмо начальника дачной конторы и задумался. Что это за брошь? Почему была так тщательно спрятана? Кому принадлежит? Может

ли она иметь какое-либо отношение к трагедии с инженером Нечаевым? Кто это Галчонок и кто М. Б.? Кудимов снял трубку и позвонил капитану Снежкову, с которым они вели дело, связанное с гибелью инженера Нечаева.

— Капитан? Жив-здоров? Все в норме? Очень хорошо. Ты смог бы заехать ко мне? Дело есть, хочу тебе один сувенир показать.

Снежков приехал вскоре. Повертев в руках брошку, прочтя записку, проговорил:

— Изящная вещица. Видимо, больших денег стоит.

— Наверное. И обнаружена она в спальне Нечаевых. Вот так.

— Чей-нибудь подарок.

— Согласен. Но не мужа. Его-то, как известно, звали Владимиром. А тут М. Б.

— Да, пожалуй.

— Именно поэтому брошь оказалась тщательно спрятанной. Ее нашли рабочие за внутренним наличником окна. — Помолчав, Кудимов добавил: — Не нравится мне все это. Уж не поспешили ли мы с окончанием следствия?

— Подожди, подожди, советник. Очень уж ты спешишь. Ну брошь, ну записка. А может, все это к случаю с Нечаевым не имеет никакого отношения?

— Допустим. Но Галчонок — это ведь уменьшительно-ласкательное от Галины? Так?

— Похоже.

— Я тоже так думаю. И брошка, по всей видимости, принадлежит Галине Нечаевой.

— Если учесть, что до Нечаевых Фомина дачу никому не сдавала, то, пожалуй...

— Вот именно. И знаешь, что-то беспокоит у меня на душе. Докопались ли мы до истины?

— Да что ты, Павел Степанович! Ни у кого даже тени сомнения не возникло. И заключения экспертов, и показания свидетелей, наконец, обстоятельства, факты — все сводится к одному: несчастный случай. А вы все еще сомневаетесь. Да и кого тут заподозрить можно? Врагов у Нечаева не было, Фоминой это ни к чему. Ну а жене тем более. Показания, как вы сами отмечали, четкие, ясные, уверенные.

— Показания действительно четкие, это верно. Только все ли так было, как гражданка Нечаева поведала? И как свидетели подтвердили? Вот это-то меня и мучает.

— А какой резон им говорить неправду? Просто нелогично.

— Бывают, капитан, такие ситуации, в которых человек действует не только не в ладу с логикой, а вопреки ей. А кроме того, у каждого бывает своя логика. Теперь вот вполне можно предположить, что Нечаева преподнесла нам свою собственную версию событий. А мы приняли ее за истину. Могло так быть?

— Ну, не знаю. Не уверен в этом. По-моему, дело это вполне ясное.

— Я тоже хочу так думать. И фактов, чтобы не согласиться с тобой, у меня пока нет. Вот только разве эта коралловая брошь?

— Так что же, будем все ворошить вновь? — спросил Снежков.

— Я запрошу дело, почитаю. Потом позволю. Но не исключено, что ворошить придется.

...Показания жены погибшего — Галины Нечаевой, ее ответы на вопросы следователя Кудимов читал особенно тщательно. И вновь отметил их лаконизм, четкость и деловитость. Но это же и настораживало. То, что Нечаева скупо говорила о своих отношениях с мужем, о различных деталях их семейной жизни, было объяснимо. Но поражало какое-то холодное, равнодушное отношение к свершившейся трагедии.

«— Когда погас свет, — читал Кудимов, — я крикнула ему, чтобы занялся пробками, иначе всю ночь в темноте сидеть будем. Он пошел проверять, но пробки оказались в порядке. Тогда полез на силовой столб осматривать провода. И тут вдруг вспышка, его крик. Я выбежала — он уже на земле лежит. Мы с соседкой стали звонить в «Скорую»... Вот, собственно, и все.

— Судя по материалам, вы жили с мужем не очень-то дружно?

— Не очень, согласна. Но к делу это, как я полагаю, не относится?

— И все же. В этот вечер размолвка тоже была?

— Сказала я ему пару теплых слов, когда он возился с пробками. За то, что поздно пришел. На работе так долго не задерживаются.

— У вас были основания для каких-то подозрений?

— Конечно, были. На вашего брата мужчин полагаться нельзя. Не успеешь оглянуться — уже роман. А около него девчонок было полно. И в цеху, и в их са-модеятельном театре.

— И как он реагировал на эти несколько «теплых слов»?

— Да никак. Из равновесия больше выходила я. Он же непробиваемый был. А если выпьет, так и вовсе. Только улыбается, как блаженный.

— Выпивал он часто?

— Последнее время часто. И в этот вечер навеселе приехал.

— А экспертиза этого, однако, не установила.

— Не знаю уж, как там ваша экспертиза, а я запах спиртного за версту чую...»

Кудимов закрыл папку, со вздохом отодвинул ее от себя. Ничего нового из показаний Нечаевой он не почерпнул, ясности не прибавилось. Не сняли они и той смутной, беспокойной тревоги, что закралась в его сознание.

Походив в задумчивости по кабинету, Кудимов вновь раскрыл папку и стал читать показания Фоминой — хозяйки дачи.

Фомина на все вопросы следователя отвечала охотно, не скупилась на детали, и даже при учете большой звукопроводимости дачных стен нельзя было не удивляться ее осведомленности.

«Жили Нечаевы сначала честь по чести. Хорошо и ладно жили. А потом как пошло, как пошло. Скандал за скандалом, скандал за скандалом. Придет он вечером, выпивши, конечно. То ему не так, это не эдак. А она молчит, молчит, да потом тоже в голос на него. Ну, тут уж шум, крик, ругань. А то и драка. Я все крещусь, бывало, чтобы до смертоубийства не дошло. А как одиннадцатого-то августа все было, я подробно обсказать затрудняюсь. Уж очень нервная стала. В те дни у меня племянник мой, Мишель, гостил. Он инженер, за границей работает, ну и приехал навестить тетку. Зашел он к Нечаевым-то на их половину, а потом возвратился и говорит мне: «Ну, будет сейчас дело. Только ты, тетя Паша, не вмешивайся, поостерегись».

Хорошо, что упредил он меня. Вскорости у них и началось. Ссорились они, ссорились, шумели, шумели, а потом бац — свет погас. Слышу, вышел Нечаев на улицу и что-то прокричал ей насчет ключей. А потом удар какой-то слышался, треск и вспышка огненная. Перекрестилась я, решила выйти посмотреть, а тут Галина появилась. Мужа, говорит, током ударило. Позвонили мы в «Скорую», да где там...»

Изложение событий того вечера в трактовке Фоминой полностью совпадало с показаниями Нечаевой. Свидетельства племянника Фоминой, Михаила Яковлевича Бородулина, тоже подтверждали эту версию.

Кудимов показания Бородулина перелистал торопливо, долго вглядывался в его подпись под протоколом, затем достал записку, что лежала с брошью в бархатной коробке. Почерк, кажется, один и тот же. Кудимов вновь внимательно перечитал записку. Если графологическая экспертиза подтвердит, что записка его, значит, брошь была подарена Бородулиным. Правда, в факте подарка нет ничего сверхъестественного. Соседи все же. Но почему Галина спрятала коробку? И еще: «На память о чудесных встречах». Что это были за встречи?

Припомнилась Кудимову и еще одна деталь, оставшаяся непроясненной. О каких ключах кричал Нечаев жене? Что за ключи?

«Что-то многовато невыясненных деталей получается, — подумал Кудимов. — Но тогда надо быть логичным до конца, признать, что дело недоследовано и его надо начинать вновь...» Он понимал, что многие отнесутся к этим его соображениям с недоумением. Какой смысл? Дело закончено? Закончено. Новых весомых обстоятельств нет? Нет. Коралловая брошь? Какую же надо иметь силу воображения, чтобы связать эту безделушку с совершенно ясным несчастным случаем?

Как Кудимов и предполагал, начальник следственного отдела Коваленко — его непосредственный начальник — удивился:

— Новое расследование, конечно, можно провести. Но чего мы добьемся? Какой будет итог? Более полно будут представлены обстоятельства? Пусть так. Но сути-то они не изменят. Преступления-то здесь нет.

— Так категорически я бы не утверждал.

— Что, убийство? Чепуха. Кто его там, на столбе, мог убить? Не фантазируйте. Просто типичный случай безрассудства. Правда, супруга у Нечаева была такова, что от нее не только на столб — к черту в преисподнюю полезешь. Но это уже другая сторона медали.

— Ну а если все-таки... убийство?

— Кто? Зачем? По каким мотивам?

— Ну а если бы я знал это... Можно только предположить...

— Предположить можно, а вот доказать...

— Вот я и хочу попытаться это сделать.

— Ну что ж, ни пуха вам ни пера.

С чего начать, возможно, бесперспективное занятие, Кудимов и Снежков обсуждали долго, спорили до хрипоты. Работы предстояло много. Надо было вновь и более подробно передопросить всех свидетелей этой драмы, назначить повторные экспертизы, отыскать немало новых лиц, которые общались с Нечаевыми, но не были в то время допрошены. Как знать, может быть, кто-то из них и приблизит следствие к истине?

— Итак, завтра едем в Сосновку? — еще раз переспросил Кудимова Снежков.

— Да, да, едем. Кстати, надо, видимо, снять этот запрет с сарая. Фомина уже жаловаться начала. Он что, для нас чем-то важен?

— Да ничего особенного. Опечатал я его на всякий случай, энергощиток там старый. Теперь новый установлен, в самой даче. Сарай можно и открыть. Не пойму только, зачем этой старой сквалыге он так экстренно понадобился?

— Не знаю. Телеграмму сегодня прислала.

— Откроем, раз так. Специалисты все энергохозяйство обследовали. Так что пусть пользуется своим сараем... — Сказав это, Снежков замолчал. Молчал долго. Потом расстегнул и застегнул верхнюю пуговицу кителя, что всегда являлось у него признаком большого волнения.

Кудимов спросил удивленно:

— Ты что примолк?

— Павел Степанович, боюсь, что меня осенила потрясающая мысль.

— Да? И можно ее узнать?

— Помните: Фомина показывала, что Нечаев крикнул жене что-то о ключах, вроде того, посмотри, мол, ключи...

— Да, она утверждает, что слышала что-то подобное.

— А может, он крикнул не «ключи», а «включи» или «выключи»?!

Кудимов долго смотрел на Снежкова, затем встал из-за стола, закурил сигарету:

— Ты говоришь, сарай опечатан? И никто ничего в нем не трогал?

— Ну, может, кто самовольничал. Только не думаю.

— В Сосновку нам надо, Алеша, ехать не завтра, а сегодня, сейчас. Ты как?

— Что как? Раз надо, значит, надо.

Дачный сарай Фоминой был по-прежнему заперт, и сургучная печать, наложенная Снежковым на дверные

створки, была на месте. Как только они вошли туда, Кудимов сразу направился к силовому щитку.

— Алексей, осмотри внимательно, ничего не тронута?

— Вроде все как было.

— И рубильник остался в том же положении?

— Да, в том же.

— Очень хорошо. Завтра же вези сюда экспертов, пусть вновь обследуют каждый миллиметр щитка. И особенно рубильник.

— Так проще снять весь щиток и отвезти в лабораторию.

— Ни в коем случае. Пусть приедут.

— Вы думаете...

— Ничего нового, Алеша, я не придумал. Просто взял на вооружение твою же мысль. А она... может, и не столь уж потрясающая, но что-то такое в себе содержит. Только давай не будем спешить.

Галина Нечаева после похорон мужа заболела и находилась на излечении в городской неврологической клинике. Врачи больную беспокоить не разрешили, и Кудимову со Снежковым ничего не оставалось, как ждать ее выздоровления. За это время они узнали кое-что из ее биографии. Родилась в одной из кубанских станиц, три года назад приехала в Приозерск. Работала в проектно-институте чертежницей. С Нечаевым познакомилась здесь же, он приезжал в институт от своего завода согласовывать проект нового механического цеха.

Прасковья Фомина рассказала, что бывала иногда у Галины какая-то молодая девица с места ее работы. За неделю до случая с Нечаевым тоже заскочила. Побывала несколько часов и уехала.

— Так, вертихвостка какая-то. Все глазки строила нашему Мишелю. Пощебетала, пощебетала она с Галиной, да и была такова. Обещала наведываться, но, видно, закрутилась, не появлялась больше.

Подружка Нечаевой Людмила Самохина была ультра-современной девицей, в донельзя короткой юбчонке, со всклокоченным шатром на голове, тяжелыми от обильного слоя краски ресницами.

— О трагедии в Сосновке? Да. Знаю. Я была уверена, что этот альянс добром не кончится.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, их семейную жизнь.

— А почему вы так думали?

— Мужлан он был, ужасно некоммуникабельный. Ну совсем, совсем не подходящий для Галки. И как это она за него выскочила, до сих пор не пойму.

— А какая была цель вашей поездки к Нечаевым в Сосновку?

— Мы с Галкой собирались на курсы иностранных языков поступать, потому я и поехала к ней. Только все это кувырком полетело.

— А почему она ушла из вашего проектного института?

— Ее благоверный настоял, чтобы лучше подготовилась к вступительным экзаменам.

— Выходит, заботливый был муж?

— Не знаю, может, и заботливый. Только очень уж старомодный. Ну прямо-таки доисторическая личность. Как-то мы стали танцевать с Галкой что-то невинное, но современное. Так, представляете, ушел. Смотреть, говорит, тошно. Нет, ошиблась в нем Галка, явно ошиблась. Она и сама это, по-моему, поняла и исправила бы, наверное, свою оплошность, не произойди этот дикий случай. Да что тут говорить, если бы не Мишель, она бы с ума сошла в этой Сосновке.

— Мишель? Кого вы имеете в виду?

— Ну сосед их, Мишель Бородулин.

— Они что, были... дружны?

— Кто?

— Нечаева и Бородулин.

— А что, в этом есть что-то предосудительное?

— Нет, конечно. Но вы имеете в виду дружбу семьи Нечаевых или... Галины?

Самохину этот вопрос не удивил и не озадачил.

— Насчет Нечаева сказать не могу. А взаимный интерес Мишеля и Галины был очевиден. Большого я, конечно, не знаю. Галка была не простушка. С чего бы она мне выложила свои интимные дела?

— Ну, мало ли как бывает. Может, совет ваш был нужен, помощь какая.

— У нее и без меня была советчица.

— Кто же это?

— Полина — старшая сестра. Галина уважала ее. Она на родине Галки живет, в Краснодаре.

Это было новое обстоятельство. Старшей сестре могли быть известны факты, способные пролить дополнительный свет на всю эту историю.

Капитану Снежкову приходилось бывать в самых разнообразных командировках, выпадали нередко и мало-приятные поручения, и встречи с людьми. Но никогда еще он не собирался в поездку с таким тяжелым, неприятным чувством.

— Почти уверен, что этот мой вояж закончится полным провалом, — со вздохом признался он Кудимову.

— Загад не бывает богат, капитан. А может, все случится наоборот. Люди ведь все разные.

Ближе к истине в данном случае оказался Кудимов.

Преподаватель истории Полина Григорьевна Лагутенко встретила капитана сдержанно, но спокойно. Она отложила в сторону стопку ученических тетрадей, которые только что проверяла, и, сняв очки с утомленных глаз, проговорила:

— Вы, видимо, по делу Нечаева?

— Да, именно по этому делу. Извините, Полина Григорьевна, но, знаете, служба, вынужден. И сразу хочу оговориться: вы вправе не отвечать на вопросы, отказать в моих просьбах. Но, понимаете, ряд обстоятельств требует уточнения. Потому-то мы и решили отправиться сюда, побеспокоить вас.

— Что же теперь толку в этих уточнениях? Владимира не вернешь, Галина тоже травмирована на всю жизнь. Но если могу быть полезной, то пожалуйста. Однако прежде хочу попросить вас, и попросить категорически. Не встречаться с мамой, не тревожить ее. Она и так крайне плоха.

— Хорошо, Полина Григорьевна. Ограничимся беседой с вами.

— Так что же вас интересует?

— Нам стало известно, что Галина Григорьевна доверительно относилась к вам, советовалась с вами. Может, вам известно что-либо существенное из их жизни?

— Мало я знаю, очень мало. И в какой-то мере считаю себя виноватой перед Галей. Не надо было ее так рано отпускать из дому, не настояла я на этом в свое время, а теперь вот раскаиваюсь. Галя всегда была очень экзальтированной, своенравной натурой, с повышенной чувствительностью. Мы всегда боялись за нее. И как видите, не без оснований. Уехала она в Приозерск. В институт не попала ни в первый, ни во второй раз. Это ее оскорбило, обидело, ущемило самолюбие. Звали мы ее домой, но опять-таки не настояли. Она осталась в городе, устроилась на работу. Была я у нее дважды — вроде все

было хорошо. И работа неплохая. Успокоились мы, тем более что и мысль об учебе она не бросала. Потом получаем письмо: вышла замуж. Для нас это было как гром среди ясного неба. Ну а что сделаешь? Молодые нынче сами все решают. Потом она приехала к нам с мужем. Скажу вам прямо: Владимир мне и маме понравился. Серьезный, немногословный, удивительно обстоятельный какой-то. Радые мы были за Галю. А этим летом, видимо, что-то произошло между ними. Писала Галина об этом глухо, немногословно. Но чувствовалось, мечется она, попала в трудный жизненный переплет. Не успела я ответить на ее предыдущее письмо, как получила новое. Оно меня буквально ошеломило. Галина писала ужасные вещи. Что муж ее распутник, пьяница, никчемный неудачник, что она не может с ним жить, вынуждена искать выход из заколдованного круга. Что за выход? Какой? Отругала я ее на чем свет стоит, умоляла не принимать никаких решений до нашей встречи. Рассчитывала вскоре выехать к ним. А потом получаем страшную весть о несчастье с Владимиром. Помчалась я в ваш город. Ну, сами понимаете, в каком состоянии была сестра. Успокоила, как могла, в больницу определила. Что вас еще интересует?

Снежков задумался. Просьба, с которой ему предстояло обратиться к Полине Григорьевне после ее такого откровенного и искреннего разговора, казалось ему по меньшей мере бестактной. Но обстоятельства требовали этого.

— Полина Григорьевна, если можно, разрешите посмотреть последнее письмо Галины.

— А это очень важно? Мне бы не хотелось...

— Выпужден настоятельно просить об этом.

— Ну, что же делать...

Прочтя письмо, Снежков проговорил в задумчивости:

— Да, видимо, действительно через пень колоду все пошло у них, раз столько гнева накопилось. Смотрите, какие слова: «Цепи на руках, вериги, стена, застилающая мне свет...»

— Да, конечно. Но кто мог предположить, что Нечаев окажется... таким? Галина при последней встрече сказала ужасные вещи... Только, извините, передавать их я не буду. Мертвых обычно не судят.

— Согласен с вами. Но мой долг установить истину, какой бы она ни была горькой.

Что-то в интонации Снежкова насторожило Полину Григорьевну. Она побледнела.

— Я хочу, чтобы вы убедились в одном — Галина тонкая и искренняя натура. И если у них с Нечаевым жизнь не удалась, то вина лежит не на ней. Возможно, со временем у них и уладилось бы все, если бы не этот нелепый случай.

Что мог ответить ей Снежков? У него уже сложилось довольно определенное направление мыслей по этому делу. И оно было прямо противоположным тому, что пыталась доказать Полина Григорьевна. Но травмировать раньше времени эту женщину Снежкову не хотелось.

— Полина Григорьевна, верьте: мы сделаем все, чтобы истина была установлена. Это все, что я могу вам сказать.

— Так что пора, товарищ советник, приглашать мадам Нечаеву и ее донжуана, — подытожил Снежков свой доклад о результатах поездки в Краснодар. Снежков говорил несколько приподнято, он все еще находился под впечатлением от своей поездки.

Кудимов согласился:

— Да, пожалуй, можно и вызывать. Здесь мы тоже навели кое-какие справки. И о Бородулине в том числе.

— Вероятно, любопытный малый? Не зря же Нечаева влюбилась в него до безумия.

— Влюбилась? Ты убежден в этом?

— Полностью.

— Даже так? Ну что же, бывает. Посылай ему телеграмму. Только с его начальством предварительно согласуй.

И вот Михаил Бородулин перед Кудимовым и Снежковым. Модно и даже броско одетый, длинные, по плечи, волосы, ухоженные баки.

— Мы вас вызвали по поводу несчастного случая с инженером Нечаевым.

— Я это понял и, не скрою, удивился. Все, что мне известно, я сообщил при первой же нашей встрече. Нового сказать ничего не могу, ибо ничего больше не знаю. Какая надобность была в том, чтобы отрывать меня от дела, немаловажного, между прочим, тащить сюда за тысячу километров, чтобы услышать то, что уже записано в ваших протоколах?

— Понимаете, Михаил Яковлевич, вскрылись некоторые новые обстоятельства.

— Что, может, меня подозреваете в убийстве? — с сар-

казмом спросил Бородулин и попросил разрешения закурить.

— Курите, пожалуйста.

— Я могу лишь повторить, что говорил ранее. И какие бы новые обстоятельства вы по этому делу ни обнаружили, я к ним отношения не имею. Да и какие еще могут возникнуть обстоятельства? Полез человек на столб, обмишурился по собственной глупости, забыв, видимо, элементарные законы физики. Что тут может возникнуть нового?

— Возможно, и так, Михаил Яковлевич. Но не объясните ли нам некоторые обстоятельства, связанные с этой вещью? — Кудимов поставил перед Бородулиным коробку с коралловой брошью.

— Что я должен объяснить?

— Эту брошь Нечаевой подарили вы?

Бородулин не спеша раскрыл крышку, пристально осмотрел брошь и аккуратно отодвинул сувенир от себя.

— Отличная вещь, — промолвил он.

Кудимов нахмурился:

— Отвечайте на вопрос. Вы подарили?

— Да, я. Но что из этого следует?

— И записка ваша?

— Какая записка?

— Посмотрите, она под брошкой.

Бородулин плохо слушающимися пальцами достал записку, прочел.

— Ваша записка?

— Моя. Но...

— Как все это можно объяснить?

— Слушайте, товарищи следователи, вы не забыли, что вам далеко не все позволено? Вы, кажется, и впрямь хотите прилепить мое доброе имя к этому делу? Осторожнее, знаете ли.

— Вы ответьте на вопрос.

— Ну а что тут можно ответить? Да, я подарил эту безделушку Нечаевой, черкнул несколько ничего не значащих слов. Что из этого следует? Из мухи слона делаете.

— А как вы оцениваете вот это свидетельство? Соответствует ли оно действительности? — Кудимов положил перед Бородулиным показания Самохиной.

Бородулин надел очки, потом снял их, протер, надел вновь. Долго, шевеля губами, читал листки, положенные перед ним. Затем хрипловато проговорил:

— Невероятно. Гражданка Самохина явно превратно поняла наши отношения.

— Но вы ведь оценивали их точно так же и даже гораздо определеннее. Припомните ваши разговоры с Игорем Синягиным, Василием Кучеренко и Николаем Смирновым. Вот читайте их показания.

Снежков еще до приезда Бородулина прочитал эти протоколы и вновь сейчас подумал: Кудимов не сидел тут сложа руки, пока он ездил на Кубань. Показания приятелей Бородулина были очень существенны для дела, и Кудимов со Снежковым с интересом ждали реакции Бородулина на эти документы.

Бородулин медленно читал одно, другое, третье показание и наконец со вздохом отодвинул папку с протоколами.

— И вы всерьез поверили в эти сказки? Не ожидал, знаете ли. Надо же отличать мужскую болтовню от серьезного разговора. Кто из нас не прихвастнет после рюмки-другой о своих успехах у женщин?

— И все-таки вам придется все это объяснить.

Бородулин лихорадочно стал обтирать вспотевший лоб, нервно загасил сигарету.

— Скажите, а на моей службе об этом... Если я расскажу... Ну, обо всей этой истории будут знать?

— Смотря что будет установлено.

— К смерти Нечаева я отношения не имею. Я тут совершенно чист. Но понимаете, я на ответственной работе... И естественно...

Кудимов его сухо прервал:

— Я прошу вас говорить по существу. И уясните себе, пожалуйста, если вы так озабочены своей репутацией, что ложь и увертки вам не помогут, а скорее повредят. Очень советую помнить это.

Бородулин вскинул голову:

— Я отвечу на ваши вопросы. Но прошу перенести разговор на завтра.

— Почему же?

— Хочу все еще раз обдумать.

Кудимов и Снежков переглянулись. Значит, товарищ Бородулин не так-то уж чист в этой истории?

— Ну что же, завтра так завтра, — согласился Кудимов.

Когда утром следующего дня Снежков вошел в комнату Кудимова, тот стоял у окна, нервно курил сигарету и читал какую-то бумагу.

— Давай, давай, заходи. Очень интересная новость, — торопливо пригласил он.

— Какая же?

— Вот читаю заключение экспертизы. Слушай выводы: «Отпечатки пальцев на рукоятке рубильника силового щитка в сарае принадлежат гражданке Нечаевой». Как тебе это нравится?

— Что же выходит? Она выключила... Затем...

— Затем включила. И все. Потребовались лишь секунды. Так что твоя догадка, что Нечаев не о каких-то там ключах кричал жене, а просил выключить рубильник, оказалась верной. Поздравляю тебя.

— Вот видишь, а ты меня не ценишь.

— Всему свое время, капитан. А теперь садись за стол. Будем беседовать с гражданкой Нечаевой. Посмотрим, что она будет говорить.

— Не думаю, что легко признается даже при наличии таких улик. Будет выкручиваться, и основания для этого кое-какие есть.

— Например?

— Например, почему отпечатки пальцев на рубильнике обязательно надо связывать с одиннадцатым августа? Она могла их оставить раньше.

Нечаева заявила дважды и категорически, что в сарай она не ходила вообще. Это зафиксировано в протоколах допроса.

— Интересно, как она теперь все будет объяснять.

— Это мы сейчас увидим и услышим.

Нечаева вошла в кабинет Кудимова спокойная, собранная. Почти двухмесячное пребывание в больнице явно пошло ей на пользу. Она посвежела, темные, набухшие полукружья под глазами расправились. В меру были подведены брови и ресницы, аккуратно подстриженные ногти поблескивали розовым перламутром.

— Я вас слушаю, товарищи. Видимо, опять по делу Володи?

— Да, все по тому же делу.

— Но я уже все рассказывала. Самым подробным образом.

— Да, да, мы знаем. Но дела такого рода быстро не заканчиваются. Вот и у нас возникли некоторые дополнительные вопросы.

— Пожалуйста, если смогу, с готовностью отвечу на них.

— Первый вопрос по поводу вот этой брошки. — Ку-

димов выставил на стол футляр, открыл его. — Это ваша брошь?

— Да, моя. Только пропала она куда-то. Искала я ее, искала, да так и не нашла.

— Ее нашли за наличником окна в спальне.

— Да? Как же она попала туда?

— Это мы у вас хотим спросить. Припомните, пожалуйста.

Нечаева долго морщила лоб.

— Кажется, действительно я ее туда положила. Что-то такое было.

— А что же именно?

Нечаева игриво улыбнулась:

— Ну, не все должен видеть муж, что покупает жена.

— Да, вероятно, бывает и так. Но брошь-то не купленная, с ней вместе находилась и эта вот небольшая записка. Взгляните.

Прочтя записку, Нечаева проговорила:

— Да, все верно. Это подарок одного знакомого.

— Михаила Бородулина? Так?

— Вам и это известно? Быстро, однако. Буду теперь знать, что с нашими криминалистами держи ухо востро, — скривив в усмешке губы, проговорила Нечаева и вся напряглась, ожидая следующего вопроса.

— Были и другие подарки?

— Ну а что тут особенного?

— Замшевое пальто, синий брючный костюм — это тоже подарки Бородулина?

— Да, его. Мы ведь друзья.

— Друзья? И только?

Нечаева возмущенно повела плечами:

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Пожалуйста. Это ваше право. Но из материалов дела явствует, что вы очень сильно докучали мужу своей ревностью. Поводы же для этого скорее были у него, а не у вас.

— А вам не кажется, товарищи следователи, что все это сугубо личное, интимное? И к делу отношения не имеет.

— Имеет, и довольно существенное. Ваше поведение по отношению к Нечаеву было провокационным. Якобы на почве ревности вы терзали его скандалами, хотели допечь, доконать, добиться, чтобы ушел. Нечаев мучился, начал попивать, сам стал огрызаться... но, не уходил. Да и не собирался. И тогда...

— Что же тогда? — хрипло спросила Галина.

— Тогда наступило одиннадцатое августа. Случаи с оборванными проводами. Все вы сделали удивительно тонко, в уме вам отказать нельзя.

Нечаева, поперхнувшись, выдавила из себя:

— За комплимент спасибо. Но что я сделала? Послала его исправить пробки? Кто мог предположить, что все так кончится?

— Не спешите, Галина Григорьевна. Давайте разберемся вместе. Расскажите еще раз подробнее, как погиб муж...

— Но я уже все, и не раз, рассказала. Произошло это буквально в какие-то доли минуты. Он вышел на улицу. Потом я слышу, зовет меня. И только я вышла, на столбе, куда он забрался, появилась зеленая вспышка, и Владимир, вскрикнув, упал вниз. Вот и все.

— Что он кричал вам, когда вы вышли из дачи?

— Ну, я не помню. Просто звал меня.

— Фомина показала, что он кричал что-то вроде «ключи», «ключи»...

— Не помню, не знаю. При чем тут ключи? Каких ключи? Я не слышала этого.

— Зачем же он звал вас?

— Видимо, чтобы я помогла в чем-то. А сказать не успел.

— А зачем вы забежали в сарай, когда вышли после его зова?

— В сарай? В сарай я не заходила.

— А раньше?

— Раньше бывала. На даче мы прожили не один день. Мало ли хозяйственных надобностей бывает.

— Но на прежних допросах вы утверждали, что не ходили туда, так как сарай вам не принадлежал.

— Правильно, он принадлежал только хозяйке, но ходить в него я могла.

— Так ходили или не ходили? Припомните точно.

— Говорю же вам: бывала. Из-за того же света. Он пропадал и раньше. Помню, ходила туда, чтобы узнать, в чем дело.

— Вы говорите неправду, Нечаева. Свет на даче выключался дважды. Первый раз в июне, во время грозы, и притом во всем поселке. Подстанция включила его вновь через пятнадцать минут. Второй раз неполадки со светом были второго августа. Отошли контакты пробки. Бородулин, как вы помните, справился с «аварией» за

пять минут. Так что и в этом случае выяснить, в чем дело, не требовалось.

— Возможно, я запомнила что-то. Допускаю. Но почему вас не устраивает...

— Нас может устроить только истина, гражданка Нечаева. Только она. И поэтому ответьте нам четко и ясно: зачем вы заходили в сарай одиннадцатого августа, когда Владимир вас вызвал из дачи?

— В тот вечер я не была там, утверждаю это категорически.

— Но и Фомина и Бородулин утверждают, что видели в окно, как вы, выйдя из дачи, побежали к сараю. И только потом была вспышка.

— Вы знаете, в такие трагические моменты трудно запомнить течение событий в деталях. Но в сарай не заходила. Да и что мне там делать?

— Вам было что там делать, Нечаева. На рубильнике силового щитка обнаружены отпечатки ваших пальцев. Вот послушайте заключение дактилоскопической экспертизы...

Нечаева слушала заключение экспертов хмурясь.

— Это еще ни о чем не говорит. Я буду опротестовывать это заключение.

— Опротестовывать заключение можно, но бесполезно. Вы лучше думайте, как оправдать наличие следов пальцев вашей руки на рубильнике, — сухо заметил Кудимов. А Снежков добавил:

— И еще вам следует подумать, как объяснить ваши слова Бородулину в прихожей, тут же после звонка в «Скорую»: «Вот я и свободна...»

— А кто мог слышать такое? — вскинулась Нечаева.

— Это подтверждается показаниями Бородулина.

— Мишель не мог этого сказать, не мог. Не верю.

— Вы можете ознакомиться с его показаниями. Кроме того, вам предстоит встреча на очной ставке.

...На очной ставке с Бородулиным Нечаева вела себя перво, возбужденно, лихорадочный румянец покрыл ее щеки, она то и дело заискивающе улыбалась Бородулину. Но ее попытки найти контакт с ним ни к чему не привели. Бородулин был во власти животного страха и думал только о том, как выпутаться из всей этой опасной истории, не очутиться рядом с Нечаевой.

Она, улучив момент, взяла его руки в свои, хотела сказать что-то, но вдруг отбросила их, словно наткнувшись на что-то раскаленное, обжигающее.

Не составляло особого труда распознать душонку этого хлыща, догадаться о его мыслях. И Нечаева «прозрела». Глаза ее налились ненавистью:

— Так-то сдержал свое слово! Трех месяцев не прошло... Подлец... Какой же ты подлец!

Бородулин сидел, втянув голову в плечи, и все прятал, закрывая другой рукой, обручальное кольцо, которое сверкало у него на пальце и которое так опрометчиво он не снял, идя сюда.

Нечасва вытащила белый кружевной платок, тщательно вытерла руки, словно стараясь не оставить и следа от недавнего прикосновения, и, обращаясь к Кудимову, твердо, с нотками нервного вызова проговорила:

— Теперь мне терять нечего. Я расскажу все. Но пусть и этот ублюдок получит свою долю.

Длинный, занявший целых три дня разговор с Нечаевой, почти столь же продолжительный допрос Бородулина, несколько встреч с Фоминой, с Самохиной, скрупулезное изучение прежних материалов позволили Кудимову и Снежкову предельно точно восстановить события, происшедшие одиннадцатого августа.

Владимир Сергеевич Нечаев, инженер-технолог стеклокомбината, приехал в Приозерск десять лет назад после окончания института. Слыл он в некоторой мере оригиналом в силу того, что все еще ходил в холостяках. Малоразговорчивый, застенчивый и медлительный, он увлекался немногим, вечно что-то изобретал у себя в цехе и постоянно пропадал в самодеятельной студии драматического искусства при заводском Доме культуры. Здесь-то он два года назад и встретил свою Психею — Галину Лагутенко. Увидел и онемел. Сам-то Нечаев, может, и год, и два, и больше ходил бы вокруг да около, но Галина в ответ на его воздыхания проговорила довольно деловито:

— Вы что же, предложение мне делаете?

— Можно и так считать.

— Ну что же, чему быть, того не миновать.

Как более энергичная и решительная натура, Галина быстро взяла в свои руки руль семейного корабля. Гибкая, поджарая, с длинными, крепкими ногами, она стремительно носилась по квартире, наводя здесь свой порядок и свой стиль.

— Нечаев, прими-ка эту тяжеленную статую. Ну и что, что это твоя премия? Пусть в кладовке лежит. Поставим сюда вот эту штуку. С трудом ее вырвала в художественном салоне.

— А что это такое? — рассматривая замысловатую путаницу рук и ног, с недоумением спросил Нечаев.

— А ты что, не петришь в абстрактном искусстве? Мне тебя жаль, Нечаев.

Сама она тоже в этом искусстве понимала мало, наверное, даже меньше Нечаева, но верхушек нахваталась предостаточно и старалась, чтобы в квартире все было «в духе времени».

Нечаев относился к хозяйственному рвению Галины снисходительно и даже с одобрением. В конце концов, раз ей нравится, значит, это хорошо. Он относился к жене с каким-то робко-трепетным обожанием, боготворил ее, считал, что ему удивительно повезло в жизни.

Как-то Нечаев, после того как пропадал куда-то несколько воскресений подряд, пригласил жену поехать в Сосновку.

— Зачем?

— Я там дачку приглядел. Вернее, полдачи. Две комнаты, веранда, отдельный вход и участок есть. Небольшой, правда, но уютный, солнечный такой.

— Дачку? И мне ничего не сказал. Ну ты хитер!

— Лишь бы тебе понравилась.

Дача Галине понравилась. А когда Нечаев принес документы, из которых явствовало, что покупка оформлена на ее имя, Нечаева горячо расцеловала супруга.

Скоро, хотя шел только апрель, Нечаевы перебрались на лоно природы. Так как Галина все еще не бросала мысль поступать на курсы иностранных языков («Только туда, и никуда больше. Хочу мир увидеть»), муж предложил ей уйти с работы. Тем более что и хлопот по даче оказалось немало. Галина изо всех сил старалась придать ей современный стиль. Учебники пока лежали в шкафу нетронутыми.

Вскоре Фомина пригласила Нечаевых на скромное пиршество по поводу приезда родственника.

Племянник Фоминой — Михаил Бородулин, тридцатилетний рослый, атлетически сложенный парень, с черной, отливающей синью гривой волос, много рассказывал интересного и беседу и все веселье за столом полностью взял в свои руки. А в конце и свою тетю, и даже Нечаева заставил станцевать что-то дико африканское. А с Галиной он чего только не откаблучивал под бесконечные катушки какого-то заграничного магнитофона!

Ночью, когда ушли от Фоминых, Галина поделилась с мужем:

— Какой удивительно современный этот Мишель!

— Да, оригинальный малый.

На Бородулина Галина тоже произвела некоторое впечатление, и он сразу же стал оказывать ей подчеркнутое внимание. Времени у обоих было более чем достаточно. Совместные прогулки на реку, купание, томительное безделье за чашкой кофе с коньяком («За рубежом делают только так») сблизили их настолько, что для перехода последней грани оставалось совсем немного.

Бородулин неукоснительно и настойчиво пел Галине дифирамбы: и какая она особенная, и какая чудесная, и какой у нее изысканный, утонченный вкус. Высказался как-то о том, что неудачного она подобрала себе супруга...

Галина легонько погрозила ухажеру пальцем. Однако не возмутилась, не пресекла его злой насмешки. Оказалось, что, по правде, она думает так же. Сговор, хоть и негласный, таким образом, состоялся. И в этот же вечер была перейдена последняя грань, к чему стремились, в сущности, оба.

Нечаева понимала, что Владимир может догадаться, узнать о ее связи с Бородулиным, и, чтобы предупредить это, сама стала обвинять мужа во всех смертных грехах.

Нечаев, как и раньше, приезжал домой лишь вечером, но теперь его встречали не просто шумными упреками, а обвинениями в пьянках, в подозрительных отлучках. Будь Нечаев человеком похитрее, житейски поопытнее, он, конечно, раскусил бы эти ухищрения. Но куда там! Он утешал себя мыслью: «Значит, очень любит, раз ревновать начала».

В самодеятельной драматической студии Дома культуры немало было хорошеньких заводских девчат. Нечаев репетировал с ними целыми месяцами, готовя какой-нибудь драматический опус. Со всеми он был за просто. Ниночка, Верочка, Машенька... Это была обычная его форма обращения со студийками. Зайдя как-то на репетицию в Дом культуры и увидев мужа в окружении этих молодых девчат, Нечаева подумала со злостью: «Ну, милый, ты тут тоже, поди, не без греха...»

Вечером она ему устроила «концерт».

— Гарем целый завел, стыд, срам!

Нечаев, обескураженный донельзя, оправдывался, в ужасе махал руками и с превеликим трудом утихомирив супругу. Но ссоры и скандалы после этого стали еще агрессивнее, повторялись все чаще. Нечаев решил выяс-

нить, в чем все-таки дело. Но нарвался лишь на крик, истерику, ругань. Постепенно это вошло в норму их жизни. Он уже не стремился скорее приехать в Сосновку. Чтобы как-то провести время, заглушить остроту боли, выпивал в привокзальном ресторане рюмку-другую, запивал пивом и, уравновесив таким образом свое состояние, взбодрив дух и обретя некоторую толику смелости, отправлялся домой. Но теперь ему уже приписывались и кутежи, и пьянки, и вакханалии в объятиях поклонниц.

Причина столь нервного, взвинченного состояния Галины, однако, была в другом. Приближалось время отъезда Бородулина. Он опять отбывал куда-то. В начале их близости он убеждал Нечаеву, что она создана не для такого пентюха, как Нечаев, что ей надо быть с ним — с Бородулиным. Теперь разговоров на эту тему он старался не заводить. Галина же все настойчивее спрашивала: как дальше? Ты уедешь, а как же я?

Бородулин старательно внушал ей сдержанность:

— Галя, пойми, у тебя есть муж. Не могу же я повезти с собой за рубеж чужую жену. Если бы даже захотел — никто мне этого не разрешит.

— Но надо искать выход. Я не люблю его больше, не могу жить с ним. Неужели тебе это не ясно? Я люблю тебя, и только тебя.

— Все это, Галчонок, хорошо, но давай трезво смотреть на вещи. Вместе мы пока быть не можем.

— Я разведусь с ним.

— Почему? Какие причины ты выдвинешь в суде?

— Не хочу, вот и все. Полюбила другого — тебя. У нас же не итальянские законы, разведут.

— Это, конечно, верно. Но взвесить все последствия такого шага все-таки нужно. Развод, суд — все это быстро не бывает. А мне уже через две недели в путь. И главное, все надо сделать тихо и мирно. Чтобы не выглядело аморально. Нет, Галчонок, я бы не спешил. Освободиться тебе от семейных уз нужно. Но умно, не спеша.

— Ты не шути, Михаил. Я ведь такая. Все сделаю...

— Ну и я все сделаю, о чем речь? — Бородулин, чтобы придать значение своим словам, наигранно-взволнованно проговорил: — Как станешь свободным Галчонком, дай мне знать. И мы будем вместе.

Выйдя от Галины, Бородулин с облегчением подумал о том, что осталось совсем немного времени до отъезда и вся эта затянувшаяся и изрядно наскучившая ему дачная история наконец закончится.

А Нечаева после его ухода долго сидела задумавшись. Тяжелые складки бороздили ее лоб. Конечно, он прав, как он может сейчас взять ее с собой? Чужая жена. Но и отказаться от Бородулина она не могла, даже мысли такой не допускала. По законам чисто женской логики в этой безвыходности из тупика она обвинила мужа и всю силу ненависти обратила на него. Какая же я дура, думалось ей, что выскочила за этого Нечаева! Ах, если бы я была одна, если бы не было этих вериг на ногах...

Вечером одиннадцатого августа они с Мишелем, попивая коньяк, сидели на диване. И именно в это время скрипнула калитка. Как же это было некстати, как опускало Галину на землю с голубых высот!

Галина смотрела, как муж идет по тропе, и слепая ненависть и злоба душили ее, застилали глаза.

Встретила она его целым залпом бранных слов:

— У какой-то очередной шлюхи валандался? А мне будешь плести, что застрял на собрании или заседании? И когда это кончится? Когда? — Галина громко, пронзительно запричитала. То и дело слышались ее стонущие, истошные выкрики: — Ты испортил мне жизнь, не могу выносить эту грязь, не могу! Все мерзко, все гадко! Не хочу так жить, не хочу!..

Нечаев, уже привыкший к подобным истерическим вспышкам, постарался урезонить супругу:

— Галка, да что с тобой? Откуда ты берешь свои фантазии? Действительно, мы застряли в завкоме сегодня. Получается у нас одна стоящая задумка, ну так вот, марковали, как и что.

— И долго ты меня дурачить будешь, голову мне морочить? Неужто я поверю в твои бредни? Нет, Нечаев, хватит, я не могу больше, не могу! — Галина в голос, навзрыд заплакала. Плечи ее тряслись, она уткнулась в подушки дивана и продолжала плакать все так же громко, все так же неистово.

Это вывело Нечаева из себя, и он нервно, еле сдерживаясь, с дрожью в голосе спросил:

— Ты кончишь наконец свой спектакль? — Так как плач не унимался, Нечаев, уже не скрывая своей злости, крикнул: — Возьми себя в руки, иначе скоро угодишь в сумасшедший дом!

Галина, услышав это, смолкла, приподнялась с дивана. Она не плакала. Глаза ее горели, лицо было бледно, руки дрожали.

— Так вот ты как? Меня в психиатричку, а сам сво-

бодная птица? Ну так вот, подлая душа, не будет этого, никогда не будет. Не на ту напал. Я сумею за себя постоять, сумею.

— Да успокойся. Что с тобой? Совсем ошалела. Тебя действительно лечить надо. — Проговорив это, Нечаев подошел к выключателю, повернул его. Света не было.

— Давно нет электричества? — спросил он.

— Не знаю. У такого хозяина, как ты, разве может быть дом в порядке?

— Опять, видимо, пробки. Пойду посмотрю.

Минут через пять слышался его голос из сеней:

— Нет, пробки в порядке. Значит, провода. Видимо, ветер порвал.

Через несколько минут раздался его голос со столба:

— Галина, выйди на минутку. — Когда та показалась на крыльце, попросил ее: — Зайди в сарай, посмотри, выключен ли рубильник.

— Так что, его включить или выключить?

— Если хочешь меня сжечь, то включи, а если хочешь, чтоб жив остался, выключи.

Галина вошла в сарай. Рубильник был включен. Посмотрела сквозь открытую дверь на мужа. Тот ожидал ее сигнала. Галина выключила рубильник, мгновение помедлив, включила его вновь и махнула мужу.

Лестница была коротковата. Нечаев торопливо срачивал концы оборвавшегося верхнего провода. Потеряв равновесие, он ухватился за нижний изолятор, и рука соскользнула на провод. Галина видела, как сноп зеленоватых искр вспыхнул над столбом, слышала, как глухо вскрикнул Нечаев, как он рухнул на землю. Выйдя из сарая, она воровато оглянулась и бросилась на половину Фоминых.

Позвонив в «Скорую» и направляясь к себе, Нечаева в сенцах взяла Михаила за руку.

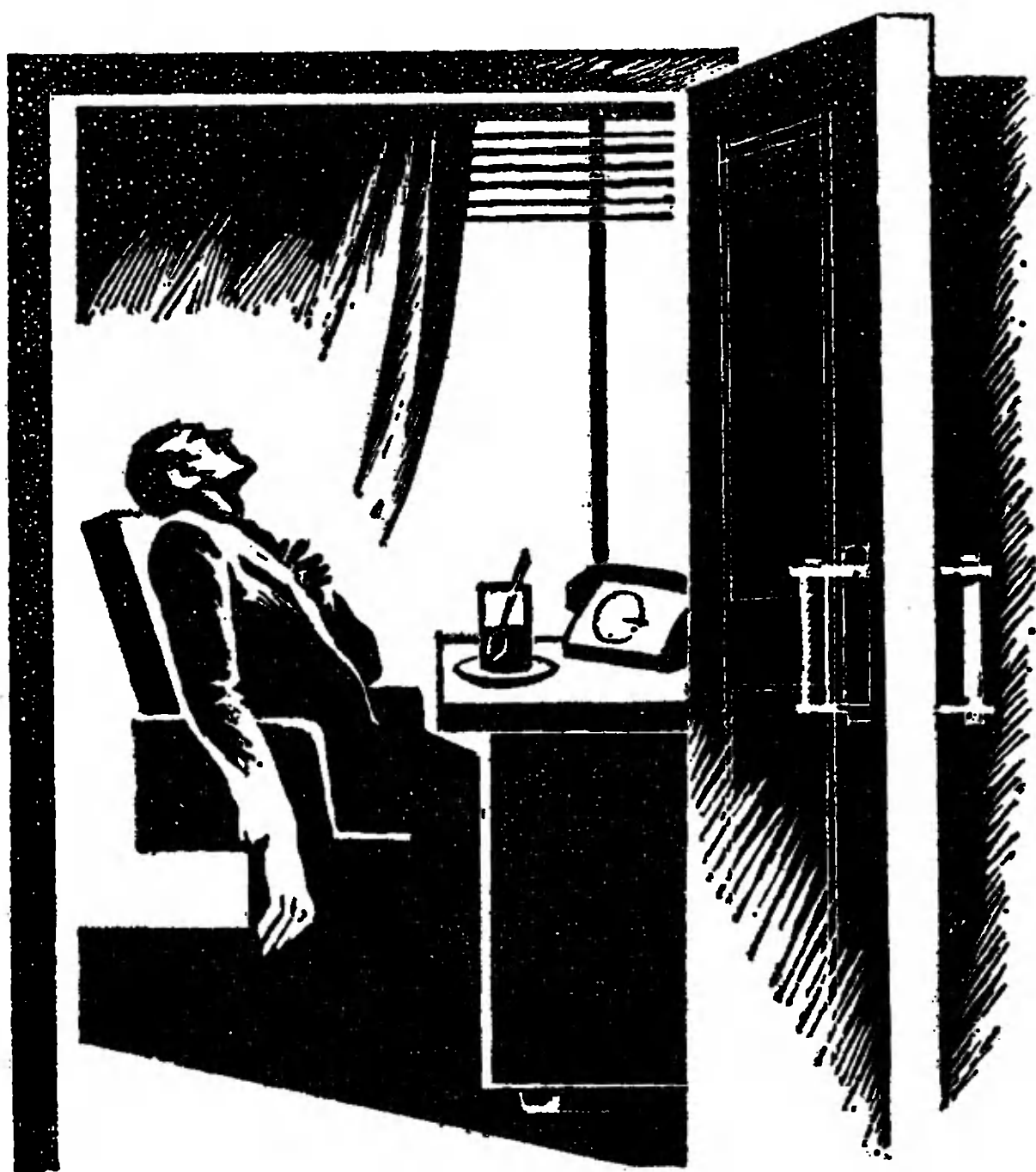
— Вот я и одна, не забудь обещание-то.

— Неужели... ты... Как же...

— Несчастный случай. Бывает.

— Ужас какой, — пролепетал Бородулин и шарахнулся от Галины.

Их судили, Галина Нечаева была приговорена к лишению свободы, а в отношении Бородулина суд ограничился частным определением. Его соучастие в убийстве инженера Нечаева доказано не было, за подлость же и пакостничество у нас не судят. А жаль.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Сотрудники треста Сельстрой только что собрались к началу работы, когда истошный крик технического секретаря Нины Скворцовой взбудоражил всех, собрал в тесноватую приемную около кабинета управляющего.

Девушку била истерика, душили слезы, и она прерывающимся голосом повторяла одно и то же:

— Я вошла, а он уже убитый, убитый уже. У меня прямо ноги подкосились.

Работники Горчанской прокуратуры и уголовного розыска, советник юстиции Пчелин и капитан Короленко прибыли в трест сразу после случившегося. Со всех сторон слышались возбужденные голоса:

— Видимо, какой-нибудь грабитель забрался.

— Не иначе. Кто же еще мог учинить такое?

— А может, месть?

— Кто это Сипягину мог мстить? За что?

— Скоро узнаем, в чем дело. Вот приехали товарищи, разберутся, найдут злоумышленника.

— Так он их и дожидается. Поди, уже за тридевять земель отсюда.

Управляющий трестом Сипягин мешковато сидел в кресле за своим столом с испуганным, удивленным выражением лица, приложив обе руки к левой стороне груди. Алые струйки крови сочились меж пальцев.

В кабинете не было каких-либо следов борьбы. Мирно тикали старинные часы в углу, чинно стояли стулья вокруг небольшого стола заседаний. Один из них был приставлен к письменному столу Сипягина. На столе управляющего лежала раскрытая папка с бумагами, стоял недопитый стакан чаю с тонкой долькой лимона.

После осмотра места происшествия Короленко вместе с представителями общественности треста открыл сейф покойного, сделал опись всего содержимого. Эксперт продолжал тщательно обследовать каждый сантиметр письменного стола, а Пчелин стал беседовать с сотрудниками треста.

Трест начинал работу, как и все городские организации, в девять часов утра. Сипягин, если не было каких-

либо совещаний в городских организациях и если он не заезжал на строительные площадки, появлялся на работе, как правило, в половине девятого. Уборщица Дарья Проценко, или тетя Даша, как все ее звали, по давно заведенному порядку до прихода управляющего заканчивала уборку помещений, разогрела чайник и уходила. Так было и сегодня.

Нина Скворцова пришла на работу без пяти девять и по переключенным из приемной телефонам и закрытой двери кабинета поняла, что управляющий уже на месте. В девять часов она пошла доложить, что находится на работе, и нашла Сипягина убитым.

Значит, трагедия произошла в течение двадцати — двадцати пяти минут, в промежутке между уходом уборщицы и приходом Скворцовой.

Видимо, человек, совершивший преступление, пришел именно в этот промежуток времени, сделал свое страшное дело и, никем не замеченный, убрался восвояси.

Немного успокоившись, Скворцова припомнила, что, подходя к тресту, она заметила, как от здания уходил какой-то человек в сером дождевике.

— И мне кажется, — заявила она, — что это тот человек, который был у нас в тресте вчера или позавчера. Он пытался попасть к Кириллу Тихоновичу, но у негошло одно совещание за другим.

— А вы уверены, что это был именно тот человек?

— Уверенно утверждать не могу, но похож, очень похож. Широкоплечий такой, черноволосый и загорелый.

Это была ниточка, хотя и не очень существенная. Подробно записав те немногие приметы одежды и словесный портрет, что сообщила Скворцова, сотрудники опергруппы подготовили информацию о происшедшем событии, приметах подозреваемого в совершении этого тяжкого преступления и передали милицейским подразделениям соседних городов и районов. Силами сотрудников милиции и дружинников тщательно проверили всех проживавших и проживающих в эти дни в Доме колхозника, городской гостинице, в общежитии техникума, где тоже нередко приезжие находили себе приют. Проверка эта, однако, ничего не дала.

Этими скудными итогами и закончился первый день работы по раскрытию преступления.

— Немногое удалось, очень немногое, — сокрушенно заметил Короленко.

Пчелин вынужден был согласиться:

— Да, багаж невелик.

...Происшествие в строительном тресте взбудоражило весь Горчанск, породило немало разноречивых слухов, предположений и домыслов. На улицах, в магазинах, в учреждениях только и разговоров было об этом случае. Одни говорили, что злоумышленников было трое, что они спрятались в конторе треста на почь и утром совершили свое подлое дело. Другие толковали о том, что управляющего лишил жизни умалишенный, сбежавший из пригородной психиатрической больницы. В кабинете Пчелина и Короленко то и дело раздавались телефонные звонки. Передавались и известные уже оперативникам слухи, сообщались и новые. Один из ретивых энтузиастов советовал тщательно разобраться с личностью Скворцовой, технического секретаря треста, другой рекомендовал немедленно заняться бывшим бухгалтером треста Кузиком: они с управляющим были «на ножах».

Конечно, установление личности гражданина в дождевике было в центре плана намеченных мероприятий оперативной группы, но это не исключало необходимости проверки и других версий.

Вот хотя бы звонок о техническом секретаре треста Скворцовой.

Короленко даже усмехнулся, когда зашла об этом речь:

— Чепуха это, товарищ Пчелин.

— Согласен, вероятнее всего, чепуха, но... В тресте никого не было, лишь она и Сипягин. И если у Скворцовой были причины для расчета со своим начальником, то почему бы ей и не воспользоваться столь удобным моментом? А потом поднять крик, что Сипягин убит.

Изучение поведения и образа жизни Нины Скворцовой не заняло много времени. В тресте она работала два года, пришла после окончания десятилетки. Комсомолка, спортсменка. Правда, слыла излишне самоуверенной и гордой девчонкой, любила наряжаться, немало подружек завидовали ее ярким, но удивительно аккуратным нарядам. Но зачем ей нужна была смерть Сипягина? Роман? Что-то не похоже. Отношения с Сипягиным были обычные, деловые. Правда, порой он называл ее очень уж нежно — Ниночкой. Но если учесть их возрастную разницу и привычку Сипягина к несколько фамильярному обращению с подчиненными, эта деталь не обрела сколько-нибудь серьезной весомости.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы явствовало, что Сипягин был убит путем нанесения двух ножевых ранений в сердце. Для этого нужна была сила, опыт и закоренелая, звериная натура преступника. Нет, Скворцова явно не обладала этими качествами.

Ставить ей прямые вопросы не было оснований, но и осторожный разговор возмутил девушку до глубины души. Она была так ошарашена, что стоило большого труда успокоить ее. С глазами, полными слез, девушка через каждые две-три фразы то и дело восклицала:

— Да неужели обо мне можно подумать такое? Да как вы могли?

— На Скворцову мы зря тратим время. Собственно, какие у нас основания для этого? Лишь время совершения преступления. Тогда можно заподозрить и уборщицу Проценко. — Пчелин говорил удрученно, с легким раздражением.

— А я, между прочим, говорил с ней, — сказал Короленко.

— Вот как? Ну и что же?

— Да то же, что и Скворцова. В плач ударилась, бога в свидетели позвала, креста, говорит, на вас нет, если могли подумать на старуху такое.

Не много для следствия дал и разговор с бухгалтером Кузиком. С Сипягиным у него действительно были серьезные столкновения. Не могли найти общего языка, ссорились нещадно. Кончилось тем, что Сипягин предложил ему подать заявление. Однако Кузик и заявление подавать отказался.

— Увольняйте, если сможете.

И Сипягин смог. Один выговор, потом второй. А потом согласно КЗоТу уволил.

— Выговоры и увольнение были необоснованными?

Кузик долго молчал, затем, постукивая пальцами по столу, проговорил:

— Как вам сказать. Все зависит от точки зрения. Первый выговор юридически был обоснован: я задержал баланс. Второй мог быть, мог не быть: я отказался оплатить одно трудовое соглашение. Не оплатил, несмотря на повторную резолюцию Сипягина.

— А почему? Документ был незаконным?

— Не то чтобы незаконным, но этой оплаты можно было избежать при лучшей организации дела. Но он сослался на срочность задания бригаде.

Кузик рассказывал все перипетии борьбы с Сипягиным спокойно, без тени какого-либо смятения или опаски, даже с некоторой долей иронии. На вопрос, как же он оценивает происшедшее в тресте, Кузик ответил:

— Я не считал Сипягина сколько-нибудь выдающимся руководителем. Так себе работник, среднего масштаба. Стройучасток — вот его потолок. А тут трест — не по Сеньке шапка.

— Мы не о том, Петр Савельич. Что вы думаете об убийстве Сипягина?

Кузик пожал плечами, развел в недоумении руками:

— А что тут можно сказать? Какая-то дикая, невероятная история. Может, действительно какой сумасшедший забрел в контору?

— А почему, Петр Савельич, вы в это утро оказались в тресте?

— То есть как это почему? Пришел по своим делам.

— По каким? Нельзя ли конкретнее?

— Ну мало ли какие дела могут быть у человека.

— Прошло около года, как вы ушли из треста. Что же за дела у вас появились? А кроме того, вы приходили сюда и накануне этого трагического утра. Так ведь?

— Да, был и в этот день, и накануне. Но из этого вовсе ничего не следует.

— Возможно. И все-таки какие у вас были причины для этих визитов?

Кузик откинулся в кресле, внимательно посмотрел на своих собеседников и... рассмеялся.

— О целях своих визитов могу вам сообщить, секрета тут особого нет. Приходил к сослуживцам — долги возвращал. Перехватывал кое у кого, когда покойный Сипягин меня без места оставил. Но к нему-то не заходил и не собирался. Если бы даже позвал, и то не пошел бы. Он отрицательные эмоции у меня вызывал. Но так как, судя по вопросам, у вас возникла мысль, а не Кузик ли лишил жизни гражданина Сипягина, заявляю официально — нет, нет и нет. Вообще такое предположение считаю диким и оскорбительным. Какие же вы детективы, коль всерьез полагаете подобное? Сами посудите, если трудовые конфликты будут разрешаться таким способом, то не напасешься управляющих или там директоров. Да, примитивно дело ведете, товарищи, примитивно.

Обидные слова говорил Кузик, но ни Пчелин, ни Короленко не обращали на них внимание. Их интересовало другое: в какой отрезок времени был Кузик в тресте, с кем общался и возвращал ли кому деньги? Но рассказы Кузика подтвердились показаниями его бывших сослуживцев, и оперативным сотрудникам волей-неволей пришлось признать, что в своих выводах об их подходе к этому делу бухгалтер Кузик был недалек от истины.

Ни Пчелин, ни Короленко с самого начала не очень-то верили в эти версии, хотя и не оставили их без внимания. Убедившись же в полной несостоятельности этих предположений, они без сожаления отказались от них, хотя других, более весомых вариантов в их руках пока не было.

— Ну а что в бумагах Сипягина, ничего существенного не просматривается? — спросил Пчелин у Короленко.

— Бумаги обычные. Кое-что из служебных архивных документов, разные личные мелочи — квитанции на пошив одежды, рецепты врачей, почтовые переводы. В общем, малосущественные бумаги. Удивляюсь даже, зачем нужно было хранить все это?

— Квитанции, рецепты... Да, мало что они нам скажут. Ты прав, капитан. Но на безрыбье, как известно, и рак рыба. Дай-ка я посмотрю эти архивы.

Бумаги Сипягина на первый взгляд, и верно, ничем не дополняли дело. Вот только почтовые переводы... Их было три. В Сочи — некоему Васадзе, в Армавир — Белову и в Краснодар — Прилейко. Суммы крупные, и все до востребования. Что это за переводы? Что за люди? Почему до востребования? Может, это представители треста? Но почему документы на перевод денег хранятся у управляющего, а не в бухгалтерии? Выяснилось, что в тресте никто ничего не знал об этих переводах, никаких представителей трест в Сочи, Армавир и Краснодар не посылал. Значит, это личные переводы? Может, получатели — родственники или близкие знакомые семьи? Все эти вопросы могла помочь выяснить супруга Сипягина.

Разговор с Любовью Яковлевной вообще мог и должен был прояснить многое, но все это время она была в таком состоянии, что врачи категорически настояли на отсрочке разговора, боясь за ее рассудок.

Наконец Любовь Яковлевна пришла в себя, и Пче-

лин с Короленко, обрадованные этим, поехали на встречу с ней.

В квартире Сипягина они побывали в первый же день после трагедии, но так как хозяйка была очень плоха, то ограничились лишь беглым осмотром бумаг покойного. Сейчас оба внимательно осматривали жилище бывшего управляющего.

Ничего особо примечательного здесь не было. Чувствовалось, что семья жила небедно, но без излишеств. Новая современная мебель, телевизор, обычные предметы быта. Квартира — каких тысячи.

Любовь Яковлевна была еще плоха. Опухшее от слез лицо, с трудом приведенная в порядок прическа. Ей было нелегко вести этот тягостный разговор, но она крепилась и вдумчиво, серьезно отвечала на вопросы.

Как себя чувствовал Кирилл Тихонович в последнее время? Нервничал очень, с планом, кажется, что-то не ладилось у них. Есть ли у него враги? Недруги? Да откуда? Всю жизнь на стройках, до управляющего вот дошел. Не знаю никого, кто бы мог мстить ему. Да и за что? Он с людьми всегда в ладу жил. Общался с кем? Есть знакомые. В гости порой хаживали, у себя принимали. Но люди все хорошие, его сослуживцы. Кто приходил в те дни? Вроде никто. Хотя подождите... Вечером накануне того злополучного дня звонил ему кто-то, спрашивался прийти, а Кирилл Тихонович отказал, встретимся, мол, в тресте.

Пчелин и Короленко насторожились.

— Любовь Яковлевна, — попросил Пчелин, — это очень важно, вспомните поподробнее: когда был этот звонок, как протекал разговор, как реагировал на него Кирилл Тихонович?

— Да я ведь не очень вслушивалась. Часов в восемь вечера это было. Позвонили. Кирилл подошел к телефону, долго молча слушал, потом говроит: «Домой не надо, ни к чему это. В контору треста приходи». И время назвал, не упомяну только — в четверть девятого, то ли без четверти девять. Вернулся от телефона мрачный, насупленный. Я спросила, кто это спрашивался к нам, он махнул рукой и сухо ответил: «Один сослуживец. Ты его не знаешь».

— Не назвал ни имени, ни фамилии?

— Нет. Да и не спрашивала, раз незнакомый.

— Вы говорите, Кирилл Тихонович вернулся от телефона хмурый и расстроенный...

— Да, да. Так и было. Весь вечер был такой и ночь спал беспокойно, ворочался, бормотал что-то. Утром наскоро перекусил и уехал.

— Любовь Яковлевна, еще вопрос. У вас есть родственники?

— Нет. Ни у Кирилла, ни у меня. Родители наши уже умерли, а братьев и сестер не было.

— В делах Кирилла Тихоновича обнаружены денежные переводы в Сочи, Армавир и Краснодар. Неким Белову, Прилейко и Васадзе. Вы не знаете, что это за люди?

— Не имею понятия.

— И о переводах, что делал Кирилл Тихонович, тоже не знали?

— Нет, не знала, ничего не знала. Десять лет мы прожили, думала, нет у него от меня секретов, и вот по-ди ж ты.

— Вы пока не расстраивайтесь, Любовь Яковлевна. Видимо, это служебные дела. Разберемся и все вам объясним.

Озадаченные уходили Пчелин и Короленко из дома Сипягина. У обоих мысли вертелись вокруг вечернего звонка управляющему накануне убийства. Кто звонил? Может, именно тот человек в плаще, которого заметила Скворцова?

В городском управлении Пчелин и Короленко ждали итоги дактилоскопических исследований. На письменном столе Сипягина, кроме отпечатков его собственных рук, запечатлелись следы кого-то другого. На основании данных экспертизы, Проценко и Скворцова из списка подозреваемых исключались окончательно. И вновь неизбежно возникала мысль: убийство в тресте скорее всего дело рук субъекта в дождевике. Но кто он? Откуда появился в городе? И где его теперь искать?

— Да, уравнение всего с одним неизвестным. Только оно из самых трудных, — ворчливо проговорил Короленко.

— Что верно, то верно. Думать, думать надо. Достань папку, где лежат эти почтовые переводы. Странно, что о них ничего не знала жена. Значит, были у Сипягина какие-то дела, о которых он не говорил ни в семье, ни в тресте.

Пчелин долго разглядывал переводные квитанции, вертел их и так и этак. Потом в раздумье проговорил:

— Кто же этот Васадзе? Кто Белов и Прилейко?

— Если бы знать, — в тон ему ответил Короленко.

— Да, если бы знать... Если бы знать... Но думаю, капитан, что это одно и то же лицо.

— Одно и то же лицо с разными фамилиями и в разных городах? Как это может быть?

— Может быть всякое, капитан. Я не исключаю, конечно, и другие ситуации, но, думаю, это наиболее вероятный вариант. Но вот что это за личность и почему такие куши отваливал ему Сипягин? Были, видимо, для этого какие-то серьезные причины. Надо искать, нам этого или этих Васадзе, Белова и Прилейко. Собирайся-ка в командировку.

На следующий день Короленко уже был в Сочи. Работники городского почтамта сочувствовали:

— Документы на выплату переводов, конечно, хранятся, но сколько же вам надо перерыть их в архиве?

— Ничего не попишешь. Придется поглотить архивную пыль.

Розыск сипягинского перевода в архивах Сочинского управления связи занял четыре дня. Но вот наконец и он — желтоватая четвертушка бумаги. Деньги были выплачены по паспорту, предъявленному Цодиком Георгиевичем Васадзе. Паспорт выдан Васютинским райотделением милиции. Забрав под официальную расписку первичный бланк перевода с распиской Васадзе, Короленко подался в Васютинск. Еще день работы в архивах района. Паспорт Васадзе здесь не выдавался, прописанным в городе таковой не числился. «Значит, гражданина Васадзе, как такового, не существует и паспорт, предъявленный связистам, липа? И если окажется, что гражданин Прилейко из Краснодара и Белов из Армавира такие же эфемерные личности, как и Васадзе, тогда майор прав в своих предположениях.

Недельные поиски в архивах Армавира и Краснодара полностью подтвердили эту догадку. Ни Белова, ни Прилейко там просто не существовало. Деньги же по переводам были аккуратно получены по предъявлении паспортов. Сомнений эти документы у работников связи не вызвали. Значит, тоже были искусно сделанными фальшивками. Судя же по идентичности подписей

на переводах, получателем денег было одно и то же лицо.

Конечно, рано или поздно, если он — этот получатель — появится в этих городах вновь, ему несдобровать. Органы милиции теперь были достаточно информированы. Но когда это будет? И будет ли вообще?

Докладывая по приезду Пчелину о результатах своей командировки, Короленко подытожил:

— В общем, вояж мой вроде бы и непустой. Но с другой стороны... Уже месяц прошел, а результат у нас все тот же. Кто убил? Зачем? И где этот изверг?

Пчелин, не спеша прохаживаясь по небольшому кабинету, ответил:

— Что правда, то правда, результаты пока у нас не ахти. Но не падай духом. Тут без тебя я занялся биографией убитого. Съездил в министерство, в некоторые строительные организации — прежние места его службы, со многими людьми, которые знали Сипягина, переговорил. Особенного ничего не обнаружилось. Но вот один период из жизни управляющего, по-моему, представляет интерес. Работал он начальником участка на строительстве Верхнегорского льнокомбината. Там в свое время возникло довольно крупное дело, связанное с хищением государственных средств. И по частному определению народного суда Сипягину за попустительство расхитителям был объявлен выговор. Конечно, и выговоры и награды у строителей ходят рядом, но все же поинтересоваться всей историей нелишне. Так что готовься к вояжу в Верхнегорск. А вдруг там выяснятся какие-то важные для нас детали?

Через несколько дней Пчелин получил от Короленко лаконичную телеграмму: «Детали весомые. Возвращаюсь».

«Детали» оказались действительно интересными. Два года подряд на стройучастке, возглавляемом Сипягиным, оформлялись нереальные процентовки с завышенными объемами. Комбинат строился в пойме двух рек, грунтовые воды и пльвуны мучили строителей. А при устранении пльвуна нагнетание бетона идет в спешке, тут не до скрупулезного учета каждого кубометра. Это-то и было использовано группой предприимчивых людей. В общей сложности путем завышения объемов выполненных работ у государства были похищены крупные суммы денег. Всю группу, которую возглавлял прораб Кряжич, осудили на разные сроки заключения. Активно фи-

гурировал в деле и Сипягин. Однако его корыстная заинтересованность доказана не была. «Он виноват лишь в том, что передоверял прорабам. Да и не мог уследить за каждым нарядом, за каждой процентовкой» — таково было мнение многих специалистов, вызванных по делу. На этом тезисе строила свои доводы и защита.

Суд учел и все эти обстоятельства, и молодость Сипягина (он с полгода как заступил на эту должность). Было вынесено частное определение о дисциплинарной ответственности начальника участка.

— Так-так. Все это очень интересно. Но... — Пчелин хотел что-то сказать, Короленко, однако, торопливо перебил его:

— Извините, товарищ советник, я не кончил и подхожу к главному. А оно в том, что Кряжич и Сипягин, если очень вдумчиво подойти к делу, были каким-то образом связаны между собой. И Кряжич этот... не кто иной, как таинственный адресат в Сочи, Армавире и Краснодаре.

— Даже так? Ну на такую удачу я и не рассчитывал, — обрадовался Пчелин. — А какие основания для таких выводов?

— Идентичность подписей Кряжича и таинственного получателя сипягинских переводов. Вот посмотрите сами.

Десять лет — срок, конечно, пемалый, почерк у получателя переводов стал решительнее, небрежнее, тем более что он старался менять, но основные, характерные его черты остались прежними. В этом не сомневался и Пчелин. Итак, выходит, кто Кряжич — он же Васадзе, Белов и Прилейко? По всей вероятности, вернувшись из заключения, наведаясь к своему бывшему сослуживцу. Значит, остались какие-нибудь незаконченные дела?

— Дело в том, что Кряжич из заключения сбежал, уже продолжительное время находится в розыске.

— Так-так. И до сих пор не попался?

— Птица стреляная. Сколько у него разных личин — никто не знает.

— А дактилоскопическая карта на этого самого Кряжича есть?

— Есть. Привез.

— Отлично. Срочно передавай нашим экспертам, и если отпечатки, что остались на столе Сипягина, сойдутся, то станет ясно, кто есть кто.

— Думаю, что так оно и будет.

...На меховом комбинате города Лисянска в эти дни обнаружилась пропажа выделанных, подготовленных к отправке на базу мехов. Система хранения и отпуска материальных ценностей была отработана здесь довольно тщательно, и тем не менее крупная партия ценных шкурок была вывезена по подложным документам. Сотрудники ОБХСС, участвующие в расследовании этого дела, не без оснований заподозрили участие в этой операции людей из охраны комбината. Ведь при желании не составляло большого труда обнаружить несовершенство выездных документов. Стали спешно разбираться: что же за работники осуществляют охрану предприятия? Но, как и следовало ожидать, люди в охране оказались в большинстве своем достойные — бывшие фронтовики, офицеры в отставке или работники этого же комбината, вышедшие на пенсию и не захотевшие порывать связи со своим производством.

Несколько человек, однако, решили вызвать, чтобы уточнить кое-какие данные. Пригласили и некоего Захара Малягина. Работал на комбинате он с полгода, известен был мало. В день, когда были вывезены меха, на дежурстве не был — находился на бюллетене, претензий к нему ни у кого не было, и вызвали его по другому поводу. Паспорт, что он накануне по запросу принес в отдел кадров, оказался не совсем в порядке — фотография отклеилась. На вызов в отдел кадров Малягин не пришел. Начальник охраны объяснил, что Малягин уехал в город — видимо, к врачам.

Работник Лисянского городского отделения ОБХСС капитан Логачев, находившийся в это время в отделе кадров, услышав разговор, попросил показать ему паспорт Малягина. Смотрел его долго и пристально, затем объявил, что пока оставит у себя. Приехав в Лисянск, он зашел к своему коллеге — начальнику отделения уголовного розыска майору Вороненко.

— Есть у тебя несколько минут? Давай-ка поколдуем над одним ребусом. Вот посмотри этот паспорт.

Просмотрев документ, Вороненко задумчиво проговорил:

— Паспорт как паспорт. Но первая фотография была отклеена, а на ее место наклеивалась другая. Однако и этой, как видишь, нет.

— Вот она. — И Логачев положил перед Вороненко отклеившуюся фотографию. — Кого-то она мне напоминает. Посмотри-ка повнимательнее.

Вороненко цепко, с прищуром, всмотрелся в фотографию. Потом торопливо подошел к сейфу, пробежал взглядом какую-то бумагу и, вернувшись к столу, протянул ее Логачеву:

— А теперь ты почитай, и тоже повнимательнее.

Прочитав ориентировку, Логачев озабоченно заметил:

— Неужели эта птица к нам залетела?

— Пожалуй. Только где она летает сейчас? Гражданин Малягин, видимо, почувствовал что-то и, наверное, уже исчез. Во всяком случае, на комбинате его не оказалось, говорят, подался сюда, в город.

— Как бы он не успел улететь слишком далеко.

— Давай-ка еще раз все посмотрим, чтобы зря в колокола не бить.

Фотография Малягина во многом совпадала с данными ориентировки, и Логачев с Вороненко пришли к выводу, что Малягин и разыскиваемый субъект, некто Кряжич, одно и то же лицо.

Через четверть часа основной состав сотрудников Лисянского отдела внутренних дел был собран на экстренное оперативное совещание. Суть дела Вороненко изложил за минуту или две. Торопливо начали обсуждать, какой путь изберет Малягин для побега. Самолетом? Мест на очередной рейс уже нет, а ждать следующего ему нет резона. Не исключено, но вряд ли. И потом, билет без паспорта он мог, конечно, достать, но все же это хлопотно, а обращать на себя внимание опять-таки не было расчета. Один из сотрудников связался с аэропортом и скоро сообщил, что ни на утренний, ни на дневной рейсы билеты сегодня не продавались. На завтра самолеты тоже заполнены.

— Он мог сесть в автобус, — предположил кто-то.

Предположение, однако, быстро отвергли: медленно и менее надежно. В каждом населенном пункте остановки, неожиданные встречи. Кроме того, это ведь местные линии и, чтобы улетучиться из этих краев, все равно надо пересаживаться на поезд или самолет... Все склонялись к тому, что Малягин скорее всего воспользуется скорым поездом, который пойдет через Лисянск ночью. Если, конечно, не ринется в лес, чтобы отсидеться там. Однако погода малоблагоприятная, морозы-то вон до минус двадцати пяти доходят. И все-таки надо было учесть любой из этих вариантов. Уже через два часа все наружные ми-

лицейские посты, все оперативные работники, все регулировщики были снабжены фотографией Малягина, получили нужную информацию сотрудники транспортной милиции, уведомлена лесная охрана. На улицы вышли народные дружинники. Сделано было, кажется, все, что можно было сделать в течение двух или трех часов.

В городском отделе внутренних дел то и дело раздавались звонки — инспектора, дружинники, постовые службы докладывали обстановку. Но Малягина пока не было ни на аэродроме, ни на автобусной станции, ни на железнодорожном вокзале.

— Видимо, в Лисянске его нет, — предположил Вороненко. И он оказался прав.

Ночью в кассовый зал станции Бляхово, что в тридцати километрах от Лисянска, вошел гражданин с небольшим саквояжем в руке. Настороженно оглядываясь, он подошел к кассе и потребовал билет на первый же скорый поезд.

— Только, пожалуйста, побыстрее.

— Но до поезда еще целых два часа.

— Ничего, с билетом-то спокойнее. — Он поставил саквояж на пол и, достав бумажник, стал рассчитываться с кассиром. В это время лейтенант милиции Кочетков и сержант Алешин подошли к кассе. Переглянулись и, без слов поняв друг друга, встали по бокам гражданина.

Кочетков глуховато и негромко объявил:

— Кряжич, не вздумайте сопротивляться. Дело бесполезное.

Кряжич замер на секунду, не двигаясь и мучительно соображая, как уйти. «Руки, руки заняты, вот в чем беда», — пронеслось у него в голове. Кряжич понял, что на этот раз не уйти.

Допрашивали Кряжича уже не первый раз, но дело с места не двигалось. С тупым упорством он отрицал все, даже самое очевидное.

Сегодня предстоял очередной допрос.

К столу Пчелина шел широкоплечий, плотно сбитый человек с черными, но уже изрядно поседевшими волосами. Серые, с прищуром, холодные глаза, тонкие бледные губы, резко очерченный волевой подбородок. Посмотрев на вошедшего, Пчелин подумал: «Да, встреча с таким типом один на один, как это было у Сипягина, не могла кончиться иначе».

— Итак, гражданин Кряжич, все ваши деяния вплоть до вашей последней встречи с Сипягиным следствием установлены. Сегодня всех эпизодов касаться мы не будем. Разберемся с вами в истории, происшедшей семнадцатого апреля тысяча девятьсот семидесятого года в конторе Горчанского строительного треста. Давно ли вы, гражданин Кряжич, знакомы с гражданином Сипягиным?

Кряжич с ухмылкой и прищуром глянул на Пчелина:

— Прежде всего никакой я не Кряжич. И об этом толкую уже второй месяц. Ваши коллеги в Лисянске спутали меня с кем-то, и эту путаницу теперь продолжаете вы. Пишите в своем протоколе: не Кряжич я, а Захар Ефимович Малягин. Никакого Сипягина я не знал, в вашем Горчанске до сих пор ни разу не был.

— А на строительстве Верхнегорского льнокомбината работали?

— Нет, даже не слышал о таком гиганте.

— Значит, Захар Ефимович Малягин?

— Да, Малягин Захар Ефимович.

— Родились в тысяча девятьсот двадцатом году в поселке Отрадное?

— В паспорте все записано, чего же спрашивать?

— Но Захар Ефимович Малягин и по сей день проживает там. И в данный момент находится дома. Вот сообщение поселкового Совета и его телеграмма. Неувязка получается. Не находите?

— Не знаю, что там еще за Малягин. Я есть я, а кто еще мою фамилию носит, меня не интересует.

— Зато нас интересует. В сентябре прошлого года у того Захара Ефимовича Малягина во время поездки в Москву был выкраден паспорт. И именно этот паспорт предъявлен вами при поступлении на Лисянский меховой комбинат. Как вы объясните это обстоятельство?

— Мало ли какие бывают совпадения. Паспорт я предъявлял свой, а если есть еще какой-то Малягин, то меня это, повторяю, не касается.

— Наивно это, Кряжич, но тем не менее пойдемте дальше. Вы отрицаете, что работали на льнокомбинате. Но показания Соколова Алексея и Коноховой Александры подтвердили это. Вот что заявил Соколов: «Подтверждаю, что гражданин, представленный мне в числе двух других на опознание, является Эдуардом Юрьевичем

Кряжичем, ранее работавшим производителем работ на головном участке строительства льнокомбината». Показания Коноховой: «Я утверждаю, что в числе двух представленных для опознания граждан находится гражданин Кряжич, который работал у нас на строительстве Верхнегорского льнокомбината прорабом». Это не убеждает вас, Кряжич?

— Нет, не убеждает. Таких свидетелей вы можете найти сколько угодно. Людей похожих много.

— Но есть же судебное дело, ваши фотографии, собственноручно вами написанные показания, есть, наконец, дактилоскопические карты. Отпечатки пальцев на столе убитого Сипягина и на картах в деле по льнокомбинату совпадают и принадлежат одному и тому же лицу — Кряжичу. То есть вам. Это официальное заключение экспертизы. Даже любой неискушенный человек знает, что это доказательство бесспорное.

— Еще раз заявляю: никакой я не Кряжич. И к делам, что вы шьете мне, отношения не имею.

Кряжич прекрасно понимал, что ему не верят, не верят ни одному его слову, однако с невероятным упорством плел и плел свои лживые путаные кружева. Под следствием давно надо было подводить черту. Доказательств вины преступника было достаточно. Однако Пчелин знал, какую скрупулезную требовательность проявляет суд, когда речь идет об обвинении человека в таком тяжком преступлении. И все время тревожился, что в деле все же не хватает (в полном объеме) решающего доказательства вины Кряжича. Случайной ли была встреча Кряжича и Сипягина? Что за деньги посылались Сипягиным? Каковы были мотивы расправы с ним? Конечно, Кряжич мог прояснить все это. Но он пока не собирался облегчить задачу следователей. Не хватало в деле какого-то одного звена, одного факта, но факта коренного, неоспоримого, чтобы заставить его изменить свое поведение. Пчелин понимал это и ломал голову над тем, что может убедить Кряжича в бесполезности его позиции.

— Я вот о чем думаю, — заговорил он с Короленко по окончании последнего допроса. — Когда Кряжича задержали в Лисянске, при нем, в сущности, не было никаких вещей. Маленький саквояж со случайно захваченными мелочами — и все. Так ведь?

— Так. Только какие могут быть вещи у такой перелетной птицы?

— И все-таки какие-то вещи были. Он же на комбинате проработал почти полгода. Что, он все это время довольствовался лишь бритвой, свитером да полотенцем? Нет, это мы обмишурились. Какое-то барахлишко у него, конечно, есть, только где оно? Вдруг там обнаружится и что-нибудь такое, могущее убедить Кряжича в бессмысленности его запирательства? Давай-ка попросим лисянцев еще пошукать на меховом комбинате, да потщательнее.

Сотрудники Лисянского угрозыска обследовали все, что только было можно, опросили всех работавших с Малягиным — Кряжичем, вновь осмотрели общежитие вплоть до чердака и подвала, но тщетно. Ничего из вещей Малягина обнаружено не было.

Пчелин настаивал. Тогда поиски были начаты вновь. И наконец в одном из темных закоулков хозсклада комбината, где Малягин периодически нес сторожевую службу, был обнаружен чемодан. Осмотр его содержимого сомнений не вызывал. Чемодан принадлежал Малягину.

Прочитав телеграмму из Лисянска, Пчелин даже вскочил от волнения:

— Если говорить на языке наших «подопечных», пофартило нам, Алеша, явно пофартило. Почитай-ка, что было в том чемодане. Какие все же молодцы, эти лисянцы. Если бы не они...

— Да, если бы не они, гулял бы Малягин — Кряжич из города в город, — согласился Короленко.

Вот наконец получен и чемодан с вещами. Отложив все в сторону, Пчелин взял нож. Это был кустарный, но искусно сделанный нож с наборной разноцветной ручкой, острый как бритва.

— Ну что ж... Думаю, мои глаза пока не устарели, именно этим ножом и могли быть, сведены счета с Сипягиным. Посмотрим, что скажет экспертиза.

Среди немногих личных документов в бумажнике Малягина, что тоже находился в чемодане, обнаружилась квитанция почтового перевода на три тысячи рублей в Лисянск до востребования Малягину. Отправитель — Сипягин.

— Ну, с такими доказательствами мы прижмем преступника к стене! — удовлетворенно проговорил Короленко. — Нож внесет также определенную ясность, а с квитанцией и того яснее.

— Да, улики прямо-таки замечательные. Только могут ли они? Кряжич ведь понимает, что ему терять нечего.

— Вы знаете, товарищ советник, я совершенно не понимаю его поведения. Ведь все же ясно как божий день, а он плетет свое. Неужели и сейчас будет упорствовать?

— Не исключено.

— Ну и как же тогда? Так и будем тянуть резину? Он же издевается над нами, паразит. На черное говорит белое и наоборот. Судить его надо скорее, и все.

— Все так, Алексей, все так, ты прав. Но будем доводить дело до конца, так, чтобы совесть наша была спокойна. А нож срочно отправляй на экспертизу, не может быть, чтобы на нем не осталось следов Кряжича. Одежда убитого и рана были обследованы экспертами тщательнейшим образом. Пусть специалисты делают свои выводы. Я уверен, что именно этот нож явился орудием убийства.

...Корешок квитанции почтового перевода лежал на столе перед Пчелиным и магически притягивал взгляд Кряжича. Разговор перевода пока не касался, но, заметив этот взгляд, Пчелин подчеркнуто спокойно проговорил:

— Этот квиток тоже имеет отношение к делу. Перевод Сипягина Малягину обнаружен в вашем бумажнике. Выходит, вы таки знали гражданина Сипягина? Иначе как объяснить этот перевод? А о том, что деньги получили вы, свидетельствует запись, сделанная на квитанции-переводе, и роспись, сделанная вами. Так же, как, впрочем, и подпись Васадзе в Сочи, Прилейко в Краснодаре, Белова в Армавире.

— Вы дурака из меня не делайте. Со мной это не выйдет.

— Не делаю и не собираюсь. Но уясните себе наконец, что все ваши увертки, ложь, путаница только во вред вам. Имейте это в виду и думайте, думайте, Кряжич. А чтобы ваши размышления не отвлекались на посторонние темы, посмотрите еще на одну вещь. — И Пчелин вынул из ящика и положил перед Кряжичем его нож с нарядной наборной ручкой. Кряжич побледнел, отодвинул нож подальше от себя.

— Хорошо сделана вещица. Никогда не имел такой.

— Да? А ведь она — эта вещица — тоже обнаружена в ваших вещах.

— У вас неистощимая фантазия, гражданин следователь.

Пчелин, не обратив внимания на эти слова, продолжал:

— И вот к какому выводу пришла криминалистическая экспертиза: повреждения на ткани одежды и на теле гражданина Сипягина по своему строению, характерным формам, размерам и конфигурации входного отверстия могли быть нанесены финским ножом, предъявленным экспертизе следствием. Отпечатки пальцев на рукоятке ножа идентичны отпечаткам подследственного Кряжича — Малягина. Напоминаю также, что графологическая экспертиза установила идентичность почерка получателя переводов от Сипягина и осужденного по делу льнокомбината Кряжича.

Кряжич долго сидел молча, ссутулясь и сжав коленями свои вздрагивающие руки.

— Но и это не все. Кряжич. В щелях наборной ручки, куда убирается лезвие ножа, обнаружена кровь. Экспертиза установила, что кровь эта...

— Не надо. — Кряжич поднял тяжелый взгляд на Пчелина. — Я дам показания. Я скажу... Но не сейчас, позднее...

— На один вопрос вы ответите сейчас. Признаете себя виновным в убийстве Сипягина?

Кряжич глухо ответил:

— Признаю.

Словно наверстывая упущенное, охваченный лихорадочным стремлением освободиться от пут и липкой паутины собственной лжи и, видимо, действительно поняв бесплодность нелепого упорства, Кряжич говорил теперь много, длинно, с многочисленными отступлениями, деталями и даже с попытками анализировать факты и случаи. Когда Пчелин и Короленко просили его держаться ближе к сути, он злился и раздраженно выкрикивал:

— Вы все время хотели услышать мои показания, теперь слушайте. И не сбивайте меня, иначе я потеряю нить мыслей.

В его многословной исповеди невольно бросалась в глаза какая-то неукротимая физиологическая злоба к людям, презрение ко всему, что дорого любому нормальному человеческому существу.

— Вот вы шьете мне преступление против личности.

А разберитесь-ка поподробнее, может, личность — я, а не этот слизняк Сипягин? По радио и в газетах твердят: один за всех, все за одного. А где это в жизни? Скорее уж все на одного.

— Не надо было попирать законы общества.

— А почему я их должен соблюдать?

— Тогда вам надо жить в джунглях, со зверями. Но и там есть свои нормы поведения каждой особи.

Кряжич отмахнулся от этих слов:

— То и дело приходится слышать: наш коллектив, наш завод, наш цех... Я не раз и не два за эти годы поступал в разные организации и что-то не заметил никаких коллективов, как ни разу в жизни не заметил, что человек человеку брат. Брат-то, может, и брат, только такой, который смотрит, как бы тебя на кривой объехать...

Слушать его было тяжело. Мерзким цинизмом веяло от каждого слова этого мещанина, перечеркивающего в людях все человеческое. И при этом он еще утверждал, что так думает не только он, а многие.

А с кем он, Кряжич, встречался за эти годы? После осуждения и побега людей он видел из подворотни, из-под товарного вагона или в привокзальной сутолоке, и притом поминутно озираясь и оглядываясь — не подошел бы кто, не узнал бы.

Вся эта животная философия была придумана им, чтобы оправдать всю низость своего падения в собственных же глазах. Кряжич уверил себя, что не один он такой. И мол, скрываться, подличать он вынужден из-за черствости людской, из-за их корыстолюбия и эгоизма. Это была удобная ширма, за которую пряталась совесть. Думая так, можно было не терзаться раскаянием.

Судьбы Сипягина и Кряжича сошлись случайно.

Прораб первого участка Эдуард Кряжич с самого прихода на стройку Верхнегорского льнокомбината выделялся из всех своим шумным, напористым характером. В бригадах его ценили. И материал какой надо достанет, и с начальством сцепится, так что только пыль столбом. А если в какой-то бригаде какая-то неувязка с нарядом и с заработком, спорить не будет — подбросит.

— Ладно, ладно, исправим. Государство-то у нас рабочее... — И глядишь, выводятся в ведомостях на зарплату вполне устраивающие суммы.

Приехал он на комбинат с Северстроя, дело строи-

тельное знал. Сам когда-то вкалывал и бетонщиком, и плотником, и монтажником, не раз шумел, споря с руководством, доказывая что-либо. В поселке строителей тоже был хорошо известен. Уж если скандал какой-нибудь или драка, то тут и сомневаться нечего — заводила он же, Кряжич.

Не любил Кряжич степенных деревенских ребят, приезжавших на стройку. Их расчетливость, экономность в расходах бесили его, и он частенько, зло ухмыляясь, посочил какого-нибудь работягу, считающего мелочь, чтобы подешевле пообедать:

— Чего жмешься? Поди, в деревню все отсылаешь.

— В деревню, а как же. Старики там.

— Вот-вот, я так и думал. А сам смотри как отощал, мослы одни. У, скопидомы несчастные!

У Кряжича не было родителей и вообще никого не было близких.

— Я подзаборник, сам родился, сам и вырос, — с вызовом объяснял он при случае.

Было это и так и не совсем так. Он хорошо помнил и отца и мать. Ему было десять лет, когда бесконечные скандалы между родителями кончились развалом семьи. Отец не захотел брать сына к себе, так как не признавал его своим сыном, а мать не могла взять потому, что противился тот, второй муж, из-за которого все и началось. Пристроили Эдуарда к тетке, что жила в соседнем городке. Родственница оказалась сварливой злыдней, превратила парнишку в рабочую лошадь в своем хозяйстве. Работы хватало от темна и до темна. Через год он сбежал от тетки, года три болтался по южным городам, пока не попал в детскую колонию. Появился там обозленный, замкнутый, вспыльчивый, как порох. С грехом пополам окончил ремесленное и при распределении согласился поехать на Север.

Сменил там не одну строительную площадку. Сноровка, однако, у него была, что было замечено. Послали его на курсы мастеров, а потом, когда большая группа строителей переводилась на стройку льнокомбината, Кряжич оказался в Верхнегорске.

У каждого человека какие-то периоды в его жизни оставляют самое яркое впечатление. У Эдуарда Кряжича такими яркими страницами были три года его скитаний по югу. Там прижился он у одного старого лодочника,

который работал в каком-то прибрежном санатории. Жил этот лодочник, что называется, припеваючи. Забот не особенно много, а пьян и сыт каждый день по горло. Не только от сердобольных отдыхающих перепадало тому лодочнику. Было у него кое-что припрятано от прежней, более удачливой жизни на черный день, и он спокойноненько тянул свои дни на Черноморском побережье. Он-то и внушил рано повзрослевшему Кряжичу мысль: раздобудь деньги, и ты тогда кум королю.

Убогая и пустяковая цель, но именно она стала жизненной программой Кряжича.

Через месяц или два после приезда в Верхнегорск, когда началось сооружение фундаментов главного корпуса комбината, к нему пришел бригадир бетонщиков Гаркуша, тоже приехавший вместе с ним с Севера.

— Разговор есть, Эдуард Юрьевич.

— Какой такой разговор? Слушаю тебя.

— За такие монеты вкалывать тут мы не будем. Вода, сырость, все дни в грязи, а оплата грошовая.

— А что я могу сделать? Расценки не я устанавливал.

— Пораскинь мозгами. А пока оформи вот эти дополнительные наряды. Невелик приварок на всю-то бригаду, а ребята оценят.

Наряды Кряжич оформил, а вечером Гаркуша принес ему пятьсот рублей. Он взял молча, и молча они расстались. Но эта ночь у Кряжича прошла без сна. «Операция» с бригадой Гаркуши натолкнула его на мысль, которая обрадовала и зарядила лихорадочным нетерпением. К утру был обдуман тщательный и подробный план. Было в нем только одно существенное препятствие — старший прораб Сипягин. Но, уверенный, что все люди в основном такие же, как и он, Кряжич решил идти напрямик.

Подходил конец месяца, Кряжич вызвал Гаркушу и бригадира второй бригады Анучина, тоже рабставшего на фундаментах. Объяснил им суть дела. Гаркуша все схватил на лету, а Анучин сначала упирался. Однако позднее тоже сообщил о своем согласии.

Наряды по обеим бригадам были оформлены с двойным превышением. Кряжич пошел с ними к Сипягину. Тот мельком посмотрел документы и подписал их все до одного. А через три дня Кряжич зашел к нему в контору и, дождавшись, когда ушли посетители, положил на стол небольшой сверток.

— Что это? — удивился Сипягин.

— Так, мелочишка. Благодарность от бригад.

— Ничего не понимаю. Какая благодарность? — Сипягин развернул сверток, там радугой сверкнули новенькие десятки.

— Тут три косых, можешь не считать.

— Но позвольте... Да вы с ума сошли!

— А ты не спеши, не суетись. Давай потолкуем. По-мужски.

«Мужской разговор» сначала шел в конторе участка, затем продолжался на ночных улицах поселка. Закончился он в комнате Сипягина и был скреплен бутылкой сорокаградусной под колбасу и бычки в томате.

Сипягин принадлежал к той категории людей, которые как бы не имеют своего стержня. Рос в большой, довольно благополучной семье. С трудом окончил школу, с грехом пополам — строительный техникум. Нигде — ни в школе, ни в техникуме, ни на работе — не отличался чем-то особенным, ни в плохую, ни в хорошую сторону. Сказано сделать так, сделает так, сказано по-другому, и сделает по-другому.

Инертный и равнодушный ко всему, Сипягин оказался кому-то спокойным и рассудительным. Его рыхлость, согласие с любой точкой зрения сочли за дисциплинированность. А панибратские взаимоотношения с бригадами — за умение ладить с людьми. И начал понемногу расти Сипягин: прораб, старший прораб, начальник участка, а затем и управляющий трестом.

— Деньги он любил, очень любил, — свидетельствовал на следствии Кряжич. — Когда увидел пакет с тремя тысячами, руки у него задрожали, пот прошиб. Я тогда сразу понял — наш человек Сипягин, будет компаньоном, будет. И не ошибся.

Старший прораб потом уже без раздумий и возражений утверждал своей подписью многие десятки нарядов с завышенными объемами. На душе у него подчас бывало сумрачно и тревожно. А если все вскроется? Если дознается кто? Но пачки ассигнаций в сейфе все росли и росли. И это глушило тревогу.

Кряжич тоже старательно успокаивал его: «В случае чего всю вину возьму на себя».

И он выполнил это обещание.

— Мне не было никакого резона, чтобы Сипягин оказался за решеткой. Долго задерживаться в местах отдаленных я не собирался. И Сипягин мне был нужен не в

тюрьме, а на свободе. Как свой человек, как зацепка на будущее. И было еще одно обстоятельство: близких-то у меня нет, а деньжонки, что добыты, надо было у кого-то сохранить. Дружки-то, конечно, у меня были, но довериться им я не мог, оглоеды такие, что не приведи бог. Оберут. Когда дело с дутыми процентовками вскрылось, мы Сипягина выгородили. Это было непросто, но получилось все, как было задумано, отделался он легким испугом. А я получил положенный срок. Но меня это не очень-то удручало. Обыск у меня был, и не один, ничего, конечно, не нашли. Репутация моя — гуляка, забулдыга и прочее — сослужила мне добрую службу, уверовали, что все пущено на ветер. А некий куш, однако, был на сохранении у Сипягина.

Из заключения я сбежал через семь месяцев, заявился в Верхнегорск. Звоню ему. Встретились в одном безлюдном месте. Он мне дает пять тысяч и говорит, что больше не может, где-то очень надежно припрятал. Долго же находиться в городе без жилья и без паспорта я не мог. Условились, что дам ему знать, где буду. Мотался туда и сюда, скитался по разным местам и ждал его переводов. А он в это время обретал и обретал вес, забирался все выше по строительной стремянке. Мне же еще раз крупно не повезло, попался я на одном деле...

— Вы имеете в виду ограбление сберегательной кассы в Витебске?

— Да, именно этот прискорбный случай я и имею в виду. Ну плюсовали мне и прошлое и настоящее — и вышла десятка. Писал я Сипягину и оттуда, чтобы не думал, что совсем сгинул Кряжич. Он же, паразит, даже ответом не удостоил. Через три года я опять выбрался, притопал в этот ваш задрипанный Горчанск. Зашел к Сипягину — заседание. Еще раз зашел — то же самое. Звоню домой — отвечает супруга. Смотри ты, думаю, даже кралей обзавелся, а я все тот же бездомник, все болтаюсь, как шевяк на дороге. Ну да черт с тобой. Предполагал так: посидим, потолкуем, мои жизненные планы обсудим. Так нет же, этот слюнтяй даже обогреться в свою хазу не пригласил. В тресте, видите ли, назначил встречу. В тресте так в тресте. Ладно, думаю, пусть пока будет по-твоему. Только зря ты, Сипягин, от меня, как страус, голову в песок прячешь. Достану я тебя откуда угодно.

Утром пришел я в трест, захожу в кабинет. Сидит, чаек попивает.

«Здорово, — говорю, — Кирилл, давненько не виделись. Как дела-делишки?»

Смотрит, знаете, на меня, как новорожденный телок, и наивно так спрашивает:

«Зачем пожаловал?»

«Как зачем? Баланс надо подвести».

«Какой такой баланс? У нас с вами все в ажуре, гражданин Кряжич. Все вам выслано. В Сочи, Краснодар и Армавир. А остаток после получения последней вашей депеши — в Лисьянск. Вот вам последняя переводная квитанция. В расчете мы с вами, Кряжич».

Но у меня не только денежные дела были к Сипягину. Труднее и труднее становилось прятаться да скрываться! Мои надежды на южные города с их многолюдьем не оправдались. Везде одно и то же — документы, где работал, почему уволился. И надумал я устроиться под его крылом. Строек у него, думаю, много, все в глубинках. Пусть определит меня куда-нибудь, где потише. Поживу годик спокойно, отойду душой, документы оборудую, а там видно будет. Излагаю ему этот свой план. Он даже поперхнулся от удивления.

«Ты, — говорит, — и не думай об этом. Ну как я тебя устрою, когда знаю, кто ты и что ты. И сам загремишь, и меня за собой потянешь».

Спокойно так рассуждает, будто по писаному.

«И все-таки ты это сделаешь, Сипягин, — говорю ему. — Сделаешь, потому как деваться мне некуда».

Помолчал он и говорит:

«Знаешь, Кряжич, все эти годы я не жил, а мучился. Десятки раз собирался пойти в милицию или еще куда и рассказать все, как было. Устал я, знаешь, до такой степени устал, что глаза на свет божий не смотрят. Или ты сгинь отсюда, или иди и повинись. А коль и меня зацепишь — ну что ж, лучше так, чем постоянно под страхом жить, не могу так больше».

Обозлил он меня донельзя.

«Брось, — говорю, — скоморошничать и говори толком, куда меня устроишь?»

«И не могу, — говорит, — и не хочу».

«И все-таки это тебе придется сделать, Сипягин. Иначе... Ты меня знаешь...»

Говоря так, я вовсе не имел намерения мстить ему. Но мысль устроиться на одной из его строек мне казалась единственным выходом из положения, и я решил во

что бы то ни стало добиться этого от Сипягина. А он пристально так посмотрел на меня и вдруг заявляет:

«Значит, ты пугаешь меня, Кряжич? Шантажируешь? Так? Ну так вот, имей в виду: стоит мне сейчас поднять трубку, набрать некий номер, и ты опять загремишь туда, откуда появился, и даже дальше».

И тянется, знаете, к трубке.

Я не то что испугался звонка Сипягина, знал я его, не мог он этого сделать, не мог. Уж раз все эти годы молчал, то сейчас-то, конечно, не вякнет. Нет, не это меня взбесило. Взбесил его спокойно-нагловатый отказ в моей просьбе. Ведь мы же одного поля ягода. Только он глупее и трусливее меня. Я прошел все — и огни, и медные трубы, ни дня, ни часа спокойного не имел, а он, этот тюфяк соломенный, наслаждается жизнью. Помочь же корешу не хочет. Да еще и грозит. Какая-то нечеловеческая сила подбросила меня со стула. Я подскочил к Сипягину и ударил его дважды ножом в грудь. Он этак удивленно посмотрел на меня и пробормотал: «Зря это ты, Кряжич, зря». И, захрипев, повалился на стол. Не знаю, может, и зря я так круто с ним, но в тот момент я люто, до предела озлобился, такая муть поднялась в душе...

Закончив рассказ, Кряжич долго сидел молча. Потом бесцветным голосом обратился к Пчелину:

— Касаемо Сипягина я сказал все. О других страницах моей биографии расскажу в другой раз.

— Хорошо. Но вот один эпизод давайте уточним сегодня. Кража мехов с Лисянского комбината ваших рук дело?

Кряжич поморщился:

— Не имею к этому делу никакого касательства. Там, по моим наблюдениям, была какая-то шарага. А я сам по себе.

Повествование Кряжича продолжалось еще несколько дней.

Поздно ночью, когда за ним и конвоиром закрылась дверь, Короленко, потягиваясь от усталости (неделю слушать, протоколировать и тщательно проверять такие показания — дело нелегкое), спросил Пчелина:

— Чем все-таки объяснить, товарищ советник?.. То он молчал как истукан, врал без всякого стыда и совести, а то разговорился так, что не остановишь.

После некоторого раздумья Пчелин ответил:

— Причина простая. Он прекрасно понимает, каков может быть финал. Но ведь не зря говорится, что повинную голову и меч не сечет. Вот он и рассчитывает на гуманность нашего суда. Хочет иметь хоть один шанс, хотя бы один, чтобы сохранить жизнь.

— Ну а этот Сипягин? Он-то что же? Почему не предпринял ничего, чтобы выбраться из этой паутины? Ведь мог же он это сделать?

— Конечно, мог. Но котенок увяз — вся птичка в силках. Не хватило характера, решительности, честности не хватило. Это действительно был человек без стержня, серединка на половинку, как говорится. Сначала не устоял перед соблазном, потом не нашел в себе силы выбраться из трясины, хотя должен был знать, что темные дела рано или поздно всегда выходят наружу и конец их неизбежен.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Пользуясь теплой погодой и выходным днем, москвичи устремились в парки, на пляжи, за город, а кто постарше — в зеленые уголки дворов, на бульвары и в скверы. Золотые солнечные блики на песчаных дорожках, зеленые шатры лип и акаций, детский смех, поминутно вспыхивающий то тут, то там, создавали здесь какую-то уютную, почти домашнюю атмосферу. И даже доносившиеся из-за кустов гулкие удары костяшек домино о фанерные столы не раздражали людей, не портили настроения.

У майора Дедковского тоже был выходной день, и он твердо решил не ходить сегодня на службу, а погулять, вот так, бесцельно, по солнечной летней Москве, потом пойти в кино, посмотреть новый фильм.

По Тверскому бульвару не спеша шли мужчина и женщина. Пожилой подтянутый человек в светло-сером костюме и его спутница с легким воздушным шарфом на пепельных волосах показались Дедковскому знакомыми.

Шли они под руку, изредка обменивались двумя-тремя негромкими фразами. Лица их были спокойны, но видно было, что сосредоточены они на чем-то для них очень важном, на одной всепоглощающей мысли. И какая-то затаенная боль, глубокая печаль были во взгляде обоих. Только тяжкая, непоправимая беда оставляет на лицах такой след.

Дедковский никак не мог вспомнить, где он видел этих людей.

— Извините, пожалуйста, не напомните ли мне, где мы с вами встречались? — обратился он к мужчине.

Супруги переглянулись, как бы советуясь, вступать ли в разговор с незнакомым человеком. Мужчина, вежливо улыбнувшись, проговорил:

— Кажется, действительно... Встречались, но где, тоже не помню. Чернецовы. Леонид Александрович. Валентина Сергеевна. Может быть, это вам о чем-то говорит?

Да, конечно, фамилия Чернецовых майору была знакома.

Припомнилось вдруг все, что было связано с этими людьми. И уже не надо было доискиваться причины, почему тоска, душевная боль видны были на их лицах...

Случилось это несколько лет назад. В один из апрельских дней в большом жилом доме в конце Ключевого переулка начался пожар. Через четверть часа к дежурному по городу поступило дополнительное сообщение: квартира Чернецовых, откуда пошел огонь, ограблена, на диване обнаружен труп мальчика.

Работники оперативной группы Московского уголовного розыска, прибывшие к месту происшествия, были озадачены: руководитель группы майор Дедковский, его помощник старший лейтенант Агапов и все остальные осмотрели каждый уголок квартиры, каждую вещь и установили, что огонь, дым, вода уничтожили все следы преступления.

Поздним вечером в кабинете начальника МУРа полковника Волкова собрался весь состав опергруппы и несколько наиболее опытных работников из отделов.

Версий было выдвинуто несколько. Все они всесторонне и тщательно обсуждались, взвешивались. Временно отставлены были в сторону наименее весомые. Первоочередных оставалось две.

Версия «Ренита» стояла в оперативном плане под номером один.

Около года назад из квартиры Чернецовых выехала их бывшая соседка Ренита Токарева. Трудное это было соседство. Безудержное веселье, песни и танцы чуть ли не до утра не очень устраивали тихую семью Чернецовых. И знакомые Токаревой тоже были не из тех, кто мог вызвать симпатию. Развязные, самоуверенные, шумные, всегда навеселе, молодые и не очень молодые люди доставляли Чернецовым немало беспокойства.

Когда в жилотделе Токаревой предложили комнату в другом районе, чтобы улучшить условия и ей и Чернецовым, она долго кричала о «темных махинациях» соседей, писала какие-то заявления в район и выше, но в конце концов согласилась на переезд.

Приятеля, помогавшие Рените перевозить вещи, многозначительно пообещали Чернецовым, что они еще обязательно встретятся.

Казалось естественным допустить возможную причастность Токаревой и ее окружения к трагедии в Ключевом.

Найти адрес Токаревой труда не составляло. Но дома ее не оказалось. Как сообщили соседи, она уехала, кажется, под Ярославль, к родственникам. Точно они, однако, сказать не могли. В ателье меховых изделий, где работала Ренита, подтвердили: действительно, Токарева получила пятидневный отпуск за переработку. Место ее рождения? Пожалуйста. Но туда ли она уехала, никто не знал.

События в Ключевом переулке произошли второго апреля. Токарева ушла в свой короткий отпуск с первого. Случайное совпадение? Могло быть так, но могло быть и иначе.

На следующий день лейтенант Агапов приехал в Софрино, что в ста километрах за Ярославлем.

Токарева настолько удивилась приезду сотрудника уголовного розыска, что долго не могла прийти в себя. Агапов, видя ее смятение, задавал вопросы один за другим.

Почему ушли в отпуск? Когда уехали из Москвы? Что делали и где находились второго апреля? Почему оказались здесь? «Нет, нет, расскажите подробнее».

— Где была да что делала? А вам-то, собственно, какое дело? Я человек свободный, куда хочу, туда и еду.

— И все-таки объясните, когда уехали из Москвы?

Видя, что лейтенант не реагирует на ее негодование, Ренита стала говорить спокойнее:

— Сюда я уехала первого. Давно собиралась родственников навестить. — Она стала лихорадочно рыться в сумочке. — Вот доказательство!.. — И бросила на стол железнодорожный билет. — Билету не верите, у людей спросите.

Агапов тщательно осмотрел билет. Да, Токарева выехала из Москвы первого апреля вечером. Но ведь она могла со следующим поездом вернуться в Москву? Проверка, однако, показала, что из Софрина Ренита в эти дни не отлучалась.

Но версия «Ренита» не исключала того, что события в Ключевом совсем не обязательно должны быть делом рук самой Токаревой. Скорее всего это осуществлено ее приятелями. И то, что она заблаговременно уехала из Москвы, ничуть не опровергало это предположение, а скорее подтверждало его.

Агапов задумался.

Уловив на его лице тень сомнения, Токарева перешла в наступление.

— Вы объясните наконец, в чем дело? Имейте в виду, я завтра же поеду в Москву и буду жаловаться. Я честная советская гражданка. Вам это даром не пройдет.

Лейтенант Агапов долго и терпеливо слушал ее выкрики, а потом, не повышая голоса, проговорил:

— Не надо так шуметь. Мы выясняем обстоятельства убийства Виктора Чернецова. Если вы не причастны к этому, будем рады. Но криком тут делу не поможешь.

— Витю Чернецова? Убили? Да что вы?! Бедненький! — Токарева, несмотря на страшную весть, облегченно вздохнула. И уже спокойнее продолжала: — С родителями его мы не ладили, это верно, но он-то парнишка был хороший. Когда, бывало, заболел, всегда в магазин или в аптеку сбегает. Очень спокойный и хороший был паренек. Кто же это его? И за что такого мальчика?

— За что — понятно. Чтобы концы в воду. А вот кто? Это пока неизвестно.

— Во всяком случае, не Ренита Токарева. Это ясно как дважды два, товарищ лейтенант. Да и как на меня могли подумать такое? — В глазах и голосе Токаревой опять появились возмущение и гнев.

Агапов, нахмурясь, продолжал задавать вопросы:

— Расскажите о своих приятелях. Кто они, где живут, что делают?

— Они не пойдут на такое.

— Возможно. И тем не менее расскажите. И, пожалуйста, детальнее.

Токарева рассказала о своих друзьях обстоятельно, с удивительным знанием всех мелочей. Знала, где кто работает, живет, сколько получает, есть ли семья, кто в долгах, кто нет, кто что купил за последнее время из вещей. Сообщила, кто где находился все эти дни и где находится в данный момент.

...Мрачный, насупленный явился Агапов в кабинет Дедковского и доложил безрезультатные итоги своей поездки. Дедковский посоветовал заняться тщательнейшей проверкой всего, что касается приятелей Рениты.

Но проверка не обогатила версию номер один какими-либо новыми фактами. Все рассказанное Токаревой подтвердилось. Один из ее знакомых весь день второго апреля находился в цехе у себя на заводе, другой вообще

лежал в больнице на улице Радио, третий отрабатывал две недели за какой-то дебош в Сокольниках, да и остальные в тот роковой день тоже никак не могли быть в Ключевом. Пришлось на версии номер один поставить крест.

Параллельно с первой версией шла отработка второй. Здесь обнадеживающих факторов вырисовывалось как будто больше.

Родители мальчика при первой же встрече в МУРе сообщили, что у них ночевала приехавшая из Орла племянница Людмила.

Переночевала, оставила свой чемодан и затем несколько дней не появлялась. Конечно, они о ней плохо не думают, нет. Но приезжала-то она с молодым человеком. Парень вроде ничего, но, находясь в квартире, вел себя странно, все внимательно просматривал.

Когда после пожара осматривали квартиру, был обнаружен чемодан Людмилы. Но не тот, который она оставляла, а меньший, спортивный. Хозяева точно помнили, что именно этот маленький, а не большой чемодан она брала с собой. Значит, Людмила снова была в квартире? Когда? Где Людмила сейчас?

Чернецовы не знали точно, где учится Людмила: то ли в текстильном, то ли в торговом институте. Работники опергруппы выяснили, что в торгово-финансовом. Установили и другое: да, Людмила Горячева была в институте, «подтягивала хвосты», но уже несколько дней, как ее не видно. Вероятно, уехала. Куда? Этого в институте не знали. В Орел, как было установлено, она пока не возвращалась.

И все-таки еле заметная ниточка, ведущая по следу племянницы, обнаружилась. Одна из жительниц дома в Ключевом сидела в тот день в сквере против подъезда и видела Людмилу с молодым человеком. Они очень поспешно выбежали из подъезда и ловили такси. Девушка заметно нервничала, поглядывала на часы, а юноша успокаивал:

— Ну, велика важность, опоздаем на самолет — уедем «стрелой».

Значит, молодые люди направлялись в Ленинград? Или, во всяком случае, через Ленинград в какие-то другие края?

Выехали туда и Дедковский с Агаповым.

В Ленинграде найти человека, тем более приезжего,

дело трудное. Московские и ленинградские оперативные работники рассудили так: если Людмила и ее приятель приезжали сюда для того, чтобы посмотреть город, то искать их надо на ленинградских площадях, около дворцов, в музеях, на выставках, в театрах. Если же они приехали по причинам, имеющим отношение к трагедии в Ключевом, то их пребывание более вероятно в местах иного порядка — комиссионных магазинах, скупочных пунктах, на рынках.

...Людмила задумчиво стояла у одной из известных могил на литераторских мостках Волкова кладбища, когда почувствовала, что кто-то положил ей руку на плечо. Думая, что это ее спутник, она тихо произнесла:

— Сейчас пойдем.

— Да, пожалуйста.

Услышав чужой голос, она резко обернулась. Рядом стояли два незнакомых человека. Людмила удивленно спросила:

— В чем дело?

И, не дожидаясь ответа, оглянулась по сторонам, позвала:

— Валерий, где ты?

Увидев около Людмилы незнакомых мужчин, парень торопливо подошел и настороженно спросил:

— Что такое? Что вам нужно?

Дедковский и Агапов не спешили с ответом. Они наблюдали за обоими молодыми людьми. Наблюдали зорко, внимательно. Ведь это очень важно, как поведет себя человек в первое мгновение, если его настигает то, от чего он старательно скрывается. Испуг, страх, минутная растерянность во взгляде неизбежны. Потом, когда это пройдет и человек соберется, пусть внешне, но успокоится, мозг его начнет лихорадочно работать, выскивать или вспоминать придуманные заранее объяснения, версии, удивительно правдоподобные истории, призванные убедить, доказать, что павшее на него подозрение — это ошибка, недоразумение и не больше.

Но если человеку нечего бояться, совесть его чиста и руку на его плечо положили по ошибке, случайно, то его реакция совсем иная. Вместо испуга — удивление, вместо многословия с излишними деталями историй — спокойные, пусть не всегда с охотой даваемые, но уверенные ответы на вопросы.

Дедковский и Агапов знали это хорошо и потому так внимательно следили за лицами Валерия и Людмилы.

Валерий явно начинал раздражаться и, взяв девушку за руку, твердо сказал:

— Пойдем, Люда.

— Мы пойдем вместе, — сказал Дедковский.

— Почему? Кто вы такие? — резко спросил Валерий, и чувствовалось, что этот парень не побоится постоять и за себя, и за свою подругу.

Дедковский показал ему свое удостоверение.

— МУР? Но при чем тут, собственно, мы? А впрочем, если у вас есть к нам вопросы, пожалуйста. Только скажите прямо, в чем дело? — И, обращаясь к спутнице, усмехнулся: — Людка, мы влипли в какую-то историю. Они из МУРа. Поедем с ними. Вот нам и попутная оказия. А мы с тобой голову ломали, как будем добираться до центра.

В машине начала возмущаться Людмила:

— Вы все-таки объясните, что это значит?

— Обязательно объясним, немного терпения.

— Но это же черт знает что!..

Валерий легонько пожал ее руку:

— Спокойно, Люда, спокойно. С МУРом шутить не рекомендуется. Разберутся. Во всяком случае, должны.

В помещении Ленинградского уголовного розыска обстановка строгая, деловая. Людмила и ее спутник при-
смирели.

— Были ли вы на квартире Чернецовых?

— Да, были.

— Витю видели?

— А как же? Даже кофе он нас угощал.

— Зачем заезжали туда?

— Ну как зачем? Вещи мои там были, чемодан.

— Сколько времени пробыли в квартире?

— Около часу. Потом уехали. Улетели, вернее. Самолетом.

— Постарайтесь вспомнить, когда вошли в квартиру, в какое время вышли?

Людмила посмотрела на Валерия, на свои часы.

— Приехали туда около трех, уехали в четыре.

— В семнадцать часов мы уже поднялись в воздух, — добавил Валерий.

— Именно в это время Витя был убит, вещи похищены, квартира подожжена.

Слова эти Дедковский произнес спокойно, но прозвучали они, как выстрел. Людмила и Валерий одновременно вскочили со стульев...

— Как?! Витю?! Не может быть! Он же нас провожал... И все просил купить духовой пистолет. И мы купили...

Людмила говорила все это торопливо, нервно, руки ее дрожали.

Валерий укоризненно посмотрел на нее и подчеркнуто спокойно проговорил:

— Люда, ну что ты? Товарищи и впрямь могут подумать, что к этому кошмарному делу мы имеем какое-то отношение.

— А вы знаете, это недалеко от истины, — подтвердил Агапов.

— Да вы с ума сошли! — с расширившимися от ужаса глазами вскрикнула Людмила.

Валерий в ответ на слова Агапова, стараясь подавить свою взволнованность, заметил:

— С таким же основанием вы можете считать нас участниками ограбления почтового вагона с золотом, что произошло в Англии.

— Даже шутите? — констатировал Агапов. — Это хорошо. Самообладание завидное. Но вам придется кое-что пояснить.

— Что, например?

— Ну, хотя бы происхождение вот этого пятна на обшлаге вашей рубашки, которое вы так старательно прячете.

Валерий автоматически, сам того не заметив, повернул руку, прижав злополучное пятно к столу.

— Видите? Вот то-то.

Но Валерий не сдавался:

— Происхождение этого пятна самое банальное. Открывал банку с консервами и порезал руку. Вот посмотрите, — он положил левую руку на стол. Между большим и указательным пальцами действительно красным рубцом выступал порез.

— Что ж, возможен и такой случай, — согласился Дедковский. — Необходимо только все тщательно проверить, все исследовать. Вам придется подождать в соседней комнате.

— Подождать — подождем. Но если мы не уедем се-

годня, повезете нас в Москву на казенный счет. На билеты мы потратили все, что у нас было.

Это сказала Людмила. И сказала спокойно. Пример Валерия, который держался так уверенно, подействовал и на нее.

Агапов, читавший какие-то бумаги, поднял голову.

— А я все меньше сомневаюсь в возможности вашей поездки на казенный счет.

Когда Людмила и Валерий вышли, Дедковский сказал Агапову:

— Знаешь... мне кажется, что это не те, кого мы ищем. Если даже группа крови совпадет... Все равно не те.

— На чем же основывается эта ваша убежденность? — удивился Агапов.

— Видели мы с тобой убийц, и не раз. Эти не похожи.

— А вы не исключаете, что все это тщательно продумано и прорепетировано? Бывали ведь и такие случаи, верно? Не забывайте обстоятельства ограбления. Похищены деньги, золотые вещи, несколько платьев, отрезов, шуба. Деньги и ценности хранились в ящике серванта, который запирался на ключ. Шуба, отрезы, платья — во встроенном шкафу в передней, который тоже всегда был заперт. А ключи и от того, и от другого лежали в среднем ящике письменного стола, под бумагами. Об этом было известно лишь членам семьи. И возможно, кому-то из близких людей. Кто же эти близкие? Других, кроме Людмилы, нет.

— Ну, она тоже не настолько уж близкая, чтобы знать подобные детали. Приезжала к Чернецовым довольно редко. Нет, кажется, мы с тобой не на той дорожке. Но проверить мы должны все, все до последней мелочи. И поэтому сделаем так: исследование пятна на рубашке — по моей части. А ты... Ты вместе с молодыми людьми поезжай в общежитие Технологического института, где они остановились. Тщательнейшим образом осмотри их вещи. С прокурором обговорено.

— Уверен, кое-что мы там найдем, — живо откликнулся Агапов.

В вещах студентов ничего из чернецовских вещей обнаружить не удалось. Группа крови на рубашке Валерия, однако, была такой же, как и убитого. Едва Дедковский и Агапов успели обменяться этими сведениями,

как раздался телефонный звонок. Полковник приказывал им завтра утром прибыть в Москву.

Выехали в ту же ночь. Чтобы скоротать время в дороге, Дедковский расспрашивал Валерия и Людмилу о том, что удалось посмотреть в Ленинграде, в каких театрах побывать, что особенно понравилось. Потом опять вернулся к трагедии в Ключевом.

— Расскажите-ка все еще раз, только подробнее.

— А что рассказывать? — ответил Валерий. — Ведь вы обо всем уже выспросили. Были мы в квартире недолго, сварили сардельки. Витя их в холодильнике разыскал. Съели, выпили по чашке кофе и поехали.

Людмила добавила:

— Витя провожал нас. Все про пистолет напоминал. Даже когда прощались на лестничной площадке. Паренек, что к нему пришел, в квартиру его тянет: пора, дескать, уроки делать, а Витя все твердит: «Тетя Люда, не забудьте, о чем я просил».

Агапов в разговоре не участвовал. Перед отъездом в Москву он настаивал, чтобы Дедковский получил у полковника разрешение оставить его, Агапова, в Ленинграде для розыска вещей. Однако было приказано выехать немедленно всем вместе.

...Начальник МУРа терпеливо выслушал вначале Дедковского, затем Агапова и, обращаясь к обоим сразу, сказал:

— Значит, в выводах категорически разошлись?

— Как видите, — пожал плечами Агапов. — Товарищ Дедковский очень уж полагается на свою интуицию. Она у него, конечно, проверенная, не спорю, но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. Группа крови, как известно, доказательство не последнее.

Дедковский устало посмотрел на своего беспокойного помощника:

— Что верно, то верно. Но, насколько я помню, у тебя тоже третья группа.

— Третья, — неуверенно подтвердил Агапов.

— Вот с таким же основанием и тебя можно заподозрить.

— При условии, если я был вхож в их квартиру, если был в ней в промежуток времени, в который произошло убийство...

— А где ваши подопечные? — прервал их спор полковник.

— У меня в кабинете. Завтракают, — ответил Дедковский.

Агапов так и взвился:

— Вы слышите, товарищ полковник? Они завтракают! В его кабинете. И даже без конвоя! — И, зная, что он уже не в первый раз за эти дни перешагивает за рамки служебной субординации, со вздохом добавил: — Извините, но иначе не могу. Как вспомню Витю, лежащего на диване, так все закипает во мне! Очень уж мы миндальничаем да осторожничаем. Действуем по принципу: как бы чего не вышло. А преступник должен сразу понять, где он находится.

Дедковский вскинул на него седоватые брови, сузил глаза:

— Так то преступник. А в отношении этих ребят пока ничего не доказано. Ничего. Потому извольте к ним относиться соответственно. Может, вы уголовно-процессуальный кодекс забыли?

Полковник наклонился к селектору, нажал кнопку:

— Лаборатория? Обработка бутылки и стакана, доставленных из Ключевого, закончена? Нет еще? Поторопитесь.

— Какой бутылки, какого стекла? — встрепонулись Дедковский и Агапов.

— Сегодня в квартиру Чернецовых пришли строители, ремонт производить. Стали выносить вещи, а ненужные мелочи выбрасывать в мусоропровод. Он оказался засоренным. Когда очистили, нашли кое-что из квартиры Чернецовых. Бутылку из-под водки, стакан. Ребята из бригады оказались разумные. Дескать, раз в квартире произошло такое, то все, любой пустяк может иметь значение. Аккуратненько завернули бутылку и стакан в газету — и к нам. Бутылка, как и все бутылки, а стакан с каемкой, хозяин его признал.

— И такие предметы не были обнаружены при осмотре квартиры? Какое безобразие! Какая халатность! — обескураженный Дедковский нервно мямл папиросу.

— Ну, вы напрасно так ругаете себя. Кому могла прийти в голову мысль, что в мусоропроводе, находящемся на лестничной площадке, есть бутылка и стакан, имеющие отношение к убийству? Надо быть провидцем или комиссаром Мегрэ, чтобы предположить это. Такое бывает только в детективных романах.

— Вы зря меня успокаиваете, товарищ полковник.

Этот факт возмутительный. И к нему мы при разборе дела еще вернемся. А скажите, что еще известно об этой бутылке со стаканом?

— Хозяин помнит твердо, что бутылка в холодильнике была с остатками водки. Значит, ею воспользовался кто-то из посетивших квартиру. На бутылке и стакане есть следы. Может быть, они принадлежат тому, кого мы ищем.

— Это была бы слишком большая удача, — пробормотал Дедковский.

Исследование бутылки и стакана было закончено поздно вечером. На бутылке следов обнаружить не удалось. На стакане же их было несколько. Экспертиза установила: ни рука Валерия, ни рука Людмилы к стакану не прикасались. Не принадлежали отпечатки и Чернецову.

Теперь уже и Агапов не решался так уверенно утверждать, что Валерий и Людмила причастны к убийству. Конечно, можно было продолжать выяснение разных деталей, только во имя чего? Доказывать недоказуемое? Но и отказаться от версии, которая казалась столь реальной, тоже было нелегко. Мучительно тяжело на душе у оперативного работника, когда заподозрен невинный человек. И не менее тяжело, когда упущен преступник.

Дедковский, прощаясь с Валерием и Людмилой, был доволен. Агапов чуть-чуть смущен. Но терзаться и переживать было некогда, да и не любил этого старший лейтенант Агапов. Разведя руками, он с обезоруживающей улыбкой проговорил:

— В любом деле ошибки бывают. Так что вы, ребята, не обижайтесь на нас.

Валерий начал было говорить что-то насчет некоторых не в меру самоуверенных детективов, но Людмила остановила его:

— Не надо, Валерий. Пусть лучше товарищи муровцы скажут, как дальше-то будет? Кто же убийца и где он?

Агапов вздохнул:

— Если бы знать!..

Валерий и Людмила поднялись. Дедковский остановил их:

— Прошу немного задержаться. В поезде вы рассказывали мне, что, когда уходили из квартиры Чернецовых перед отъездом в Ленинград, к Вите пришел какой-то его приятель. Так?

— Да, именно так, — подтвердили Валерий и Людмила.

— Что это был за парень? Расскажите.

...Когда Валерий и Людмила ушли, Дедковский, подняв на лоб очки, долго сидел задумавшись, барабанил по столу пальцами. Затем проговорил:

— Итак, старший лейтенант, на версии номер два тоже ставим крест. Давайте думать еще. Думать и думать. К завтрашнему утру на столе у полковника должен лежать новый оперативно-розыскной план. Версия «Приятель» тоже должна быть в этом плане.

— Сколько же еще будет этих планов и версий, товарищ майор?

— Бывает всякое. Может, пять, может, и десять. А то и больше. В данном случае версия «Приятель» может быть последняя. Думаю, что последняя.

— Опять интуиция?

— Не только. Хотя и она тоже. А что, у тебя есть к моей интуиции какие-нибудь претензии? По-моему, она нас не подвела?

— Нет, не подвела. Но я предпочел бы знать более подробно ход ваших рассуждений, чтобы не блуждать вслепую.

— Что ж, требование законное. Слушай. С чем не согласишься, делай себе заметку. Обсудим потом.

Говорил майор долго. Делал паузы, задумывался, курил. Опять продолжал. Наконец подытожил:

— Преступление совершено между пятнадцатью и семнадцатью часами. Кто был в этот период в квартире? Валерий и Людмила? Но они уехали в шестнадцать. Значит, отрезок времени для преступления сузился до одного часа. Кто был в квартире в этот промежуток? Какой-то мальчик. Вот в нем и отгадка тайны.

— А если он пришел и тут же ушел?

— Могло быть и так. Но шел-то он заниматься, делать уроки. Верно? Почему же он вдруг должен уйти? Нет, он не ушел, и именно он, этот малец, должен помочь нам распутать клубок.

— А что, пожалуй, вы правы, — согласился Агапов. — Давайте прикинем. Допустим, что расстроилось у них дело с занятиями. На это потребовалось какое-то время. Пусть пятнадцать, пусть двадцать минут. А это уже около половины пятого. В семнадцать же часов, как известно, поступил сигнал о пожаре. Грабители дол-

жны были узнать, когда Витя остался один в квартире, должны были войти в квартиру, расправиться с ним, найти ключи, обшарить шкафы, отобрать наиболее ценные вещи, уложить их, вынести из дома, поджечь квартиру. Маловато времени оставалось для всех этих операций. Да еще кто-то и водку пил.

Нет, это были убийцы-грабители с предварительной разведкой. И возможно, вполне возможно, что мальчик этот пришел не случайно. Вы абсолютно правы, товарищ майор.

— Значит, действуем?

— Действуем.

И вот работники оперативной группы опять к Ключевом переулке. Участковый уполномоченный, обслуживающий этот микрорайон, председатель домового комитета, классный руководитель школы, где учился Витя Чернецов, рассказывают о его сверстниках. Ребята хорошие, хоть и озорные немного. С кем дружил Витя? Со многими. С Ивановым Толей, Смирновым Юрой, Арутюновым Ашотом, Надей Беляевой. Вообще Витю любили и, пожалуй, все или почти все у него были в приятелях.

К вечеру Агапов вместе с участковым собрал всех ребят, которые были названы как друзья Виктора.

— Расскажите, ребята, кто из вас бывал у Вити Чернецова?

— А зачем нам у него бывать?

— Ну как это зачем? Помогать делать уроки, например.

— Он сам мог кому хочешь помочь.

— Допустим, но ведь бывали же вы у него?

Оказалось, почти все бывали, только раньше.

— А почему только раньше? Почему?

Молчат ребята, глаза опустили.

— Ну, так как же? То все ходили, а потом вдруг никто.

Щуплый, вихрастый паренек стал неохотно объяснять:

— Так ведь Серега к нему стал ходить. Чеглаков. Он тоже у нас в школе учился. А с нынешнего года в другую школу ходит. В другой район переехали они. А кто же пойдет, раз Сережка там? Он же обязательно тумакami угостит.

Узнали адрес Чеглаковых. Новый дом, небольшая, но хорошо обставленная квартира.

Сергея Чеглакова дома не было.

— Уехал к родне в Коломну, — сообщила мать. И настороженно спросила: — А зачем он нужен-то? Может, натворил чего?

— Да нет. Хотели поговорить с ним.

— Если что такое, так вы мне скажите. Без отца растут-то у меня. Отчаянные.

В это время в комнату вошел старший Чеглаков — Федор. Увидев Агапова и участкового, он нахмурился:

— В чем дело, товарищи?

— Да вот Сережа им понадобился, — объяснила мать.

— Это зачем же?

— Да так. Дело есть, — ответил Агапов.

— Но мы-то должны знать, что это за дело?

— Хотели кое-что уточнить.

— Приедет в понедельник, тогда и уточните.

— Спасибо. Скажите ему, чтобы он пришел в детскую комнату отделения.

— Придет, придет, отчего же не прийти, раз надо, — вздохнув, проговорила мать, провожая гостей к двери.

И вот перед Дедковским и Агаповым сидит подросток. Рослый, с хмурым, насупленным взглядом. Держится настороженно, всеми силами старается показать, что никого он не боится и ничто ему не страшно. И вообще, почему его вызвали? Хулиганил он? Нет. Дрался? Нет. Ну и все. Чего, собственно, надо?

— Расскажи-ка, Сергей, о втором апреля. Подробно расскажи. Постарайся вспомнить весь день. Где был, когда, что делал?

— Ну, где был? В школе.

— А потом?

— Потом дома.

— И долго?

— До вечера.

— А вечером?

— Играли во дворе. Потом пошли с ребятами в «Зарю». Фильм там мировой шел. Только билетов не достали и ушли домой.

— Ничего не забыл?

— Вроде ничего. Почему я должен забыть?

— Ну, знаешь, бывает. Подумай еще.

— Еще за молоком ходил в магазин. Мать посылала. Это уж совсем вечером.

— Хорошо. Может, еще что припомнишь?

— Нет, больше нигде не ходил.

— Ну, ладно, Сергей. Посиди пока в другой комнате. Позовем тебя.

— А мне домой пора. Мать и братеньник задерживаться не велели.

— Скоро пойдешь, долго не задержим.

Минут через пять после ухода Сергея в комнату вошла Людмила. Она была взволнована.

— Этот, именно этот парень шел тогда к Вите.

— Да? А вот он говорит, что был дома после школы и нигде днем не выходил.

— Товарищи, честное слово, он! Я, конечно, не знаю, может, мальчик этот и не имеет никакого отношения к тому страшному преступлению, но что он встретился нам на лестнице — это точно, голову даю на отсечение.

В следующий раз Сергей пришел в отделение в сопровождении брата. Федор требовательно заявил:

— Вы должны объяснить, почему таскаете братишку. Позавчера вызывали, сегодня... Он не хулиган, не какой-то там трудновоспитуемый.

— Хорошо, хорошо. Но, между прочим, к нам не следует ходить вот так... под хмельком.

— А почему я не могу выпить? На свои пью. — И добавил: — С Сергеем будете говорить при мне.

— Нет, говорить будем без вас, — твердо возразил Дедковский. — Так что придется подождать в соседней комнате.

Сергей, зная, что брат находится рядом, держался еще уверенней, чем в первый раз, моментами даже вызывающе.

— Сергей! Ты вот говорил, что, кроме магазина, нигде после школы не ходил. Так?

— Так.

— А выходит, не совсем так. У Виктора Чернецова ты, оказывается, был.

— Это когда же? В тот день не был.

— Нет, был.

— Нет, не был.

— Понимаешь, тебя видели родственница Чернецовых и ее знакомый. Они выходили из квартиры, а ты пришел. На лестничной площадке вы встретились. Да и дворник видел, что ты днем, около четырех часов, забежал в подъезд.

— Так я же на одну минуту. Взял у него учебник по географии и ушел.

— Географию, говоришь, взял?

— Да. И сразу ушел.

Дедковский, раскрыв папку с документами, стал про себя читать опись вещей Вити Чернецова, которые были в день убийства в его комнате. В описи значились и учебники. Среди них — география. Может быть, ошибка?

— Ты посиди, Сергей, минутку, вот потолкуйте с товарищем Агаповым, а я сейчас приду.

Дедковский прошел в комнату начальника отделения, позвонил в МУР и попросил проверить, есть ли среди вещей Вити Чернецова, изъятых для следствия, учебник географии.

— Да, есть, — подтвердили оттуда. — Вот он перед нами. География частей света. Учебник для VI—VII классов. Издательство «Просвещение», 1963 год. На обложке надпись: «В. Чернецов. 7-й «Б».

Когда Дедковский, возвращаясь к себе, проходил через приемную, Федор Чеглаков нетерпеливо спросил:

— Скоро освободите мальчика? Ему заниматься надо.

— Да, да. Еще несколько минут, — ответил майор.

Вернувшись, Дедковский на всякий случай еще раз спросил Сергея об учебнике, тот снова подтвердил то же самое:

— Брал географию. Она и сейчас у меня дома. Могу принести.

— Хорошо. В следующий раз, когда мы тебя позовем, захвати книгу с собой.

Сергей, по-взрослому сутулясь, не попрощавшись, вышел из комнаты.

Вечером на совещании в МУРе Дедковский докладывал итоги этих дней. В конце совещания заявил:

— В том, что Сергей Чеглаков был там и что он в какой-то мере участник преступления, у меня сомнения нет. Но лицо он, конечно, второстепенное. А кто главный — неясно. Окружение Сергея по школе исключается. Ребята все мальцы. Считаю, что в убийстве может быть замешан его брат Федор. Он дважды судился, поведение не из похвальных. Правда, доказательств его участия в деле на Ключевом пока нет. Надо проверить дактилоскопические отпечатки.

— А если они не сойдутся? Опять извиняться? — По тону начальника МУРа Дедковский понял, что разрешение на задержание Чеглакова ему пока не дадут. — Вы нам соберите доказательства, тогда и решим, как быть с Федором Чеглаковым. Но смотрите, чтобы не скрылся. А то ищи ветра в поле, — сухо проговорил полковник.

— Скрыться не дадим и доказательства соберем. Прошу еще несколько дней, — твердо пообещал Дедковский.

На следующий день в трест Облпромстрой, где работал Федор Чеглаков, приехал работник бухгалтерии главка, долго рылся в ведомостях по заработной плате, потребовал учетный журнал выхода на работу сотрудников. Придирчивый оказался представитель, дотошный. Два дня сидел, ковырялся в бумагах, все выпрашивал, что да почему. Затем объявил, что некоторые документы, например ведомости на зарплату, заберет на несколько дней с собой. Управляющий было воспротивился, позвонил начальнику главка. Тот коротко ответил:

— Хочет забрать — значит, надо. Не пропадут ваши ведомости, вернет.

Через два дня Агапов, взволнованный, нетерпеливый, явился к Дедковскому:

— Все в порядке. — И положил перед Дедковским дактилоскопические карты, заключение экспертов.

Майор долго, тщательно изучал принесенные документы. Потом коротко бросил:

— Пошли к полковнику.

Войдя в кабинет, майор официально произнес:

— Товарищ полковник, надо немедленно задержать Федора Чеглакова.

— Есть доказательства?

— Отпечатки пальцев в ведомостях на зарплату и на стакане идентичны. Второго апреля Федор со своим приятелем Семеном Потаниным на работе не были. Отпрашивались. Кроме того, сегодня в скупочный магазин в Медведкове сданы золотой браслет и брошь, взятые у Чернецовых.

— Самими преступниками?

— Ну, нет, не так уж они глупы. Через одну старушечку.

— И ее не задержали?

— Хотим посмотреть, по каким еще адресам она свои стопы направит.

— Ну что ж, поздравляю вас. — И полковник стал набирать номер телефона городской прокуратуры.

...Взяли их на шумной, веселой вечеринке в Кожухове, у Нинели Белявской, полупьяных, возбужденных вином и происшедшей незадолго до этого стычкой в соседнем ресторане.

Вид у приятелей сначала был оскорбленный и подчеркнуто недоумевающий.

— За что взяли? Ну, пошумели малость, что из этого?

Однако за возмущенными выкриками крылась тревога. Неужели на Петровке что-то знают? Тревога эта сменилась у Чеглакова леденящим душу страхом, когда Дедковский, отправив с дежурным Потанина, спокойно и деловито, как-то даже буднично, проговорил:

— Ну, хватит, Чеглаков. Вы ведь хорошо понимаете, что на Петровку вас привезли не зря. За бедлам в ресторане вам хватило бы и отделения. Рассказывайте об обстоятельствах убийства Вити Чернецова...

Огромным усилием воли Чеглаков заставил себя успокоиться и даже усмехнуться:

— Не понимаю, о чем говорите. Что-то не то шьете, начальник.

Держался он вызывающе, задиристо. Упирался отчаянно и долго, требовал объективного расследования фактов, доказательств.

— Прямо не верится, что это убийца. Уж очень уверенно себя держит, — недоумевал Агапов после первого допроса Чеглакова.

Дедковский махнул рукой:

— Инстинкт самосохранения. Рассчитывает сбить нас с толку. Знает, что держать без доказательств мы не можем. Только не знает того, что доказательства-то у нас есть, и притом неопровержимые.

На втором допросе Агапов повторил свой вопрос:

— Так как же, Чеглаков, будете признаваться?

— В чем?

— В убийстве Виктора Чернецова.

— Нет.

— Тогда как объяснить, что гражданка Устименко Пелагея Дмитриевна, задержанная при продаже некоторых ценных вещей, принадлежащих Чернецовым, показала, что эти вещи ей дали вы?

— Какая Устименко, какие вещи? Ничего не знаю!

— Допустим. Но вот этот портсигар и часы, принадлежащие Чернецовым, изъяты у вас в комнате. Как они попали в ваш чемодан?

— Впервые вижу эти жестянки.

— Несерьезно это, Чеглаков. Вещи изъяты в присутствии понятых и вашей собственной матери.

Чеглаков не отвечал.

— Тогда еще вопрос. Почему собирались уехать из Москвы?

— Никуда я не собирался.

— Неправда. Собирались. Вот билет на самолет во Фрунзе. Тоже изъят у вас.

Наконец, ему предъявили заключение дактилоскопической экспертизы, из которой явствовало, что отпечатки на стакане из квартиры Чернецовых и отпечатки его пальцев идентичны.

Чеглаков долго молчал, потом исподлобья осмотрелся по сторонам и глухо, не глядя на Дедковского, произнес:

— Да... Частично виноват. Но не в убийстве, нет. В том, что участвовал в ограблении квартиры, и в том, что... не удержал Потанина от убийства.

Семен Потанин был менее опытен, и страх совершенно парализовал его. Однако своего оправдательного алиби держался упорно. Подробно, в деталях объяснил, что делал второго апреля. Почему именно второго брал отгул? Да очень просто. Надо было костюм купить. В выходные дни народу в магазинах, как известно, всегда полно. Вот и решил использовать заработанный день. И купил в Измайлове. Очень хороший, между прочим, магазин.

Магазин готовой одежды в Измайлове действительно есть. И второго апреля Потанин костюм там купил, но только в первой половине дня. Данная партия товара прошла до двенадцати часов, об этом свидетельствовала контрольная кассовая лента.

Семен же настойчиво утверждал, что покупал в конце дня, около пяти часов. И хотя ему было убедительно доказано несоответствие его объяснений фактической стороне дела, он стоял на своем. «Нигде больше не был, ни с кем не встречался, никаких Чернецовых не знаю».

— А вот Федор Чеглаков показал, что Витю Чернецова убили вы спортивными гантелями.

— Что, что? Это он показал? Он? — Семен впился глазами в протокол допроса.

Убедившись, что его не обманывают, беспомощно опустился на стул. Однако опять взял себя в руки:

— Это не доказательство. А может, это и подпись-то не его.

Ему дали прослушать магнитофонную ленту с записью показаний Федора. Но и после этого он продолжал стоять на своем.

— Видите ли, Потанин, голое отрицание фактов не лучший способ защиты, — терпеливо выслушав его, сказал Дедковский. — Но допустим, что этих фактов вам кажется мало. Тогда как вы объясните еще одно обстоятельство? Орудие убийства — гантели — вы выбросили около Мало-Устьинского моста, завернув в сорванную занавеску. На гантелях кровь жертвы и следы ваших рук. Немаловажное обстоятельство, как вы думаете?

Семену Потанину тоже ничего не оставалось, как признаться в преступлении.

И вот остались позади бессонные ночи оперативной группы, следователя прокуратуры, экспертов, многих других работников, напряженные совещания, где возникали, обсуждались, отвергались или принимались версии, гипотезы, предположения. Кто совершил преступление? Как найти преступников? Как уличить их? Доказать их вину?

Это все уже позади. Преступники установлены. Скрупулезно, до мельчайших деталей собраны все улики и доказательства их дикого преступления. Скоро суд. Он подведет черту.

У майора Дедковского появились уже другие заботы. Но забыть трагедию в Ключевом, вычеркнуть из своей памяти людей, чьи судьбы переплелись в ней, он не может. Ведь для настоящего криминалиста мало установить преступника, доказать его вину. Он должен выяснить, понять, проанализировать те силы, те обстоятельства, которые завязали этот страшный узел.

Что касается Чеглакова, все было ясно. Наказания, которым он подвергался, впрок не пошли. Сроки изоляции были невелики, но и их Чеглаков не отбывал полностью, оба раза его освобождали досрочно. Надеялись на то, что образумился парень и будет вести себя по-людски. Но парень уразумел только одно: не так уж это страшно — суд и тюрьма. Можно, оказывается, выбрать-

ся и оттуда и опять приняться за свои дела. Прimitивный, но изворотливый ум вел его только в одном направлении: жить сытно и весело. И все пути для этогогодились, все средства были хороши.

Младший брат вырастал точной копией старшего. В его представлении Федор был герой, смелый до отчаянности. Он зачитывался его письмами, а по возвращении брата домой жадно слушал его рассказы о похождениях. И усвоил твердо: жить надо не разиней, а с умом, вот так, как Федор, иначе какая же это жизнь? Дайте только вырасти! Но чтобы не очень допекала мать, школу придется кончить. Вот работает же брат в тресте. Это тоже чтобы не было постоянных слез и скандалов в доме, чтобы в тунейдцы не попасть. Смену себе старший Чеглаков готовил достойную.

Да, с Чеглаковым было ясно.

А Семен Потанин? Как он оказался на стежке Чеглаковых? Что это, случай, стечение обстоятельств или логическое следствие каких-то причин, цепь оплошностей, ошибок, поступков, которые неизбежно должны были привести к роковому концу?

В ходе следствия Потанин отвечал на подобные вопросы неохотно, скупое, он явно тяготился ими, страх расплаты за преступление, казалось, парализовал способность думать, анализировать явления и факты. Он мог и говорить и думать только об одном. Десятки раз задавал все тот же вопрос: «Что мне будет? Что?»

Жила в Москве семья Потаниных, обычная семья, каких много. Отец работал в крупном строительном тресте, мать — плановиком-экономистом на одном из заводов. Был у них сын Семен. Жил вольготно. И сыт, и одет, и всем обеспечен. Уже в седьмом или восьмом классе не шел в школу, если не выглажена форма, если помят воротничок. А к приятелям, в кино или на школьный вечер — только в костюме, и обязательно модном. Дома ему все в первую очередь и самое лучшее, что бы ни пожелал. Когда чихал или кашлял — это считалось происшествием. Домашние поднимали на ноги всех врачей. Годам к пятнадцати хилого подростка уже нельзя было удивить ни Южным берегом Крыма, ни Рижским взморьем. А учеба шла с трудом. Среднюю школу едва осилил.

В институт не попал. Да и не очень рвался. Пришлось отцу устраивать его на курсы нормировщиков. Здесь де-

ло как будто пошло. Фамилия отца в этой системе была известной, и сыну помогали как могли.

Но вот на безоблачном небе разразился гром. В семью Потаниных пришла беда, беспощадно разрушив их спокойный, устроенный быт и благополучие: ушел из семьи отец. Казалось, все полетит кувырком. Но мать взяла себя в руки и стала у руля их маленького семейного корабля. Сын стал теперь для нее единственным светом в окне. Она дала себе слово, что Семен не почувствует отсутствия отца, будет иметь все, что имел раньше. Это стало ее первейшей заботой, главной целью и смыслом жизни. Была в этом и ее месть мужу: вот, дескать, живем и без тебя. Тянулась изо всех сил, чтобы сын не ощущал ни в чем недостатка. Это было нелегко. Стала понемногу брать из тех сбережений, которые скопила за многие годы. Их хватило ненадолго. Продала все отцовское. Затем кое-что свое. Но становилось все труднее.

Как-то Семен, придя с работы, объявил:

— Нужна тридцатка. Сабантуй с ребятами устраиваем.

Мать возразила:

— Нет у меня таких денег, Сема. Вот десятка — и все.

Сын удивленно глянул на мать:

— Это как же нет? Я обещал. Ты понимаешь, обещал! — в его голосе слышалось раздражение.

Мать засуетилась, побежала по соседкам. Расстаралась-таки, достала нужную сумму, и Семен, небрежно поблагодарив, ушел к ожидавшим его приятелям.

В строительном тресте, где после окончания курсов работал Семен, зарплата была не очень-то высока. А потребности его все возрастали. Не мог же он, в самом деле, обойтись без джинсов, мокасин, цветастых и ярких импортных рубашек. А костюмы, а плащ? Но не только этим жив человек. Как, например, существовать без «грюндига» и без записей Джонни Холлидея? Хоть все это и влетало в копеечку, но необходимые приобретения были сделаны.

Да, многое было нужно теперь Семену. Мать тревожилась все больше, ожидая очередного требования. Уже ушли в комиссионный заветные кольца и брошки, ложки, подстаканники — последнее из более или менее ценных вещей. Наконец она сказала, что больше ничего нет. Сын не поверил. «Решила припугнуть», — подумал он. Что-то похожее уже бывало. И он одолжил денег

у приятелей в расчете на доброе, отходчивое сердце матери.

А ему предстояли еще большие расходы.

В один из вечеров в «Колосе», где они коротали вечер с друзьями, появилась Нинель Белявская: каштановая копна волос, большие синие глаза, длинные, тяжелые ресницы, стройная фигурка — все это как громом поразило Потанина. Он стал деланно весел, громче всех хохотал. Настоял, чтобы ужин закончился шампанским. Потом шумной компанией фланировали по улице Горького, приставали к прохожим, горланили песни. С трудом отговорившись от дружинников, поехали к Нинели. Остаток ночи прошел так же бурно и весело. Наконец приятели разъехались, а Семен остался.

Нинель Белявская оказалась особой с изысканным вкусом. Ей нравились и французские духи, и итальянские джерсовые костюмы, и японские плащи, и австрийские туфли. Все это она без труда доставала через каких-то своих знакомых и подруг. Но чтобы рассчитаться за элегантные подарки, Семен занимал деньги у друзей и приятелей, сослуживцев в тресте, забрал все крохи, что оставались у матери. Наконец эти малые и шаткие источники иссякли. Надо было что-то делать! Но что? Начальник отдела предложил сверхурочную работу.

Это было как нельзя кстати, верный и немалый заработок. Потанин согласился. Позвонил Нинели, объяснил ситуацию. Она одобрила намерения своего приятеля и заверила его, что будет все это время сидеть дома. Но когда на второй день поздно вечером Семен заехал к ней, то нашел короткую записку: «Мальчики увезли меня в «Янтарь». Если соскучишься — приезжай».

В «Янтаре» Потанина встретили хмельным веселым гулом и довольно недвусмысленными шутками:

— Выдохся, старик, на мель сел.

И тут же снисходительно предложили:

— Садись, садись. Чавкай. Разживеешься косыми — отпотчуеть.

Потанин сидел хмурый, неразговорчивый и все смотрел, смотрел на Нинель. А она откровенно флиртowała с длинным чернявым парнем, работником какого-то телевизионного ателье. Парень хвастался, что деньги для него — сущая ерунда. Они приготовлены почти в каждой квартире. Ибо нет ничего вечного под луной, а тем более вечных телевизоров.

Потанин смотрел на Нинель, на чернявого парня, на

всю компанию своих друзей, и сердце переполнялось мучительной ревностью, завистью, жалостью к себе и злостью на безденежье. «Взять бы сейчас, — думал он, — да заказать всем по полному набору. От зернистой икры и маслин до шашлыка или цыплят табака, от коньяка и столичной до «Цинандали» и шампанского. Вот было бы кутерьмы, суматохи, криков и восторгов! Как бы Нелька удивилась! И как бы вытянулась рожа у этого верзилы — у этой телевизионной антенны!» Но нет, не может этого сделать Потанин, не может!..

Он шел к себе домой мрачный, злой, с опущенными плечами. Его мучило и от выпитого в «Янтаре», и от вероломства Нинели, и от острого недовольства жизнью.

— Тоже мне жизнь, — бормотал он вполголоса. — Не можешь позволить себе самых простых удовольствий.

Потанин думал, что идет один, а сзади, оказывается, вышагивал Федор Чеглаков, его друг-приятель и сослуживец. Услышав сокрушенное бормотание Семена, Чеглаков с готовностью разделил его сетования.

— Да, ты прав, старик, на сто процентов прав. Чертовщина получается! — Он помолчал немного и как бы между прочим сообщил: — Сережка, брательник, рассказывал — бывает он у своего приятеля пацана. Вот живут люди! Барахла, разных там драгоценностей полна квартира.

Ничего больше не сказал в тот вечер Чеглаков. И ничего не спросил Потанин. Но на завтра, когда встретились в столовой, Чеглаков поинтересовался:

— Что сегодня делаем?

— Не знаю пока.

— Заходи, потолкуем.

— Хорошо, зайду.

...Предложение Чеглакова так испугало Потанина, что он чуть не сбежал из комнаты приятеля. Но тот, толкнув его в плечо, усадил опять на диван и стал весело, с шуточками убеждать:

— Чего ты психуешь! Неужели ты такой жидкий? Вот не знал. Дело и верное и тихое, гарантию даю. Конечно, если с умом его провернуть. А за это я ручаюсь. Дрожать и потеть причин нет. Помнишь дело в Черкизове? Ну а это будет еще тише.

Да, Потанин хорошо помнил происшествие в Черкизове. Как-то на их компанию случайно набрел подвыпивший толстяк. Было это в сквере недалеко от Преображенской площади. Не прошло и пяти минут, как незадачли-

вый прохожий лежал избитым в кустах. Карманы его были очищены в мгновение ока. Документы и какие-то ведомости и накладные Чеглаков бросил в почтовый ящик, а солидный денежный куш доставил немало удовольствия их компании.

Правда, месяц или два Потанин не мог ходить по улицам, не оглядываясь по сторонам. Тревожно спал ночью, при любом стуке в дверь дрожал как осиновый лист. Но то ли толстяк промолчал, то ли милиции не удалось напасть на след «смельчаков», дело заглохло. И друзья потом вспоминали эту историю с удовольствием и дерзко посматривали при этом на милиционера, если он по случаю находился поблизости.

Напоминание о черкизовском происшествии развеселило и успокоило Потанина, он плотнее уселся на диване и стал внимательно слушать приятеля. Затем спросил:

— Ну а если завалимся?

Федор посмотрел на выжидающее лицо Семена и, снисходительно усмехнувшись, небрежно процедил:

— Допустим. Хотя это и исключено. Но допустим. Что будет? А вот что: дадут тебе пятишник, а через два-три года домой притопаешь.

— Это как же?

— Да очень просто. Предварительное заключение — день за два. Это раз. За примерное поведение — скидка. Это два. Скидка же за ударный труд во имя перевыполнения плана по производству какой-нибудь там тары или, допустим, хомутов. Это три. А в сумме условно-досрочное освобождение. Так что даже и при твоём дурацком «а вдруг» ничего такого страшного не предвидится. Мне, правда, посложнее: в случае чего, все припомнят... Но я в те палаты опять попадать не собираюсь. А ты думай, решай. Конечно, я обойдусь и без тебя, только смотри...

Федор замолчал, и Семен не настаивал, чтобы он продолжал. Он хорошо его понял. Понял в том смысле, что, если не пойдешь, мол, пеняй на себя, потеряешь редкую удачу. А сболтнешь — опять плохо: можешь потерять еще больше. Причастность к тайне, как известно, обязывает.

Прежде чем идти «на дело», преступник часто задумывается о последствиях. В нем идет борьба за и против. Начинаящий сомневается: надо ли это делать, стоит ли рисковать? У того же, кто идет на преступление не впервой, борьба за и против идет лишь временная,

тактическая. Дело в принципе решенное, вопрос лишь в том, когда его осуществить, сейчас или при другой, более удобной ситуации.

Но в любом случае человек идет на этот шаг, уверив себя, что все сойдет гладко, следов и улик не будет. Ведь не зря же он все продумал и все предусмотрел. Эта уверенность преступника — его стимул, его опора и надежда, она питает его энергию.

План был разработан в тот же вечер. Во всех деталях. И как ни подвергал его Семен сомнениям, как ни искал щелей и просчетов, должен был признать, что план действительно приемлем во всех отношениях.

— Только ты достань эфир, — напомнил на прощанье Чеглаков.

План казался приятелям предельно простым и в то же время хитроумным. Сергей Чеглаков должен прийти после школы к Вите Чернецову и незаметно усыпить его эфиром. Парнишку в эти дни мучил насморк, и он все время нюхал ватку, смоченную в какой-то жидкости. Пузырек с лекарством стоял на кухне, в холодильнике, и он часто посылал приятеля смачивать ватку. На этом и решили все построить. Ну, в самом деле, чего проще смочить ватку в эфире? А потом, когда парень уснет, — придут они — старший Чеглаков и Потанин. Вот и все. Мало ли людей выходит из пяти подъездов огромного десятиэтажного дома?

...Уже два раза Сергей Чеглаков бегал на кухню и приносил Вите смоченный в эфире ватный тампон. Но парень не засыпал. Это было и странно и страшно — вот-вот придут брат с товарищем. Сергей побежал в третий раз и опять принес ватку. Витя запротестовал:

— Не надо так часто.

Но Сергей прикрикнул:

— Нюхай, нюхай, чего там!..

Витя удивленно посмотрел на него и, взяв ватку, стал нюхать.

В это время раздался звонок в передней. Сергей встрепенулся, вскочил. Витя спокойно сказал:

— Это, наверное, мама. — Но, посмотрев на часы, усомнился. — Нет. Рано еще. Она придет попозже, к шести. Иди узнай, пожалуйста, может, кто из соседей.

Сергей пошел в коридор, а Витя откинулся на подушку. Что-то дурманило голову, клонило ко сну. Ну, уловив какой-то шепот, приглушенный разговор в коридо-

ре, он привстал на диване, прислушался. Слышался плаксивый, испуганный шепот Сережки:

— Три раза давал, не засыпает, — и басовитый сильный шепот в ответ:

— Щенок, не сумел...

Затем протопали тяжелые шаги по направлению к комнате. Витя еще не понял, что произошло, но почувствовал, что к нему идет беда. Он поспешно поднялся с дивана, встал во весь рост и прижался к стене, к ковру, как бы пытаясь вдавиться в стенку, пройти через нее, уйти от этой неотвратимой страшной опасности.

Первым в комнату вошел Федор Чеглаков. Увидев его суженные, выражающие холодную решимость глаза, Витя, смертельно испуганный, закричал:

— Кто вы? Зачем? Не трогайте меня... Я...

Но рука в засаленной перчатке зажала ему рот, опрокинула на диван. Втискивая слабенькое дрожащее тело паренька в мягкость подушек, Федор приглушенно, сишло и зло крикнул Потанину:

— Бей, бей чем-нибудь!..

Семен суетливо заметался по комнате. Взгляд его упал в угол около балконной двери. Там, на коврике, рядом с креслом лежали гантели. Он быстро, лихорадочно поднял одну из них и показал Федору. Тот, злобно выругавшись, прошипел:

— Бей, идиот... Чего же ты...

Потанин подбежал к дивану, где в цепких руках Федора извивался Витя, и с размаху ударил прямо во включенный хохолок светлых волос, который метался на подушках. Ударил и отпрянул, брызги крови будто отшвырнули его от дивана... Он замычал что-то нечленораздельное и, утирая лицо и руки белой занавеской, которую ветер услужливо подал ему с балконной двери, судорожно запричитал:

— Что мы наделали, что натворили!..

Федор посмотрел на скорченное, затихающее тело мальчика, подошел к Потанину, взял его за ворот ковбойки и резко, рывком встряхнул:

— Теперь поздно канючить. Поздно. Дело сделано. Приди в себя. Выпить бы тебе надо.

— У них есть, на кухне... — подсказал младший Чеглаков.

Он, зорко следивший за всем, что делалось на лестничной клетке, только сейчас вошел в комнату и стоял

теперь, словно пригвожденный к одному месту, с недоумением смотря на труп приятеля.

— Ну, что ты стоишь? — прорычал на него Федор. — Чего губы развесил? Неси скорее водку. Нюни вы оба, тряпки!

Сергей принес бутылку, накрытую стаканом, отдал брату и едва слышно спросил:

— Ключи-то нашли?

— Нашли, нашли. Ступай к двери. Если что, сразу давай знать.

Он сам налил Потанину водки, следя, чтобы не перелить лишнего. «Еще опьянеет, возись тогда с ним», — зло подумал он.

Себе тоже налил полстакана и одним глотком опрокинул в рот. И только тогда спохватился, что орудует бутылкой и стаканом без перчаток. Размахнулся, чтобы выбросить бутылку в окно, но вовремя опустил руку. Позвал брата и приказал:

— В мусоропровод!

Тот осторожно вышел на площадку. Никого не было. Торопливо открыл крышку люка, бросил посуду. Ему и в голову не пришло прислушаться, спустилась ли бутылка по каналу мусоропровода.

Через полчаса из дома 6 в Ключевом переулке вышел молодой человек с большим аккуратным свертком и чемоданом и спокойно направился к станции метро. Минут через пять из того же подъезда вышел еще один человек с двумя чемоданами. Этот направился на стоянку такси и, сев в машину, сразу же уехал. Оба остались незамеченными.

А еще через несколько минут после их ухода в доме начался пожар. В поднявшейся суматохе никто не обратил внимания на юркнувшего в толпу Сережку Чеглакова.

Так совершилось это преступление.

Вот наконец позади и суд.

На столе комиссара милиции лежит большой белый пакет из Президиума Верховного Совета республики. Просьба Федора Чеглакова и Семена Потанина о помиловании отклонена. Приговор суда с короткими суровыми словами — к высшей мере — будет приведен в исполнение.

Майор Дедковский прочитал документ, осторожно положил на место.

— Что ж, я так и думал. Иначе быть не могло.

Потом вдруг попросил:

— Товарищ комиссар, разрешите вызвать Потанина?

— Зачем?

— Хочу побеседовать.

Для этого разговора не было никакой служебной необходимости. Фабула дела, как выражаются криминалисты, была предельно ясна, мотивы преступления установлены и проанализированы. Все связанное с этим делом было досконально известно Дедковскому. Раньше, чем кому бы то ни было. И все же он хотел встретиться с Потаниным. Именно с Потаниным, а не с Чеглаковым, пришедшим к концу пути, который он избрал сам. А Потанин? Может быть, есть у него что-нибудь невысказанное, оставленное в глубине души? Может быть, он сможет сказать что-нибудь такое, что еще полнее объяснит происшедшую трагедию?

И вот Семен Потанин в кабинете Дедковского.

Со времени первой встречи, когда их привезли с вечеринки, запомнились длинные, черные, «языком» подстриженные волосы, возбужденно блестящие, тревожно бегающие, но полные жизни глаза, аккуратные, с ухоженным ногтями руки.

Сейчас перед майором сидел совсем другой человек. Перемена произошла не только во внешности. Да, конечно, и голова у него была острижена наголо, и выбрит хуже, чем тогда, и лицо похудело и побледнело. Все это было естественно. Поражало другое: его глаза, его речь. Это были глаза не молодого человека, а старика — тусклые, безжизненные. Он с трудом переводил взгляд с одного предмета на другой.

Речь стала вялой, медлительной, отрывистой. Фразы не вязались одна с другой, рассыпались. Набор слов поражал однообразием. Говорил он, почти не разжимая губ, тихо, и приходилось напрягать слух, чтобы уловить смысл, понять значение слов, их связь между собой.

Он автоматически, видимо, без вкуса выпил чашку кофе, вяло, скованными движениями закурил сигарету. Казалось, затея говорить с ним бесполезна. Вряд ли можно его расшевелить, заставить выйти хоть на время из тупого оцепенения. Хоть бы разозлился, озлобился,

дал волю своим чувствам. Так бывает у иных преступников: то упадет в обморок, то начнет симулировать потерю речи или памяти, то вдруг начнет разыгрывать из себя сумасшедшего. Потанин больше молчал и безучастно, бездумно смотрел в одну точку. Вошедший в кабинет дежурный положил на стол майора отпечатанную на машинке бумажку: «Осужденному разрешено свидание с матерью. Может, сообщить ему?»

Дедковский согласно кивнул.

— Осужденный Потанин, вам разрешено свидание с матерью.

Потанин недоуменно взглянул на майора. Эти слова дошли наконец до его сознания. Бледные, впалые щеки покрылись румянцем.

— Не надо, не надо! Ни в коем случае! Я не пойду на свидание! — истерично прокричал он и опять вдруг сник, опустил плечи и добавил, как бы объясняя: — Так и мне и ей будет легче...

От свидания с матерью он отказался наотрез. Но возбуждение, вызванное напоминанием о ней, как бы оживило его, он стал более разговорчив, хотя речь его оставалась по-прежнему отрывистой и сбивчивой. Говорил с паузами, две-три фразы — молчание. Иногда молчал долго, уткнув руки в колени и мерно, автоматически качаясь взад и вперед. Потом выдавливал из себя словно обрывок фразы, междометие, и, чтобы понять его, приходилось напряженно собирать, связывать сказанное, будто склеивать куски разбитого стекла.

— Мать... любила меня... очень. В тресте тоже... хорошо было... Иван Терентьевич — начальник отдела — поругивал за поведение, а за работу хвалил. Быстро, говорит, подсчеты делаешь, прямо вроде счетной машины...

Сказав это, Потанин поднял свои желтовато-серые руки к глазам, долго разглядывал их и потом безвольно, со вздохом опустил на колени. В какой-то момент на лице Потанина промелькнуло подобие мимолетной улыбки. Из коротких фраз стала понятной причина.

Оказывается, Потанину вдруг вспомнилась Катя Баталова, оператор из бухгалтерии. Она, пожалуй, больше всех беспокоилась за него. Все уговаривала, увещевала. Многие в тресте, видя помятую физиономию Потанина, понимающе и с иронией улыбались, она же напускалась на него:

— Опять с Бахусом знался! И что ты, Потанин, за

человек? Ну, просто удивительно! Честное слово, за тебя всерьез надо браться!

Потанин отмахивался от нее, как от осенней мухи. Но как-то раз, когда она опять отпустила в его адрес шпильку, осклабился кривой ухмылкой,дохнул водочным перегаром и предложил:

— Что, очень хочется поруководить мной? Приходи вечером к нам в отдел, никого не будет. Там все и обсудим...

Потанин и сейчас поежился, вспомнив, как гневно вспыхнули глаза Кати и как она сквозь слезы воскликнула:

— Какая же ты, Потанин, оказывается, скотина!..

И все-таки Потанин вспоминал сейчас Катю Баталову как далекий-далекий сон, вспоминал со щемящим чувством утраты. Она явственно, рельефно вставала перед ним — тоненькая, в подпоясанном халатике, со светлыми волосами, перевязанными синей ленточкой...

За окнами сверкала вечерними огнями Москва. Сквозь ажурную листву бульваров проглядывала шумная улица. По комнате металась зеленая, оранжевая, розовая блики. Потанин подошел к окну и долго, жадно всматривался в посеребренные прожекторами дома, в сверкающий поток машин, в неоновые буквы вывесок и реклам магазинов, вздрагивая, следил за толпами людей на тротуарах. И вдруг, облокотившись на подоконник, истерично, с какими-то надрывами, стонущими всхлипываниями заплакал.

Дежурный отвел его от окна, усадил в кресло, подał стакан:

— Выпейте воды.

Потанин не успокаивался. Положив голову на руки, он плакал навзрыд. Сквозь эти рыдания неожиданно выдавил из себя:

— Мы называли улицу Горького — Эрзац-Бродвей...

И опять обрывки слов.

Им не нравилось все. И наш город, и его улицы. И костюмы без иностранных этикеток. Не нравились и наши машины. Не нравилось то, что надо ходить на работу. Не нравились рестораны, потому что рано закрывались.

И вот теперь, когда все, что окружало Потанина, уходило от него, уходило навсегда, он понял, что оно было близким и дорогим. И дом, в котором жил, совсем не халупа, а нормальный современный дом, и соседи по до-

му, и сотрудники, с которыми раньше он даже забывал здороваться, — хорошие, приветливые люди.

Все вдруг осветилось как бы другим светом, представало в каком-то другом измерении. Он с мучительной, режущей сердце ясностью понял, что все это было настоящей жизнью, прекрасной и светлой, что он мог, мог жить, как все, как эти люди, что ходят сейчас по улицам, по бульварам и скверам города. Мог утром пойти на работу, вечером сходить в кино, или на стадион, или в эти сияющие приветливыми огнями рестораны и кафе.

Мог, мог, мог... А теперь уже не сможет. Будут ходить другие, но не он. Для него все это уже не существует. Точнее, он уже не существует ни для кого и ни для чего. Он уже вне жизни.

Потанин поднял глаза — серые, будто посыпанные пеплом от смертельного, животного страха — и глухо, с едва теплившейся надеждой, ожидая ответа и боясь его, спросил:

— Скажите, неужели... вышка... ну, высшая мера... у нас есть?.. — И пояснил: — Чеглаков всегда говорил, да и другие тоже, что это так, чтобы боялись...

Дедковский вздохнул:

— К сожалению, пока есть. Раз есть такие, как вы, Потанин, и как Чеглаков, должна быть и высшая мера...

Потанин не удивился даже, он уже понял, что искру надежды в душе своей поддерживал напрасно. После долгого молчания глубоко вздохнул и, не поднимая глаз, тихо, но твердо, с какой-то отчаянной и суровой серьезностью произнес:

— Если бы позволили жить, согласен хоть тридцать, хоть пятьдесят лет... на хлебе и воде сидеть, камни вращать, на голых нарах спать. Только бы жить...

Уходил он медленно, тяжелой, шаркающей походкой. Еще долго после его ухода в комнате стояла тягостная, гнетущая тишина.

Только что здесь сидел человек, который скоро умрет. Что-то вроде жалости шевельнулось в душе Дедковского. Но сразу же вспомнилось другое: маленький человечек на диване с застывшим от удивления и ужаса лицом — Витя Чернецов, его родители, обезумевшие от страшного горя.

Те, кто знал этих совсем не старых еще людей до трагедии, говорили, что они были жизнерадостны, много и любовно трудились, заботливо и нежно растили своего единственного сына. Смерть Вити изменила их неузна-

ваемо и навсегда. На суде это были уже согбенные горем, безмерно несчастные старики. Только горячее участие близких людей, товарищей и сослуживцев и надежда, что убийцы их сына будут наказаны, поддерживали их жизнь.

И жалость к Потанину, на какую-то секунду вдруг закрывшаяся в душу майора, исчезла, чтобы больше не появляться.

Дежурный, словно поняв эту мысль, брезгливо, двумя пальцами взял пачку сигарет, положенную перед только что сидевшим здесь Потаниным, и выбросил ее в мусорную корзину.

Да, Потанину уже ничем нельзя было помочь, да и не надо было этого делать. И он и Чеглаков сами лишили себя права жить.

Долго майор Дедковский и супруги Чернецовы сидели на скамейке Тверского бульвара. Говорили о многом и разном: о московском капризном в этом году лете, о том, что все-таки нет, пожалуй, лучше памятника Пушкину, чем вот этот, опекушинский.

Вспомнили и о событиях в Ключевом переулке. Сначала Дедковский опасался затрагивать эту тему, чтобы не растравить старую рану. Но Чернецовы сами не ушли от разговора. Сердца их были переполнены горем до краев, помнили они о нем постоянно, всегда, и ни ослабить, ни усилить его было уже нельзя.

Именно это обстоятельство и вооружило майора некоторой смелостью. Он мягко, осторожно стал говорить о том, что нельзя без конца терзать себя переживаниями, что зло наказано, что им надо беречь себя. Он понимал, что поступает самонадеянно, беря на себя роль советчика этим сдержанным, прожившим немалую жизнь людям, но их убитый, отрешенный вид побуждал его к этому. Они слушали молча, не прерывая. Потом Леонид Александрович мягко ответил:

— Спасибо за совет, за участие. Спасибо. Но должен сказать вам, что живем мы не только своим горем. Мы... работаем. Я консультант... — Он назвал одну из внешне-торговых организаций. — Валя по-прежнему в библиотеке. Мы пока еще в пенсионеры не вышли, — он попытался улыбнуться, но тут же сошло с лица это подобие улыбки: — Зло наказано, это верно. Но надо, чтобы такого... у нас не было... совсем не было. Это можно сде-

лать, если всегда помнить, что все начинается с малого... И такие ужасные преступления — тоже.

Простившись с Дедковским, они пошли по бульвару, медленно, не спеша, перебрасываясь редкими фразами. Два человека, пережившие одно из самых тяжелых несчастий, которые могут выпасть в жизни.

Велико горе людей, потерявших своих близких на полях сражений за родную землю, в схватке с разбушевавшейся стихией или от болезни, еще не побежденной наукой. Но во сто крат горше, когда такая беда приходит к людям от злого умысла выродков, потерявших человеческий облик.

Какой мерой измерить горе Чернецовых? Какими средствами облегчить неизбывную, безмерную скорбь? Она останется с ними навсегда, до конца дней.

«Да. Такого у нас не должно быть!» — повторил про себя майор Дедковский слова Чернецова. Он долго сидел задумавшись. Потом встал, посмотрел на часы и торопливо зашагал вверх по бульвару, к Петровке.

РАССКАЗЫ

ЭСПАНДЕР С ИНИЦИАЛАМИ

Имя профессора К. было широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Коронованные особы и министры, крупнейшие ученые и писатели, миллионеры, как и жители городских предместий, — все с одинаковым восторгом слушали его концерты, когда он приезжал на гастроли в ту или иную страну.

В один из осенних дней московские газеты сообщили, что К. выехал в длительную поездку по странам Европы. А через неделю у дежурного по городу раздался звонок из домоуправления: «Немедленно приезжайте, при обходе подъездов обнаружилось, что двери квартиры профессора К. открыты. Профессор в отъезде. Видимо, квартира обворована».

Через полчаса сотрудники уголовного розыска были уже на Бульварной улице, в доме, где проживал профессор. Дубовые двери квартиры запирались на три внутренних замка замысловатой конструкции, явно привезенных из-за рубежа, и еще на четвертый накладной замок московского завода металлоизделий. Все «заморские» стражи были аккуратненько открыты ключами, накладной же, врезанный на внутренней двери — сломан.

Руководитель оперативной группы полковник Гордеев заметил:

— Вот вам и хваленая зарубежная техника. Не устояла. Смотрите, как ловко визитеры разобрались в ней. А на нашем замке споткнулись, не смогли подобрать ключа, ломать пришлось.

Без хозяев квартиры установить, что было украдено, оказалось невозможным. Но что воры здесь поживились основательно, было ясно с первого взгляда. Все гардеробы были открыты, в них осиротело белели пустые вешалки. Письменный стол, книжные шкафы в кабинете профессора, трельяж в комнате хозяйки — все было опустошено. Закончив описание общей картины, которую они застали в квартире, сделав несколько десятков фотоснимков, оперативная группа уехала. Квартиру опечатали, поставили наружный пост.

Профессор, уведомленный о происшедшем, спешно

вернулся в Москву. Через день оперативно-розыскная группа получила список похищенного. Он занял не одну страницу убористого машинописного текста. Бриллиантовое кольцо, броши, серьги, кольца, золотые мужские и женские часы, портсигар, несколько дорогих транзисторных магнитофонов, радиоприемник, целая коллекция новейших фото- и киноаппаратов. Но и не только это. Пропало норковое манто, крупная сумма советских денег и иностранной валюты, которую профессор после очередной поездки за рубеж не успел сдать в государственный банк.

Капитан Дьяченко, оформлявший опись пропавшего имущества, с недоумением сказал полковнику Гордееву:

— Знаете, товарищ полковник, я даже не предполагал, что у одного человека могут быть такие ценности и столько.

— А ничего удивительного, капитан. Каждый получает у нас в соответствии с его способностями. А кроме того, у профессора ценности особого рода. Золотой портсигар, например, сувенир от президента Индии; золотые запонки — от бельгийской королевы, дорогие транзисторы и кинофототехника — подарки японских друзей. И так далее. Это, дорогой мой, не просто ценности, а знаки уважения к его огромному таланту. Величина-то ведь мировая. Так что тут все правильно. Главная наша с вами забота — найти воров. И найти как можно скорее.

В свой первый приезд оперативные сотрудники провели лишь предварительное обследование квартиры. Теперь они уже в присутствии хозяев тщательнейшим образом повторно осматривали все: двери, окна, мебель, вещи, все, к чему могли прикасаться руки преступников, где они могли оставить хоть какие-нибудь, пусть самые незначительные следы.

Действовали здесь, однако, очень опытные руки. Даже на взломанном грабителями накладном замке не было никаких следов. Однако на сиденье одного из глубоких кресел, среди в беспорядке набросанных книг и альбомов, лежала золоченая грампластинка. Когда профессор увидел ее, то несказанно обрадовался, протянул руку, чтобы скорее взять ее.

Гордеев остановил его:

— Одну минуточку, профессор. Припомните, пожалуйста, где она у вас лежала?

— Боже мой! Ну, конечно, не тут. Она хранилась вон

в том шкафу. Это же мои самые любимые произведения. Записаны друзьями в Италии к дню рождения.

— В шкафу, говорите, хранилась? Очень хорошо. Значит, она побывала в руках у ваших «гостей». Может, они хоть тут сплеховали? Проверим, потом вернем вам пластинку. Не беспокойтесь.

— Ну, беспокоиться о пластинке, когда пропало столько, было бы, конечно, странно, — буркнул профессор.

— Ничего, и вещи разыщем, и преступников найдем, — ответил Гордеев.

— Где же теперь их найдете?

— Где, пока не знаю. Но найдем.

Потом Гордеев и Дьяченко долго сидели в кабинете профессора и вели беседу с ним и его супругой. Речь шла о их знакомых, родственниках, о людях, с которыми они общались.

— Родственников в Москве почти нет, только двоюродная сестра жены. Знакомые? Знакомых и друзей много.

Профессор стал называть фамилии людей, с которыми поддерживал дружеские отношения. Это были известные всей стране артисты, художники, поэты, ученые...

— Контингент не наш, — подвел предварительный итог Гордеев.

Профессор улыбнулся:

— Да, конечно.

...Две молодые девушки, приглашенные хозяйкой, наводили порядок в гостиной: протирали и водворяли на место сдвинутую мебель, пылесосили ковры.

Тяжелая софа никак не вставала на свое место. Дьяченко взялся им помочь. Но и его усилия не привели к успеху.

— Там что-то мешает.

Капитан, отодвинув софу дальше от стены, заглянул в образовавшийся проем. Перегнувшись через подушки, стал шарить рукой за спинкой.

— Вот тут в чем дело! — Дьяченко положил на стол малогабаритный силовой эспандер.

— Вы упражняетесь? — спросил профессора Гордеев.

Профессор подошел ближе к столу.

— Нет, эта штуковина не моя. Я предпочитаю гантели.

Гордеев переспросил:

— Вы уверены, что снаряд не ваш?

— Абсолютно.

— А может, он принадлежит хозяйке?

— Не думаю.

Супруга профессора брезгливо поморщилась:

— Нет, нет. Это кто-то оставил.

— Может, кто-нибудь из ваших знакомых, друзей?

Хозяева отвергли эту мысль.

Положив эспандер на лист белой бумаги, Гордеев долго его рассматривал и так и этак.

— Даже именной, — сообщил он. — Видите, на внутренней стороне инициалы: В. К. Интересно, что это за В. К. оставил свою визитную карточку?

— Ищите да обрящете, так, кажется, говорится в священном писании, — улыбнулся профессор. Затем со вздохом проговорил: — Обследования, исследования, улики — все это хорошо. Но прошла-то уже целая неделя, а воз и ныне там. Поймите, товарищи, украдены не просто ценности, хотя и немалые. Украдены вещи, которые мне бесконечно дороги как память о друзьях из разных стран мира. Будет очень жаль, если все это сгинет. Надо принимать экстренные, чрезвычайные меры.

— Все возможное будет сделано, профессор, — заверил его Гордеев.

...Кратчайшее расстояние до цели — прямая. Иными словами, по законам здравого смысла, человек, берясь за что-либо, будет делать прежде всего то, что может привести к результатам быстрее, с меньшими потерями сил, времени, средств.

Было вполне логичным, что оперативная группа, начиная розыск преступников, ограбивших квартиру профессора К., начала с выяснения связей, окружения профессора, людей, близко знающих его образ жизни, интересы.

Люди его круга были сразу же исключены из плана оперативных мероприятий.

Но даже такие выдающиеся люди, как профессор К., не могут общаться только с себе подобными. Жизнь неизбежно сталкивает их и с другими людьми.

В квартиру профессора был вхож студент одного из музыкальных училищ столицы Геннадий М. Вскоре после событий на Бульварной будущий музыкант вдруг взял

годовой академический отпуск, буквально за один-два дня рассчитался со всеми друзьями, кому был должен. На дружеской вечеринке в одном из ресторанов он сообщил приятелям, что уезжает к себе на родину — в Кишинев и там завершит «одну вещицу», которая позволит ему (он уверен в этом) без особых трудов попасть на композиторское отделение консерватории. Геннадий был не из серьезных парней, учился неважно, любил прихвастнуть. Потому приятели не придали особого значения его очередному пируэту.

— Задурил Генка. Поболтается с месяц-другой дома и опять вернется. Будет приставать ко всем, чтобы помогли догнать курс.

Интерес оперативной группы к Геннадию М., таким образом, был вполне закономерен. Но он был недолговременным. Оказалось, что парень связался с двумя дельцами, помогает им сбывать шелковые женские платки. По заданию своих «шефов» он и отправился к себе на родину. В поле зрения угрозыска Геннадий попал очень своевременно, иначе эта связь закончилась бы для него плачевно. Однако к краже на Бульварной он отношения не имел. В дни, когда она произошла, подвизался в Харькове.

Геннадий М., когда ему сообщили, что он свободен, восторженно попрощался с сотрудниками уголовного розыска и бросился, как и предсказывали приятели, наверстывать упущенное в учебе, благо в училище отнеслись к нему как к блудному сыну, вернувшемуся в родное гнездо.

Дом на Бульварной улице, где жил профессор, уже около года был обнесен строительными лесами. Шли ремонтные работы. Управляющий домами, сухощавый, желчный мужчина, был очень недоволен бригадой отделочников, производившей окраску фасада. Мысль, что кражу могли совершить эти «калымщики», пришла в голову именно ему.

— Почему вы так думаете? — спросил его Дьяченко.

— Ну, почему, почему. Думаю, и все. А ваша обязанность проверить.

— Проверить-то мы, конечно, проверим. Но согласитесь, что для подозрений нужны какие-то основания.

— Основания есть. Они уже несколько месяцев возятся с малярными работами, а с секцией, где квартира профессора, валандались дольше всего.

— А еще что?

— Достаточно, думаю, и этого.

Дьяченко был, однако, другого мнения. Доложив Гордееву о разговоре с управдомом, он заявил:

— Я думаю, нам не надо тратить время на эту версию. Владельца эспандера в бригаде нет.

— Почему вы так уверены? Я не хочу сказать что-то плохое об этих ребятах, но, знаете, бывает всякое — в семье, как известно, не без уroda, — возразил Гордеев.

— Но ребята там довольно серьезные. Я немного интересовался ими.

— А теперь займитесь этим как следует. И не откладывая.

— Есть, товарищ полковник.

Да, ребята из бригады Малинина были действительно люди серьезные. Трое учились в вечернем институте, четверо — в техникуме, столько же ходили на курсы мастеров, несколько друзей все свободное время пропадали на стадионе своего общества, они увлекались самбо и готовились к каким-то соревнованиям. И только трое из бригады торопились после работы домой — у этих были семьи, и они «погрязли в быту», как съязвил бригадир.

Но приказ есть приказ, и капитан Дьяченко стал интересоваться ребятами пристальнее. Особенно теми, кто увлекается самбо. Ведь эспандер-то мог таскать с собой человек, имеющий какое-то отношение к спорту. Тем более что среди самбистов были Виктор Кругликов и Вячеслав Кочетков — инициалы обоих совпадали с инициалами на эспандере.

Через неделю Дьяченко довольно подробно знал, что представляют собой спортсмены бригады, да и другие ребята.

Было установлено, что в те дни, когда могла произойти кража, весь состав бригады находился по обычным своим адресам — кто на стадионе, кто на учебе. Ночью кража не могла состояться, так как подъезд на ночь запирался. Предположение о сговоре с дворником отпало. Обязанности дворника в доме выполняла пожилая женщина, лишь недавно приехавшая в Москву. У нее вышли нелады с невесткой, и она очень дорожила полученной возможностью жить в небольшой служебной комнате домоуправления. Даже придиричивый управляющий домом не смог упрекнуть ее в чем-либо.

Конечно, бригада, работая на ремонте дома, имела возможности проникнуть в квартиру. Но вряд ли у кого-нибудь из них возникло желание эти возможности использовать. Пока подтверждалось только одно: никто из бригады ни в чем предосудительном не был замешан ни раньше, ни теперь.

Но малининцы поняли, что Дьяченко вертится около них неспроста. После одной из бесед с капитаном Сергей Малинин, степенный, малоразговорчивый парень, твердо посмотрел ему в глаза и произнес:

— Нам это не нравится. Вчера мы советовались. Приходите завтра в бригаду. С утра пораньше.

— А что такое? Что вам не нравится. И почему я должен явиться к вам на ваше совещание?

Малинин пожал плечами:

— Зря вы так, капитан.

— Ну, хорошо. Приду. Только давайте условимся: разговор начистоту и без обид. Идет?

— Какие же тут могут быть обиды? Дело нешуточное. Нас, видимо, тоже касается.

Вечером Дьяченко советовался с Гордеевым: как быть? Тот недовольно заметил:

— Значит, обидели вы ребят. Идите, обязательно идите. И обязательно доложите мне, что будет за разговор.

В семь часов утра Дьяченко был уже на Бульварной. Бригада собралась в небольшой комнатухе, приспособленной под раздевалку.

— Ну, так с чего же начнем? — входя, спросил капитан.

Ребята молчали. Малинин подошел к Дьяченко и передал ему какую-то папку.

— Тут отпечатки пальцев всей бригады. Думаю, что воры какие-то следы в квартире профессора оставили и вы их, конечно, имеете. Ну так вот, сравните, и все станет ясно. Оттиски сделаны в лучшем виде, я ведь в юридическом учусь. Красочка, правда, не та, ну да это несущественно.

Дьяченко ошалело смотрел на Малинина, на ребят:

— Вы что, с ума сошли? Кто вас просил? Зачем? Да, мы проверяем кое-какие предположения. Убедимся, что все в порядке, и точка. А эта глупость ваша ни к чему. Видишь, что надумали? Да вы знаете, что мне за это будет? С меня погоны снимут, выгонят к чертовой матери...

Малинин посмотрел на ребят. Они на него.

— Да. Этого мы, пожалуй, не учли. Нарушение социалистической законности вам как пить дать предъявят.

— Вы же юрист, должны понимать...

— Но оградить бригаду от подозрений я тоже обязан. Ладно, давайте обратно папку. Я знаю, как поступить. И вернемся к баранам. Никто из наших ребят на такое дело не способен. Запомните это. Не те люди. И если вы не кончите свои виражи вокруг нас, пойду к вашему комиссару, а то и к министру. А теперь еще одно — главное. Ищите двух хлюстов. Один щуплый такой, рыжий, небольшого роста. Другой чуть выше, остроносый. С белым металлическим зубом во рту. Чернявый. Задержался я как-то в домоуправлении — наряды закрывал — и видел, как они фланировали по тротуару. На следующий день вечером их же видели мы вон с Николаем, — он показал на одного из членов бригады, — опять они околачивались недалеко от подъезда. Думаю, что именно те, кого вы ищете.

— Спасибо. А что же раньше-то молчали?

— А вы почему не спросили? Очень долго вокруг да около ходите.

— Не так уж долго. Вы вон больше года дом-то муссите, — обозлился Дьяченко.

И тут загалдела сразу вся бригада:

— Кто это вам сказал? Поди, домоуправ натрепался. А сам, жердь чертова, руки нам связывает. То того нет, то другого. Нам самим тут осточертело до тошноты. Разве это работа?

...Дьяченко ехал на Петровку в полном смятении. И даст же ему жару полковник. Но, против ожидания, Гордеев отнесся к сообщению спокойно.

— Интересные ребята. Надо будет встретиться с ними.

Когда же Дьяченко рассказал о наблюдениях ребят, о словесном портрете двух возможных воров, Гордеев совсем подобрел.

— Молодцы, просто молодцы! Это вам наука. Давно надо было с ними поговорить. Словесные портреты возможных преступников срочно сообщите в отделения. И надо изготовить фотороботы. Обязательно.

На следующий день Сергей Малинин сам заявился к полковнику и положил на стол папку, которую давал Дьяченко. Полковник открыл ее. На первом месте значилось: Малинин Сергей Тимофеевич. И отпечатки всех пальцев левой руки, рядом — правой, внизу: оттиск обеих ладоней. Так же аккуратно были оформлены еще четырнадцать листков — на всех членов бригады.

— Неплохо получилось? А? — Полковник хмуро смотрел на Малинина.

— Старались.

— А мастика?

— Сами составляли. У нас в бригаде и химик есть. В Менделеевском учится.

— Химики, юристы, маляры, спортсмены — все у вас есть, а вот разумных не вижу. — И полковник надвое, потом еще надвое порвал стопку листков, положил их обратно в папку и вернул Малинину. И уже мягче объяснил: — Понадобится, будут основания — сами сделаем. А сейчас прошу пройти к товарищу Дьяченко. Здесь же, на третьем этаже. Они там с нашими спецами над фотороботом тех хлюстов, которых вы заметили, маракуют. Помогите им.

Оперативно-розыскные мероприятия по такому преступлению сродни большой разведывательной операции. Продумываются различные версии, определяются тактические приемы их проверки, очередность и последовательность осуществления тех или иных оперативных мер. Тщательно распределяются силы и средства, намечается, в какой момент должны быть включены в работу службы, смежные и взаимодействующие с уголовным розыском.

Параллельно с отработкой версий о причастности к совершенному преступлению студента Геннадия М., бригады Сергея Малинина, бывшей домашней работницы профессора, шофера, недавно перешедшего в таксомоторный парк, группы подростков, проживавших в том же доме на Бульварной, и еще некоторых других, велась кропотливая работа по установлению хозяина эспандера.

Задача эта оказалась очень трудоемкой и сложной. В самом деле, эспандер не какой-то громоздкий и тяжелый снаряд, а вещь индивидуального пользования. Он имеется почти у каждого человека, занимающегося спортом. Выпускаются такие снаряды сотнями тысяч. Как

установить, кому принадлежит эспандер, оказавшийся в квартире профессора К.?

После соответствующей обработки эспандера и золоченой пластинки дактилоскопическая лаборатория представила оперативной группе снимки. Лица, оставившие следы на пластинке и эспандере, в учетах не числились. Может, кражу совершили приехавшие из других городов? Или молодые люди, только вступившие на это поприще? Однако метод, почерк кражи говорили о том, что действовали не новички. И хотя оставленный эспандер и следы на пластинке — это, конечно, оплошность, но оплошности, как известно, бывают у всех, в том числе и у самых опытных. А за то, что это были спецы высокой квалификации, говорила хотя бы ювелирная работа с замками. Открыть три запирающих устройства индивидуальных конструкций — дело далеко не простое.

В уголовном розыске знали не одного такого «специалиста» и держали их в поле своего зрения. Вот Виктор Каляда. Давнишний знакомый муровцев. Его привезли на Петровку с большим чемоданом ключей. Застали, когда он тщательно осматривал свою коллекцию. Имелись, правда, данные, что последние годы Каляда ведет себя довольно смирно, занимается огородом в Подлипках. Но проверить все же следовало. Где-то пропадал он целую неделю, именно тогда, когда была совершена кража.

Чувствовал себя Каляда, однако, довольно уверенно.

— Э, нет, товарищи начальники, — заявил он. — Мы свои спектакли сыграли. Живем честным трудом, как и полагается всем членам нашего советского общества. До самых глубин сознания дошло, что экспроприация чужой собственности — деяние уголовно наказуемое.

— Все это хорошо, Каляда, но вот куда вы подевались в первой половине сентября? Очень вы нам были нужны.

— Да? Хотели посоветоваться о некоторых вопросах нового законодательства? Или по каким-либо другим государственным проблемам? Зря хитрите, начальники. Каляда еще кое-что соображает, свой интеллект не растерял. Скажите прямо, что-то такое стряслось у вас в это время? Так? Конечно, так, — ответил он сам себе и продолжал: — Нет, Каляда стал на якорь сознательно и потому твердо. Что же касается его отсутствия в указанный вами период, то да, такое было. Но по сугубо личным,

так сказать, причинам. В град — великий Новгород съездил. Соборами там, стариной поинтересовался и... если совсем откровенно... одну старую знакомую посетил. Но это только между нами, ибо, как вам, видимо, известно, моя дражайшая половина ужасно экспансивная особа. Она все время напоминает мне, что несет полную ответственность перед властями и обществом за мое поведение. И только моя тщательнейше продуманная легенда, что, мол, еду повидаться с братом, дала мне возможность совершить сей вояж.

Несмотря на свою обширную коллекцию, подобрать ключи к показанным ему замкам из двери профессорской квартиры Каляда не мог, чем был весьма обескуражен.

— Что ж, растут люди. Видимо, объект, что вас интересует, идет в ногу с временем. Ювелир! Художник высшего класса!

Проверка подтвердила, что Каляда действительно был в Новгороде, вел себя тихо, не предпринимал ничего такого, что вызвало бы подозрение уголовного розыска.

Было решено наведаться и к Владимиру Ключеву. Это был очень опытный квартирный вор. За ним числилось более двадцати дерзких, крупных краж с подбором ключей. Но он всегда уходил от суда благодаря своему дару симуляции. Так искусно имитировал он свою психическую неполноценность, так неистово бился в припадках, что медики, хотя и спорили между собой до хрипоты, неизменно признавали его невменяемым. Когда приехали к Ключеву на квартиру, отец его, хмурый, неразговорчивый старик, нехотя объяснил:

— В отсидке Владимир, в отсидке.

Оказалось, что харьковские медики долго любовались гримасами Ключева, высоко оценили дар перевоплощения, но единодушно решили: симулянт. Возвратиться Ключев должен был лишь через год. Может, сбежал? Проверили. Нет, отрабатывает свой срок.

Через две недели после кражи Гордееву докладывали итоги работы по розыску владельца эспандера, по проверке «ключников». Полковник сидел хмурый, недовольный.

— Итоги, как видите, неутешительные. И все-таки домушников из поля зрения не упускать. И обратить внимание на их друзей-приятелей. Необязательно такие дела делать своими руками. Кое-кто мог смену подготовить,

помощников обучить. И расширить надо круг поисков, энергичнее их вести, энергичнее.

Дьяченко и его группа с помощью работников паспортных отделений выбирают из прописных книг тысячи имен и фамилий, фамилий и имен, соответствующих инициалам «В. К.». Идет тщательнейшая проверка.

Итог этой работы был более чем скромным. Лишь несколько человек было вызвано на ознакомительные беседы. Но оказалось, что и они к расследуемому делу совершенно непричастны.

Такие же результаты дала аналогичная работа в Одессе, Баку, Ярославле, Иванове и многих других городах.

Выслушав очередной доклад Дьяченко, Гордеев спросил:

— Что вообще мы знаем об этом самом эспандере?

— Кое-что знаем, — ответил Дьяченко. — Эспандер изготовлен на московском заводе «Спорт». По маркировке установлено, что это выпуск четвертого квартала прошлого года.

Можно считать удачей то обстоятельство, что данная партия не отправлялась на периферийные базы, а была вся оставлена в Москве — в Физкультснабе и Москультторге. Первый снабжает инвентарем спортивные общества в оптовом порядке, партиями, второй — торгует в розницу. Что касается спортивных обществ, то мы уже установили, какие из них приобретали эспандеры именно из поступивших в конце года и январе. «Буревестник», «Труд», «Строитель» и «Динамо». Никакие другие организации — медицинские, учебные и другие — эспандеры в это время не брали.

В розницу было продано около десяти тысяч штук. Это, конечно, здорово осложняет дело.

Нам надо установить: то ли эспандер с инициалами был взят в спортивном обществе, то ли куплен в магазине.

— Это все равно, что искать иголку в стоге сена, — высказался кто-то.

— Специалисты утверждают, — дополнил сообщение помощника Гордеев, — что эспандер, обнаруженный в квартире К., основательно изношен. Следовательно, он был в употреблении или в каком-то коллективе, секции, или у человека, постоянно занимающегося физкультурой. Первое соображение вряд ли верно. Раз человек взял эспандер с собой на свой промысел, значит, он всегда у него под рукой — в личном пользовании. И парень этот,

видимо, молодой, пожилые-то ведь силовыми видами спорта увлекаются редко. А раз молодой, должен общаться с себе подобными, кому-то ведь надо продемонстрировать свою силу?

— Наши дальнейшие планы по этой части, товарищ полковник, таковы... — Дьяченко подробно изложил план дальнейших розыскных мер, попросил в помощь еще двух оперативных работников из смежного отдела.

Гордеев согласился:

— По-моему, все верно. Действуйте. Помощь будет.

...Спортобщество «Динамо» отпало сразу же. Эспандеры, полученные им в четвертом квартале через Физкультснаб, лежали нераспакованные на складах. Хозяйственники здесь оказались прижимистые — обеспечили запас лет на пять, а то и больше.

В «Строителе» группе тоже не повезло. Там во всех низовых коллективах, на стадионах и спортивных базах только что прошла инвентаризация имущества. Главный бухгалтер, вытащив из шкафа толстенный реестр, быстро перелистал его и с гордостью сообщил:

— Да, эспандеры получали. Вот пожалуйста, пятьсот штук, семнадцатого декабря. Было же у нас таковых триста тридцать. Итого восемьсот тридцать. Так? Так. А имеем? Смотрим итоговую ведомость инвентаризации. Эспандеры: восемьсот тридцать. Как видите, все в ажуре.

Оставались «Буревестник» и «Труд».

Общество «Буревестник» объединяло более ста коллективов, «Труд» почти столько же. Хоть и с трудом, но удалось установить, какие из их коллективов получали эспандеры. Оперативные работники пошли туда. Беседовали с руководителями, тренерами, спортсменами. Сотням людей показывали злополучный эспандер. Но никто не мог сказать ничего определенного. Дьяченко, однако, это не обескураживало. Другого выхода у него нет. И он вместе со своими помощниками обходит спортивные коллективы, стадионы, залы...

В клубе завода «Радуга» в этот вечер проходило собрание физкультурного актива. В перерыв молодежь обступила представителей уголовного розыска, с интересом разглядывала эспандер. Подшучивали:

— Это что, ключ к какому-нибудь кошмарному делу? Да?

— Ну не то чтобы к кошмарному, но владельца этой штуки нам очень хотелось бы найти.

Высокий мрачноватый парень долго вертел эспандер в руках.

— Кажется, видел я этот эспандер. Очень похож. Да, видел, — он еще раз посмотрел снаряд, прочел буквы на внутренней стороне. — Точно, он.

— Где же вы его видели? Когда?

— На свадьбе у приятеля. Парень там был. Фамилия? Нет, не запомнил. До этого дня знакомы не были. Со стороны невесты он был приглашен. Звать — Виталий, а фамилию не помню. За столом мы сидели рядом, и он все хвастался выжимом.

Установить, что за гость был на свадьбе приятеля, больших трудностей не составляло. Через день Дьяченко уже знал, что это был Виталий Ключев — расточник одного из московских заводов, брат Владимира Ключева, отбывающего срок заключения.

Прошел еще один день. Дьяченко докладывал Гордеву итоги поисков.

— Я уверен, что мы наконец на верной дороге. Виталий Ключев, безусловно, один из участников группы, обворовавшей квартиру профессора. И дело не только в эспандере. Мы установили, что Виталий ведет себя несколько странно. Прогулы, опоздания. Заработок за этот месяц у него всего сорок рублей. А обычно сто восемьдесят — двести. И в то же время шикует. В ресторанах почти каждый вечер. На днях со своим приятелем, неким Лисицыным, наняли такси и, посадив знакомых девчонок, дважды махнули по Московской кольцевой бетонке. Совсем недавно двум своим приятельницам по мохеровому шарфику подарил. Явно из «Березки». На заводе удивляются, откуда у парня такие возможности. Считаю, что Ключева надо задержать. И немедленно.

...Виталий Ключев пытался держаться спокойно, но было видно, что он растерян и испуган. Он избегал прямого взгляда Дьяченко. на вопросы отвечал нервозно, хотя были они пока просты и безобидны.

— Почему стали хуже работать, Ключев? Пьянствуете, прогуливаете? В чем дело?

Парень попытался усмехнуться:

— А что это МУР стал беспокоиться обо мне? Это мое личное дело.

— Подождите спешить. Личное, верно. Но не только. Ведь вот заработали вы в сентябре всего сорок рублей, а в рестораны ходите каждый день. На какие гроши?

— На свои гуляю, не беспокойтесь.

— Возможно, и на свои, а возможно, и на чужие. Грабеж, кража, например...

Клюев вскинулся:

— Вы, знаете, аккуратнее выражайтесь. Надо основания иметь.

— Хорошо, хорошо, не надо нервничать, Клюев. А скажите, Лисицын — он что, ваш друг?

— Ну, друг. А что такое? Это тоже криминал?

— Нет, почему же? Значит, близкий друг, кореш, так?

— Ну, не знаю, как это называется у вас, а мы действительно дружим. Учились, работаем вместе.

— В квартире профессора К. тоже были вместе?

Клюев вспыхнул, потом побледнел, весь сжался, будто пружина, и... сделал удивленное лицо:

— Не понимаю, о чем говорите.

Дьяченко подумал: «Смотри ты. С самообладанием. Далеко может пойти». Вынув из ящика письменного стола злополучный эспандер, положил его перед Клюевым:

— Ваш?

Клюев, увидев эспандер, попытался даже отодвинуться от стола, вжаться в кресло. Потом торопливо выговорил:

— Нет, нет, что вы!

— Ваш, ваш эспандер, Клюев. Видите инициалы «В. К.»?

— Мало ли таких инициалов.

— Много. Но этот эспандер ваш.

— А как докажете?

— Докажем. Сейчас важнее другое: как он оказался в квартире профессора К.?

И, строго взглянув на Клюева, Дьяченко спросил:

— Вы должны ответить, Клюев, кто инициатор кражи, кто участники, где вещи? Вопросы ясны?

— Но... Я... я не понимаю... Это кошмар какой-то, фантастика.

— Вы прекрасно все понимаете, Клюев.

— Н-нет. Не понимаю.

— Ну что ж. Тогда идите и подумайте.

Дьяченко встал и, подойдя к двери, вызвал дежурного. Не глядя на Клюева, произнес:

— В камеру.

Клюев вскочил со стула, в глазах застыл неприкрытый панический страх.

— П-позвольте, за что же? Вы не имеете права, не имеете...

— Идите, идите, Ключев. Вам надо обдумать все. Собраться с мыслями. Мой вам совет — не крутить, не врать. Бесполезно. Только себе напортите.

Ключев, опустив плечи, пошел впереди дежурного.

В тот же вечер был задержан Лисицын. На ознакомительном допросе он вел себя так же, как и Ключев, все отрицал, удивлялся каждому вопросу, заявляя, что милиция поступает с ним незаконно.

Обыск в квартирах задержанных полностью подтвердил участие Ключева и Лисицына в краже на Бульварной улице. Были изъяты два транзисторных портативных приемника, двое часов, фотоаппарат и японская киносъемочная камера. У Ключева, кроме того, обнаружили спрятанные в складках надувной лодки, что хранилась в сарае, триста американских долларов и крупную сумму советских денег. Однако других вещей и ценностей найти не удалось.

На совещании у Гордеева подробно обсуждался план дальнейшего розыска.

— Итак, — говорил полковник, — то, что кража у профессора К. дело рук этих парней, ясно. Но где ценности? Или они очень основательно запряты и мы их плохо искали, или... Или Ключев и Лисицын — мелкие сошки, которым перепало лишь кое-что. Тогда кто закоперщики и где они? Конечно, Ключев и Лисицын знают это. Но говорить они не хотят. Видимо, боятся своего «шефа» или «шефов», а возможно, тянут время, чтобы кто-то смог скрыться. Рано или поздно, конечно, мы узнаем все это. Но время, время... Если их вожак ускользнет от нас, то поминай как звали и вещи профессора. Нашли-то мы пока сущую ерунду. Давайте думать, как быть. Что эти гуляки — все упорствуют? — обратился он к Дьяченко.

— Когда обнаружили у них вещи и деньги, предъявили дактоотпечатки с эспандера и пластинки — отпираться стало бессмысленно. Признали, что обокрали квартиру. Но не вскрывали ее, она была уже отперта. Искали, видите ли, какого-то приятеля, увидели полуоткрытую дверь, зашли. Поживились кое-чем и обратно. Эспандер выронил Ключев. Вот коротко их показания.

— Наивно до крайности, — проворчал полковник.

— Конечно, наивно. Но оба держат одну линию. Видимо, договорились раньше и проинструктированы кем-то более опытным.

— А не старший ли Ключев тут действовал? — высказал предположение полковник.

— Он в колонии, — напомнил Дьяченко.

— Да, знаю. И, однако... Надо срочно перевернуть его старые связи, кто освободился в это время из его дружков. Я, конечно, не исключаю и другого «наставника» у этих сосунков. Но этот вариант тоже возможен. Сейчас же подготовьте запрос начальнику областного управления. Я подпишу.

Запрос был послан через час, а к вечеру следующего дня Дьяченко срочно вызвал полковник. Не говоря ни слова, он протянул ему поступивший ответ. Там сообщалось: «Интересующий вас объект досрочно освобожден двадцать пятого августа зпт выбыл Воронеж тчк Ранее сообщенное нами ошибочно...»

— Ну, что скажете, капитан?

Дьяченко пожал плечами:

— Вы оказались правы. Где его теперь искать?

— Пока его брат и Лисицын у нас, он в Бабушкине не показывался?

— Нет. Во всяком случае, замечен не был.

— Появится. Обязательно появится. Следите в оба. И группу в Воронеж. Сегодня же.

...Владимира Ключева задержали через две недели в Домодедове. Он стоял в очереди для оформления багажа на очередной ташкентский рейс.

Дьяченко подошел к нему:

— Можно вас на минуточку?

— В чем дело?

— Пошли, Ключев, пошли. Без лишних вопросов.

Рядом с Дьяченко стояло еще трое оперативных сотрудников, и Ключев понял, что уйти от них он не сможет.

Ослабившись в улыбке, пробормотал:

— Пошли так пошли. Но ненадолго. Самолет через сорок минут.

— А вам в Ташкенте, Ключев, делать нечего. В Москве дела есть, — ответил Гордеев.

— ...Ну что ж, Ключев, будем подводить итоги, — раскрыв пухлое дело, проговорил Гордеев. — Думаю, пора.

— Не знаю, о каких таких итогах вы ведете речь, полковник.

— Держитесь вы упорно, но нелогично.

— Возможно. Но...

— Что — но? Хотите, я вам расскажу, как проходила вся эта организованная вами операция?

— Интересно послушать.

— Раз интересно — слушайте. План «визита» в квартиру профессора К. у вас вынашивался давно. Из газет вы узнали о предстоящих гастролях профессора и стали свой план форсировать. Когда в мае Виталий приезжал к вам в колонию на свидание, план был разработан в деталях. Брату вы поручили тщательно обследовать замки и выяснить, живет ли кто в квартире профессора, кроме него и жены. В сентябре К. выехал в Париж. Вам повезло. Именно в это время подоспело ваше освобождение. В Воронеж вы вернулись десятого сентября, в Москву явились пятнадцатого. Сразу начали подготовку «операции». Проверили все данные, добытые братом. Убедились, что в квартире действительно никто не живет и никто туда не приходит. Примерили ключи (делали их в сарае; мастер вы по этой части известный). Восемнадцатого, около восьми часов вечера, поднялись в лифте на седьмой этаж. Ключи сработали отлично. Но один замок на внутренней двери оказался орешком potvrjе. Прикрыв наружную дверь, вы его выбили. Шторы на окнах квартиры были опущены, и вы орудовали в комнатах беспрепятственно. Что вы взяли — перечислять не будем, это известно и вам и нам. Вышли с бумажным рулоном, он был полон драгоценностей. Это было хитро. На вас никто не обратил внимания. Ободренные успехом, на следующий вечер вы повторили визит. И тоже все сошло, хотя выходили вы с двумя чемоданами. Верно рассказываю, Ключев?

— Продолжайте, полковник. Складно у вас получается.

— У вас тоже получилось складно. Больше вы туда не пошли. Зачем? Хапнули столько, что хватило бы надолго. Но встал вопрос: как рассчитаться с братом и его приятелем? Отдавать что-либо ценное — жалко. И вы, выдав им по пятьсот рублей и кое-что из вещей, посоветовали: «Сходите в квартиру профессора сами, там еще всего достаточно». А сами отбыли в Воронеж. Аккуратно отбыли, захватив лишь вещи негромоздкие. Чемоданы вам привезли потом. Ваши помощники ходили в квартиру тоже дважды. И тоже поживились основательно. Но... сделали две оплошности. Лисицын нашел золоченую пла-

стинку. Думал — чистое золото, но, обнаружив, что это не так, бросил ее в кресло. Следы рук, однако, на ней остались. А ваш братец никак не мог открыть шифоньер. Сделал это с помощью эспандера, что лежал у него в кармане. Но потом, уходя, обронил его. На второй день пришли опять: и пропавший эспандер беспокоил, и хотелось еще подразжиться. Эспандер не нашли, но зато прихватили кое-что, благо выбор был все еще большой.

Так закончилась тщательно организованная вами, Ключев, операция по краже ценностей из квартиры профессора К. Затем было продолжение операции. Но уже не по вашему, а по нашему плану. По эспандеру мы добрались до вашего брата и его друга. Добрались бы, конечно, и без этой вещественной улики. Вели они себя как купчишки, несмотря на то, что вы специально приезжали из Воронежа, чтобы сделать им нахлобучку. Но при этом была у вас и другая цель приезда в Москву: проверить — не напали ли мы на какой-нибудь след? Но это было за четыре дня до ареста ваших помощников, и вы уехали успокоенным. Готовились к свадьбе. Когда же братец и его приятель оказались у нас, вы не приехали даже, а прилетели. В Бабушкине появились со всеми предосторожностями, предварительно петляли по всей Москве. Конечно, мы могли задержать вас тогда. Но решили подождать.

— Ну, как же. Надо же было вынюхать, где профессорское барахло, — ухмыльнувшись, обронил Ключев.

— Да, нам нужны были и вы, и то, что вы украли. И, когда мы обнаружили тайник в стене дома, где вы жили в Воронеже, мы решили, что пора... Полет в Ташкент — это было бы уже лишнее для вас. Как, все правильно?

Ключев молчал. Левая щека его дергалась в нервном тике, глаза метались по кабинету. Однако отвечал он нарочито спокойно:

— Не знаю, полковник. Может, так, а может, и нет. Я-то ведь к этим делам отношения не имею. Моих следов в квартире нет? Нет. Вещи? Так вы нашли их не у меня. У брата, тети, отца, какой-то моей знакомой. Вот с них и спрашивайте ответ.

— Эх, Ключев, Ключев! Я знаю, что слова «честь» и «совесть» для таких, как вы, — пустой звук. Но ведь это все-таки ваш брат, отец, невеста... Что же вы... Это

хуже, чем у зверья. Хотите, чтобы ваши близкие расхлебывали кашу, что сами заварили?

— Они сами по себе, а я сам по себе.

Сказано это было с таким безразличием, с таким циничным спокойствием, что даже у полковника, на редкость добродушно настроенного сегодня, удивленно поднялись брови.

— Ну ладно, Ключев. Это дело ваше. Но скажу вам заранее: никакие увертки вас не спасут. И не вздумайте вновь притворяться сумасшедшим, биться в припадках, разыгрывать комедии с невменяемостью — не поможет.

Профессор, когда ему позвонили и пригласили приехать на Петровку, был недоволен.

— А что еще требуется от меня? Я ведь все уже рассказывал, и неоднократно.

— Да вы приезжайте. Совсем ненадолго.

Когда он, войдя с женой в кабинет полковника, увидел свои вещи, сложенные на длинном столе, стульях и в креслах, то не поверил своим глазам.

— Нашли. Удивительно! Знаете, товарищи, каюсь — не верил. Не верил! Вот уж действительно — моя милиция меня бережет. Спасибо вам, огромное спасибо!

Гордеев просто ответил:

— Не за что, профессор.

— Ну как — не за что? Это было очень трудное дело, я уверен в этом.

— Да как вам сказать? Нелегкое, конечно.

Позвав дежурного, полковник приказал:

— Помогите профессору отвезти вещи домой и проводите его до самой квартиры.

ЗАПУТАННЫЙ СЛЕД

Сводка происшествий за сутки была относительно спокойной. Прочитав ее, майор Корнеев встал и направился к сейфу: надо было внимательно изучить дело, которое вчера поступило в МУР. Но его остановил зуммер селектора. Полковник Волков, начальник уголовного розыска, спрашивал, знает ли майор о случае на Азовской.

— Нет, пока не знаю.

— В доме номер четыре убит мальчик. Видимо, гра-

беж. Свяжитесь с дежурным по городу и немедленно выезжайте на место.

— Есть, — ответил Корнеев и нажал кнопку прямой связи с дежурной частью. — Что на Азовской?

Дежурный повторил уже слышанное Корнеевым и закончил:

— Мы выезжаем. Вы с нами?

— Не задерживайтесь, приеду вслед.

Через двадцать пять минут майор Корнеев и капитан Агапов были уже на Азовской.

При всей своей тяжести этот случай не вызвал особого удивления у оперативных работников Петровки. Хотя и редко, но в огромном городе бывают и такие преступления. Пройдет несколько дней, и убийца будет обнаружен, изолирован и предстанет перед судом.

Никто не мог тогда предположить, что случай этот — первый в серии тяжких преступлений, которые будут совершены одно за другим...

На ковровой дорожке в прихожей лежал мальчик лет двенадцати-тринадцати. Убийство было совершено острым, рубящим предметом. Квартира ограблена. Но преступник, по-видимому, спешил: вещей взял немного.

Корнеев и Агапов, тщательно осмотрев квартиру, с трудом установили, что пропало. Ни мать, ни отец убитого ничего и слышать не хотели о каких-то вещах, непрестанно повторяли одно и то же:

— Кто, кто мог это сделать? Кто? За что они нашего мальчика?

Соседи по подъезду, люди, которые в течение дня бывали во дворе, не заметили никого, кто бы вызвал их подозрение.

Семья Соловьевых была обычной московской семьей. Родители работали, сын учился. Широкого круга знакомых у них не было. Придет иногда сосед с женой, родственники заедут в праздники. Толя был мальчик спокойный, не по годам вдумчивый, серьезный. Приятели — под стать ему, от ребят озорных, драчливых старались держаться подальше.

Эти сведения были очень важны прежде всего потому, что дверь в квартиру не была взломана, замок не тронут. Значит, убийца в квартиру был впущен самим мальчиком. А раз он был осторожным и осмотрительным, то выходит, что знал человека, которому открывал дверь.

— Но его могли обмануть, взять хитростью? Так ведь? — ответил на эти доводы Корнеев.

— Да, конечно. Но каким образом? Что могло ввести мальчика в заблуждение?

— Какая-нибудь уловка, не вызывающая сомнения выдумка. Например, голос, похожий на голос отца...

— Это сомнительно. Хозяин дома был в отъезде, и его ожидали лишь на следующий день. Да и вообще... Голос отца... Его-то уж сын узнал бы. Нет, тут мальчик наверняка почуял бы неладное.

— Тогда, может, представитель из школы? — Предположение было высказано не очень уверенно, но Корнеев от него не отмахнулся.

— А что ж, надо проверить и это.

Преподаватели и общественники школы нередко посещали квартиры учеников во внеучебное время. Правда, маловероятно, чтобы кто-то навестил Толю, когда он сам вот-вот должен был прийти на занятия. Выяснилось, что действительно никто из школы в этот день к Соловьевым не приходил.

— Может, преступник проник в квартиру под видом работника домоуправления?

Несколькими днями раньше в семье Соловьевых был разговор о том, что надо позвать мастера починить краны в ванной и на кухне. Но в домоуправлении ответили, что в квартиру Соловьевых никого не посылали.

Опрос жильцов дома показал, что по квартирам в этот день ходил... представитель Мосгаза. Зашел в одну квартиру, в другую, третью. Жильцы встречали его радушно. Кто угощал кофе, кто предлагал присесть, позавтракать. Но мастер, проверив горелки газовых плит, беглым взглядом окинув квартиру, выяснив, нет ли запаха газа, быстро уходил. Люди не обижались. Торопится человек. Квартир-то вон сколько, и в каждой надо повозиться...

Обход квартир работником газового хозяйства — дело обычное. Но почему об этом не знало домоуправление?

Агапов поехал в контору Мосгаза, обслуживающую этот микрорайон. Корнеев с нетерпением ждал его звонка. Через час Агапов сообщил, что никто из работников конторы на Азовской не работал. Но ведь в системе жилищного хозяйства не только топливно-энергетическое управление, не только межрайонные конторы Мосгаза,

много других, самых разнообразных служб. Может, это был представитель газовой инспекции? А может — работник стройуправления? Дом сдан в эксплуатацию недавно, и строители могли поинтересоваться, как работает разнообразное хозяйство нового дома, в том числе и газовая сеть. Вот почему после звонка Агапова все работники оперативной группы разъехались по организациям, которые могли иметь отношение к обслуживанию дома. Они опросили десятки людей, проверили сотни путевок, выездных листов, парядов, которые выдаются ремонтным группам, слесарям-обходчикам тепловых, водопроводных сетей и т. п. К утру следующего дня стало совершенно ясно, что представителей коммунальных служб на Азовской улице не было. Следовательно, человек, ходивший по квартирам под видом работника Мосгаза, и есть возможный преступник.

Жильцы сообщили запомнившиеся приметы: одет в длинное коричневое пальто, шапку-ушанку. Волосы, кажется, рыжеватые, нос с горбинкой. Эти штрихи помогли художнику сделать примерный портрет предполагаемого преступника. По этим же приметам был создан и фотопортрет. Уже к вечеру рисунок и фоторобот были разосланы работникам всех городских отделений милиции, постовым милиционерам, участковым инспекторам.

Перед оперативной группой, занимавшейся розыском преступника, встало немало вопросов. Почему преступник назвался представителем Мосгаза, а не строительного треста, Мосводопровода или радиосети, например? Какие причины были для этого? Видимо, он хорошо знает, что представитель этой городской службы беспрепятственно входит в московские квартиры.

В системе топливно-энергетического хозяйства города, в том числе и в Мосгазе, работали тысячи людей. Строители газовых магистралей — люди, недавно приехавшие из близлежащих сел, деревень и городов, перешедшие с различных московских предприятий. Работники эксплуатационных служб — слесари, электрики, контролеры-обходчики — в большинстве своем потомственные коммунальщики столицы или работавшие в прошлом на московских заводах и фабриках. Но среди работников газового хозяйства есть и такие, кто отбывал в разные годы наказания — за хищения, за хулиганство... Их, правда, было немного. Этот контингент оперативные работники проверяли особенно тщательно.

Слесарь одной из контор аварийной службы Мосгаза

Павел Б. в прошлом имел судимость за грабеж и воровство. В день убийства дважды был на Азовской... по собственной инициативе. Поручений бригадира не имел, посещение этого района графиком не предусматривалось. И внешне был как будто схож с разыскиваемым лицом. Но подозрения в его адрес вскоре отпали. Да, он действительно два раза приходил на Азовскую. Но по делу сугубо личному.

Попал в поле зрения и плановый работник геотреста Борис К. Именно в этот день почти до вечера он тоже находился на Азовской. К. вначале отрицал свое пребывание в этом микрорайоне, но, когда несколько граждан подтвердили, что видели его, и отпираться стало бесполезно, К. сказал:

— Да, был на этой улице. Накануне вечером сидел у приятеля в гостях. И понимаете, оставил у него папку с планом одного геоучастка. А план, как пазло, начальству понадобился.

— Чего же вы целый день там околачивались? Взяли бы папку да на работу.

К. потупился:

— Понимаете, забыл адрес. Домов-то вот сколько построили. И все как близнецы. Квартуру запомнил — семнадцатая, а дом то ли пять, то ли семь, то ли девять. Вот и ходил.

Беседа с приятелем, наличие папки с геопланом подтвердили алиби гражданина К.

Тем временем наружная служба милиции проверяла весь жилой массив, близлежащие к Азовской улице рынки, магазины, гостиницы. Во всех приемных пунктах химчистки города исследовалась поступавшая туда одежда. Но ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Не спал начальник МУРа Волков, не спали Корнеев и Агапов, как и вся их оперативная группа, работники смежных с МУРом служб, отделений милиции, участковые. Казалось, сделано все, чтобы преступник был задержан сразу, как только появится на московских улицах. Но прошло уже три дня, а человек, совершивший преступление в квартире Соловьевых, был на свободе.

Корнеев докладывал начальнику МУРа Волкову:

— Судя по тому, что в квартире все перерыто, разбросано, преступник искал деньги или ценности. И мальчик скорее всего погиб как возможный свидетель. Известно, что ни больших денег, ни ценностей грабитель не

пашел. А раз он пошел на убийство, то, видимо, деньги ему нужны были позарез. И не исключено, что он попытается достать их в другом месте и любым путем. Надо усилить наблюдение за новыми микрорайонами. Если преступник проявит себя, то именно там: народ только съезжается, друг друга еще не знают. Напрашивается и еще соображение: преступник не москвич... Почему я так думаю? Перед тем как совершить преступление, он показался нескольким лицам. Значит, не боялся, что его потом опознают, следовательно, долго оставаться в столице не намерен. И еще деталь: подчеркнутый южный акцент. Конечно, в Москве немало приезжих. Но если человек живет здесь, акцент постепенно смягчается, делается не столь заметным.

Волков недовольно заметил:

— Соображения интересные и убедительные. Однако где же он, преступник? Мы ввели в группу самых опытных людей, а результатов нет.

— Наверное, отсиживается где-то или подался в другой город. Ищем, товарищ полковник. Но охрану новых микрорайонов я считал бы необходимым усилить.

С вечера на улицах города и в подмосковных городах появились дополнительные милицейские патрули, наряды дружинников.

Прошло еще два дня.

— Ну, что скажете, криминалисты? Куда мог деться убийца? — обратился Волков на очередном совещании к работникам оперативных служб, проводившим поиск.

— Если преступник в Москве, он никуда не уйдет, — уверенно проговорил один из оперативных работников.

— А я боюсь, уже ушел. Пять дней — срок немалый. Совещание еще не закончилось, когда раздался телефонный звонок. Волков снял трубку.

— Слушаю, товарищ комиссар...

Полковник внезапно побледнел, и все поняли, что сообщение комиссара чрезвычайно серьезно.

Закончив разговор с комиссаром, Волков сообщил присутствующим:

— Сегодня в Иванове между десятью и двенадцатью часами совершено несколько убийств. Неизвестный выдавал себя за работника горгаза. В квартирах похищены облигации госзайма, различные вещи, а также паспорт матери одной из пострадавших. А вы уверяете: не уйдет.

Как видите, ушел. И успел натворить столько дел! — раздраженно воскликнул начальник МУРа.

В Москву ежедневно автомобилями, поездами, самолетами прибывают сотни тысяч людей. Примерно столько же и выбывает из столицы в разные концы страны. Каждого пассажира не проверишь. И все же недовольство полковника можно было понять. Характерные детали, «почерк» преступления на Азовской, в точности повторившиеся в Иванове, давали основания предположить, что действует все тот же преступник.

В Иваново немедленно вылетела группа работников МУРа.

Здесь уже были приняты оперативные меры. На железнодорожных и автобусных вокзалах, в аэропорту проверялись все подозрительные лица, велось наблюдение за всеми путями въезда в областной центр и выезда из него.

Подробные беседы с жильцами домов, где были совершены преступления, убедили всех окончательно, что в Иванове орудовал тот же человек. Тот же прием, чтобы проникнуть в квартиру, те же цели: поиски ценностей и денег.

Чтобы обезопасить себя, не оставить следов, преступник применял всевозможные уловки. Не снимал перчаток, когда «проверял» горелки газовых плит и писал что-то в тетради. Был немногословен, говорить старался тихо: боялся, что запомнят голос. Не снимал шапку: волосы — очень характерная примета.

В квартире Петровских был найден листок, вырванный из общей тетради в клетку, с фамилиями граждан, квартиры которых обходил «представитель горгаза». Преступник оставил сразу две улики: почерк и неясные отпечатки пальцев. Для поиска это имело немаловажное значение. Но ни у одного из многих сотен работников московского и ивановского газовых хозяйств, десятков домоуправлений, служб водопровода, телефонной и радиосвязи, почтовых отделений почерка, идентичного запечатленному на листке, не было обнаружено. Огромный труд работников милиции пока не дал результатов...

Тщательнейшая проверка учетных карточек уголовного розыска Москвы, Московской области, Иванова тоже ничем не обогатила: человек, оставивший отпечатки пальцев на этом листке, на учете не значился.

Среди многочисленных версий, вошедших в план оперативно-розыскных мероприятий, было предположение, что действует психически неполноценный человек. В Москве, Иванове, Ярославле и некоторых других городах проверялись все психические больные — как находящиеся на стационарном лечении, так и состоящие на учете в медицинских учреждениях. Именно в это время из одной подмосковной лечебницы для душевнобольных и из больницы в Ярославле убежали три пациента. Они доставили много хлопот оперативным работникам...

След преступника не обнаруживался. Ни он сам, ни вещи, взятые в квартирах, в поле зрения оперативных работников не попадали. В комиссионных магазинах, в скупочных пунктах, на рынках Москвы, Иванова и соседних городов ничего похожего не появлялось. Правда, в квартире Петровских преступник взял достаточно большую сумму денег и облигаций. Но что он сделал с вещами? Возит с собой? Это и рискованно и обременительно. Значит, где-то есть у него надежное логово, где он укрывается и хранит добычу.

Когда и где преступник появится вновь? Что замышляет? Работники уголовного розыска понимали, что необходимы срочные, максимально действенные меры к его розыску и изоляции.

На оперативном совещании в МУРе настойчиво выдвигались предложения показать условный портрет бандита по телевидению, опубликовать в газетах, обратиться к населению, чтобы преступника искал каждый москвич, каждый ивановец... Многим это казалось единственно правильным. Но звучали и другие, более сдержанные голоса. Зачем будоражить людей? Зачем увеличивать тревогу?

В тот период в систему охраны общественного порядка пришло много молодых работников, органы перестраивали свою деятельность применительно к новым требованиям. Помощь широкой общественности выдвигалась как одно из решающих условий усиления борьбы с преступностью. И это было, конечно, правильно, но в разумных пределах, при условии соблюдения чувства меры. Некоторые же увлекающиеся руководители милицеских служб пытались переложить на плечи общественности чуть ли не всю свою работу, заявляя, что, мол, административные органы свою службу скоро отслужат и народные дружины вот-вот заменят их на всех участках охраны порядка.

Вот почему это совещание в МУРе было необычайно взволнованным и бурным. Один из руководящих работников управления безапелляционно говорил:

— Считаю ошибкой, что население до сих пор не привлечено к розыску убийцы. Бояться нам таких мер нечего. Так делается в Америке, Франции, Италии и других странах. Если бы руководители розыска это сделали, отбросили бы излишние опасения и сомнения, «как бы чего не вышло», преступник давно бы сидел в камере. Ведь он заходил во многие квартиры. Знай жители, что именно этого «представителя» ищет милиция, они, несомненно, сами задержали бы преступника.

Начальник МУРа Анатолий Иванович Волков слушал эти споры внимательно и спокойно. Ему, человеку, ответственному за розыск убийцы, предстояло решать: идти на эту меру или нет?

— В нашем деле, как нигде, вредны крайности. Вот вы говорите — Америка. Да, там такие формы розыска применяются широко. Но ведь за океаном такие преступления в порядке вещей. Разве американца удивит портретом какого-то там гангстера, убийцы, грабителя? У нас — совсем другое. Показать портрет убийцы на телеэкранах можно, и это, может быть, облегчит нашу задачу. Но не забывайте, что широкая гласность для преступника — предупреждение. Он будет сориентирован, примет другое обличье и постарается ускользнуть. А главное — мы неизбежно взбудоражим москвичей. И не только их. Московские телепередачи смотрит вся страна. Московские газеты тоже читают везде. Мы серьезно можем осложнить работу важнейших городских служб. На каждого монтера, слесаря, маляра будут смотреть: а не убийца ли это? Нет, на такую крайнюю меру мы пойдем, когда используем все свои возможности.

— Осторожничаем, а преступник тем временем безнаказанно гуляет и, очень возможно, выбирает очередную жертву.

Начальник МУРа посмотрел на спорившего с ним полковника и подтвердил:

— Да, пока гуляет. И на новое преступление может пойти. Это нас тревожит так же, как и вас. Но поднять на ноги весь многомиллионный город — это еще не значит предотвратить беду. — И, помолчав, добавил: — Однако ряд предложений, внесенных сегодня, надо принять. В новых микрорайонах население сориентируем.

Вооружим фотороботом народные дружины, оперативные комсомольские отряды, дворников, дежурных по подъездам. Дополнительные меры по линии наших служб примем следующие... Прошу записать и немедленно приступить к исполнению. — Он кратко и четко стал излагать, почти диктовать пункт за пунктом.

Поисковые группы теперь работали в семи новых микрорайонах Москвы, во всех подмосковных городах, в Иванове, Шуе, Ярославле, Владимире.

Изучались люди, в прошлом судимые и снова проживающие в Москве: их поведение на производстве, в быту, их связи. Вновь и вновь возвращались к некоторым работникам Мосгаза, Мосэнерго, Московского телефонного узла, почтовых линий — к тем, кто вызывал хоть какие-либо сомнения.

Обследовались все места возможного укрытия уголовно-преступного элемента: отстойные железнодорожные парки, подвалы, чердаки, новостройки, дома, подготовленные к сносу. Под еще более усиленное наблюдение были взяты все пункты химчистки, коммиссионные и скупочные магазины, рынки, рестораны, входы, выходы и переходы станций метрополитена, остановки городского транспорта.

Столица жила, трудилась. Ее улицы были заполнены народом. Слышался радостный смех ребят на школьных дворах, звенел лед на дорожках парков и стадионов, лыжники до отказа набивались в подмосковные поезда, тысячи москвичей и гостей заполняли театры и кинозалы. А на Петровке, 38 — напряженная, тревожная атмосфера, озабоченные, усталые лица, торопливые короткие совещания, непрерывные телефонные звонки. Правда, здесь вообще не часто выдается спокойный и тихий день. Но эти три недели были особенно трудными. Кажется, сделано все, абсолютно все, чтобы он был обнаружен и задержан. Но, к удивлению даже самых бывалых и опытных мастеров розыска, бандит проходил как плотва через крупную сеть. В чем дело? Может быть, преступник действует не один? Может, это хорошо сколоченная группа рецидивистов, до совершенства владеющая искусством маскировки? Может быть, в Москве и Иванове «работали» разные лица, а приметы и приемы — простое совпадение? На подобные вопросы, возникавшие у оперативных работников, ответов пока не было.

Предполагалось, что убийца ринулся в какой-то другой, далекий город, чтобы замести следы. Но ведь там тоже оперативные работники настороже. Нет, скорее все-

го он скрывается в Москве. Здесь куда проще затеряться среди миллионов людей.

И вот в столице совершается новое преступление...

На дверях всех подъездов только что заселенного дома № 71 на Останкинской улице висело объявление: «Домууправление просит жильцов сообщить о своих претензиях к строителям, возводившим этот дом...» И ни у кого не вызывал подозрения «прораб», что ходит по квартирам с тетрадкой и карандашом в руке, спрашивает и записывает, какие недоделки остались после сдачи дома в эксплуатацию. Не заподозрила неладного и работница одного из московских заводов Гаврилова. Пожилая женщина осталась одна: муж и два сына только что ушли на работу...

Когда в квартиру прибыла милиция, на столе был обнаружен лист бумаги, где Гаврилова неровным почерком перечисляла недоделки в квартире: поправить паркет в коридоре, подстрогать дверь в столовую — плохо закрывается...

В квартире все было перевернуто вверх дном: раскрыты шкафы, ящики, разворошены постели, разбросаны книги. Преступник искал деньги и ценности. Но не погнушался и вещами. Захватил наручные часы и телевизор «Старт-3».

Несколько человек видели в то утро мужчину с каким-то громоздким ящиком под мышкой. Значения этому никто не придавал — дом только заселялся, приезжали и отъезжали грузовики, пикапы, легковушки, люди прибывали с вещами, разгружались и опять уезжали. Человек, который вышел из подъезда дома с ящиком под мышкой, остановил на шоссе самосвал, сел к водителю в кабину и уехал.

Участковый уполномоченный отделения милиции Е. И. Малышев обходил в это время свой участок. Он проводил взглядом машину, заметил цифры на заднем борту: 96. Через час, обойдя участок, доложил о виденном начальнику отделения.

— Может, это и мелочь, но все-таки, — добавил он, как бы оправдываясь.

Когда же в конце дня преступление было обнаружено, этот факт приобрел особое значение.

К примерному фотопортрету, словесным характеристикам примет прибавились вещественные улики — те-

левизор «Старт-3» с девятизначным номером и часы «Мир».

В Москве десятки тысяч бортовых грузовых машин и самосвалов. Следовало установить, кому, какой организации принадлежит самосвал с цифрой 96. Где базируется?

Сотрудники ОРУД — ГАИ с помощью общественных инспекторов, коммунистов и комсомольцев автохозяев остаток вечера и всю ночь проверяли машины, в номерах которых была цифра 96. Установили те, которые производили в этот день перевозки в северо-западном районе столицы. Разыскали всех шоферов, работавших на этих машинах. Выяснялся один вопрос: не перевозил ли кто мужчину с телевизором? Ответы были отрицательные. Один подбросил даже песколько человек с разными вещами, но с телевизором не было. Другой подвез двух женщин, одна, верно, с телевизором. Но не с Останкинской, а, наоборот, на Останкинскую. Третий подвез целую семью, и телевизор тоже был. Но они сидели в кузове и ехали тоже на Останкинскую, в новую квартиру. Многие водители обижались: «Мы налево не работаем, так что вопросы эти, дорогие товарищи, мягко говоря, излишни...»

Остались непроверенными несколько машин, в том числе один самосвал. Работал на нем в тот день шофер 36-й базы Мосавтотранса Борисов.

Понятно нетерпение, с каким ехали к нему работники МУРа. И каково же было их разочарование, когда шофера не оказалось дома. Жена объяснила, что он уехал в Ногинск к какому-то приятелю. На охоту они собираются. Адреса она не знала. Когда вернется? Думает, завтра ночью...

Ждать до завтра! Тут дорог каждый час. В Ногинск помчалась оперативная машина МУРа. С помощью местных работников уже глубокой ночью нашли наконец Борисова.

Он рассказал:

— Когда я проезжал по Останкинской, какой-то человек с телевизором под мышкой, стоявший на обочине, поднял руку. Я остановился, посадил его в кабину. Как выглядел? Лицо худощавое, остроносое, говорит с акцентом... Вот, кажется, и все. Да, вот еще что. Шапку почудному носит, уши назад завязаны. Не по-нашему, не по-московски... Вел себя как? Обычно. Рассказал, что ку-

пил телевизор у родственницы. Переехала она на новую квартиру и кое-что из вещей решила заменить. Потом пассажир вылез, уплатил за услугу и ушел.

— Много уплатил?

— Где там. Восемь гривен.

— Что так?

— Уж не знаю. Рылся, рылся в каком-то, извините, бабьем бисерном кошельке, да так больше ничего и не нашел.

Оперативные работники переглянулись. Среди похищенных на Азовской вещей числился и бисерный кошелек.

Мужчина, по словам Борисова, сошел в районе Мещанских улиц. Значит, логово его где-то там или в пригороде. Рядом — Рижский вокзал.

Опрошенные работники вокзала и поездных бригад сказали, что за эти сутки никто с телевизором как будто не уезжал. Тогда было принято решение, не снимая наблюдения с вокзала и станций Рижского направления, скоординировать оперативно-розыскные мероприятия в районе Мещанских улиц.

Микрорайон Москвы. Это сотни домов, десятки тысяч населения.

В зоне Мещанских и Трифоновской улиц было еще немало старых, дореволюционных домов и домишек, глухих и проходных дворов, темных закоулков, сараев, гаражей, голубятен. Это серьезно осложняло дело. Поэтому в проверку были включены наиболее опытные работники милиции.

Среди тех, кто участвовал в этой операции, был заместитель начальника 87-го отделения милиции Н. И. Билюченко. Он работал здесь давно, хорошо знал эти улицы и переулки, знал и их обитателей. Методично, сектор за сектором, дом за домом обходил капитан территорию. Зорко наблюдал за всем, что могло вызвать подозрение. За машинами, сновавшими поминутно с улицы на улицу, за петоропливыми троллейбусами, за игрой мальчишек в снежки, за толкотней в магазинах и у палаток. Во время третьего или четвертого обхода встретил знакомую преподавательницу вечерней школы. Разговорились, по-

делились новостями. Билюченко хотел было уже распрощаться, предстояло еще не раз обойти отведенный участок, но передумал и задержался:

— Нюра, вопрос есть. Сугубо конфиденциальный.

— Какой же это?

— Мужчину тут с телевизором случайно не приметил? Прощелыгу одного, понимаешь, разыскиваем.

Девушка насторожилась, пристально посмотрела на Билюченко.

— Слушай, а ведь ты в точку попал. Вот уж действительно на ловца и зверь бежит. Мне сегодня как раз предлагали телевизор купить. И знаешь, чуть не купила, немного в цене не сошлись. Сосед его купил, к брату за деньгами поехал.

— Расскажи, Расскажи-ка подробнее.

— Да что рассказывать-то? У Коренковой, что надо мной живет, гостит племянница с мужем. Тетя им подарила телевизор, а он им ни к чему — едут куда-то. Вот и продают.

— Как выглядит муж племянницы?

— Что это ты мужем интересуешься? Может, о племяннице рассказать?

Но Билюченко было не до шуток.

— Я серьезно, Нюра. Понимаешь, это очень важно!

— Видела-то я его всего один раз, да и то две или три минуты. Выглядит обычно. Высокий, рыжеватый, кажется, нерусский.

— Рыжеватый, нерусский, так, так... Какой номер квартиры у Коренковой?

— Двадцать шестой.

Билюченко задумался на какую-то долю минуты, а потом торопливо попрощался:

— Спасибо тебе, Нюра, спасибо. И пожалуйста, о нашем разговоре никому. Ладно?

Собеседница удивленно посмотрела на Билюченко и проговорила:

— Хорошо. Сам же сказал: конфиденциально.

— Вот именно, я потом все объясню, — уже на ходу бросил Билюченко и торопливо направился к отделению милиции.

Сообщение Билюченко моментально было доложено руководителям МУРа, и буквально через несколько минут к 1-й Мещанской улице подъезжали две оперативные машины.

Евдокия Васильевна Коренкова — полная женщина лет пятидесяти пяти, с маленькими бегающими глазками на пухлом лице — встретила оперативных работников с недоумением и обидой:

— Что я такого сделала, чтобы ко мне милиция? У меня муж на фронте погиб, государство пенсию мне платит, а тут на-ка. За какие такие грехи?

Корнеев шагнул к двери комнаты, у которой стояла хозяйка.

...Телевизор покоился на стуле около кровати, накрытый куском ткани.

— Говорят, вы телевизор продаете?

Коренкова опять пустилась в разговоры:

— А он уже продан. Скоро за ним хозяин придет.

— Уже продали? Быстро.

Корнеев повернул телевизор тыльной стороной, взял со стола настольную лампу и разыскал на фибролитовой стенке номер.

— Все правильно. Теперь, Агапов, — обыск. И тщательнейший! Мы же побеседуем с хозяйкой. Евдокия Васильевна, расскажите-ка, что у вас за жиличка и что за жилец? Их фамилии? Откуда приехали? Когда? Кем вам приходится?

— Племянница это моя, Алевтина. Намедни приехала. С женихом. Ну, с мужем, значит. Свадьба только еще не сыграна. Она придет скоро, ее и спросите.

Каждую вещь, которую осматривали оперативные работники, Коренкова брала в руки, сдувала или смахивала с нее пыль, складывала, расправляла.

— Вещи-то, они денег стоят, нельзя с ними так. Конечно, чужое добро не жалко.

Под кроватью лежали два объемистых чемодана. Агапов спросил Корнеева:

— Вскрывать?

— Конечно.

Через минуту Агапов стремительно поднялся, держа в руках часы и электробритву «Харьков».

— Товарищ майор, это его логово. Бритва-то из Иванова.

— Логово его, но где зверь?

— Неужели не появится?

— Думаю, что нет. — И повернулся к Коренковой: — Так куда же ушли ваши гости?

— Не знаю. Собрались и ушли. Обещали быть вечером.

Часов в девять вечера позвонили в дверь. Агапов открыл. Перед ним стояла девица лет двадцати, в черном пальто с меховым воротником и сером пуховом платке. Белесая, замысловато выложенная челка закрывала лоб.

— Входите, входите. Ждем вас.

— А в чем дело? Тетя Дуся, что у вас происходит? Хозяйка поджала губы:

— Чего-то ищут. Может, тебе объяснят?

— Где ваш муж? — спросил Корнеев.

— Не знаю.

— Как это не знаете?

— Так, не знаю.

— Когда придет?

— Обещал скоро.

— Один ваш чемодан мы осмотрели. Второй откройте сами.

— А зачем? Что я такого сделала?

Корнеев нетерпеливо прервал ее:

— Открывайте.

На дне чемодана лежала большая фотография, наклеенная на толстый картон. Агапов подал ее Корнееву. Продолговатое, сухощавое лицо, колючий, исподлобья взгляд, нос с горбинкой.

— А что, Агапыч, наш портрет недалеко от оригинала.

— Копия, товарищ майор. Как веревочка ни вейся... Теперь-то он никуда не денется.

На обороте фотографии скачущим почерком была начертана дарственная надпись: «Алевушке — от вечно преданного и вечно любящего В. Ионесяна...»

Даже беглый взгляд убедил Корнеева, что строчки на листке, оброненном в квартире Петровских, и эта надпись сделаны одной и той же рукой.

Из документов, обнаруженных в том же чемодане, явствовало, что Ионесян Владимир Михайлович является артистом Оренбургского театра музыкальной комедии. В вещах Ионесяна нашли карту железных дорог, а на обороте ее — перечень городов: Казань, Куйбышев, Рязань, Ярославль, Шуя, Кострома, Горький, Ереван, Коломна, Калинин. Куда же теперь направился опасный преступник?

— Так где же Ионесян? — в который раз уже спрашивали Алевтину Дмитриеву.

— Не знаю. Сказал, что, если не придет через час, значит, уехал.

— Куда?

— Кажется... в Шую или Ярославль.

Коренкова тоже ничего «и слыхом не слыхала».

Было ясно, что они намеренно тянут время.

Корнеев позвонил в МУР, сообщил список городов, куда, возможно, подался преступник. Во всех этих городах были подняты на ноги оперативные службы милиции, пародные дружины. Но ни в Шуе и Иванове, ни в Ярославле и Ереване, ни в Куйбышеве и Горьком Ионесян не появлялся.

— А может, он все еще в Москве?

И такой вариант не исключался. В изворотливости преступнику отказать было нельзя. Оперативные службы с Петровки опять тщательнейшим образом проверяли все вокзалы, аэропорты, рынки, магазины, все места массового скопления людей. Были перекрыты выездные магистрали города, без проверки не выпускалась ни одна легковая или грузовая машина.

В Москве оказалось пятьдесят два Ионесяна и почти столько же в Подмосковье. Изрядное количество однофамильцев нашлось и в других городах. С ними следовало познакомиться, но так, чтобы не обидеть, не навлечь необоснованных подозрений.

А сколько сил и времени отняла работа с людьми, внешне похожими на разыскиваемого!

Ионесян-преступник между тем как в воду канул.

Среди пунктов, которые он собирался посетить, была Казань — родина Дмитриевой. Этот город стоял первым в его списке. В Казани они собирались отпраздновать свадьбу.

Дмитриеву еще раз вызвали на допрос.

— Когда вы собирались отпраздновать свое бракосочетание?

— Когда Владимир вернется из своей поездки.

— Из поездки куда? В Шую, Иваново, Казань?

— Я уже объяснила, что не знаю. Только не в Казань. Туда мы должны были поехать вместе.

Она то говорила, что не имеет к Ионесяну никакого отношения, то называла себя его женой, правда, в будущем, а сейчас пока так... Уверяла, что ни он, ни она не были в Иваново. Припертая к стенке уликами, сказала, наконец, что он ездил туда, но один, она же оставалась в Москве. Затем призналась, что ездила с ним.

И Коренкова тоже упорно твердила несуразное: что Ионесян поехал в Оренбург или, возможно, в Ереван. Собирался именно туда. Про Казань и слышать не хотела:

— Нет, нет. В Казань они должны были ехать вместе с Алевтиной.

Это настойчивое стремление убедить, что Ионесян поехал куда угодно, но только не в Казань, подсказывало работникам МУРа, что Ионесян отправился именно на родину своей сожительницы.

Это предположение оперативных работников подтвердил «случайный» телефонный звонок. В квартиру Коренковой позвонили из бюро обслуживания Казанского вокзала. Спрашивали: почему гражданка Новикова не берет билет, заказанный до Казани?

Спросили Коренкову:

— Что за Новикова? Какая Новикова?

— Никакой Новиковой я не знаю.

В кассах вокзала сообщили, что билет был заказан три дня назад. Гражданин, заказавший билет, дал номер телефона Евдокии Васильевны и просил сообщить ей о билете для Новиковой.

...В тот же день вечером в Казань выехала оперативная группа. В одном из вагонов поезда ехала молодая женщина. По росту, внешнему облику, одежде она была очень похожа на Дмитриеву. На остановках женщина переступно стояла у окна вагона.

Если Ионесян и Дмитриева наметили свою встречу где-нибудь на промежуточной станции, он сразу заметит ее...

Встреча произошла в самой Казани, на перроне вокзала.

За несколько минут до прихода московского поезда в толпе встречающих появился среднего роста человек в коричневом пальто, в кожаной меховой шапке, глубоко надвинутой на лоб. Нос с горбинкой, рыжие брови, маленькие настороженные глаза. Он увидел стоящую у окна вагона Дмитриеву и торопливо пошел к вагону. Со ступенек сошли двое людей и шагнули навстречу. Сзади на его плечо легла тяжелая рука комиссара милиции Сапеева. Мужчина было рванулся, пытаясь расстегнуть пальто, но прямо на него глядел глаз пистолета.

— Бесполезно, Ионесян.

Поняв что предпринимать что-либо действительно бесполезно, Ионесян опустил руки...

Ионесян уже давно почувствовал, что круг замыкается. На улицах Москвы и других городов, где рыскал он в эти дни, он видел группы оперативников, усиленные наряды народных дружин, замечал, как тщательно проверяются поезда, автобусы, автомобили. И потому до мельчайших подробностей продумал свое бегство. Трижды переодевался, гримировался. Петлял, заметал следы. Уезжая из Москвы, он сел в такси, добрался до станции Голутвин, пересел в электропоезд, идущий до Рязани, оттуда в пригородном поезде приехал на станцию Рузавка. И только там сел в поезд Харьков — Казань. Рассчитал время так, чтобы в конечный пункт своего маршрута — Казань прибыть за полчаса до прихода московского поезда. С этим поездом должна была приехать Дмитриева...

И вот Ионесян на первом допросе. Он приготовился к борьбе. Насторожен, весь ошетинился, приготовился лгать, выкручиваться, хотя биться против фактов и неопровержимых улик бессмысленно и нелепо.

— Вы Владимир Михайлович Ионесян?

— Да, я Ионесян.

— Работали в Оренбургском музыкальном театре?

— Артист музыкальной комедии.

— Вы признаете себя виновным в убийствах в Москве и Иванове?

— Какие убийства? Никого я не убивал. Это недоразумение. Я требую встречи с прокурором.

— Представитель прокуратуры республики перед вами. Можете заявить свои претензии.

— Вот я и заявляю. Хочу, чтобы мне объяснили, за что я арестован.

— Что ж, давайте установим. Итак, повторяем вопрос. Признаете ли вы себя виновным в убийствах, совершенных в Москве и Иванове в период с 12 декабря по 8 января?

— Повторяю, это недоразумение.

— Хорошо, тогда давайте по порядку. При обыске после вашего задержания у вас изъят вот этот кошелек.

— Не знаю, не помню.

— Это было вчера. Вот ваша подпись на списке изъятых у вас вещей. Так? Это ваша подпись?

— Да, моя.

— Значит, кошелек этот был при вас?

— Видимо, был.

— 12 декабря он пропал из квартиры Соловьевых, когда там был убит Толя Соловьев. Вы можете объяснить, как к вам попал этот кошелек? Молчите? Тогда вопрос следующий. Это ваша фотография?

— Моя.

— Дарственная надпись Алевтине Дмитриевой сделана вами?

— Да, мной. Я подарил ее Алевтине в день нашего отъезда из Оренбурга.

— Значит, это писали вы лично.

— Да, лично.

— В квартире Петровских в Иванове был обнаружен список нескольких жильцов этого дома, вот этот список. Судебно-почерковедческая экспертиза установила, что данный список и дарственная надпись на фотографии сделаны одной и той же рукой. Что скажете по этому поводу?

Следующий вопрос. Экспертизой установлено, что все убийства, о которых мы ведем речь, совершены туристским топором, точно такой же топор изъят у вас при задержании. Как вы все это объясните?

— Н-не знаю. Может, совпадение. Эксперты тоже ошибаются.

— Допустим, что ошибаются, хотя и редко. Но здесь специфические зазубрины на лезвии топора в точности совпадают со следами на жертвах. Опять молчите? Тогда объясните следующее: при обыске у вас был изъят паспорт гражданки Петровской, матери смертельно раненной школьницы. Как у вас оказался этот паспорт? Далее, в квартире Снегиревых после убийства Лени Снегирева была похищена бритва «Харьков». Она обнаружена среди ваших вещей. В квартире Гавриловых исчез телевизор «Старт-3» № 309355234 и часы «Мир» № 17172. И телевизор и часы обнаружены в квартире Коренковой, где вы проживали. Что вы можете сказать по этому поводу? Ну, что же вы молчите, Ионесян?.. Наконец, еще вопрос. Вы человек грамотный, должны понимать, что такое дактилоскопия. На вас, судимого в свое время за невыполнение воинской обязанности и за хищение государственной собственности, в Министерстве внутренних дел Армении заведена дактилоскопическая карта. Вот она. Отпечаток указательного пальца, обнаруженный на списке жильцов в Иванове, идентичен с отпечатком пальца на

вашей дактокарте. Это подтверждено экспертизой. Что придумаете теперь?

— Я должен собраться с мыслями...

Следователь спокойно и неумолимо продолжал допрос:

— С мыслями вы соберетесь, время у вас будет. Но сейчас ответьте: признаете ли вы себя виновным?

Ионесян долго молчал и наконец с трудом выдавил:

— Признаю.

— Признаете себя виновным в убийствах и ограблениях квартир?

— Признаю.

Наступила пауза. И вдруг Ионесян стал бормотать что-то о Раскольникове, о неподвластных сознанию импульсах его души. Из последующих его ответов выяснилось, что о Раскольникове Ионесян знал лишь понаслышке...

Голос следователя звучал неприязненно и холодно:

— Оставим Достоевского в покое. Отвечайте: с какой целью совершали убийства?

Ионесян как будто удивился вопросу.

— Нужны были вещи, деньги... Без свидетелей.

— Теперь рассказывайте все подробно.

Упершись взглядом в пол, Ионесян начал рассказывать. Говорил цинично, спокойно, словно о чем-то обычном, а не о чудовищных преступлениях.

Материалы, собранные работниками уголовного розыска в Москве, Иванове, Ереване, Оренбурге, протоколы допросов Дмитриевой воссоздали ясную картину событий, предшествующих преступлениям Ионесяна. Собственный его рассказ явился только дополнением и уточнением...

В школе учился плохо. Но уже тогда хотел от жизни большего, на что мог рассчитывать. Едва закончив школу, решил жить «самостоятельно». Часто менял место работы — ни одна его не устраивала: везде надо было трудиться, стараться, прилагать усилия. А к этому он не привык. Его призывают на службу в армию. От воинской службы он уклоняется. Переезжает с места на место. Кончились его комбинации приговором суда. Правда, приговор был мягким... Вскоре Ионесян попадает на воровстве. И опять суд. Поверив в клятвенные обещания Ионесяна «начать новую жизнь», его осудили условно. Этот урок тоже не пошел впрок. Ионесян тянется к жиз-

ни «веселой», с попойками, гульбой, тунеядством. Кто-то надоумил его:

— Актером бы тебе стать. Очень уж ты мастак спеть, сплясать.

У Ионесяна действительно были некоторые голосовые данные. Но чтобы развить их, нужны были опять же труд, старание. Нет, это не для него. Он брал другим: самоуверенностью и наглостью.

Непомерный апломб, неуживчивость и вздорность характера делали его нетерпимым в любом коллективе. Он считал, что все вокруг — бездарность и серость, а его, способного, зажимают, не дают хода. На собраниях труппы театра, в который он все-таки попал, Ионесян кричал о том, что надо ценить и лелеять таланты, сыпал мудреными словами, специальными терминами, разглагольствовал о законах вокала, пластики. Не составило большого труда увидеть, что Ионесян просто лентяй и нахал. А вот Алевтине Дмитриевой казалось, что Ионесян во всем прав. Их роднило многое. И неудачи на сцене, и зависть ко всем и ко всему, и необоснованные претензии на особое положение...

Встретились они два года назад. Оренбуржцы были на гастролях в Казани. На вечере-встрече труда и искусства выступал любительский хореографический ансамбль одной из городских школ. Дмитриева — прима-балерина этого ансамбля — имела успех. Оренбуржцы девушку похвалили, кое-кто даже напророчил ей блестящее будущее.

Гости отбыли в Оренбург, забыв об этой встрече. Но не забыла о ней Дмитриева и объявилась в Оренбурге. Думали-рядили, что с ней делать. Решили взять в кордебалет. Пусть учится. Может, получится толк. Но вскоре с огорчением убедились, что это была ошибка: хорошая фигура и стройные ноги — это еще не балет.

Ионесян же усмотрел в общем мнении иное: «игнорирование таланта», «зажим молодых». Склока, которую он давно затеял в театре, разгорелась с новой силой. Он писал кляузы в разные инстанции, выступал на собраниях, грозил руководителям театра «вывести на чистую воду». Дмитриева сделалась для него как бы щитом, прикрываясь которым он выпячивал и защищал себя.

Конфликт разбирали пять или шесть комиссий — районных, областных, республиканских. Вывод, однако, был один: Дмитриева не обладает не только дарованием, но

даже минимумом профессиональной подготовки. И второе: Ионесян в театре — явление вредное. Он и творческий театральный коллектив несовместимы. Незадачливо-го «борца за справедливость» уволили. Тогда он разыграл пошлую комедию: навзрыд плакал перед коллективом, просил восстановить, признавал, что ошибался, обещал быть другим...

Ионесян разжалобил — в который раз! — своих коллег. А когда добился своего, все началось сначала. Скоро весь театр по-настоящему взбунтовался. Ионесян решил уехать из Оренбурга. Кроме событий в театре, были к тому и личные причины. Жена давно требовала покончить с кляузами, жить по-людски: «Стыдно в театр показаться из-за твоих дрызг». Не знала она, что Ионесян давно уже решил найти себе спутницу, более для него подходящую.

Он убедил Дмитриеву, что зря они губят свои таланты.

— Кругом одни бездари. Мы тут ничего не добьемся. Надо выходить на другую, широкую дорогу. У меня в Иванове хударук музыкального театра — приятель. Давно зовет. Поедем, Алевтина. Честное слово, стоит. Там и Москва поближе, — уговаривал он.

— Но как же? У меня и денег на дорогу нет.

— Не беспокойся. Все беру на себя. До Москвы хватит, — Ионесян похлопал себя по карману, — а кроме того, вклад есть в сберкассе. И немалый. Двадцать тысяч с лишним. Да в столице две тетки родные живут.

— А как же Дея, твоя жена? — спросила Дмитриева.

— С ней у нас черепки врозь.

Ионесян развернул перед Дмитриевой заманчивую картину их будущих совместных блистательных успехов, ссылаясь на огромные связи не только в Иванове, но и в Ленинграде, в Киеве и даже в Москве. Совсем по секрету сообщил ей, что он почти закончил музыкальную комедию. И музыка и либретто уже одобрены руководством Союза композиторов. В общем, впереди открывались такие перспективы, что у Дмитриевой захватило дух.

Ночью они были на вокзале. Спешили так, что Ионесян забыл свой паспорт.

В поезде он, однако, помрачнел. Обдумать предстояло многое. Приятель в Иванове был не особенно близким. В Москве таковых вообще не было — один-два шапочных

знакомых. Теток в Москве тоже не существовало, как не значилось и денежного вклада в сберегательной кассе. А выдумке о музыкальной комедии он сам теперь удивлялся.

— Ты что, Володя, задумался? — спросила Дмитриева.

— Да вот прикидываю, у какой из тетушек остановиться? Ни ту, ни другую обижать не хочется.

— Тогда, может, поедem к моей родственнице? Она рада будет. Только ей какой-нибудь подарок придется сделать.

— Ну, за этим дело не станет.

Ионесян обрадовался. Он сходил в вагон-ресторан, принес бутылку вина. Ужин получился интимно-торжественный. А Ионесян думал, прикидывал, рассчитывал...

Именно ночью в стремительно мчащемся поезде, в купе, где безмятежно спала Алевтина Дмитриева, созрел у Ионесяна сатанинский план — как доставать деньги в Москве.

Евдокия Коренкова жадно оглядела объемистые чемоданы приезжих и приняла племянницу и ее жениха радушно, отвела им свою комнату, а сама перебралась в соседнюю, проходную. Вечером в узком домашнем кругу состоялся торжественный пир. Ионесян красноречиво рисовал планы: первым делом надо навестить тетушек, они ждут не дождутся, когда племянник почтит их своим визитом и освободит от бремени многих вещей, которые у них хранятся. Дмитриева и Коренкова слушали Ионесяна затаив дыхание. Хозяйка ставила на стол все новые угощения: и заливное, и грибы, и жареную курицу. Она из кожи вон лезла, чтобы угодить гостям, ведь и ей как пить дать перепадет что-нибудь из богатства, которым они скоро будут обладать.

Утром Ионесян ушел рано. Он долго колесил по городу, пока из окна троллейбуса не увидел новые дома. Район был еще не обжитый, а народу сновало много.

«Это удобно, не так заметен чужой человек», — подумал Ионесян и сошел с троллейбуса. Пройдя две остановки, завернул в спортивный магазин. Купил туристский топорик и пошел в глубь Азовской улицы.

В первую квартиру шел с отчаянным страхом. Спаз-

мы перехватывали горло, дрожали руки, когда нажимал кнопку звонка.

Но приветливость людей успокоила его...

В квартиру Коренковой он вернулся неестественно оживленный. По дороге прихватил две бутылки вина, закусок. Опять долго сидели втроем, угощались. Ионесян рассказывал о «тетушке», у которой был, многозначительно подмигивал женщинам:

— Ничего, крепкая старушенция. Кое-что она нам приготовит. Вот съездим в Иваново, и навещу ее опять.

— В Иваново? Мы уже должны уезжать? — удивилась Дмитриева.

— Да, Алевтиночка, съездим на день-два и вернемся. Друг-то мой ждет.

Ионесян, конечно, не сказал, что совсем другие причины вызвали это внезапное решение. Когда он шел из магазина, подростки, толпившиеся во дворе, подозрительно посмотрели на него и стали о чем-то шептаться. Этого было достаточно, чтобы от страха защемило сердце, и он тут же подумал, что надо на несколько дней уехать...

Ни на московских улицах, ни на вокзале, ни в поезде эта пара — прилично одетый мужчина с небольшим чемоданом и его молодая спутница в скромном пальто с меховым воротником — не вызывала никаких подозрений. В вагоне они разговорились с соседкой по купе — пожилой добродушной женщиной Федотовой. Принесли ей чай, угостили московскими конфетами. Рассказали, что они артисты, будут, вероятно, работать в одном из ивановских театров. Попутчице было лестно такое знакомство. Узнав, что супругам на первое время негде остановиться, она радушно пригласила к себе: «Поживите несколько дней у нас, мы с мужем вдвоем, а квартира большая».

Утром Ионесян и Дмитриева направились в театр музыкальной комедии. Знакомый Ионесяна удивился этой встрече, но посмотреть артистическую пару, хоть и не слишком охотно, согласился. Они вместе и порознь пели какие-то куплеты, пританцовывали. Дмитриева попыталась даже продемонстрировать кабриоль, только тут же споткнулась.

Отведя худрука в сторону, Ионесян спросил:

— Ну как?

Тот, опустив глаза, проговорил:

— Сейчас тороплюсь на репетицию. Заходи завтра, потолкуем...

Но Ионесян уже догадался об ответе. Он проводил Дмитриеву на квартиру и пошел побродить по городу, «встретиться кое с кем из знакомых». Бродил он не бесцельно, выискивал — куда направиться, где найти во что бы то ни стало найти деньги.

Домой вернулся к концу дня. Вернулся, совершив тяжкие злодеяния.

В квартире Федотовой он весело балагурил. Накинул на плечи Дмитриевой пуховый платок. Попытался подарить хозяйке какой-то шарф.

— Шел мимо базара, купил по дешевке, берите.

Та благоразумно отказалась:

— Спасибо, у меня есть все, что нужно.

Ионесян настаивать не стал и бросил шарф в чемодан. С аппетитом обедал, пил водку. Только часто прикрывал рукой глаза, боясь, чтобы хозяйка или сожительница не заметили его состояния. После обеда, отозвав Дмитриеву в прихожую, объяснил ей, что надо немедленно ехать в Москву:

— Вызывают по срочному делу. Сюда вернемся. В театре мы, кажется, понравились.

До ближайшей пригородной станции они шли пешком. В кассу за билетами Ионесян послал Дмитриеву. Сели в разные вагоны. Все это удивляло Дмитриеву, но Ионесян многозначительно объяснил ей:

— Так лучше. У меня, оказывается, есть враги.

Этого «объяснения» было достаточно, чтобы Дмитриева успокоилась.

И вот Ионесян и Дмитриева снова в Москве. Они редко покидали свое пристанище, на улицу почти не выходили, не пользовались метро, автобусами, троллейбусами. Но когда с московских улиц спадал людской поток, рабочие вставали к станкам, ученые склонялись над приборами, студенты занимали аудитории, Ионесян, глубоко нахлобучив на лоб шапку, обходил один за другим дома, подъезды, прицеливался к одной, другой, третьей квартире.

В один из вечеров он с таинственным видом объяснил Дмитриевой, что ему пришлось прибегнуть к «вынужденной мере» — разделаться с одним из тех, кто его — Ионесяна — неотступно преследовал. Его подруга деловито выстирала в ванне окровавленные перчатки Ионе-

сяна, обмыла туристский топор. Она не могла не догадаться, что Ионесян совершил этим топором убийство, что он не зря прячется от людей. Дмитриева слышала, знала, что в Москве ищут бандита...

Знала это и Коренкова. Увидев выстиранные перчатки, она было подумала, что не все ладно с ее жильцами. Но взяла верх та, прежняя мысль: как бы не прогадать, не просчитаться и побольше выморочить у своих постояльцев барахлишка.

Вот хотя бы эта кофта, что на Дмитриевой. Надо, пожалуй, выпросить. И шарф хорош. А скоро Ионесян обещал принести поклажу и поценнее. Сегодня вон принес почти повенький телевизор, значит, будет и ей чем поживиться.

Обед был праздничным. Сосед принес аванс в счет уплаты за телевизор, и Коренкова уже два раза ходила в ближайший гастроном то за спиртным, то за закуской. Она умилялась, как любит Алевтину Володя, как балует ее, на руках носит по комнате.

Вечером они провожали Ионесяна. Он уезжал из Москвы на несколько дней. Сначала заедет в какой-то город, кажется, в Шую, что ли, чтобы получить с приятеля долг, а оттуда — в Казань. Там и встретит Алевтину.

План был выработан сообща и продуман в деталях, со всеми предосторожностями.

Прощаясь, Ионесян наставлял женщин:

— Вы только не проговоритесь кому-нибудь, где я. Иначе мне это повредит. А в Казани я тебя, Алевтина, встречу.

Алевтина Дмитриева все уяснила. Что до лжи, то она оказалась еще способнее Ионесяна.

— Вы знали, чем занимается Ионесян?

— Как чем? В Москве он ездил к тетушкам, а в Иванове мы устраивались на работу в театр.

— Почему же вы из Иванова уезжали украдкой, садились на поезд с пригородной станции?

— Володя сказал, что его кто-то преследует.

— Кто мог его преследовать?

— Какие-то враги.

— А что вы думали о вещах, которые он приносил?

— Но я же говорю вам, что он приносил их от тетушек.

— Это в Москве. А пуховый платок, шарф в Иванове?

— Он их купил по пути домой.

— Но ведь вы знали, что у него почти нет денег?

— У Володи везде друзья. Он мне говорил, чтобы о деньгах я не думала. Я и не думала.

Конечно же, она понимала, каким промыслом занимается сожитель. Если не сразу, не в первые дни пребывания в Москве, то уж в Иванове ей это стало совершенно ясно. Однако Дмитриева спокойно прятала в чемоданы принесенные вещи, и они вместе деловито прикидывали, сколько можно за них выручить. Она считала, что с Ионесяном она может жить весело и беззаботно. Не содрогалась, сидя за столом рядом с убийцей, к ней прикасались его руки, едва отмытые от человеческой крови. Омерзительное чувство вызывала эта женщина.

Приговор о смертной казни Ионесяну, длительном тюремном заключении Дмитриевой и высылке из Москвы Коренковой был встречен общим одобрением. Но взволнованные звонки в судебные инстанции прекратились только тогда, когда газеты опубликовали сообщение, что приговор Ионесяну об исключительной мере наказания — расстреле приведен в исполнение.

ЯШКА МАРКИЗ ИЗ ЧИКАГО

Чикаго в программу нашей поездки по США не входил, в нем предполагалось лишь сделать короткую остановку. Поэтому в посольстве в Вашингтоне решено было не обременять хлопотами чикагскую мэрию, тем более что прилетим мы в город в воскресенье.

Мои спутники — журналист Виталий Прохоренко и инженер-строитель Андрей Ратников — в Америке находились не впервые, и каких-либо трудностей пребывания в незнакомом городе мы не предвидели.

— Посмотрим город, переночуем — и на аэродром. Вот и вся программа.

Мы расположились в одном из многочисленных залов аэропорта в широких ярко-оранжевых креслах и обсуждали, куда и как поехать, что в первую очередь посмотреть. Хотя и небольшой была группа, а интересы оказались разные. Один обязательно хотел увидеть знаменитые чикагские бойни, другой — аквариум Шеда, третий предлагал пешком пройти всю чикагскую набережную, тянувшуюся по берегу Мичигана, а потом, если хватит

сил и времени, осмотреть другие достопримечательности города.

За оживленным разговором мы не сразу заметили, что около нас кружит пожилой толстый человек.

Виталий Прохоренко первым обратил на него внимание и в раздумье сказал:

— Удивительно знакомая физиономия. Где-то я ее видел, но где — вспомнить не могу.

— Может, случайное сходство, — предположил Ратников.

— Не думаю. Но если сходство, то поразительное.

А неизвестный все кружил, вился возле наших кресел. Прохоренко наконец не выдержал и громко сказал:

— Вы не находите, что место для моциона выбрано вами не очень подходящее?

Человек, видимо, только и ждал, чтобы к нему обратились. Он торопливо направился к нам.

На вид ему было лет шестьдесят. Держался он нервно, как-то суетливо, белесо-голубоватые глаза глядели напряженно.

Торопливо поздоровавшись, он объяснил:

— Услышал родной говор, и вот... Извините, пожалуйста, Яков Черновец. Тоже... из России...

— И давно? — с интересом вглядываясь в лицо Черновца, спросил Прохоренко.

— Давно, очень давно. Мальцом еще, с родителями, — скороговоркой ответил Черновец и стал угощать всех сигаретами. Прохоренко предложил ему «Беломор», и Черновец, прикурив папиросу от своей сигареты, с удовольствием затянулся. Потом спросил, обращаясь сразу ко всем: — Ну, как там у вас?

Прохоренко усмехнулся и иронически ответил:

— У нас все в порядке. А как у вас?

— Тоже все о'кэй, все отлично.

— Ну вот и прекрасно. Обмен исчерпывающей информацией состоялся. Что дальше? Как видно, вы хотите задать нам кучу вопросов, но, извините, мы намерены посмотреть город...

— Очень хорошо. Я покажу вам все в самом лучшем виде. И в отличный ресторан отвезу, и в отель... Автосервис обеспечиваю.

Мы переглянулись. Суетливость старика, какой-то помятый, неопрятный вид не располагали к общению. Но обидеть его тоже не хотелось. Мы смотрели на Прохо-

ренко. Ему, как самому бывалому, предстояло решить за всех, как быть.

Виталий пожал плечами, как бы говоря: а что мы, собственно, теряем? И решительно встал с кресла.

Черновец шел впереди. Его широкие, изрядно потрепанные брюки мелькали то среди модных женских «платформ», то среди здоровенных мужских кед и затасканных джинсов. С трудом перейдя широкую магистраль, по которой бесконечным стадом неслись автомобили, мы добрались наконец до стоянки, где такое же стадо машин отдыхало. Черновец остановил нас на краю площадки, а сам ринулся в глубь автомобильных джунглей. Вернулся только минут через сорок. Мы уже стали подумывать, что он сгинул совсем, когда хриловатый автомобильный сигнал совсем рядом заставил нас вздрогнуть. Черновец улыбался своим частоколом белых искусственных зубов и призывно махал нам рукой. Лимузином его колымагу можно было назвать с большой натяжкой. Двадцатилетней давности «форд», старомодный и обшарпанный донельзя, даже по гладкой, отполированной магистрали гремел так, будто за ним тащился десяток прицепленных консервных банок.

— Ну и «антилопа» у вас, — скептически заметил Прохоренко. — Даже у Остапа Бендера и то было что-то более современное.

— Сообща содержим. Ну, а общее есть общее, не свое.

— Сообща? С кем же?

— С напарником, — неопределенно пояснил Черновец и нажал на акселератор. Нам показалось, что консервных банок на привязи прибавилось по меньшей мере вдвое.

Прохоренко, сидевший рядом с Черновцом, оглянулся на нас, как бы спрашивая санкции на решительный разговор, а затем обратился к старику:

— Вы все-таки скажите: кто вы и что вы? Надо познакомиться. Иначе нам как-то не с руки пользоваться вашей любезностью.

Черновец молчал. Затем вздохнул и тихо проговорил:

— Все о'кэй, товарищи. Я есть тот, кем и представился. Яков Семенович Черновец. Работаю здесь, в Чикаго, в муниципалитете.

— Мэр или одним из его советников?

Черновец покосился на Прохоренко и со вздохом ответил:

— Любят же в России пошутить. Ох, любят. Гарбичмен я. Гарбичмен.

— Гарбичмен? Это что за профессия? — Ратников спрашивал Прохоренко.

Тот после секундной паузы ответил:

— Мусорщик. Так ведь, господин Черновец?

— Ну и что? Каждый труд почетен. Ведь у вас так считается?

— Так-то оно так. Только не очень-то вы преуспели за океаном, не очень, — беспощадно заметил Прохоренко. — Ну, а родители? Они как?

— Не знаю, поди, и в живых-то уже нет.

Мы переглянулись, удивленные, а Черновец, чтобы уйти от разговора, начал подчеркнуто оживленно рассказывать о городе:

— Обратите внимание, господа-товарищи, мы уже на подступах к центральным районам Чикаго. Вот проскочим эту авеню и будем на проспекте, который тянется по берегу Мичигана. Это уже центральный квартал города.

Прохоренко спросил:

— А здание страховой компании цело?

— Не знаю, право. А что, оно чем-то знаменито? — спросил Черновец.

— Ну как же, один из первых небоскребов в Америке.

— Да? А я и не знал.

Настроение у нас между тем было сумрачным. Кто он, этот Черновец? Что за человек? И зачем мы связались с ним? Чикаго все-таки есть Чикаго. Здесь немало темных мест, закоулков, где случаются любые происшествия.

А Черновец все возил нас с одной улицы на другую, автомобиль ловко нырял в тоннели, выруливал на обзорные площадки набережной, пробирался то к одному, то к другому небоскребу. Остановившись около массивного серого здания, Черновец проговорил:

— Один из известнейших музеев. Говорят, интересно. Походите пока там, а я колымагу заправлю. Не возражаете?

Мы не возражали, и Черновец отправился на заправку.

Чикагский естественноисторический музей. Законная гордость не только города, но и страны. Здесь собраны уникальнейшие коллекции фауны и флоры, редчайшие исторические реликвии. С увлечением переходя из зала в зал, мы совершенно забыли о своем гиде. А когда вышли и увидели его, снова возник вопрос: «Что же все-таки это за тип?»

Прохоренко, отвечая на наш немой взгляд, проговорил:

— А черт его знает! Поглядим — увидим. Ничего дурного, я думаю, он не замышляет. Да и не дадимся мы в случае чего.

— А по-моему, просто ностальгия у него. Услышал родной язык, вот и прилепился, — предположил Ратников.

— Может, и так. Может, — согласился Прохоренко. — Но кого-то мне он, этот Черновец, напоминает. А вот кого — понять не могу.

— Программа остается без изменения? — уточнил Черновец. — Чикагские боины?

Мы подтвердили свою заявку, и лимузин, гроыхая своими расхлябанными частями, ринулся на юго-западную окраину города.

Громадные скотопригонные дворы чикагских боен, куда ежедневно десятки специальных железнодорожных составов подвозили гурты скота из Техаса, Миссури и других штатов, оказались зрелищем впечатляющим. Уставшие, ошалевшие от мычания, рева, блеяния животных, от грохота и шума разнообразных машин и агрегатов, мы с облегчением вышли под чикагское небо. Оставался последний пункт дневной программы — посещение аквариума Шеда. Там, наглядевшись на акул, скатов, осьминогов и других обитателей океана (их в аквариуме собрано что-то около десяти тысяч экземпляров), мы поехали на Мичиган-авеню и скоро уже сидели в небольшом ресторане. Черновец старательно выбирал нам американские блюда.

— Стейк, и только стейк, — заявил он. — Хороший, полновесный стейк, что может быть лучше?

Возражающих не было, и здоровенные, хорошо поджаренные куски мяса подтвердили восторженные рекомендации нашего гида. Потом разговор завертелся вокруг впечатлений дня — дорог, автомобилей, архитектуры чикагских небоскребов, помещения боен, аквариума...

— Вот жаль, что по Мичигану не покатались. Там ходят отличные прогулочные катера. А какой вид на город открывается! — сокрушался Черновец.

— Ничего, наверстаем в другой раз. Вы бы, Яков Семенович, все-таки рассказали о себе. Вот приедем в Москву, будем делиться впечатлениями. А о человеке, который возится с нами целый день, ничего не знаем.

— А может, сначала расскажете вы? — Черновец поднял голову.

— Что ж, постановка вопроса законная. — И Прохоренко быстро обрисовал каждого из нашей немногочисленной делегации. Потом проговорил: — Очередь ваша, Яков Семенович.

Черновец невесело усмехнулся:

— Вот русская натура. И своя душа нараспашку, и чтобы чужая тоже. Да? Скажете, не так? — Потом добавил: — Здесь все иначе. Все по-другому. Да. Вот именно. По-другому.

Может быть, ужин так и закончился бы этим неспешным, малозначительным разговором, если бы не бутылка «Столичной», которую Прохоренко вытащил из своего объемистого портфеля, присоединив к ней еще и баклажку рижского бальзама.

— Неприкосновенный запас, берег для встречи с друзьями в Нью-Йорке. Ну да уж ладно, «раздавим» в честь встречи с соотечественником, — проговорил он, ставя бутылку на стол.

Черновец оживился, взял бутылку в руки, осторожно разглядывал ее, будто какую-то ценность.

— Что, давно не пробовал? — спросил Ратников.

— Давненько.

— Не по средствам?

— Нет, почему же? Просто предпочитал другие напитки.

— «Белую лошадь», «Джонни Уокер» или еще что-либо?

— Когда что придется.

После двух рюмок Черновец вдруг стал ершистым, задиристым, неумно разговорчивым, его потянуло на спор. И к месту и не к месту он повторял, как заклинание, одну и ту же фразу:

— Надо видеть главное. А главное, что я свободен, понимаете, свободен.

Мы поняли, что эта мысль для него почему-то очень важна, и Прохоренко подхватил:

— Вы свободны? В чем же? Объясните. — И сам все пристальнее и пристальнее приглядывался к собеседнику, а вопросы ставил все прямее, категоричнее.

— Как в чем? Да во всем. Могу делать что хочу, ехать куда хочу, заниматься чем мне нравится. Любое дело, любое занятие — пожалуйста. Вот захочу и куп-

лю этот отель, этот ресторан, и никто мне этого не запретит.

— А вот тот небоскреб вы бы не могли купить? — Прохоренко показал на сияющую огнями сорокаэтажную махину.

— А что, могу и небоскреб. Свобода предпринимательства — это, знаете ли, вещь...

— А почему же до сих пор не купили? Может, не нравится? — Так как Черновец молчал, Прохоренко напористо продолжал: — Кто же вы, Яков Черновец? Может, замаскированный миллионер? Владелец фирмы «Сви́фт энд К^о» или одного из металлургических заводов в Гэри?

Черновец тяжело вздохнул и через силу проговорил:

— Мог бы делами ворочать, мог бы. Только вот не повезло. А мог бы, мог... — И столько было сожаления, отчаяния в этих словах, что мы переглянулись. А Прохоренко саркастически усмехнулся:

— Ничего, старина, не грустите. Вы еще свое возьмете. При такой свободе предпринимательства можете не только этот небоскреб, а весь Мичиган в карман положить при случае.

— Вы все шутите, а я всерьез говорю: эта сторона американской жизни — великое дело. И что ни говорите, а отсутствие свободного бизнеса — слабое место Советов. Да, да. Это я утверждаю категорически. Коммерческому таланту дороги у вас нет.

— Ну почему же нет? Сфера приложения любого таланта, в том числе и коммерческого, у нас неограничена. Дерзай. Если, конечно, не только для собственного кармана, а и для всех. Для общего блага.

— Вот видите! Для всех. А какое мне дело до всех? Пусть каждый печет свой пирог, как умеет. Лозунг-то бросили: каждому — по способностям, а на деле так не получается.

Прохоренко пожал плечами:

— Ну, вам надо элементарную политграмоту читать. Как-нибудь в другой раз я это сделаю.

— Нет-нет. Тут вы меня не разубедите. Потому как знаю я эту проблему досконально. Вот было у вас дело Крюкова. Здешние газеты очень много писали о нём. Зачем таких людей под корень? Ведь способные, талантливые бизнесмены. Очень это огорчительно.

Прохоренко уточнил:

— Не всех. Только основных заправил, заядлых уголовников Крюкова и Серого. Остальных не тронули.

— Ну что вы говорите такое? Я же читал.

— Не знаю, что вы читали, я же говорю вам истинные факты. Все участники крюковской «фирмы» живы и здоровы. Жив и здравствует, как мы видим, и гражданин Клячковский, или Яшка Маркиз, как вас называла вся крюковская шарага. А теперь вы, значит, Черновец? Интересная метаморфоза. Не находите, дорогой Маркиз?

Слова Прохоренко не только для Черновца, но и для нас прозвучали как выстрел. Черновец же сидел, онемевший, растерянный, словно рыба, вытащенная на берег, ловил ртом воздух. А Прохоренко, с прищуром наблюдая за ним, продолжал:

— Вот вы, оказывается, где окопались, Яков Семенович. Очень, очень интересно. Как же вы здесь оказались? Может, расскажете? Будет очень интересно послушать. — И, обращаясь к нам, Прохоренко пояснил: — Из всей многочисленной «артели» Крюкова, о которой печется и которую хорошо знает наш знакомый, следственные органы не смогли обнаружить двух или трех человек, в том числе Якова Семеновича Клячковского, или Яшку Маркиза, как звали его компаньоны. Искали по всем городам и весям, но тщетно, как в воду канул.

— И что, этот Клячковский, или, как ты его называешь, Маркиз, был крупной рыбой в том омуте? — спросили мы почти одновременно у Прохоренко.

— Один из основных кредиторов фирмы. Ссужал ее дензнаками, скупал камушки и дорогие металлы. Очень нужен был Яков Семенович, очень, но, как видите, оказался в краях очень отдаленных, за океаном. Кто бы мог подумать!

Черновец наконец обрел дар речи и глухо, с трудом сдерживая голос, заговорил:

— Да вы что? С ума сошли? Я Черновец Яков Семенович. И никакой не Клячковский. Понятно вам? Проживаю в Соединенных Штатах. Вы, знаете ли, того, говорите, да не заговаривайтесь. А то я быстро сообщу куда следует. Мы люди здесь, знаете ли, свободные. Это вам не Москва. Надо же, что придумали!

Прохоренко с усмешкой посмотрел на Черновца и позвал официанта.

За столом воцарилось тягостное молчание. Молчал Черновец, молчали и мы, не зная, о чем говорить. Потом

Ратников, положив руку на колено Прохоренко, проговорил:

— Ты, Витя, извинись перед господином. Ошибки во всяком деле могут быть. А тут дело такое... — И, обращаясь к Черновцу, сказал: — А вы не обращайтесь внимания. Выпили мы, ну и сказал товарищ лишнее. Мы ничего плохого против вас не имеем. В общем...

Прохоренко не дал ему договорить:

— Ошибки здесь никакой нет. А вы, Клячковский, и упорствуете зря, и испугались напрасно. Думаю, что вам неизвестно особое частное определение суда по вашему делу.

— Особое? Частное? О чем же? — Черновец весь подался вперед.

— Оно звучит примерно так: в случае явки граждан таких-то и таких-то (ваша персона в том списке) и сдачи ими государству ценностей, полученных в результате незаконных операций, суд учтет это при разбирательстве. Так что вам, Маркиз, большой угрозы нет, а потому есть над чем подумать.

Черновец, однако, вернулся к прежней игре:

— Ну, это меня не интересует. Вы скажите это тому, кого это касается.

— Да бросьте вы городить чепуху.

— А какие все-таки у вас основания именовать меня, как именуете, и причислить к крюковскому делу? Какой я дал повод для таких подозрений?

— Могу объяснить, Яков Семенович. Все очень просто. Еще на аэродроме, как только мы увиделись, я все время ломал голову: где я вас встречал? Однако припомнить не мог. Когда же вы заговорили о деле Крюкова, в памяти всплыл ваш фотопортрет из того объемистого дела.

— Никакого отношения я к этому объемистому делу не имею. Но о людях тех скорблю. Невинно пострадали. Такие дела по нашим американским законам неподсудны.

— Подсудны, Яков Семенович, подсудны. И по американским законам тоже. Незаконные валютные операции. Контрабандная скупка золота, бриллиантов... Скорбеть не надо. Я ведь вам уже объяснил.

— Свежо предание, а верится с трудом. Так ведь сказал какой-то писатель, — прошептал Черновец.

— Даже русских классиков забыли. Быстро же вы стряхнули пыль отечества.

Черновец побледнел, хрустнул неопрятными, огрубевшими пальцами.

— Вы... не говорите так. Я, может, и беглый и отщепенец, по вашим понятиям, но землю-то свою помню.

— Что-то незаметно, — непримиримо проронил Прохоренко и, обращаясь к нам, предложил: — Пойдемте спать. Надо встать пораньше и вовремя добраться в аэропорт.

— А мои услуги уж не нужны?! — не поднимая головы от скатерти, хрипловато спросил Черновец.

— Обойдемся без помощи «маркизов» и разных там свободных предпринимателей. Сенькью, господин Черновец.

Прохоренко встал из-за стола. Мы встали тоже и, наскоро попрощавшись со своим незадачливым гидом, ушли в номер. Там у нас развернулись бурные прения. Мы дружно обвиняли Прохоренко в горячности, необдуманности и даже грубости. Так оскорбить человека, заподозрить черт знает в чем! Пусть он перебежчик, когда-то оставил родину, но, чтобы приписать ему такое, надо все же иметь основания.

Прохоренко, однако, был непреклонен:

— Прежде всего он не кто иной, как Клячковский, я убежден в этом так же, как в том, что вижу вас. Помню, отлично помню фото с его физиономией. Да нет, я абсолютно уверен, что это Маркиз. Вот только не пойму, как он здесь оказался?

— Пригревают его, по-моему, не очень-то тепло, — заметил Ратников.

— Вот именно. И это тоже загадка. Сюда он подался наверняка не с пустым карманом. Почему же такой пассаж? Далеко не последний воротила в фирме Крюкова, ссужавший средствами ее в тысячных исчислениях, скупщик-перекупщик, и вдруг... уборщик чикагских улиц?

Загадок, в самом деле, было много, и, может быть, они так и остались бы загадками, если бы Черновец не появился вновь. Мы уже укладывались, когда он постучал в номер:

— Прошу извинить. Я не очень надоел? Хочется все-таки закончить наш разговор. Не возражаете?

Мы не возражали, но и не жаждали продолжать это знакомство, хотя истину все-таки хотелось узнать. Войдя в номер, Черновец молча расставил на столе банки с кока-колой и проговорил:

— Прошу угощаться. Холодная.

Молча мы открыли по банке, молча пососали сладковатую жидкость. Прохоренко спросил:

— Что-нибудь новое сообщить хотите?

Черновец помедлил, отпил два глотка из банки и ответил вопросом на вопрос:

— А можно у вас узнать, откуда вам так хорошо известна крюковская история?

— Могу удовлетворить ваше любопытство. Я писал отчеты о процессе. И естественно, досконально знаю все перипетии дела. Знаете, профессиональная память журналиста.

— Ясно, спасибо. А я думал, может, вы...

— С Петровки? Нет-нет. Успокойтесь. И потом, я же объяснил, что вам, в сущности, бояться уже нечего.

— Если бы так, если бы так!

Прохоренко встал с кресла, подошел к Черновцу:

— Я не следователь и не прокурор, к этим делам имею отношение лишь по роду своей журналистской профессии. Но разбираюсь в них неплохо. Вы приняли за чистую монету то, что сообщала о процессе Крюкова иностранная пресса. Но факт остается фактом: все ваши сподвижники, кроме Крюкова и Серого, уже на свободе. Это так же точно, как то, что мы сидим с вами в отеле на Мичиган-авеню. Так что бежали вы, Яков Семенович, в сущности, зря...

— Что, и Лысюк тоже на свободе? И Абрамович, Дьяконов? Но ведь они были фигурами...

— Мозговой центр фирмы. Это известно. Но справедливости ради скажем так: Маркиз тоже не из рядовых.

Наступила пауза. Затем Ратников еще раз констатировал уже очевидное:

— Выходит, Яков Семенович, что Маркиз — это все-таки вы?

Черновец вздохнул:

— Выходит, что так. Раз попал впросак, крутить ни к чему. Говорил себе не раз: не лезь, дурак, на аэродром да на вокзал. Нет, не удержался. И вот результат.

— Нас вам нечего опасаться. В СССР мы вас не возьмем, если бы вы даже того и захотели.

Как мы ни были утомлены перелетом, впечатлениями дня, всей этой кутерьмой, рассказ Маркиза о его «жизненном вираже», как он сам выразился, мы слушали с интересом.

— Когда я узнал, что арестован Серый, а потом и сам

Крюков, я решил: Яков Семенович, баста, хватит, пора убирать ноги.

Не одного года жизни мне все это стоило. Как вспомню — и сейчас оторопь берет. Знай бы я раньше, никогда бы не решился на этот шаг. Через месяц с чем-то после многих и многих мытарств, как самый последний беспризорник, высадился я на берег Соединенных Штатов. Ну, думаю, все, Яков Семенович, кончились твои муки, начинай теперь новую жизнь. Хотя почти без языка ты, в лохмотьях и вид у тебя — хуже любого люмпена, но есть среди твоей хламиды кое-что стоящее. Как удалось сохранить эти ценности, говорить не буду: совестно. Но сохранил. Ни таможенная служба, ни портовая полиция, ни всякие иные полицейские чины не смогли вскрыть моих ухищрений. Уж какой там народ дошлый да опытный, а не смогли. И вот наконец у меня хотя и временный, но вид на жительство. И работешку кое-какую отыскал: ведь когда-то я техником-строителем был. Взяли меня в одну фирму, что строила пакгаузы. Сторожем при складах устроился. Все ладно, но в мыслях я постоянно у главной своей цели был: надо камешки, что припрятаны, в дело пускать. Привез-то я их всего три штуки, но они доброго десятка стоили. Уж я-то в них толк знаю. Исподволь, осторожно стал нащупывать пути-дорожки, как их в реальные денежные знаки превратить. Дело, сами понимаете, непростое, не пойдешь в любой магазин и не скажешь: купите у меня бриллианты. А мои камешки были еще почище иных бриллиантов — два сапфира да изумруд. Да какие! Редчайшие камни. Купил я их когда-то у одного богатого туриста с Востока за баснословные деньги. И каким бы специалистом и в Москве и в Одессе ни показывал — слышал и видел лишь восторг и удивление. Постепенно нащупались эти самые пути, чтобы, значит, камешки сбыть. Познакомился я с диспетчером площадки, где работал, неким Джоном. Рыжий, разбитной такой верзила, моряк в прошлом, в Мурманск в войну ходил. Даже несколько слов помнил по-нашему: «рус», «вотка», «корош». Долго приглядывался я к нему. Наконец решился. Объяснил, в чем моя нужда. Обещал он мне все устроить. И действительно, вскоре повез меня на одну из центральных улиц Чикаго в фирменный ювелирный магазин. Зашли мы, осмотрелись. Магазин вполне достойный, шикарный даже. Хозяин и помощник в белых халатах с нарукавниками. В витринах драгоценности мерцают. Познакоми-

лись, условились о новой встрече. Она состоялась через день. Показал я камешки. Хозяин головой качает: редкий, мол, товар, деньги большие стоит. Цену назвал настолько подходящую, что я и спорить не стал. Безбедно, думаю, проживу до конца дней своих. Потом он говорит извинительно: «Надо вызвать экспертов из фирмы и из банка, таков у нас порядок. Формальность, в сущности, но ничего не сделаешь, правила есть правила. А пока вот виски, вот содовая». Посидели мы так с полчаса. Приехали на огромном «бьюике» два солидных господина. Начали в лупы рассматривать камни. Долго вертели их так и этак. А потом один говорит:

«Подделка, отличная, совершенная, но подделка».

Второй ему поддакивает:

«Безусловно, подделка. Голландская работа».

Вы понимаете мое состояние? Будто обухом по голове ударили. Вскочил я, говорю им:

«Вы что, господа, белены объелись? Лучшие московские ювелиры проверяли эти камни. С Востока они, с Востока. Я вам гарантии даю, что они подлинно драгоценные. Какая тут подделка? Чепуху вы, извините, городите».

Эксперты, однако, ни в какую. Подделка — и все. Шуметь начинаю, доказывать. Не помогает. Суют мне в руки мои камешки и настойчиво подталкивают к двери. Джон сначала тоже на меня набросился, материть стал, дескать, зачем его впутал во всю эту историю. Потом пообещал: завтра, мол, в другую фирму подадимся, их в Чикаго много.

Пришел я в закуток в портовой общаге сам не свой. Сижу, не знаю, что и подумать. Не спал всю ночь. А утром при дневном свете стал рассматривать свое богатство. И тут уж, знаете, совсем мои ноги подкосились. И как я это раньше не заметил. Камни-то не мои. Свой-то я знал досконально. И изумруд, и сапфиры сочности цвета и чистоты необыкновенной, будто в морские глубины или в небеса смотришь. А эти яркие, чистые, как вода, чистые, да не живые, сделаны искусно, но с настоящими изумрудами или сапфирами и рядом не лежали. Ринулся я к Джону — по соседству жили — отсутствует. Помчался на эту самую Третью авеню — никакого ювелирного магазина там и в помине нет. Дом-то нашел, в точности он, но бакалейная лавка там всего-навсего, и хозяин другой. Опять к Джону мчусь. Нету. В офис пакгаузов по-

дался. И что же оказывается? Уволился Джон! Да! Вы понимаете? Сегодня уволился. Ну, думаю, хана тебе, Черновец, влип ты, как муха в кисель. Понял окончательно, что провели меня, что называется, по всем правилам шулерского искусства. Бросился в полицию. А там только того и ждали. Вопрос за вопросом. Кто ты, Черновец? Откуда камни? Где взял? Показал я им то, что мне жулики всучили. Вопросов еще больше. Искали они в это время какую-то шайку, торговавшую фальшивыми драгоценностями, и подумали, что зацепили одного из ее участников. Поехали на Третью авеню. «Вы говорите, что здесь заходили в ювелирный магазин? Но такого здесь никогда не было. Ты, парень, того, ври да не завирайся, а то тебя мы от этого недуга живо вылечим». Задержали меня, два месяца все пытались выяснить, кто мои соучастники и где они. Наконец выпустили. Вышел из тюрьмы без денег и без камешков. Даже фальшивые, что мне жулики всучили, и те отобрали. Работу потерял, жилье тоже. Что делать? Стал мотаться по Америке. С запада на восток. С востока на запад. Все хотел встретить своего бывшего сослуживца Джона. Все познал — и голод, и холод, и каталажки. И это в мои-то годы. Одним словом, не приведи господи. Ну, а потом опять сюда вернулся, в Чикаго. Кое-как устроился компаньоном к одному старику. Он всю жизнь в этом квартале... Ночью улицы убираю, а днем на аэродром или вокзал езжу... Издали на вас, соотечественников, посмотрю да говор родной послушаю, и как-то легче становится.

Тусклое чикагское солнце пробилося наконец сквозь свинец неба и робко заглянуло к нам в номер. Пора было ехать в аэропорт. Не сговариваясь, все поднялись, наскоро собрали нехитрые пожитки и молча вышли на улицу. В машине тоже молчали. Наконец Ратников произнес:

— Черт его знает, как порой невероятно складываются судьбы людские...

Прохоренко, однако, возразил:

— Вы что-то не то говорите, коллега. Судьба, по-твоему, это что ж, от бога, от всевышнего? Чепуха это. Судьбу свою делает сам человек.

— Все это, конечно, верно. Только бывают и исключения. Что, например, можно посоветовать Якову Семеновичу в его ситуации? Я лично такой совет дать не берусь.

Прохоренко пристально, в упор посмотрел на Черновца и не спеша ответил:

— А я берусь и убежден, что прав. Надо гражданину Черновцу — Клячковскому пойти в советское консульство, обрисовать все, как оно было, и слезно попроситься домой. Повинную голову меч, как известно, не сечет. Ведь государство наше гуманное, оно простит, если с ним по-честному...

Маркиз покосился на Прохоренко, хотел сказать что-то, но промолчал.

После знакомства с Маркизом в Чикаго прошло несколько лет. Уже стали тускнеть впечатления, все реже при встречах мы восклицали: а помнишь, а помнишь... Но вот совсем недавно позвонил Прохоренко и буквально потребовал, чтобы вечером непременно были у него.

— А почему, собственно? Что случилось?

— Вспомним поездку в США.

— Ну, когда это было.

— Ничего, приезжайте, освежим кое-что в памяти.

Встретил нас сам хозяин — в белом фартуке, перепачканный мукой, пахнущий луком и какими-то специями.

— Проходите... располагайтесь как дома. А я еще минут десять провожусь с пельменями, потом присоединюсь.

Все было отлично — и закуски, и пельмени, и все прочее. Но хозяин что-то темнил, то и дело поглядывая на дверь. И когда в передней раздался звонок, он опрометью бросился туда. Вошел он через минуту или две сияющий, довольный, ведя за руку... Черновца.

— Вот представляю вам нашего чикагского гида. Когда-то Яшка Маркиз, один из кредиторов фирмы Крюкова и К^о, затем жертва чикагских мазуриков, а отныне вновь полноправный гражданин нашей страны Яков Семенович Клячковский.

Якова Семеновича было трудно узнать. Опрятно одетый, чисто выбритый... Только впалые щеки, почти совсем выцветшие глаза и совсем уже редкий венчик волос напоминали того, чикагского Черновца. Мы, конечно, набросились на пего и на Прохоренко с расспросами.

Прохоренко поднял руку. В обычной своей немногословной, сдержанной манере проговорил:

— Излагаю тезисно. Яков Семенович внял нашим советам, раскаялся, попросился домой. Незадачливому гост-

ролеру пошли навстречу. Ну, мы тоже помогли чем могли. Предваряя вопросы, сообщаю, что камешки, спрятанные в тайнике, сданы государству, о чем я и уведомляю официально.

Когда уже съели и выпили все, что было на столе, Клячковский задал вопрос, который мучил не его одного:

— Все мне ясно, ну буквально все. Но как вы, товарищ Прохоренко, догадались, что есть у меня эти самые камешки в тайнике? Ведь знал-то о них только я сам и ни одна душа больше!

— Интуиция, Яков Семенович, интуиция. Знаю я вашего брата. Без запасных норок на черный день вы не можете. Нет, не можете. Такая уж психология разных там дельцов, валютчиков и прочей нечисти.

Черновец даже поперхнулся от таких нелестных слов. А Прохоренко рассмеялся:

— Вы-то мои слова на свой счет не принимайте. Вы же к этой категории принадлежали в прошлом.

— Да, да, конечно, — торопливо согласился Маркиз.

— А тебе, Виталий, не приходила в голову мысль переменить профессию? — спросил Ратников.

Прохоренко усмехнулся:

— Нет, не приходила. Мне своя нравится. Сколько дорог, сколько встреч. Самых разных. А порой и вмешательство в судьбы людские. Ну сами посудите: вернуть вот такого прощелыгу на стезю добродетели — разве это не стоящее дело?

— А надолго ли вернули-то вы его? — скептически спросил Ратников.

Прохоренко с умешкой посмотрел на Клячковского:

— В случае чего, поступлю, как Тарас Бульба с Андреем.

Клячковский встал из-за стола, одернул пиджак и с нотками сдерживаемой торжественности произнес:

— Яшка Маркиз, то есть, я хотел сказать, Яков Семенович Клячковский, никогда не бросал слов на ветер. Это его всегда отличало от ему подобных. Вы, товарищ Прохоренко, можете быть уверены: ни в помыслах, ни в делах я не отвечу злом на добро. Маркиза больше нет. И не будет. Баста. — И уже тише, без патетики, просто и взволнованно закончил: — Хочется остаток дней прожить по-человечески, ходить по улицам, не втягивая голову в плечи, не озираясь по сторонам, не вздрагивать от каждого звонка в дверь и не отводить глаза от людских взглядов.

СЫЧИХА

Женщина кричала громко, пронзительно, и ее истощенный голос заглушал все остальные звуки большого московского, засаженного молодыми липами двора. Люди с тревогой вглядывались в окна, пытались определить, на каком этаже, в какой квартире несчастье.

— Помогите, убивают...

Трое мужчин, отдохавших на скамейках около волейбольной площадки, бросились в угловой подъезд дома. Крики неслись оттуда, кажется, с четвертого этажа. Когда они поднялись, то увидели, что двери квартиры № 47 открыты, полураздетая женщина стоит на пороге и громко зовет о помощи. Полный мужчина лет сорока с короткой, боксерской стрижкой, в белой нейлоновой сорочке и узких нарядных подтяжках монотонно уговаривал женщину:

— Прасковья Сергеевна, ну успокойтесь же, успокойтесь. Он не тронет вас, этот изверг, мы не дадим свершиться злодеянию.

Подоспевший участковый инспектор милиции Чугунов, взяв двух свидетелей, вошел в квартиру.

— Так в чем тут дело, граждане? Что произошло?

Женщина пинком распахнула двустворчатую дверь в крайнюю комнату и голосом, полным ненависти, проговорила:

— Вот он, убийца. Смотрите на него, каков!

В комнате за столом, обхватив руками голову, сидел мужчина. Всклопоченные волосы, дрожащие руки, съехавший куда-то в сторону измятый галстук. Мужчина плакал, и его торопливые попытки скрыть это ни к чему не приводили.

Наскоро разобравшись в событиях, Чугунов суховато проговорил:

— Жена ваша, гражданка Сычихина, заявляет, что вы угрожали ей убийством. Так ли это?

— Не просто угрожал, а пытался ударить вот этим предметом с целью лишения жизни. Я невольный свидетель этого факта, — вступил в разговор мужчина в подтяжках.

Он положил на стол портативный алюминиевый штатив от фотоаппарата.

— Да, да, так оно и было. Арминак Васильевич говорит истинную правду. Если бы не он, лежала бы я тут бездыханная...

— Подождите, гражданка, давайте спокойно разберемся. — Чугунов раскрыл планшет, достал общую тетрадь, шариковую ручку. — Вот теперь начнем по порядку. Сначала установим главную суть. Вы, гражданин Свирин, не отрицаете, что ударили жену свою, гражданку Сычихину? Признаете это обстоятельство?

— Признаю. И что хотел еще раз ударить — тоже признаю.

— Значит, не отрицаете, что пытались гражданку Сычихину лишить жизни?

— Этого не замышлял.

— Хотел, хотел лишить жизни! Это истинная правда! Он давно грозился. Все соседи подтвердят.

Две женщины — соседки по лестничной площадке — действительно подтвердили, что в семье Свириных давно идут нелады.

Прасковья Сычихина несколько раз жаловалась на угрозы мужа «изничтожить» ее. Два или три раза и собственными ушами слышали крики гражданина Свирина: «Убью, такая-то...»

Сосед по квартире Арминак Васильевич Груша подтвердил эти свидетельства в деталях, с указанием, когда, в какие часы было. А чтобы быть абсолютно точным, он сходил к себе в комнату и все проверил по своему дневнику.

Чугунов спросил:

— Ну, что вы скажете теперь, гражданин Свирин?

Свирин устало посмотрел на инспектора:

— Все правильно. Кроме умысла к убийству. Этого не было.

— Грозить — грозили, ударять — ударяли. А говорите, умысла не было. Не вяжется, гражданин Свирин.

— Может, и не вяжется, но в мыслях я этой цели не держал. Отвечать же за свои действия готов. — Свирин повернулся к жене: — Ну, Сычиха, прощай. Желаю здравствовать.

Прасковья Сычихина, судорожно прикладывая к плечу намоченную белую тряпицу, причитала:

— Пьянчуга, бандит, ирод проклятый, всю мою жизнь загубил. Теперь-то тебя научат уму-разуму...

Три года вполне достаточный срок, чтобы подробно вспомнить все, что было, и подвести итог прожитому. Длинными зимними вечерами, после рабочего дня, ког-

да соседи по парам затихали в глубоком сне, Свирина вспоминал свою жизнь, искал ответа на постоянно живущий в нем вопрос: почему все это случилось?

С Прасковьей Сычихиной он познакомился, когда учился в институте и жил под Москвой в Перове, снимая вместе с двумя однокурсниками комнату на Кузьминковской улице.

Как-то к хозяйке, у которой они квартировали, зашла соседка. Красота этой молодой женщины так поразила Свирину, что он долго не мог опомниться от этой встречи. Пристал к хозяйке с расспросами.

— Что, приглянулась Пашка-то? Смотри, бедовая она. Одного такого уже выставила. Вся в мать. Та тоже отчаянная была. Сычихой весь город звал. И дочь вся в нее. И тоже Сычихой кличут.

Прасковья Сычихина прочно вошла в сердце выпускника инженерно-строительного института Свирина. Через год после той встречи они уже были вместе. Трудно сказать, что привлекло Сычихину в этом худом, нескладном и застенчивом человеке.

Его способность дни и ночи сидеть за какими-то проектами и чертежами? Всеобщее мнение, что этот «очкарик» далеко и высоко пойдет? А может, его восторженное отношение к ней? Ведь он буквально светился весь, когда видел ее.

Свирин ворочался на нарах, тяжело вздыхал. В своих воспоминаниях он подошел к тому времени, когда радужный горизонт их жизни начал затягиваться первыми мутными тучами. С чего это началось? Вроде бы с мелочей.

Как-то, придя с работы, Свирина сообщил жене, что их тресту отвели массив земли в районе Рузы для коллективного садоводства. Если есть желание возиться с землей, можно тоже подать заявление... Когда появится пацан или пацаны, будет неплохо иметь небольшую халупу за городом...

Прасковья думала недолго и объявила мужу:

— Насчет пацанов — дело отдаленного будущего. Но заявление на участок подай. Обязательно.

Так у Свириных появился садовый участок и домик на нем: маленький, аккуратный, об одну комнату. Но потом кто-то из соседей нарастил такой же домик мансардой, а сбоку пристроил утепленную веранду. Получилась неплохая дача. Прасковья насела на мужа:

— А ты что, не можешь? Ты что, хуже других?

— Не могу, — убеждал ее Алексей. — Нельзя.

— И слушать не хочу. Давай мне этот «скворечник» обстраивай!

Свирин хотя и перестал спорить, но с достройкой «скворечника» не спешил.

Это был один из тех камней преткновения, о который не раз спотыкались супруги. А жизнь подбрасывала под ноги и другие, не менее увесистые камешки.

Алексея все больше начинало беспокоить то, что Прасковья часто переходит с одной работы на другую. Окончив техникум связи, она совсем немного поработала по специальности и перешла в соседний трест на плановую работу. Потом в профтехучилище воспитателем. Оттуда подалась в один из институтов. Но и здесь задерживаться, кажется, не собиралась.

Как-то, приехав домой, Свирин нашел жену възрожденной, колючей.

— Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

— Да, плохо. Эти кретины мне все настроение испортили. Квартальный план, видишь ли, подтягивают, на сверхурочные нас, рабов божьих, оставляют. Нужны они мне со своим планом! Ну, начальство вызвало. Внушали. Воспитывали. А я им говорю: законы о труде надо знать...

— Так и не осталась?

— Конечно, нет.

— И совесть не мучает?

— Нисколько.

— Да, уникальная ты у нас личность.

— Ну, не знаю уж, уникальная ли, но в обиду себя не дам.

Свирин старался убедить жену в том, что она не права, но в ответ услышал издевательское:

— Скажи, какой сознательный! Только вот что, дорогой, я из пеленок давно выросла...

Алексей чувствовал, что трещина, возникшая между ним и женой, становится все шире. Поняв это, но все еще любя жену, стал обращаться с ней подчеркнуто мягко, сглаживая острые углы, старался быть как можно ласковее. Праковья же по-своему поняла все это. Ей вдруг понадобилось позарез справить себе нейлоновую шубку. Поднатужился Алексей, сверхурочных работ набрал на целых полгода, но осилил эти затраты. Еще долги в кассу взаимопомощи не все были уплачены, когда Прасковье подвернулись по случаю какие-то серьги с би-

рюзой, потом еще что-то... Брать деньги было уже негде, и Алексей решил серьезно объясниться с женой.

Домой в тот день он отправился вместе со старшим прорабом Логуновым — кряжистым, широкоплечим дядькой, которого все на стройке любили за добродушие, невозмутимость и редкое прилежание к работе и... рыбалке. О ней, рыбалке, он мог говорить без конца, историй знал множество и рассказывать их умел. Всю дорогу от стройки он пичкал Свирина байками о повадках карасей, щук, линей и прочей речной живности. Алексей, занятый своими мыслями, невпопад ахал, охал, рассеянно переспрашивал.

— Ты представить себе не можешь, какой бывает на Щучьих озерах сумасшедший клев... Вот даже вчера... Да что говорить, зайдём к нам, убедишься воочию.

Жена Логунова, такая же дородная, как и муж, улыбающаяся женщина, сразу стала хлопотать об угощении. Рыбка, правда, оказалась мялкой, но довольно вкусной. Хозяйка искусно умела жарить ее с мелко нарезанной картошкой. На фоне мелких картофельных долек даже эти рыбки размером с кильку казались вполне солидными.

Выпили Свирин и Логунов немного, по две или три небольшие рюмки, но в голове у Алексея шумело, а мир казался шире и проще.

Когда Свирин явился домой, то увидел Прасковью сидящей на диване рядом с каким-то незнакомцем. У Алексея вдруг бешено заколотилось сердце.

Незнакомец сразу же прошмыгнул в переднюю и стал суетливо одеваться. Руки его не попадали в рукава пальто.

Свирин с усмешкой посмотрел на него и брезгливо сказал:

— Не бойтесь, бить не буду.

— А что такое? Почему бить? — вдруг визгливо заговорил мужчина, на всякий случай держась за ручку двери. — У нас был сугубо деловой разговор. Я меняюсь комнатами с вашей соседкой. Вот мы и обсуждали.

— Обсудили? Очень хорошо. А теперь проваливай. — И Свирин, открыв дверь, сделал гостю широкий приглашающий жест на лестничную площадку.

Прасковья стояла в коридоре и в оцепенении ждала, что же будет. Она знала, что, выпив, муж становится на редкость придирчивым и не владеет собой.

А у Свирина перед глазами стояли Логунов и его добродушная жена, он вспоминал непринужденную, привет-

ливую атмосферу их дома, мысленно сравнивал это с тем, как живут они с Прасковьей, в душе его поднялась обида на жену. Да еще этот тип... И, отвечая своим взвинченным мыслям, Свирин глухо прокричал:

— Убью, проклятая!..

Но он не дотронулся до жены. Направляясь в комнату, повторил уже тише:

— Убью в случае чего, так и знай...

Арминак Васильевич Груша не бросал слов на ветер. Вскоре он действительно переехал в квартиру Свириных. Правда, старался не встречаться с Алексеем.

Свирин не на шутку загрустил.

Управляющий трестом не раз отмечал серьезные недостатки на участке инженера Свирина:

— Людей в руках не держите, за работами следите плохо. Вообще вас не узнать. Стали каким-то инертным, вялым. Даже свои интересные задумки по армированному бетону забросили. Одним словом, если так пойдет и дальше, придется переводить вас на рядовую работу.

Свирин пообещал «встряхнуться». Однажды сослуживец, видя его угнетенное состояние, пригласил к себе. Выпили они в тот вечер изрядно. Но хмель что-то не брал Свирина, нервное напряжение не проходило.

Идя домой, он все твердил одно и то же: «Надо что-то делать. А что? Да очень просто. Надо кончать нам с Сычихой «холодную войну» и жить по-человечески... Конечно, она баба вздорная, злая, но черт возьми, все равно дорога она мне. Ведь дорога. Себе-то я врать не стану».

С этими мыслями Свирин и пришел домой. Когда открывал дверь, ему показалось, что сосед метнулся в свою комнату из комнаты жены. Свирин упрекнул себя: «Переложил ты, Свирин, сегодня, явно переложил».

Прасковья встретила мужа словами, полными злобы и ненависти:

— Куда прешься, пьяная рожа? Ты не нужен здесь, не нужен!

Свирин стоял в дверях, ошалевший от этого стремительного наскока, и только повторял одно:

— Подожди, Сычиха, давай разберемся.

— Нечего мне с тобой разбираться и не о чем говорить. Пошел отсюда, бродяга!

Вот эта последняя фраза и решила все. Она подняла в душе Свирина такую злость, так всколыхнула в его душе самое горькое, что он, не помня себя, схватил пер-

вое, что попало под руку, и ударил ее. Кричал он одно и то же: «Убью, убью!..» Он ударил бы Прасковью снова, но Груша как раз оказался рядом. Рука Свирина была остановлена на взмахе... Увидев людей, Свирин ушел в комнату и сидел там за столом, понимая, что теперь-то все у него пошло прахом. Слезы, помимо его воли, текли из глаз.

Потом были следствие и суд. Свирин нехотя, односложно отвечал на вопросы. Он признавал себя виновным в избиении жены, в угрозах по ее адресу, но упорно отрицал намерение к убийству. Объяснить причину семейных неурядиц отказался.

Размышляя обо всем происшедшем, Свирин пришел к выводу, что виноват сам, и решил, что главное для него сейчас — скорее отбыть срок и вернуться домой. «А там все наладим», — думал он.

Но Прасковья внесла поправки в его планы.

Через три месяца Свирин получил от жены письмо. Она писала, что разводится с ним. Это первое. Так как право на площадь в связи с заключением он теряет, то квартиру она перевела на себя. Это второе. Личные вещи с попутной оказией отправлены к матери в деревню. Это третье.

«Всеми делами распорядилась. Вот как! И даже здоровья не пожелала. Действительно — Сычиха...» — проговорил про себя Свирин.

Это был беспощадный удар. Свирин жил теперь механически, без мыслей, не замечая ни времени, ничего из того, что окружало его. Так продолжалось долго — с год или более. Потом боль в душе стала утихать, постепенно приходила какая-то спокойная ясность. Планы и мысли его оказались односторонними, были лишь его, Свирина, планами. Прасковья же, оказывается, думала обо всем по-иному. Значит, ничего у нее не было к нему в сердце. Значит, это была ошибка.

Как-то Свирин попросился на прием к начальнику. Вопросу, с которым он пришел, начальник удивился и обрадовался. Заключение просил выписать ему несколько технических книг по строительному делу, заявил о желании перейти на бетонно-растворную площадку и просил разрешения оставаться на работе после смены для того, чтобы иметь возможность «проверить некоторые свои прежние разработки».

Такое разрешение было дано, и теперь Свирин день работал в бригаде, а потом дотемна возился с какими-то ящиками, кубиками, растворами. Через полгода его перевели на свободный режим, и тогда уж он совсем день и ночь стал пропадать на бетонно-растворном узле.

Однажды его вызвали в комендатуру и сообщили, что получено решение о его досрочном освобождении. Можно собирать вещи.

— Спасибо. Но мне надо еще полгода, ну, может, месяца три, — растерянно проговорил Свирин. — И я закончу свою работу. По-моему, у меня кое-что получается.

— Нет, товарищ Свирин, на это я не имею права. Вы теперь свободный гражданин.

Когда Свирин приехал в Москву, в тресте были озадачены. Люди на площадках были очень нужны. Но как быть с ним? Жить негде, прописки нет, судимость не снята. Однако управляющий, который когда-то беспощадно распекал Свирина, поехал в райисполком, в райком партии, ездил куда-то еще и наконец сообщил Свирину:

— Приступайте к работе. Но смотрите — коллектив отвечает за вас.

Свирина послали мастером растворного узла, дали маленькую комнату в общежитии треста. О большем он и не мечтал. На следующий же день рано утром был уже на работе.

...Каждую ночь до рассвета светился огонек в угловой комнате трестовского общежития. Свирин закончил опыты по армированию бетона и теперь «добивал» диссертацию. О своей бывшей супруге не вспоминал.

Однако она о нем вспомнила.

Когда после защиты диссертации в окружении работников кафедры, оппонентов, сослуживцев Свирин выходил из зала, Прасковья подошла к нему и, ослепительно улыбаясь, проговорила:

— Поздравляю тебя, Алексей. Я очень-очень рада.

Она говорила еще что-то, держала его за руку, а Свирин, с трудом освободившись, постарался поскорее включиться в разговор мужчин, чтобы заглушить, избавиться от досадного, раздражающего чувства, которое оставила в нем эта встреча.

...На заседание кафедры инженерно-строительного института Прасковью Сычихину привела жизненная дорожка со всеми ее петлями и заворотами.

Мысль о том, что Алексей Свирин, пожалуй, неподходящая ей партия, возникла у Прасковьи довольно давно, еще задолго до тех событий, которые привели Алексея на скамью подсудимых. Да, она явно разочаровалась в нем. Был он робок, осторожен, без какой-либо житейской хватки. Его товарищи по институту явно ошиблись, предсказывая, что Свирин пойдет в гору. Он все прозябал и прозябал в своем маленьком строймонтажном управлении, которое строило какие-то там магазины или химчистки.

Может быть, эти мысли долго еще оставались бы лишь смутными, не оформившимися в конкретные действия и поступки, если бы не встреча с Арминаком Васильевичем Грушей. Познакомила их ее подруга Клавдия Гладикова, представив как мага и чародея по части импортного ширпотреба. Прасковью покорили изысканные манеры Груши, огромные, с сияющими камнями запонки в белых обшлагах нейлоновой в полоску сорочки. Арминак Васильевич оказался удивительно приятным собеседником, а его вьющаяся седоватая шевелюра привлекала внимание многих особ женского пола, что дефилировали по узкому проходу между столиками в кафе, где сидели новые знакомые.

Все, что требовалось Сычихиной, было обещано.

Клавдия Гладикова проворковала:

— Раз Арминак обещает, считай, что через несколько дней ты будешь как куколка.

— Ой, так скоро не надо. Надо же деньги собрать.

— Пустяки, — успокоил ее Груша. — Такие вещи долго не лежат, а деньги дело наживное.

— А что это Арминак Васильевич такой грустный? — заинтересованно спросила Сычихина подругу, когда они, расставшись с ним, шли к метро.

— Потерял супругу. Потому и переехал из Кишинева в Москву, обменявшись с кем-то комнатами. У него мать здесь еще живет. Но жена есть жена.

— Да, не повезло бедняге. Но ничего, я думаю, он у нас в столице быстро утешится.

У Сычихиной вскоре появились и модные французские костюмы, и итальянское замшевое пальто, и еще одна нейлоновая шубка.

То одна, то другая поездка за покупками по загородным адресам, немногословные переговоры о цене, размерах, фасонах выявили общность интересов, сделали Прасковью и Грушу своими людьми. Арминак Васильевич, ко всему прочему, не скупился на подарки.

Через два или три месяца состоялось переселение Арминака Васильевича на Самокатную. Соседка Свириных, молчаливая, хвора старушка, заупрямилась было, но Груша сумел ее быстренько убедить.

Теперь Арминак Васильевич и Сычихина жили рядом. Но рядом был и Алексей. Положение было явно двусмысленное. Не раз в разговоре с Арминаком Прасковья высказывала мысль о разводе с Алексеем. Груша, однако, думал иначе:

— Не надо спешить. Все решится само собой.

— Это как же?

— Судя по тому, что я однажды слышал во время вашей баталии, убить он тебя, конечно, не убьет, но в края не столь отдаленные угодит.

Предсказание это оказалось пророческим. Меньше чем через год все случилось именно так, как Груша и предсказывал.

Теперь жизнь шла так, как того и хотелось Сычихиной. Ей не надо было считать каждый рубль. Арминак был натурой широкой. Модные вещи у нее появлялись теперь не тогда, когда они уже были на каждой третьей москвичке. В гости с Арминаком они ходили, как правило, к известным, а порой даже знаменитым людям. На выходные дни выезжали в Клязьминский пансионат. Где-то на горизонте маячила обещанная поездка по морям и океанам... Вообще Арминак Груша, как в этом убедилась Сычихина, был не чета ее бывшему супругу. На садовом участке сверкали свежими красками и стеклом мансарда и веранда.

На Самокатной, во дворе их дома, прямо против окон, вырос гараж из серого силикатного кирпича на десять машин. Организовал этот небольшой «кооперативный альянстик» опять-таки Груша, учитывая, что у него открылась довольно ясная перспектива на «Волгу».

Но Арминак Груша явно не спешил с оформлением их отношений:

— Успеется. Я обдумаю эту ситуацию.

И это серьезно беспокоило Сычихину.

Мать Груши, когда приезжала к сыну, смотрела на Прасковью как на какую-нибудь приживалку и хозяйничала в квартире так, будто сама тут обитала всю жизнь.

В ответ на жалобы Сычихиной Груша снисходительно пожимал плечами и усмехался:

— Не обращай внимания. Отжившее поколение.

Всерьез я ее не принимаю. Посмотри-ка лучше, как у нас получается этот угол с камином.

Невесть откуда привезенный Грушей камин действительно был необычным сооружением и довольно удачно вписывался в угол передней. Она выглядела теперь уютно и домовито. А бар? Современный, модерновый бар в комнате Арминака был предметом зависти всех гостей.

Властная Сычиха незаметно для себя потеряла при Груше главенство в доме и слепо делала то, что тихо, не повышая голоса, велел ее кумир. Вот и эта ее поездка на Рижское взморье была предрешена им заранее. И Прасковье осталось только благодарить своего чуткого и внимательного друга и покровителя.

Она безмятежно наслаждалась отдыхом и ждала приезда Груши, когда пришло письмо от Клавдии Гладиковой. Клавдия писала о каких-то подозрительных в ее понимании явлениях, которые творятся в квартире на Самокатной. Она видела, как две женщины разгружали какие-то вещи, вокруг бегал Арминак и два замурзанных пацана. Подруга уже знала, конечно, в чем дело, она просто готовила Сычихину к грядущим событиям. Но та и без подробного описания поняла все и, подхватив свои курортные пожитки, ринулась в Москву.

На пороге квартиры ее встретила высокая, полногрудая женщина в широком цветастом халате, с чалмой из полотенца на голове:

— А, соседка, здравствуйте, здравствуйте.

Из комнаты Арминака выскочили двое мальчишек, вопрошающе смотрели на гостью. Вышел и сам Груша, дожевывая что-то. Сычиху приветствовал, словно изредка встречавшуюся соседку с лестничной площадки:

— Прасковья Сергеевна? Вернулись? Так быстро? Ай-ай. Зачем же пренебрегать милостями природы?

Улучив удобный момент, когда она застала на кухне Арминака одного, голосом, прерывающимся от злобы и негодования, Прасковья потребовала объяснений.

— А чего я, собственно, должен объяснять? Разве что-то неясно?

— Значит, значит, эта хивря — твоя жена? И ты скрывал, что женатый?

— А ты меня об этом и не спрашивала. И потом, мы в одинаковом положении: ты — замужняя, я — женатый.

— Но ведь ты говорил, что... похоронил ее.

— Да-да. В мыслях. В мыслях похоронил. В связи с

житейскими конфликтами, но, как видите, все возродилось...

— Ты жулик, проходимец... А я-то, дура, поверила...

— Зря поверила. На мужчин полагаться нельзя, — раздался мощный басовитый голос супруги Груши. Она стояла в дверях кухни, мощная, непреодолимая. — Шума поднимать не советуем. Потому как и мы сами, — она прочистила горло и буквально рывкнула, — и сами шуметь умеем. И за себя постоим. Я полностью в курсе дела. Чужого нам не надо, но и своего не упустим...

Сычихина поспешно ретировалась в свою комнату. А паутро бросилась в домоуправление, к юристу, в милицию, к прокурору. Вечером Груша ей внушал:

— Ну что ты по инстанциям бегаешь? У меня же и площадь, и прописка по обменному ордеру. Из Москвы четверо уехали, четверо и приехали. Так что все вполне законно. А вот ты? Это еще вопрос. Комната у тебя двадцать метров! А полагается? Вот муж вернется и в суд подаст. Делить придется комнату-то.

— Но ты же сам говорил, что он право на нее потерял.

— Потерял, это верно. А если, допустим, амнистию ему дадут? Или общественность просить будет? Могут пойти навстречу. Не, тебе единственно верный путь переехать в комнату моей мамыши.

Скоро Сычиха убедилась, что жить ей здесь все равно нельзя. Дети оказались на редкость шумными и необузданными. От их игр и драк в квартире стояла столбом пыль, от визга и крика звенели барабанные перепонки. А из комнаты супругов несло то сахарное воркование, то рев двух зверей, оказавшихся в одной берлоге.

Через месяц в квартиру Свириных уже въезжала мамаша Груши. Вслед за ней сюда перекочевали десятки ящиков, чемоданов, какие-то пузатые шкафчики, этажерки и прочие атрибуты быта. Поглядев на все это, Сычиха злорадно усмехнулась:

— Удивительно тонко все это будет сочетаться с модерновым баром и камином. — Это ее немного утешило.

И тут она подвела итог: свою чудесную комнату потеряла, садовый участок, пожалуй, тоже, хотя юрист и советует попытаться его отсудить. И как она тогда согласилась переоформить его на имя Груши? Но если даже участок отсудят ей, то стоимость мансарды и веранды надо будет компенсировать. А из каких источников? Денег осталось всего ничего... Надо было опять идти рабо-

тать. Куда? Мысли у Сычихи были одна мрачней другой. И видимо, именно под их тяжестью она заболела и слегла в постель. Соседи вызвали врачей. Те долго осматривали больную, о чем-то советовались вполголоса между собой, затем один из них сказал:

— Страшного ничего нет. Нужен покой, щадящий режим. У вас коронарная недостаточность, аритмия. Пройдет, если побережете себя и поможете организму.

Сычиха стала хлопотать о пенсии. В районе, просмотрев ее бумаги, сказали: непрерывный трудовой стаж очень мал, на инвалидность переводить пока причины нет. «Работайте, там видно будет...»

Как-то, рассеянно просматривая «Вечернюю Москву», Сычихина вдруг вскочила со стула. Ей на глаза попалось объявление о защите диссертации инженером Свириным А. М. Где находился ее супруг и что с ним стало за эти годы, она не знала, но почему-то была уверена, что это он.

Она позвонила в институт. Да, подтвердили там, диссертацию будет защищать Алексей Михайлович Свирин.

«Смотрите-ка, — думала она, — выплыл. И даже кандидатом будет. А ведь он любил меня, очень любил. Нет, надо обязательно с ним увидеться...»

Накануне заседания ученого совета Сычихина сходилa в парикмахерскую, завилась и подкрасилась, надела самый нарядный костюм, белые, на широком каблуке туфли. Придирчиво оглядела себя и нашла, что выглядит элегантно.

Но все это оказалось лишним. Свирин даже внимания не обратил на ее вид и явно тяготился ее присутствием, когда она поймала его по выходе из зала. Ее красоту и обаяние унесло время, а душу Сычихиной Свирин знал очень хорошо.

Его холодность, однако, не обескуражила Сычихину. На второй или третий день она появилась у Свирина на работе.

Увидев ее сквозь окно своей конторы, Алексей удивился, и какая-то неосознанная тревога, предчувствие неприятностей сжали сердце. Он вполне обоснованно предположил, что эти встречи и посещения, конечно, не случайны. Надо было, не откладывая, выяснить, чего же Сычиха домогается. И когда она показалась в дверях конторы, Алексей пригласил ее в комнату и, указав на табурет около стола, спросил:

— Ты чего ходишь за мной, Прасковья? Есть какие-нибудь вопросы?

Сычихина распахнула в удивлении черные ресницы своих все еще сине-бездонных глаз и, кокетливо улыбаясь, ответила вопросом на вопрос:

— А ты не рад этой встрече?

— Я хочу знать, чего ты хочешь.

— Фу, какой официальный тон! Алексей, неужели ты не можешь иначе? Ведь мы все-таки не чужие.

— Чужие, совершенно чужие, — поспешил уточнить Свирин и добавил: — Если есть что сказать — говори. Если нет — до свидания. И кончим на этом.

— Ну, Алексей, не надо так со мной. Неужели у тебя ничто не шевельнулось в душе, когда ты меня увидел? А я вот ужасно терзаюсь, нещадно кляну себя за все, что произошло. Ну, виновата, виновата. Ошиблась. Так ведь, наверное, и ты не святой. Забудем все и простим. Ведь мы любили друг друга. Переезжай ко мне. А потом и квартиру выбьем.

Перед взором Свирина, как на стремительно прокрученной ленте, пронеслись картины из той, прежней их жизни. Скандалы, суд, ее письмо... И ему захотелось, чтобы она сейчас же, немедленно исчезла и не попадалась ему на глаза никогда! С трудом сдерживая гнев, Алексей выдал из себя:

— Очень прошу вас: уходите. Нам не о чем разговаривать. Не о чем. Поймите это.

Сычихина встала. В злом прищуре глаз мелькнули зеленые огоньки, и уже от порога она бросила:

— А все-таки подумай, Алексей. Как известно, даже худой мир лучше доброй ссоры.

Что она хотела этим сказать, выяснилось на следующий же день. Придя с работы, Свирин увидел на тумбочке письмо. Сычихина без обиняков излагала свою программу: он должен вернуться к ней. Они теперь с учетом опыта и ошибок заживут по-настоящему. Если же Свирин отвергнет этот ее крик души и сердца, то пусть пеняет на себя...

Свирин долго вертел в руках серый, исписанный небрежным почерком листок и брезгливо бросил его на тумбочку. Ночь прошла без сна. Утром, не заходя на стройплощадку, он поехал к управляющему трестом, показал ему цидульку Сычихиной. Тот признался, что в таких делах он не силен, и повел его к секретарю партийной организации. Тот прочел письмо, потом попросил

Свирина рассказать «самую суть» и резюмировал так: про заключение — знаем. За что — тоже знаем. Диссертация? Ну, тут уж дело совсем ясное. Мнение ученого совета единое: разработки Свирина — ценные. Да это и на практике видно... Так что угроз Сычихиной опасаться нечего.

Сычихина больше к Свирину не приходила. Однако прокуратура города получила пространное заявление «от группы жильцов» дома, где когда-то проживал Свирин. «Жильцы» писали о его незаконной прописке после отбытия наказания за тяжкое преступление. Началась проверка. И не успело закончиться это дело, Свирин вызвали в Министерство высшего образования. Оказалось, что там тоже «сигнал». Только что вернувшийся из заключения, незаконно прописанный в Москве некто Свирин защитил диссертацию. Куда смотрят руководящие организации?

Принимавший его работник аттестационной комиссии беседовал недоверчиво и холодно:

— Как же это, батенька? Нехорошо.

Это «нехорошо» так и повисло над Свириным. Диссертация перекочевала в шкаф «неутвержденных».

Но и на этом, однако, Сычихина успокаиваться явно не собиралась. Свирину принесли... повестку в суд «по поводу иска бывшей супруги на ее содержание в связи с ее неспособностью к труду». И суд неожиданно решил: высчитать энную сумму из заработной платы гражданина Свирина в пользу его бывшей супруги Сычихиной.

Как Алексей ни доказывал, что это нелогично и незаконно, — не помогло. У судьи была своя логика.

— Вы были в супружестве?

— Были. Но ведь она сама расторгла брак.

— Но тем не менее вы можете и обязаны помочь ей. Все-таки бывшая жена. Потом, надо иметь и сознательность, гражданин Свирин.

Свирин подает кассацию. Городской суд отменяет приговор народного суда и передает дело на новое рассмотрение. Суд собирается в новом составе и оставляет просьбу Сычихиной без удовлетворения. Тогда подает кассацию она. Дело супругов Свириных разбирается уже в суде соседнего района, чтобы исключить какую-либо необъективность. И этот суд не находит оснований к удовлетворению сычихинского иска. Она, разумеется, недовольна

этим и вновь идет в городской суд. Дело рассматривается, и принимается единственно разумное решение: в иске гражданке Сычихиной отказать... Но Сычиха не сдается. Ее заявления идут во всевозможные адреса. Дело рассматривает высшая судебная инстанция.

Сычихина понимала, что это решение будет окончательным. Вот почему она волновалась, ожидая выхода судей. Ведь под угрозой был тщательно продуманный ею план возвращения Свирина. Если он не осуществится, что же ей делать? Тянуть эти хлопотные обязанности диспетчера в ЖЭКе? А жить еще хочется легко, бездумно.

«Ну нет, не может быть, чтобы наши советские законы так отнеслись к незащитной женщине!» — в озлоблении думает Сычихина.

Она увидела, как в зал вошел Свирин и сел на свое место. Он уже привык и к судебным заседаниям, и к перерывам между ними, привык терпеливо ожидать приговора. Выводила его из себя только Сычиха. При виде ее у него вдруг появлялась какая-то дурнота, она подступала к горлу, в нервном тике начинала дергаться то левая, то правая бровь.

Вот и сейчас, как только Свирин увидел Сычихину, его забила мелкая дрожь. Он, однако, взял себя в руки и спросил:

— Кончится когда-нибудь это или нет?

— Давай решим миром, тогда все кончится.

Высшая судебная инстанция подтвердила ранее вынесенные решения и признала «иск гражданки Сычихиной к гражданину Свирину необоснованным и удовлетворению не подлежащим». После оглашения приговора председательствующий обратился к Сычихиной с небольшой речью:

— Поймите наконец, гражданка Сычихина, что вы требуете невозможного, незаконного. Ваши претензии к гражданину Свирину ничем не обоснованы.

— Но позвольте, товарищ председатель, — вскинулась Сычихина, — а как же я? Как мне жить?

— Своим трудом. Только своим.

— И вы думаете, я соглашусь с вашим решением? Да ни в жизнь. Я дальше пойду. В правительство. В Верховный Совет...

Все, кто был в суде, возмущенно, с осуждением смотрели на эту женщину, которая то плакала, то злобно грозила всем, а после своих выкриков кончиками платка вытирала глаза, боясь смазать обильную краску с ресниц.

Все понимали, что да, такая действительно не остановится, будет писать дальше и дальше, будет вновь трепать нервы Алексею Свирину, имевшему когда-то несчастье полюбить ее. Но все знали и другое — результат ее домогательств будет тот же. Ибо наши законы одинаково оберегают права любого из граждан.

Ошибка может быть прощена и забыта, но подлость и низость не забываются и не прощаются ни обществом, ни людьми, пусть когда-то и близкими.

БЫЛЬ

Внезапный уход из жизни инженера Василия Орехова был столь невероятен, что известие о его самоубийстве вызвало полное недоумение у сослуживцев, повергло в смятение друзей, неизбывным горем, словно каменной плитой, придавило отца и мать.

Записка, оставленная Ореховым, была предельно лаконична: «Не могу больше... Сердце рвется на части. Простите меня, мама, отец и ты, Лена...» И постскрипtum: «В смерти моей прошу никого не винить...»

Смерть любого человека, как бы она ни произошла — событие в нашей стране чрезвычайное, и советские законы требуют тщательнейшей проверки обстоятельств и причин, приведших к такому исходу.

Следователь городской прокуратуры советник юстиции Сергей Решетников уже несколько дней занимался трагедией, случившейся в семье Ореховых, но ясности все не было, причины, толкнувшие Василия на самоубийство, пока были неизвестны.

В конструкторском бюро, где работал Орехов, его характеризовали как человека спокойного, уравновешенного. Дело свое знал и любил, был хорошим специалистом. О его личной жизни сослуживцам мало что было известно. Вспоминали лишь, как он удивил их своей женитьбой. Все ходил в холостяках, терпеливо, с виноватой улыбкой сносил шутки по этому поводу, а тут поехал на курорт и привез жену. Пошутили по этому поводу, упрекая Орехова за то, что лишил сослуживцев возможности погулять на его свадьбе, но... кончался квартал, дел было много, и скоро его промашку забыли. Через некоторое время сотрудники, работавшие с Ореховым в секторе автоматике и общавшиеся с ним поближе, стали замечать, какую-то его удрученность, подавленное настроение, но причин не

знали. Сам он ничего не рассказывал, а расспрашивать... Мало ли бывает поводов для подавленного настроения. И неизвестно, станет ли человеку легче, если посторонние будут докучать ему своими расспросами.

Решетников понимал, что беседовать с близкими погибшего, когда так нестерпимо остра боль понесенной утраты, — значит еще раз разбередить свежую рану. И все же он был вынужден идти на эти встречи, ибо вопросы, поставленные Василием Ореховым своим уходом из жизни, требовали ответа.

Отец, Михаил Сергеевич Орехов — массивный, неторопливый человек с ежиком седых, коротко подстриженных волос и хмурым взглядом — ответил после недлительного раздумья:

— Как жили? Да как многие живут. У старых и молодых все по-разному. Но скандалов не затевали.

Его словам вторила и вдова Василия — Елена Орехова:

— Особой теплоты не было, но и не враждовали. Ведь жили-то мы отдельно от родителей, так что поводов для конфликтов не было.

И старшие Ореховы и Елена на контакты со следователем шли неохотно, говорили скупно. Просили об одном — оставить их в покое. «Васю нам вы все равно не вернете, а эти допросы и расспросы только ворошат наше горе». Объяснить причины смерти сына и мужа не могли.

Решетникову было известно, что трагедия произошла вскоре после традиционного семейного торжества Ореховых — дня рождения главы семьи Михаила Сергеевича. В ответ на вопросы, как прошло это событие, Михаил Сергеевич ответил все так же скупно и сумрачно:

— Ну как? Скромно, по-домашнему. Пирогов жена напекла, друзья давние пришли. Когда человеку шестьдесят пять — не до балов, знаете ли...

— А как Василий? Как вел себя, как держался? Ничего странного вы в нем тогда не заметили?

— Нет, ничего.

Елена на этот вопрос ответила еще более скупно, неохотно:

— Сами знаете, как проходят такие торжества в семейном кругу.

Решетников был, в сущности, в тупике, что нередко бывает в следственной практике. Он чувствовал, что причина трагедии Орехова кроется где-то в его личных, семейных делах. Но это была лишь интуиция, фактов же,

сколько-нибудь конкретных доказательств этих предположений не было ни одного.

Решетников стал расширять круг поисков, устанавливать друзей, более или менее близких знакомых Орехова. По институту, по дому, где жил до женитьбы, по его увлечениям.

В Союзе охотников дали справку: да, Орехов член союза, недавно брал путевку в Клинцы на Московское море. На двоих — фамилия напарника Касьянов, работник седьмого автокомбината.

Владимир Касьянов, энергичный, патлатый парень, с ходу, лишь переступив порог кабинета Решетникова, зачастил:

— Я, видимо, вызван в связи с делом Орехова? Правильно я понимаю?

— Правильно, правильно.

— А что случилось? Почему он учудил эту глупость?

— Вот это я и стараюсь выяснить. Потому и вас пригласил.

— Ну, я-то мало чем помогу.

— Вы с Ореховым хорошо были знакомы?

— Да как вам сказать. Охотники. Встречаемся редко — в августе на уток да зимой на кабанчика сходишь. И все. Но люди подбираются обычно стоящие. Ведь понимаете, охота — это дело тонкое...

Касьянов, видимо, любил охоту и подготовился всласть поговорить на эту тему, но Решетников остановил его:

— Вы расскажите о вашей последней охоте с Ореховым.

Касьянов задумался и, посерьезнев, заговорил:

— А ведь, пожалуй, действительно есть что рассказать. И возможно даже, это вам будет небезынтересно. Был он какой-то странный. Знаете, когда мужчины полгода не видятся, у всех радость от встречи. Новостями делятся, угощают друг друга кто чем может, охотничьими покупками хвастаются. А Василий сидел молча, ни с кем ни слова. Мы не очень докучали ему, может, думаем, забота какая гложет. А когда выехали на охоту, он меня совсем удивил. Шалаши нам достались по соседству. И представьте, утка на него так и прет, ну прямо-таки чуть на голову не садится, а он молчок, ни одного выстрела. Я думаю: уснул, может? Крикнул ему. Нет, не спит. Пострелял потом малость, но так, видно, без азарта. На обратном пути спрашиваю его: что, мол, с тобой,

будто сам не свой. Болен, что ли? Утки-то прямо же на тебя пикировали. Вздыхнул он и отвечает: «Дома у меня, Касьяныч, плохо. Так плохо, что хоть в петлю лезь». Пока мы до базы-то плыли, порассказал он мне свою эпопею. Подробно рассказал. Посочувствовал я ему, но и отматюгал основательно за то, что такой рохля, что себя в половую тряпку превратил. На базе отошел он немного, малость повеселел. Вторую зорьку ничего, стрелял справно. По пути в Москву опять у нас тот разговор зашелся. Опять поругал я его. Советовал вскрылиться, не давать себе на ноги-то наступать. Когда прощались у метро, я спросил:

— Ну, когда в следующий раз соберемся?

Он ответил как-то вяло, неопределенно. Его мысли, видимо, опять были поглощены домашними делами. И когда я узнал о случившемся, сразу подумал: укатали сивку крутые горки.

— Один только вопрос к вам, Касьянов. Вы точно запомнили рассказ Орехова? Он говорил, что на дне рождения Михаила Сергеевича не было Елены?

— Говорил и не раз. Это его почему-то особенно удручало.

Решетников не задавал больше вопросов Касьянову. Его рассказ и так был достаточно подробен и очень многое прояснил.

То, что Елена не была на торжестве у стариков Ореховых, было совершенно новое обстоятельство. Не столь уж оно важное, казалось бы, но почему-то именно его так тщательно обходили и старшие Ореховы, и их невестка. Решетников нещадно ругал себя за то, что не обратил внимания на эту деталь раньше, не разобрался, что за ней кроется. Если невестка не была в доме родителей мужа даже по такому случаю, то как это вяжется с утверждением, что родственные взаимоотношения были обычными, нормальными, как у всех?

Елена Орехова стояла на своем, хотя Решетников видел, что говорит она неправду. Стариков он решил по этому поводу не трогать, чтобы не ставить в неловкое положение.

Свет на эту загадку пролила Ирина Шагина — подруга Елены Ореховой, что жила неподалеку.

Ирина оказалась довольно бойкой, словоохотливой девицей, имела склонность к решительным, безапелляционным суждениям, знала все новости не только своего микрорайона, но и близлежащих к нему. На случай у Оре-

ховых имела свой и тоже довольно уверенный взгляд.

— Комплексы, неврастения, эмоциональные перегрузки. Издержки века, знаете ли.

Решетников спорить не стал, но попросил вспомнить в деталях день и вечер десятого августа.

— Десятого? Это что же у нас было? Суббота? Да, суббота. Ну, днем я работала. Выходные у нас скользящие. А вечером? Вечером в эстрадном театре, на концерте. Музыка — моя страсть.

— Вы знаете, нас интересует истина. А вы... вы фантазируете.

— Я говорю правду.

— Нет, правду вы не говорите. Вы ездили с Еленой Ореховой в Люберцы?

— Значит, вы об этом уже знаете? Тогда, конечно, темнить глупо. Извините, ложь вынужденная. Я дала слово. Ездили мы в Люберцы, ездили. Портниха у нас там, некая Валька, отличная мастерица, но страшная обманщица. Всю душу вымотает, пока что-нибудь сошьет. Но шьет отлично. Так вот, съездили мы к ней, я на примерку, а Ленка за готовым костюмом. Вечером вернулись. Я удивилась тогда, что Елена не пошла к старикам. Журила ее. Такие обостренные отношения не по мне. Я вот тоже живу отдельно от предков. Но мы общаемся. Не часто, чтобы не надоедать друг другу, но общаемся. У них же — у Ореховых — все наоборот. Я говорила ей: заскочи на полчаса, чего тебе стоит? Она и слышать не хотела. Ничего, говорит, перебьются. А потом и совсем меня оглушила. Знаешь, говорит, я вообще ухажу от Василия. Сначала я не поверила, за шутку приняла. Однако вижу, она всерьез. В Сочи, говорит, улетаю.

Вижу, с ума сходит моя Ленка. Взялась я за нее по-серьезному, но все без толку. На своем стоит. Она такая, решит что — не переломишь. Я, говорит, его проучу, пусть поймет, он ведь знал мои условия...

— Может, у нее был кто-то другой? Согласитесь, такое поведение для замужней женщины по меньшей мере странно.

— Мужиков-то увивалось около Ленки немало. Женщина она заметная. Но чтобы кто-то еще у нее был — не думаю. Не знаю этого. Капризная она, своевольная. Любит, чтобы всегда и все под ее дудку плясали. А насчет мужчин — нет, без разбору не бросится. Да и любила она Василия-то. И мучила, и любила. Такие случаи не редки. Людская душа — потемки.

По уходе Шагиной Решетников долго сидел задумавшись. Действительно, чужая душа — потемки, а женская — ночь непроглядная. Что было нужно Елене Ореховой? Чего она добивалась? И в какой связи находятся эти ее экстравагантные поступки с роковым решением мужа? И какова роль родителей Орехова в этой трагической истории?

Понадобилась не одна встреча и с Ореховыми, и со многими другими людьми, прежде чем картина жизни и гибели Василия Орехова стала предельно ясной и легла в скупые строчки официального следственного заключения по делу.

Василий Орехов рос единственным сыном в семье, родители до безумия были рады позднему ребенку и от самого рождения до последних его дней дрожали над ним, в нем и только в нем видели смысл своей жизни, оберегали от всего, ублажали всем. И только благодаря тому, что в школе, где учился Василий, оказались хорошие учителя и сверстники, он не вырос пустым баловнем — учился сносно, школу и затем технический вуз закончил. Правда, оранжерейная жизнь под неослабным оком родителей сказалась на характере парня. Вырос он в сущности «мимозой», без личных практических навыков, совершенно неподготовленным даже к малым житейским бурям.

Пуще всего родители оберегали его от соблазнов любви. Они тщательно сортировали школьных и институтских приятельниц Василия, исподволь, но настойчиво, из дня в день подмечали те или иные их недостатки и внушали, внушали сыну одну мысль: не женись рано, все это пока не то, совсем не то. Ты еще встретишь на своем пути куда более интересных, умных, красивых девушек. Все придет в свое время.

В сущности Ореховы ничего не имели против этих девушек, что забежали накоротке к Василию, с которыми он ходил в кино или на лыжные прогулки. Просто в их представлении он все еще был мальчиком, и одна мысль, что он будет привязан к кому-нибудь другому, а то, не дай бог, вообще уйдет из дома, бросала их и в жар, и в холод, приводила в отчаяние.

Василия пока эти страхи лишь забавляли. До сих пор ему нетрудно было выбирать между легкой юношеской

увлеченностью и упреждающими родительскими советами.

Но вот и школа и институт уже позади. И трудовая деятельность началась, и возраст уже перевалил за четверть века, а у родителей Вася все ходит еще в юношах, они все еще берегут его от соблазнов жизни.

И знай бы Михаил Сергеевич, предугадай он события заранее, не доставал бы сыну путевку в санаторий на Кавказское побережье Черного моря.

...Василий увидел ее в кабинете врача на ознакомительном приеме. Карие озорные глаза, смуглое, загорелое лицо, крахмаленный халатик, игриво повязанная косынка на каштановом тюрбане волос.

Она вышла вслед за ним в коридор и простецки спросила:

— Ты чего на меня так зыркал глазами?

— А что? Нельзя?

— Можно. Но не советую.

— Почему?

— Я трудная.

— Да? Это очень хорошо. Мне давно не доставало трудностей.

Так они познакомились. Василий теперь неотлучно дежурил где-нибудь поблизости от врачебных кабинетов, когда Лена была на дежурстве, кружился вокруг ее дома, когда она была свободной от смены: неотлучно сопровождал ее и к морю, и на танцы, и на любую прогулку. Час, проведенный без Лены, казался Василию вечностью, а мир выглядел в самых серых и невыносимо скучных тонах. Ему нравилось в ней все — лицо, глаза, фигура, громкий залиvistый смех, каждое слово казалось верхом мудрости, каждая шутка или шалость были полны какого-то особого смысла.

Жизнь Лены Зажигиной сложилась далеко не так, как у Василия. Она выросла и все свои двадцать пять лет прожила на юге, около санатория, где работала врачом ее мать. У матери не сложилась семейная жизнь, муж ушел через год их совместной жизни. Вторая и третья попытки создать семью кончились тем же, и Зажигина-старшая подалась с юга куда-то в другие места искать свое счастье, оставив дочь на попечение своей старухи матери. Лену, однако, вырастила не столько бабушка, сколько сердобольные подруги матери — сотрудницы санатория. Ей не пришлось расти впроголодь, все ей старались помочь, чем могли, но сознание того, что ее

бросили, что она как бы обсевок в поле, осталось в сердце постоянной саднящей болью. Замкнутость характера, диковая резкость во взаимоотношениях с людьми, повышенная склонность к самозащите, обереганию своего собственного внутреннего мирка стали свойствами ее натуры. А взгляды на жизнь, на жизненные стежки-дорожки в немалой степени формировались той атмосферой праздничности, что неизбежно сопутствует любому месту, куда приезжают люди на отдых.

Встреть Лена не только любовь Василия, а и глубокую родительскую теплоту его отца и матери, возможно, оттаяло, смягчилось бы ее сердце и нашли бы Ореховы не только сноху, а еще одно любящее их существо.

Однако сложилось все иначе.

Через две недели после отъезда сына в санаторий Ореховы получили от него пространное, восторженное письмо. Оно было о ней и только о ней. Задыхаясь от обуревавших его чувств, Василий рисовал образ любимой — как она ходит, как говорит, смеется, одевается. В конце письма он сообщил, что вернется в Москву вместе с ней, Леной. Из пяти страниц убористого текста Ореховы поняли только эти строчки. Их сын безрассудно, опрометчиво, по-мальчишески увлекся какой-то там никому не известной особой.

Ответное письмо родителей было сухим и гневным. Они писали, что потрясены легкомыслием сына, его несерьезностью и безответственностью. Да разве хоть один нормальный человек принимает всерьез санаторные увлечения? Настойчиво требовали, чтобы Василий выбросил из головы свои глупые, нелепые мысли и не строил каких-то там серьезных планов со своей санаторной Джульеттой. Требовали, чтобы все с ней было прекращено и притом незамедлительно. В конце письма родители недвусмысленно предупреждали, что если он ослушается, то пусть не рассчитывает на их снисходительность. В дом эту санаторную потаскушку они не пустят.

Василий знал, что испуг, удивление родителей неизбежны. Но что он получит такую отповедь — не ожидал. Он читал и перечитывал письмо несколько раз в надежде найти хоть какую-то обнадеживающую мысль, какое-то понимание его сердечного и такого искреннего порыва. Нет, ничего этого не было. Прочтя письмо, он опустился на кровать и долго сидел опустошенный и обескураженный.

«Что это с ними? — думал он. — Отчего столько гне-

ва, ругани? И даже угрозы. Не мальчик же я в конце концов, не дитя малое».

Ему пришла в голову мысль, что не поняли его старики, не разобрались, как это серьезно у него. «Я же не могу, не могу без Лены». Василий ринулся в центральный вестибюль санатория к телефону.

Через несколько минут после его ухода в комнату зашла Лена. Они собирались в городской парк, и, как было условлено, она зашла за ним. Письмо лежало открытым на столе, и Лена ревниво подумала: наверное, от какой-нибудь москвички. Пробежала первые строчки: «Дорогой сынок...» Поняла, что это именно то письмо от родителей, которого с нетерпением ждал Василий. Она поразмыслила немного, но, не предвидя тех страшных мыслей, что были заложены в крупных размашистых строчках Орехова-старшего, начала читать. И прочла до последнего слова, не отрываясь. Скоро вернулся Василий. По ее суженным глазам, по бледному лицу он понял, что письмо прочитано.

— В крепкой узде тебя держат предки. Лихие старики. Скорые. Вот и меня уже в потаскухи произвели. Спасибо.

Василий не отошел еще от нервного, напряженного разговора с отцом, и потому до него не сразу дошел смысл сказанного Леной.

— Не обращай внимания, — махнул он рукой. — Старички есть старики.

— Ну нет, я смотрю на это иначе. Я эти их слова запомню. На всю жизнь запомню.

— Ну зачем же возводить все в степень. Чепуха все это.

— Если такое... ты считаешь чепухой, то мы очень, очень разные люди. — И Лена, не говоря больше ни слова, стремительно встала и, резко хлопнув дверью, вышла из комнаты.

Василий всерьез, в полную силу неистраченного чувства увлекся Леной, и поэтому все, что было, кроме этого чувства, в том числе и явная ссора с родителями, казалось чем-то мало существенным, второстепенным. Он бросился вслед за Леной.

Нашел ее в сквере. Лена сидела на скамейке колючая, непримиримая. Василий сел рядом, взял было девушку за руку. Она отчужденно отодвинулась.

— Ну что ты, Леночка, так на все реагируешь? В конце концов при чем тут старики? Важно, что я тебя люб-

лю и ты меня любишь. Остальное неважно. — Он говорил это, искренне убежденный, что все так и будет.

Это был важный, решающий разговор, закончился он объятиями, поцелуями, клятвами быть всегда вместе. Сознание того, что Лена любит его, окрашивало мир Василия в радужные тона, глушило тревогу, помогало не так остро и болезненно ощущать ссору с домашними. И даже условие, что поставила Лена в итоге этого разговора на скамейке, — никогда и ни при каких условиях она не будет общаться с его стариками, — не вызвало у него сколько-нибудь осознанного протеста. Он попросту не придавал этим словам серьезного значения. Правда, его несколько удивила злая непримиримость Лены, ее расчетливая деловитость при обсуждении того, как они будут жить дальше, но он постарался не задумываться и над этим. Мысль спасительная, успокаивающая, что все так или иначе наладится и утрясется, бодрила его, не давала впасть в уныние, глушила тревогу и беспокойство, что жили в глубине души.

По своей житейской неопытности Василий не смог хорошо распознать Лену. Плохо знал и своих чадолюбивых родителей. Его спасительное убеждение, что «все наладится и утрясется», как оказалось, было построено лишь на его горячем желании такого исхода, но отнюдь не на реальной оценке того, что произошло.

Отсутствие собственного жизненного опыта, жизнь по готовым рецептам, на шелковом поводке у кого бы ни было, всегда мстит за себя.

...Всю дорогу до Москвы Василий убеждал Лену, что они должны непременно поехать прямо к нему домой. «Ну пошуршат малость старики, этим все и кончится». Лена, однако, ничего не хотела слышать. В Москве у нее жила подруга, и она настояла, чтобы Василий отвез ее к ней.

— С твоими предками встречаться не буду. Не знаю их и знать не хочу. Я ведь предупреждала.

Василию ничего не оставалось, как отвезти Лену к подруге.

Разговор с родителями был не менее тяжелым и удручающим. Начался он сразу же, как только Василий появился в доме.

— Мы тебя не встречали, как ты сам пожелал этого. Но ведь поезд пришел уже четыре часа назад. Что так долго добирался?

— Пока довез Лену до подруги, пока устроил ее.

— Значит, ты все-таки привез ее?

— Мы решили пожениться.

Отец отложил газету, позвал из кухни хлопотавшую над обедом мать.

— Послушай, что говорит твой недоносок. Свою потаскуху он, оказывается, в Москву привез. И даже жениться надумал.

Василий в умоляющем жесте поднял руки, хотел остановить эти тяжелые, унижительные слова, но не успел.

Мать, как стояла у косяка двери, так тут же и опустилась на пол. Сын бросился к ней, усадил на диван. И начались истерические слезы матери, гневные, оскорбительные выкрики отца. Длилось все это до самого вечера.

Василий пытался успокоить разошедшихся родителей, умолял выслушать его. Но гнев обоих был столь велик, что слова пропадали впустую. Наконец мать, устав от слез и криков, проговорила:

— Ты хоть показал бы ее, эту свою...

Отец, однако, тут же отверг эту мысль безапелляционно и категорически:

— Еще чего... Додумалась. Тоже мне, ума палата. Ни видеть, ни слышать ее не хочу.

Василий нервно, в тон ответил ему:

— Не беспокойтесь, отец. Она здесь не появится. Она тоже не хочет вас видеть.

— Даже так? Это почему же?

— Прочла ваше письмо. Ну а в выражениях там вы не стеснялись.

— Ну вот, Ольга Васильевна. Слушай своего сыночка. Хорошую жар-птицу подыскал он. Спасибо, сын. Обрадовал на старости лет. Спасибо. Ну так вот мой окончательный сказ: ноги ее тут не будет. А коль она тебе дороже нас, то можешь отправляться к ней хоть сейчас же. Но дорогу сюда забудь.

Василий огромным усилием воли сдерживал себя, вновь и вновь старался как-то урезонить разбушевавшихся стариков. Говорил о том, что Лена отличная, порядочная девушка, что он любит ее, безмерно любит, что их решение о женитьбе твердое, что в конце концов ему ведь жить с Леной, а не им. Но ни один его довод, ни одна мысль, ни одно слово не доходило до сознания взвинченных, ослепленных своей обидой людей.

В полном отчаянии Василий, собрав кое-какие свои вещи, ушел в тот вечер из дома. Лена по его виду поня-

ла, что у него произошло дома, и с усмешкой проговорила:

— Не терзайся и не мучайся. Все это к лучшему. А если ты совсем без них, без своих поводырей, не можешь, то я тебя не задерживаю. И претензий не имею.

Василий с болью посмотрел на Лену:

— Что вы кидаетесь мной, как футбольным мячом? Ну зачем и ты так, Лена?

— Я хочу, чтобы все у нас было ясно с самого начала.

...У родителей Василий появился только через два месяца. Мать сразу засуетилась на кухне, чтобы угостить сына, отец же, не ответив на его приветствие, продолжал сидеть у телевизора. Потом, пересилив себя, спросил:

— Ну как жизнь молодая?

— Ничего, живем.

— Видимо, хорошо живется, коль за два месяца не умудрился родителей навестить.

Василий молчал. Да и что он мог сказать? Если бы знали они, как жил он эти два месяца, каких мук они ему стоили. Он был искренне и глубоко привязан к ним — к своим старикам, любил их. Любил этот дом, эту свою комнату, где вырос, где все еще на своих местах лежали свидетели и спутники его детства, его юности и эти вот игрушки — целый набор автомобилей, этот фотоуголок, железная пружинная кровать, где он столько ночей провел за любимыми книжками. Не знали старики, как мучился он все это время, как с раскрытыми глазами лежал он целые ночи напролет, как ходил длинными вечерами вокруг этого дома, не решаясь войти, желая этого и боясь криков, шума, ругани. Как выпрашивал знакомую соседку о их житье-бытье. Как ежедневно терпеливо и настойчиво убеждал Елену пойти вместе к старикам и все уладить. Он был убежден, что приди Лена в дом — мать наверняка бы поняла сына. Да и отец постепенно оттаял бы, сменил гнев на милость.

Но Лена была непреклонна.

— Встречаться с ними я не буду. Давно ведь у нас это обговорено. А ты навести. Надо с квартирой решать. Пусть выделяют нам две комнаты для обмена. Сами могут и в одной остаться. Не так уж много им скрипеть осталось.

Василий поморщился, просительно проговорил:

— Не надо так. Очень прошу.

— А что я сказала такого? Все нормально. Квартира

нам нужна? Нужна. Хозяйка скоро возвращается, не забывай этого.

— Давай переедем к моим. Говорю же тебе — гроза миновала. Убежден, что в конце концов ты им даже понравишься.

— А я не нуждаюсь в этом. Мне они до лампочки. Жить в одной квартире с этими динозаврами? Да ни за какие коврижки. Горшки за ними выносить — нет уж, избавьте.

— Ну пока до этого дойдет, они нам нужнее будут, чем мы им. Вот дети пойдут...

— А кто тебе сказал, что они пойдут? Пока я этим золотом обзаводиться не собираюсь.

— Ну а как же?

— А вот так, дорогой муженек. Рано нам об этом думать. Надо для себя пока пожить. С квартирой же решай.

И Василий вновь появился у родителей. На этот раз встреча прошла спокойнее. Даже Михаил Сергеевич задал какие-то два-три вопроса, поинтересовался новостями в КБ, где работал сын, посетовал, что стали беспокоить ранения — часто болит голова, поясница. И самое главное — разговор о квартире, которого Василий опасался более всего, получился неожиданно спокойным, деловым.

Мать, правда, всплеснув руками, запричитала:

— Да зачем делить-то, зачем? Так вы с отцом устроили все, так все оборудовали. Терем, а не квартира. Переезжайте сюда, чего уж там. И ты, отец, не возражай и не гневайся. Что же теперь делать? Может, это и есть счастье Васиного.

Михаил Сергеевич остановил ее:

— Подожди, мать, не мельтеши. Супруга его, как я понял, по-прежнему не хочет этого. Так ведь, Василий? Или что-нибудь изменилось?

— Да нет, отец. Ты прав. Потому я и прошу... насчет размена.

Михаил Сергеевич, помолчав, тяжело подытожил:

— Ну что ж, чему быть, того не миновать.

Как на крыльях летел Василий к Лене. Торопливо рассказал о встрече.

Лена только скупо усмехнулась в ответ.

Через некоторое время квартирные дела Ореховых были решены. В районе из уважения к заслугам Михаила Сергеевича пошли на прибавку жилой площади, и ста-

рые и молодые получили по небольшой двухкомнатной квартире.

Жизнь Ореховых окончательно пошла врозь, двумя семьями.

Лена в этом не видела чего-либо особенного. Она убедилась, что Василий целиком подчинился ее воле, о его же тоске по родителям, о его саднящей боли из-за разрыва с ними она не хотела и думать. Пока решался вопрос о квартире, пока Василий вместе с отцом оборудовали и обставляли их гнездо, Лена на эти встречи смотрела более или менее спокойно. Но когда все было отлажено и налажено, когда оставались последние штрихи, она довольно ясно дала понять, что остальное доделает сама. Что понимали они в том, где должен быть торшер, а где развесить африканские маски, нужен или не нужен модерн-бар и камин?

Материальные дела тоже были решены. Не зря ведь она настояла, чтобы то, что было стариками скоплено для сына, он взял не откладывая под предлогом квартирных затрат. И когда Василий принес сберкнижку с переведенным на его имя не таким уж большим, но все-таки довольно существенным вкладом, Лена сочла, что старики свою задачу выполнили, большего с них не возьмешь и потому надо, чтобы они не мельтешили перед глазами, чтоб не мешали жить, как она хочет.

Правда, нужды в этих ее крутых мерах, в сущности, не было. Старики не докучали им, особенно ей. Даже когда оборудовали квартиру, то всегда управлялись с делами до прихода снохи и торопливо уходили восвояси, чтобы не натолкнуться на ее холодный, враждебный взгляд.

Теперь визиты родителей прекратились вовсе. Василий нет-нет да и захаживал к ним. Правда, задерживался недолго, полчаса, не более, и спешил к себе. Но и этого было достаточно для колких, едких замечаний супруги.

— Опять там был? Опять мои косточки перемывали?

— Да что ты, Лена. На полчаса заскочил. О тебе и речи не было.

— Ну ясно. Где уж нам сподобиться до такой чести.

— Ну за что ты их так незлюбила? Старики как старики.

— Какие они старики, ты мне не рассказывай. Знаю. Очень хорошо знаю.

— Долго же ты помнишь свою обиду. Ну ошиблись тогда, не знали ведь тебя.

Как-то Василий задержался дольше обычного, и Лена встретила его еще более шумно. Причина же задержки совсем вывела ее из равновесия, о ней по простоте душевной рассказал сам Василий. Дело в том, что к Ореховым из Ленинграда приехала дочь их старых друзей Перцовых — Вера, преподаватель Ленинградской консерватории. Когда Перцовы жили в Москве, Вера и Василий учились в одной школе, ездили в один лагерь, дружили и, встретившись, заговорились о разных разностях из той их, юношеской, жизни.

— Подумаешь, старые знакомые, велика важность. А ты и развесил уши, разнюнился, готов был просидеть хоть до ночи. Нет, тут, видимо, кроется другое. Да, да. Я убеждена в этом. Это твои предки что-то удумали, не иначе. Точно. Так оно и есть. Это они тебе новую жену подбирают.

Василий ошалело посмотрел на нее.

— Да ты с ума сошла.

Как он ни убеждал Лену в нелепости ее предположений, это, однако, ничуть не утихомирило ее. Она, конечно, вовсе не была убеждена, что Ореховы действительно что-то задумали, но вероятность этого ею не исключалась. Утром она вновь вернулась к вечерней истории, и Василий был ошеломлен чудовищностью ее слов и требований, был буквально сбит с толку категоричностью и безапелляционностью этого разговора.

— К старикам больше ни ногой. Никаких отношений с ними, никакого общения. Если это тебя не устраивает — давай разводиться.

— Да в чем дело? Что произошло? Какая муха тебя укусила? И как ты можешь предъявлять такие требования? Ведь они мои родители, ничего плохого мне, да и тебе тоже не сделали. Почему же я должен поступить как последний подлец? Этого никогда не будет. Запомни.

— Ах, не будет? Хорошо. — Лена стремительно встала со стула и, с прищуром глядя на мужа пронизывающе-испепеляющим взглядом, сухо изрекла: — Я сказала все. Подходят мои условия — принимай. Не подходят — расстанемся.

Капитуляция Василия была принята снисходительно, требования и условия были повторены с той же непоколебимостью.

Лену Василий вернул, но вернуть жизнь в старое,

пусть не такое уж ровное русло не удалось. Лёну он теперь любил и ненавидел, себя презирал — за безволие, слабость характера, неумение настоять на своем. Он не появлялся у отца и матери долго, но не выдержал и стал забегать к ним днем, отпрашиваясь на час-полтора с работы. Эти встречи были тягостны и для них и для него. Старики прекрасно понимали, что происходит, видели, как изменился Василий, как потух его взгляд и весь он превратился в комок оголенных, незащищенных нервов.

Как-то после такой встречи Михаил Сергеевич по уходе сына долго и безмолвно сидел у стола, и когда жена кончила возню на кухне, позвал ее.

— Вот что, мать, надо что-то делать. Изведется Василий, погибнет. Надо мириться со снохой, ничего не поделаешь!

— Я давно тебе толкую об этом. Только как это сделать? К ней ведь ни на какой козе не подъедешь.

— Знаю. Но делать что-то надо. Готовься к августу. Лучшей причины не придумать. Уж если она на мой день рождения не придет, то не знаю... Тогда она истинная Горгона.

И Михаил Сергеевич и его супруга, верные своим представлениям о жизни и людях, думали довольно просто: на такую-то дату как можно не прийти? Ну а здесь, за скромным праздничным столом, в кругу семьи и друзей, глядишь, и оттаит жестокое сердце женщины, что так полонила их сына, поймет, что нет у них против нее больше никаких плохих мыслей. В конце концов важно, чтоб сын был счастлив. А в знак искреннего, идущего от всей души прощения было решено подарить Елене свои обручальные кольца и самую ценную вещь, что была у них, — брошь с бриллиантами, которую когда-то Михаил Сергеевич купил супруге, года два откладывая для этого свои премиальные за изобретательство.

Василий пообещал, что придет с Леной.

Он знал, что будет очень нелегко уговорить Лёну на этот шаг, но все же надеялся, что сделает это. Мысль, что она откажется, гнал от себя, не мог смириться с ней, это было бы слишком жестоко.

Он понимал желание стариков, сам мечтал именно об этом. Как бы ему хотелось, чтобы кончилось наконец их отчуждение, эта ненависть! Какую невыносимую тяжесть сняло бы их примирение с его плеч, насколько легче стало бы ему жить. Василий чувствовал, что он смертельно устал от этой нелепой вражды, что ему становится невы-

носимо врать, притворяться и изворачиваться. Дома он терзался от тоски по старикам, волновался, как они там (старые ведь стали). Придя к ним, терзался из-за того, что засиживается лишние полчаса и не дай бог о визите узнает Лена. Опять будет скандал, крики, истерика.

Как утопающий за соломинку схватился Василий за предстоящее торжество и, вернувшись домой, сразу же стал убеждать Лену пойти в субботу к родителям.

Уговорить жену, однако, не удалось. Она даже заявила, что и ему, Василию, идти не позволит.

— Не верю я им. Обязательно какую-нибудь подлость учинят. Может, опять встречу тебе с этой Верой из Ленинграда устраивают.

— Ну что ты городишь! Нас с тобой они ждут.

— Нечего мне там делать, и ты меня не уговаривай. Сказала ведь давно, что не хочу с ними иметь ничего общего. Они для меня не существуют.

— Но для меня существуют. Они мои родители, вырастили, воспитали в конце концов. И я, конечно, пойду к ним.

— Можешь идти. Но помни — мое слово твердое.

Торжество было подготовлено стариками любовно. И домашние пироги с капустой, и жареная индейка, и вишневая наливка — все, что было любимого в семье, было на столе. Трое давних друзей Михаила Сергеевича, таких же пожилых, седоволосых, с такими же дородными супругами, чинно сидели за столом и пропускали «по махонькой», ожидая младших Ореховых. Приход Василия встретили обрадованно, шумно. Все ждали, когда появится Лена, но она не пришла.

Василий понял молчаливый вопрос и виновато объяснил:

— Прихворнула моя половина, не смогла.

Ольга Васильевна с трудом скрыла полоснувшую ее сердце обиду и горечь. И только присутствие старых подружек удержало ее от того, чтобы не разрыдаться. Михаил Сергеевич понимал смятенное состояние сына, видел, как убита жена, и старался как мог развеселить, занять гостей.

Подруги Ольги Васильевны, улучив момент, все же не преминули допросить ее:

— Неужто уж так занемогла сноха-то? Ведь рядом живет-то.

— Ох, и не говорите лучше, и не спрашивайте, до-

рогие. У нас с ней не приведи бог как плохо. Совсем знать нас не хочет и сына отлучает.

— Да что случилось-то?

— Ни разу не была у нас. И нас не зовет, и видеться не хочет. Знать, говорит, не знаю и знать не хочу. Оно, конечно, поначалу-то и мы сплеховали, отговаривали Васю, не одобряли его выбор. Ну а потом смирились, думаем: ему жить-то, пусть как хочет. А она в принцип. И ни в какую. Кремень-женщина. Васеньку очень уж жалко. Он ведь — воск, мягкий да сердобольный, мучается, терзается. Каково ему меж двух огней... с его-то характером.

Василий со смешанным чувством участвовал в праздничной трапезе, усилием воли заставлял себя принимать участие в беседе словоохотливых стариков, вяло отбивался от их добродушных шуток. Сознание постоянно сверлила одна и та же мысль: как там дома? Как его встретят? Что Елена придумает, чтобы отомстить за то, что ослушался? Но как он мог поступить иначе? Как мог не пойти? И когда кончится эта глупая, бессмысленная вражда?

Провожая его, Ольга Васильевна все хлопотала, чтобы Василий взял какой-то узелок с вкусностями для Лены, а отец смотрел скорбно, с тоской и нескрываемой жалостью.

— Заходи, Васенька, почаще заходи, — причитала мать. — Смотри, мы ведь совсем старенькими становимся. Не оставь в случае чего.

— Что ты, мать. До тебя ли ему. Теперь он только на похороны придет, да и то если она позволит.

Сказано это было тихо и глухо, но в словах было столько боли, сожаления и отцовской тоски, что у Василия сжалось сердце. Но в этих же словах он уловил и нотки мужского презрения. Ему и без того было плохо, а стало еще горше, еще хуже и безысходней.

Дома его ждало то, чего он боялся больше всего. Свету в окнах не было. Может, спит, подумалось ему, но тоскливое предчувствие тут же приглушило эту мысль. Лены не было дома, не было и ее вещей — это было видно по раскрытым шкафам, по опустевшей вешалке.

Василий долго сидел в состоянии, близком к сумасшествию, опустошенный, убитый свершившимся. Самое страшное, чего он боялся, — потерять Лену — произошло. Большой беды и горя он представить себе не мог, и жизнь теперь потеряла всякий смысл.

Он не сомкнул глаз, с трудом дождался утра и ринул-

ся разыскивать Елену. У подруг ее не оказалось. Догадался позвонить в мастерскую, где работала жена, там сообщили, что она вчера оформила десятидневный отпуск. Куда она уехала? На работе этого не знали, не знали и подруги. Сбившись с ног от поисков, полный отчаяния, он позвонил отцу, рассказал о случившемся. Михаил Сергеевич мстительно проговорил:

— Таких дураков только так и учат. Что же ты хочешь от меня? Чтобы я вместе с тобой бегал по городу и искал эту твою стерву? Нет уж, избавь от такой чести.

Василий то успокаивал себя, то травил самыми мрачными мыслями, от надежды переходил к безысходному унынию. Тоска по Елене рвала на части его сердце. Чтобы хоть как-то отвлечься от своих мыслей, согласился на уговоры приятелей съездить на открытие охоты. Облегчения это, однако, не принесло. Обескураженный, не зная, что предпринять, Василий решил поехать в Сочи. Купил билет на ранний субботний рейс, рассчитывая обернуться за два выходных дня. Однако лететь в Сочи не пришлось. В пятницу вечером позвонила Елена. Василий задохнулся от радости и волнения, зачастил в трубку:

— Лена, Леночка, где ты? Куда запропастилась? Дурная ты. Я же с ума схожу.

Елена, однако, быстро охладила его пыл:

— Слушай, Орехов, меня внимательно. Ничего у нас с тобой не выйдет. Я ушла от тебя всерьез и не вернусь. Формальностями — разводом, разменом квартиры — займусь я сама, как возвращусь в Москву. Это все. Меня не ищи — это бесполезно. До свидания.

Василий попытался задержать ее у телефона, но в трубке уже монотонно и равнодушно звучал отбой.

Тогда Василий написал ту, свою последнюю записку, снял со стены не убранную еще после охоты тулку. Она и на этот раз сработала безотказно...

Следствию уже подробно, в деталях было известно все, что произошло в семье Ореховых. Были ясны причины, толкнувшие Василия на роковой шаг. Была ясна и степень вины за это каждого из его близких.

Разные это были люди — с различными свойствами, привычками, характерами, с различными взглядами на жизнь. Но все эти дни их объединяла мрачная солидарность, попытки обелить, приукрасить свои взаимоотношения, не вынести сор из избы.

В этом сказалось обоюдное стремление уйти от людского осуждения за то, что произошло.

Когда Елена, вызванная с юга, прилетела в Москву, она после первой же встречи со следователем поехала к старикам Ореховым. Она понимала, что к уголовной ответственности ее не привлекут, однако виноватой считать будут многие, особенно если не пресечь разговоры, которые могут повести родители Василия. Поэтому она и поспешила к ним.

Ольга Васильевна, открыв на звонок дверь и увидев сноху, буквально обмерла. Елена явилась еще одним напоминанием о сыне, заставила с еще большей остротой почувствовать невозвратимость потери.

Ольга Васильевна не смогла сдержать себя и заплакала горько, навзрыд, сухими, воспаленными глазами.

— Михаил Сергеевич дома? — спросила Елена.

— Дома, дома. Сейчас я его поκληчу.

Орехов с трудом встал с дивана. Видеться с этой женщиной ему не хотелось, одна мысль об этом сразу повергала его в ярость.

Но все же он понял: видимо, что-то серьезное, связанное с происшествием, привело ее к ним.

— Зачем пожаловали? — не здороваясь, спросил он, выходя в комнату. — Довели мужа да могилы, а теперь каяться, крокодиловы слезы лить пришли? Так я не поп, поэтому не по адресу явились. Вы, только вы причина его смерти, так и знайте.

Елена вздохнула и ровным, размеренным голосом ответила:

— Зря вы так, Михаил Сергеевич, не за этим, не каяться я пришла. Да и не в чем мне каяться. Уж кто виноват во всем — так это вы. Но я не счеты сводить собиралась. Я понимаю ваши чувства. Поймите и вы меня. Мне ведь тоже нелегко. Но теперь нам надо думать не о том, кто виноват больше, а о том, как уберечь добрую память о Василии, как фамилию Ореховых от осуждения уберечь, не дать очернить ее. Идет следствие, ищут причины случившегося. Их, эти причины, будут искать в семейных делах. Так вот я думаю, что наши дела должны остаться только нашими. Василию помочь уже нельзя, а ходить по следователям да по судам ни вам, ни мне расчета нет.

Старики Ореховы, убитые, сломанные горем, не нашли в себе ни сил, ни желания возразить настойчивым советам невестки. Так был заключен этот негласный со-

юз недругов, который, с одной стороны, осложнял ход следствия, с другой — внес дополнительные штрихи, характеризующие участников всей истории. Но затемнить, а тем более скрыть истину этот союз, разумеется, не смог.

Следователь Решетников для итоговой беседы пригласил всех Ореховых сразу. Елена была как всегда спокойна, подчеркнуто невозмутима. Тщательно уложенные волосы, аккуратный, плотно облегающий фигуру костюм. Белым, вышитым шелковым платочком она изредка и осторожно дотрагивалась до подведенных глаз. Старики выглядели иначе. Их было не узнать. Пропала степенность, важность Михаила Сергеевича, оживленность его супруги. Перед Решетниковым сидели два сгорбленных, седых человека, без единой кровинки в лицах, с потухшими, ничего не выражающими взглядами.

— Я позвал вас, чтобы ознакомить с заключением по известному вам делу. Следствие закончено. Факт самоубийства Василия Орехова доказан. Виновных в его смерти с точки зрения Уголовного кодекса нет. Но если рассматривать дело с точки зрения человеческой, с точки зрения людских отношений — в его смерти виноваты вы...

Решетников хотел развить эту мысль, еще утром обдумывал, что и как сказать Ореховым... Скажет о их безрассудном эгоизме, черствости, удивительном и пагубном равнодушии к чувствам, душевному миру близкого человека...

Но, посмотрев сейчас на сидящих перед ним людей, он отказался от этого намерения. Для Елены Ореховой его слова были бы бесполезны, они не дошли бы до ее холодного, расчетливого ума, а для стариков Ореховых были бы излишними. Свершившееся и так раздавило их, превратило в мучку оставшиеся годы жизни.

На улице Ореховы разошлись не прощаясь. Елена, поправив черный шелковый шарф, свернула в одну сторону, старики — понурые и согбенные — в другую.

КТО ВИНОВАТ?

В морозном лесу выстрел прозвучал гулко, раскати-сто. Эхо его долго гуляло по глухим урочищам и перевалам. Вслед за выстрелом послышался хриплый звериный рев, треск кустов, сучьев, и все стихло. Охотники, стояв-

шие на линии по узкой просеке, нетерпеливо смотрели в сторону лесной опушки, где стоял Василий Мишутин — крайний номер — и откуда раздался выстрел. Все ждали условленного сигнала «готов», но его все не было, а вскоре на просеке появился егерь. Он торопливо прошел, снимая номера и приглашая охотников за собой.

На окраине леса Мишутина не оказалось. Недалеко от места, где он должен был стоять, виднелись глубокие двупалые следы кабана, снег около них алел кровью. Рядом с кабаньими следами — широкие провалы наста от мишутинских валенок. Он ушел по следам зверя.

Егерь Никифоров обеспокоенно посмотрел на охотников и приказал:

— Глядеть в оба. Быть в зоне видимости друг у друга. Раненый секач — не шутка!

Охотники нешироким веером разошлись в стороны от кабаньего следа и направились в лес, вслед за Никифоровым. Но не прошли они трехсот или четырехсот метров, как вдруг услышали отдаленный душераздирающий крик человека.

— Скорее, скорее! — крикнул Никифоров, и его поношенный шубник еще быстрее замелькал среди заснеженных елей и берез. Охотники побежали тоже, с трудом поспевая за стариком. Каждый понимал, что случилось что-то неладное, и каждый думал об одном: лишь бы не самое худшее. Но произошло именно то, чего опасались все.

На небольшой прогалине, у корней старой, вывороченной бурей сосны лежал окровавленный Мишутин. А недалеко от него, в широкой борозде, пропоротой в снегу, — огромный кабан-секач. Охотники, зарядив ружья, бросились к зверю. Но это оказалось лишним. Зверь был мертв.

Никифоров и двое охотников были уже возле Мишутина. Его толстый меховой полушубок от левой полы до правого плеча был вспорот клыками секача, словно гигантскими ножницами. Никифоров растегнул на Мишутине окровавленный ворот, отбросил полу полушубка, приложил ухо к его груди и поднялся, бессильно опустив руки:

— Все, ребята. Нет больше Мишутина.

— Как же это он? — спросил один из охотников.

— Оплошал, видно. Беда-то, ребята, какая, — потерянно проговорил Никифоров и опустился на корневище дерева.

Работая под общим руководством прокурора, старший следователь следственного управления Михаил Новиченко после двухнедельного расследования пришел к выводу, что дело довольно ясное. Нарушение элементарных правил зверовой охоты, халатность егеря и начальника команды привели к гибели Мишутина. Виноваты они, и только они.

Это он и объявил Никифорову и Чапыгину — капитану команды:

— Придется вам отвечать, граждане. Халатное отношение к своим обязанностям с отягчающими обстоятельствами. Факт, как говорится, бесспорный.

— Да, да, конечно. Случай страшный, ужасный. Но я сделал все, как положено. И оружие и боеприпасы проверил, инструктаж состоялся самый подробный. Все письменно подтвердили это. В деле у вас есть документ. Что же я еще мог сделать?

— Многое, многое могли сделать, Никифоров. Мишутин, по всей видимости, не был опытен в зверовой охоте, и вы должны были его страховать. Далее, Мишутин шел след в след за раненым кабаном. Значит, не был должным образом проинструктирован.

Сергей Павлович Чапыгин — работник одного из московских институтов, не стал спорить со следователем.

— В сущности, все, что вы говорите, правильно. Но у меня из головы не выходит — почему Мишутин не стрелял? Когда вышел на эту прогалину, зверь был от него всего в десяти метрах. И почему шел он с одним заряженным стволом, когда в патронташе были патроны с картечью?

— Ну, на эти вопросы мог бы ответить лишь сам гражданин Мишутин. Этого он, к сожалению, уже никогда не сделает. Но, логически рассуждая, ответы можно найти. Причины все те же: плохая подготовка охоты.

— Да нет. Дело в том, что Мишутин был далеко не новичок в охотничьем деле.

— Тогда в чем же дело?

— Понимаете, в тот вечер, перед охотой, Василий Федорович был какой-то необычный, странный...

— Как это необычный?

— Ну, задумчивый, поникший, хмурый какой-то. Может, на службе у него что-нибудь случилось или дома?..

— И по служебной линии ясность полная, и по домашней. На работе его характеризуют положительно и даже очень, а дома о нем сказать некому, один жил. Что же касается его душевного, так сказать, состояния, то что же... Раз он был не в форме, может, устал, плохо себя чувствовал, опять-таки вы должны были учесть это и не ставить его один на один с таким зверем. Значит, опять вина ваша. Так что прошу подписать обвинительное заключение.

Чапыгин вздохнул.

— Подписать-то я подпишу, но во всем этом следовало бы разобраться более тщательно.

Свою мысль Чапыгин не только высказал устно, но и написал об этом в небольшом письме на имя начальника следственного управления: «Не для того пишу, чтобы снять с себя или с кого-либо ответственность, а для того, чтобы была внесена полная ясность в дело, чтобы одна беда не повлекла за собой другую. Ибо осудить невинного — это тоже беда...»

Начальник следственного управления Родников, прочитав письмо Чапыгина, затребовал дело о гибели Мишутина и подробно ознакомился с ним. В одном из протоколов допроса Никифорова его внимание привлекла знакомая фамилия: Крылатов. Егерь в ответ на вопрос следователя, почему он не поинтересовался, что за охотник Мишутин, ответил:

«Он ведь и раньше приезжал к нам. С Петром Максимовичем Крылатовым приезжал. А тот со случайным человеком не поедет. Негоже мне было каким-то необоснованным сомнением обижать человека».

Генерал Родников подчеркнул эту запись в протоколе и стал листать дело. Показаний Крылатова там, однако, не было.

— Почему по делу Никифорова не опрошен Крылатов? — спросил он у Новиченко.

— Так он же не был на охоте. И вообще в Москве не был. Что же он мог показать?

— Мог охарактеризовать Мишутину.

— О Мишутине собраны все необходимые данные. Кроме хорошего, о нем никто ничего не сказал.

— А его моральное состояние?

— Ну, для секача его моральное состояние, я думаю, было не столь уж существенно.

Родников не принял шутки.

— Для него не существенно, а для нас — очень.

Узнайте, в Москве ли Петр Максимович Крылатов, и, если в Москве, попросите его приехать ко мне.

Уже к концу дня в кабинет генерала вошел пожилой плотный человек с густым ежиком седых щетинистых волос — полковник милиции в отставке.

Когда-то он был грозой домушников, карманников и прочей нечисти во многих северных городах. За несколько лет до пенсии переехал в Москву, работал в институте криминологии и вот уже несколько лет корпел над каким-то серьезным трудом, связанным с его прошлой деятельностью. Целыми днями сидел в библиотеках и музеях или вдруг уезжал на неделю, на две в какой-нибудь райцентр, где когда-то трудился.

— Здравствуйте, коллега, — сдержанно поздоровался он с начальником управления и, усевшись в кресло, спросил: — Чем могу быть полезен?

— Хотели, Петр Максимович, посоветоваться с вами по поводу случая в Заболотье. Я знаю, что вы не были там, но знали погибшего.

— Да, знал, и неплохо. Хороший, душевный был человек. Я все еще не приду в себя от этого нелепого случая.

— Понимаете, Петр Максимович, судить людей надо за его гибель.

— Коль виноваты, надо судить.

— Как он был охотник-то? Настоящий?

— Любил это дело. Особенно охоту на птицу. На зверя ходил меньше, но ходил. Сдержанный, спокойный, с самообладанием. И стрелял неплохо.

— Понимаете, вдруг пошел преследовать секача по следу. Обнаружил его затаившимся всего в десяти метрах, на открытом лежбище. И не стрелял.

— Наверное, не успел выстрелить.

— Даже не пытался. Двустволка и с предохранителя не была снята.

— Да. Это странно. Очень странно...

— Вечером, перед охотой, все заметили его угнетенное, хмурое состояние. Но не придали этому значения.

— И зря. Может, здесь и кроется причина трагедии. Если можно, устройте мне поездку на место происшествия. Хочу посмотреть обстановку.

— А почему нет? Хоть завтра.

— Нет, послезавтра. Прежде прочту все дело.

— Прекрасно, поедете послезавтра. Но следов там, видимо, уже нет.

— Посмотрим. Снегопадов-то в этот месяц почти не было.

Новиченко, когда ему сообщили о предстоящей поездке в Заболотье, проворчал:

— А зачем, собственно? Дело вполне ясное. — Заметив, однако, неодобрительный взгляд начальника управления, поспешил заверить: — Все будет сделано, товарищ генерал.

Старый егерь обрадовался Крылатову, посетовал на несчастье:

— Каждый день вот суда жду. И Василий Федорович из головы не идет. Только не виноват я, Петр Максимыч, не виноват.

— Что же делать, Никифoryч, что делать. Крепись. Коль не виноват — не засудят. Судьи — люди опытные, разберутся.

Выехали в Заболотье. «Газик» до лесной просеки не пробился, километра три пришлось идти пешком. Вот и опушка, где стоял на номере Мишутин. Утоптанная дорожка следов ведет к той лесной прогалине. Никифоров показывает вывороченную сосну, около корневищ которой стоял Мишутин, лежку, с которой бросился на него зверь. Место его падения после расправы с Мишутинным...

Крылатов долго осматривал прогалину, несколько раз вымеривал ее шагами, в разных поворотах становился к корневищам дерева.

— Что ж, Никифoryч, зона обстрела у него была отличной. Мог легко добить. Видимо, принял зверя за мертвого, не ожидал нападения.

— Возможно. Вообще преследовал он его чудно. То ли не был уверен, что нагонит, то ли, наоборот, был убежден, что никуда кабан не денется. Когда мы вот с товарищем следователем впервые осматривали их следы, то диву дались. Федорыч и шел, словно наобум. Иногда даже опережал секача, когда тот в стороне отлеживался. Удивляюсь, как он раньше на него не набросился.

Новиченко подтвердил:

— Действительно, товарищ полковник, все так и было. Неопытность была очень даже заметной.

— Неопытность? Да ведь Мишутин только на моих глазах пять или шесть кабанов взял.

— Тогда... Как же объяснить происшедшее?

— Пока не знаю, товарищ майор.

Генерал приветливо улыбнулся, поднявшись навстречу Крылатову.

— Ну как, Петр Максимович, удачно съездили? Намучились, поди?

— Да нет, не очень. Но, кажется, труд не напрасен. Думаю, уверен, что сумею помочь вам... помочь не совершить ошибки. Но сначала мне придется рассказать вам много такого, что на первый взгляд покажется не имеющим прямого отношения к случаю в Заболотье.

Поводом для ссоры послужил незначительный, в сущности, случай.

— Ты не забыл, что мы сегодня должны быть у Алешиных? — спросила Зинаида Михайловна мужа, когда он пришел домой со службы.

Мишутин долго не отвечал, потом, стараясь придать голосу мягкий, просительный тон, проговорил:

— Может, не пойдем, Зина? Устал я сегодня. Да и скучища там будет. Засядут за префранс, пикого от стола не оттащить. Разговоры тоже все об одном и том же. У мужчин — кто куда будет назначен, кого на пенсию вот-вот отправят... А у вас — все тряпки, моды да как похудеть.

— А ты не будь бирюком. Люди играют — ты играй! Беседуют — ты беседуй!

— Давай не пойдем, Зинуша. У Алешиных не какой-то там юбилей, а обычная вечеринка. Обойдутся без нас.

Но Зинаида Михайловна была настроена иначе. Она и с работы отпросилась пораньше, и платье, что приятельницы еще не видели, только что погладила.

— Стареешь ты, Василий. Обленился, как сибирский кот. Собирайся. А то одна уйду.

— Вот и отлично. А я отдохну, — обрадовался Василий Федорович и стал расшнуровывать туфли.

Зинаида Михайловна пришла поздно. От нее немного пахло вином, и Василий Федорович отпустил по этому поводу безобидную шутку. Жена промолчала.

— Ну, что молчишь? Расскажи, как там веселились? — отогнав от себя сон, спросил Василий Федорович и потянулся за сигаретами.

— Не кури, пожалуйста. И так дышать нечем.

— Это почему же нечем? Окно открыто.

— И все равно не дыми. Противно.

Василий Федорович пожал плечами.

— Если противно, пойді в ту комнату.

Зинаида Михайловна посмотрела на сонное лицо мужа, и злое чувство поднялось в ее душе. Она вскочила с кровати, свернула свое одеяло, простыню, матрац и ринулась из комнаты.

Василий Федорович с недоумением посмотрел ей вслед и, с досадой затушив сигарету, двинулся за женой. Та лихорадочно устраивала постель на диване в столовой.

— В чем дело, Зина? Что с тобой?

— Уйди отсюда, пожалуйста.

— Да объясни ты, наконец, в чем дело? Какая муха тебя укусила? Обозлилась, что к Алешиным я не пошел? Ну, виноват... Извини. И не злись. А то посмотри как разошлась, глаза гром и молнии мечут.

— А ты хочешь, чтобы они любовь да ласку источали? По какой такой причине?

— А что, так уж и нет этих самых причин? — тоже начиная раздражаться, спросил Василий Федорович.

Зинаида Михайловна резанула мужа испепеляющим взглядом. Ей захотелось сейчас же высказать мужу все, что накопилось у нее на сердце.

— Конечно, ты осчастливил меня. Ох, как осчастливил. Жизнь райская.

Василий Федорович понял, что разговор предстоит длинный, и устало опустилсѧ в кресло у окна.

— Ну, давай, давай, продолжай.

— Да уж послушай. Выскажу, все выскажу. Нет больше моего терпения. Ты подумал хоть раз, какую радость я имею в жизни? Работа, магазин, кухня, стирка, уборка и опять работа... Ты черствый и закоренелый эгоист.

Василий Федорович решил слушать жену не перебивая. Все, что говорила она, он слышал уже не раз и не два, нового она, в сущности, ничего не добавила. Но думал он сейчас о другом. Вспоминалось, как почти два десятка лет назад он, окрыленный, почти обезумевший от счастья, вбежал к ребѧтам в общежитие с двумя бутылками вина и огорошил всех невероятным сообщением:

— Ребѧта, поздравьте, мы с Зинушкой расписались. Так что гуляем!

Кто позавидовал, кто посочувствовал: еще одна холостая единица гибнет! — но поздравляли все. Выбор одоб-

рили тоже, в сущности, все. Зина была все-таки интересной девчонкой.

Василий Федорович смотрел на Зинаиду Михайловну и с грустью думал: как безжалостно время. Женщина, сидевшая на диване, даже отдаленно не напоминала ту Зину, которую он когда-то трепеща всем сердцем вел в загс.

Зинаида Михайловна сидела все в той же оскорбленно-непримиримой позе. Волосы ее растрепались, неприбранные, они предательски обнажали поседевшие пряди, в открытый ворот рубашки проглядывало стареющее тело, желтоватая, уже морщинистая шея.

Женщина заметила, что муж пристально смотрит на нее, уловила изучающий, недобрый взгляд, запахнула рубашку. И взглядом, тоже изучающим и недобрым, посмотрела на мужа. Перед ней был рыхловатый, полысевший человек. Помятое лицо. Довольно объемистый живот туго натягивал белую майку. И это — Вася Мишутин? Весельчак, заводила всех студенческих вечеров? Васька, который сводил с ума не только ее, но и многих ее подруг? Как же он изменился, постарел и подурнел! Зинаиде Михайловне почему-то сделалось ужасно жаль себя, и она, уткнувшись в подушку, заплакала.

Василий Федорович встал с кресла, подошел к жене, положил на плечо руку. Она, вздрогнув, сбросила ее с какой-то неистовой озлобленностью.

— Да что за бес в тебя вселился? Разве уж очень плохо мы живем? Работа у обоих неплохая, квартира отличная. Тряпок мало? Но без меры ты ими вроде никогда не увлекалась. Бриллианты и жемчуга? Есть же у тебя какая-то мелочишка, и довольно. Самое же необходимое у нас есть. Так что извини, но твоя декларация о каком-то там прозябании, мягко говоря, не обоснована, она, так сказать, плод взвинченного настроения. Что же касается домашних дел, то... что же тут можно сделать? Проблема, в сущности, всеобщая, международная, я бы сказал. Надо полагать, рано или поздно додумаются, как облегчить его, быт этот самый...

Василий Федорович говорил что-то еще, но Зинаида Михайловна слушала плохо, вся во власти заполнившей ее обиды.

— Какой же ты нудный! И как я тебя не поняла раньше? Иди спать. Надоело мне все, — неприязненно проговорила она и натянула на себя одеяло.

Василий Федорович удивленно посмотрел на жену, обиженно закусил губу и ушел в спальню.

Ночь оба не спали. Каждый думал о том, как плохо сложилась жизнь, как не повезло, какая роковая ошибка была совершена в молодости. Все пережитые годы обоим представлялись как бесконечная цепь серых, безрадостных дней, обид и неудач. И в них, в этих неудачах — и мелких и крупных — один винил другого.

«В том, что я не поехал с институтом в Новосибирск, виновата только она. Уж наверняка кандидатом, а то и доктором был бы. То, что не получилось с назначением в главк, опять ее «заслуга». Вела себя с женой Петра Петровича как школьница-задира. Ну а та, конечно, мужу напела».

Так думал он. И примеров такого рода на память приходило множество.

«Как все-таки изменилась Зинаида. Ведь она никогда не была завистливой и вздорной, никогда не было у нее этакой неукротимой напористости в стремлении к излишним житейским благам. Откуда все это пришло? Может, потому, что всем стало лучше и она боится отстать от сослуживцев, подруг, знакомых? Но ведь у нас же есть все, все необходимое...»

«Из-за него я не пошла в аспирантуру, — думала Зинаида Михайловна. — Эгоист. Все силы на него положила. До учебы ли было?.. В том, что детей у нас нет, опять он виноват. Обрадовался, что врач родить мне не посоветовал, уцепился: «Зачем, Зиночка, рисковать...» Ясно же, свой покой оберегал».

И фактов, подтверждающих отрицательные качества мужа, находилось тоже немало.

«Да, жизнь не удалась. Василий все-таки очень приземленный, непрактичный человек, довольствуется очень малым, нет у него стремления к большему, к тому, чтобы жить интереснее, шире. Да и чувства-то, видимо, настоящего у него нет, раз он так равнодушно относится к любой моей просьбе, к моим планам, стремлениям».

Бывали у Мишутиных размолвки и раньше. Но такое отчуждение, озлобленное отношение друг к другу проявилось впервые. Утром, обнаружив, что завтрака на столе нет, Василий Федорович даже обрадовался этому и, не сказав жене ни слова, торопливо ушел на работу. Вслед за ним вышла и Зинаида Михайловна. Вечером не разговаривали тоже. И замолчали надолго. Жили в разных комнатах, молча приходили с работы, молча уходили.

Через месяц Василий Федорович предложил:

— Может, нам развестись?

Зинаида Михайловна, даже не посмотрев в его сторону, тут же ответила:

— Да, так будет, видимо, лучше.

...Народный судья, пожилая, добродушная женщина, мягко, но настойчиво допытывалась о причинах их разрыва, советовала подумать. Обе стороны были непримиримы.

На следующий день они были на приеме в райисполкоме, а через месяц разъехались на разные квартиры. Так закончилась семейная жизнь супругов Мишутинных.

Первое время Василий Федорович наслаждался одинокой и такой не зависимой ни от кого жизнью. Он мог теперь прийти домой в любое время, ему никто не устраивал допросов, где был и почему задержался. Мог, когда хотел, идти на футбол или куда только желала душа. Мог выпить с приятелями, его никто не обнюхивал, не разносил в пух и прах, не устраивал истерики. Мог в любое время смотреть телевизор или читать — никому не было дела до того, когда он заснет. Хоть совсем не ложись! Никому не мешал дым от его сигарет. Даже завтраки и ужины, которые он сам себе готовил, были несравненно вкуснее. Ну, когда он мог поест жареной колбасы? В год раз, да и то после длительных дискуссий о том, сколько в ней разных лишних калорий, углеводов и прочих вещей, вредных для здоровья. А сало? Василий Федорович всегда любил свиное замороженное сало. Но где там, Зинаида Михайловна даже слышать об этом не хотела: это же сплошной холестерин! На второй же день после начала самостоятельной жизни Василий Федорович купил его целый шматок и теперь нарезал себе такие аппетитные бело-розовые ломти.

Даже столь неприятное обстоятельство, как стирка, глажение белья, не раздражало Василия Федоровича. Домовая прачечная отлично помогала ему в этом.

Женщины его не интересовали. Когда сердобольные сослуживцы как-то сочувственно высказались в том смысле, что, мол, какая это жизнь одинокому мужчине, Василий Федорович испуганно замахал руками:

— Чур меня! Спасибо. Узы Гименея меня теперь не прельстят. Дудки!

Не менее благоприятно складывалась и жизнь Зинаиды Михайловны.

Во всяком случае, ни Василии Федорович, ни Зинаида

Михайловна не сожалели о разрыве, оба наслаждались отсутствием тех многочисленных неудобств и обязанностей, которые неизбежно налагает любой брачный союз.

Вернувшись из очередной поездки на Север, Петр Максимович Крылатов несказанно удивился, обнаружив, что Мишутин уже не живет в их доме. И еще больше удивился, узнав причину. Не откладывая, поехал к приятелю. Тот встретил его радушно, потащил показывать холостяцкое жилье, затем усадил на кухне и стал хлопотать насчет угощения.

— Стол будет не очень-то изысканным, так что не взыщи, Петр Максимович. Вот консервы, колбаса.

Поели молча. Потом Петр Максимович, хмурясь,ковыряя вилкой в банке с баклажанами, спросил:

— Ну, как холостая жизнь?

— Ничего. Живем не тужим.

— А что все-таки произошло, что приключилось?

— Да просто обнаружили, что не подходим друг другу.

— Поздно обнаружили-то.

— Это верно.

— А я-то смотрел на вас и радовался. Значит, все только внешне было, для постороннего глаза?

Василий Федорович стал рассказывать. Вспомнил все, что накопилось к Зинаиде Михайловне за эти годы.

— Переполнилась чаша терпения, Петр Максимович.

— Дурак ты, Василий. Самый что ни на есть круглый дурак, — выслушав Мишутину, сказал Петр Максимович. — Это же все мелочи, обычные житейские дела. Как же можно было из-за этого идти на такой шаг? А где же твой ум, рассудительность, логика, наконец? Женщина может порой руководствоваться в своих поступках чувствами, эмоциями. Стресс — слышал, поди, такое слово? Ну, так вот, ученые утверждают, что у них он — у второй половины человечества — проходит куда более бурно, неистово порой. Ну а если говорить более просто, то женщине можно и должно прощать какие-то ее слабости. А ты возвел их, эти слабости, черт-те во что. Умнее я тебя считал, приятель, умнее.

Василий Федорович стал говорить что-то такое о мужской гордости и самолюбии, но Крылатов с досадой махнул рукой:

— Не мысли это, а жвачка, не причины, а не в меру

разросшееся самолюбие, а еще точнее — себялюбие. Удивил ты меня, Мишутин. Удивил.

Ушел Крылатов от приятеля злой и расстроенный.

На следующий день он приехал к Зинаиде Михайловне. Жила она где-то в Кузьминках, ехать пришлось далеко.

Разговор получился еще менее утешительный. Встретили Крылатова хорошо, и кофе и коньяк были предложены. Но все попытки Петра Максимовича уяснить, что же все-таки произошло между Мишутинными, ни к чему не привели.

— Он так хотел.

— Да не хотел он, не хотел. Поймите это.

— Он законченный эгоист, пустой и никчемный человек.

— Зинаида Михайловна, ну что вы такое говорите? Вы же не год-два прожили, а почти полжизни. Раньше надо было разбираться. Да и не такой уж он плохой.

— Конечно, надо бы разобраться раньше. Это верно. Но что же делать? Людям свойственно ошибаться. И не будем больше об этом, Петр Максимович. Дело это решенное. Нельзя жить вместе, коли люди друг другу в тягость.

— Понимаете, Зинаида Михайловна, бывает так, что иной опрометчивый шаг всю жизнь помнишь. И всю жизнь каешься. Вот и вы до седых волос оба дожили, а поступили, будто несмышленыши. Удивительная глупость и с вашей и с его стороны.

— Так что же, может, через милицию нас заставите сойтись? Неужели и личные дела входят в обязанности блюстителей порядка?

Петр Максимович встал, не спеша надел плащ.

— Стражам порядка приходится заниматься и людскими радостями, и людскими горестями. Глупостями людскими — тоже. И скажу вам по своему опыту — не без пользы. Почти у каждого, кто носил или носит милицейский мундир, не одна и не две спасенных судьбы. Но я-то к вам пришел не по долгу службы. Он у меня уже выполнен. Зашел потому, что не мог иначе. Больно мне видеть, когда хорошие в общем-то люди сами себе жизнь портят. Всего доброго, Зинаида Михайловна.

Прошло полгода. Как-то бывшие супруги оказались в одной компании у тех же Алешиных.

Зинаида Михайловна отметила, что облик Василия Федоровича основательно изменился. Он еще более потучнел, под глазами прочно обосновались коричневые полукружья.

Зинаида Михайловна тоже изменилась, но, пожалуй, в лучшую сторону. Это Василий Федорович должен был признать. Как-то подобралась вся, посвежела. Мальчишеская прическа, короткая юбка очень молодили ее.

— Как вижу, неплохо живешь? — глуховато спросил Василий Федорович.

— Только что с Валдая вернулась. Отдохнула на редкость хорошо. А ты как?

— В трудах и заботах, как говорится. — Он хотел сказать что-то еще, но Зинаида Михайловна упорхнула на кухню. Она была весела, оживленна, беззаботна.

Больше они не разговаривали в тот вечер. Только когда уходили от Алешиных, Зинаида Михайловна, обгоняя Василия Федоровича на лестнице, бросила ему:

— Потолстел ты, Мишутин. Следи за собой, а то совсем расплывешься.

Василий Федорович хотел ответить какой-нибудь колкостью, вроде того, что какое, мол, собственно, тебе до меня дело, но на него пахнуло чем-то прошлым, привычным. Показалось, что в голосе Зинаиды Михайловны прозвучали теплые, заботливые нотки, и Василий Федорович промолчал.

Домой он вернулся мрачный. Однокомнатная крепость показалась не столь уж привлекательной. На вешалке боролись за место шуба и болонья, шапка и нейлоновая шляпа валялись у зеркала, тут же были набросаны белые сорочки, которые предстояло нести в стирку. В холодильнике не нашлось боржоми. Это тоже огорчило. Обнаружилась, правда, банка сока, но она обмерзла бахромой инея, и сок превратился в желтоватые льдышки. Ложась спать, Мишутин заметил, что наволочки на подушках явно не первой чистоты, имеют буро-желтый оттенок.

— Надо заняться хозяйством, запустил я все, запустил, — вслух проговорил Василий Федорович.

Уснуть, однако, долго не удавалось. Перед глазами стояла Зинаида Михайловна — с мальчишеской прической, в коричневой короткой юбке, веселая, оживленная... Вот она садится в машину этого Сургучева из соседнего управления, и он нежно поддерживает ее за локоток...

«Да что это я в самом деле? О чем думаю? Какое мне, собственно, дело и до нее, и до этого Сургучева?»

Наконец под самое утро он заснул, а когда проснулся, было без четверти девять. Не побрившись, лишь чуть сполоснув помятое лицо и наскоро собравшись, он помчался на работу.

Василий Федорович всегда был человеком общительным, а в последнее время стал избегать встреч даже с закадычными друзьями. Был он человеком веселым, сейчас постоянно хандрил. Был спокойным и уважительным со всеми, кто с ним сталкивался, сейчас мог вспылить и по поводу и без повода.

Некоторая небрежность в одежде водилась за ним и раньше, но тогда это было как бы его почерком, рисунком, не переходило ту грань, когда следом идет уже неряшливость и неопрятность. Раньше вряд ли Василий Федорович мог прийти на работу в неглаженных, раструбами болтающихся брюках, теперь же это стало обычным. Сорочки тоже были сомнительной белизны, галстук на шее висел как что-то постороннее и ненужное.

Сослуживцы давно заметили, что Василий Федорович явно потускнел, сегодняшний его вид окончательно убедил их, что друга надо «малость встряхнуть».

В обеденный перерыв они подошли к Василию Федоровичу.

— Федорыч, у нас созрело решение навестить тебя.

Мишутин растерянно проговорил, что он-де всегда рад.

Мальчишник состоялся на следующий день. Удался он неплохо. Выпили, потолковали о том о сем. Обсудили и женский вопрос. Пришли к единодушному выводу, что нет ничего дороже свободы от женского гнета. Но... далеко не каждому выпадает такое счастье.

Все было хорошо. Когда же приятели ушли и Василий Федорович посмотрел на стол, полный посуды, объедков, когда увидел множество следов от мужских ботинок в передней, он тяжело вздохнул.

«До утра убираться придется», — подумал он и, махнув рукой, решил отложить эту работу до завтра. Улегшись в кровать, решил прочесть статью, которую давно отложил. Речь в ней шла о продлении жизни. Зинаида была докой в этих делах. Забылся Василий Федорович и спрашивает:

— Как думаешь, Зинаида, есть в этих предположениях ученых что-либо реальное? А? — Василий Федорович даже повернулся в кровати. И тут же обругал себя: — Ошалел, старый. Галлюцинировать начинаешь.

Но мысли о жене стали теперь бродить в голове Василия Федоровича постоянно. Он незаметно для себя переосмысливал факты и события, которые полгода назад питали его непреклонное решение освободиться от деспотизма жены. Поездка в Новосибирск? Но ведь она же сразу согласилась ехать. Без восторга, верно, но согласилась. Насчет главка тоже, пожалуй, зря на нее вину взвалил.

Вслед за этими мыслями о более или менее существенных событиях на память приходили тысячи мелочей. «Во многом, пожалуй, она права, — думал он. — Вниманием ее я не баловал. Помнится, как хотелось ей в Болгарию, в туристскую поездку. И путевки ведь были в институте. Так нет — уперся, денег пожалел. А случай с театром... Месяца два она твердила о том, чтобы сходить в Художественный, посмотреть там какую-то новую пьесу. Так и не собрались».

Уже в иных красках и тонах вспоминалась их прошлая совместная жизнь. Вот он приходит с работы. Зинаида Михайловна бросает все и со всех ног торопится на кухню разогреть ужин. Сидит около него, во все глаза смотрит, как он ест, подкладывает ему лучшие кусочки. И говорит, говорит, говорит... Рассказывает, спрашивает обо всем: что нового на работе, у соседей, у знакомых. И тут же подкладывает какой-то журнал с отчеркнутой красным карандашом статьей. И когда успевала прочесть?

А если начинал рассказывать он — о своих ли мытарствах с гаражом для «Москвича», об охоте, рыбалке или о последнем футбольном матче, — слушала так, что хотелось рассказывать без конца. Было занятно просвещать ее, разъясняя некоторые азбучные истины футбольных баталий.

Василий Федорович теперь все острее ощущал тяжесть одиночества, он как бы утратил жизненный стержень, державший его, стимул, что питал энергией и осмысленностью все его действия и поступки.

Теперь все или, во всяком случае, очень многое потеряло смысл. Некого было радовать, не было укоряющего или откровенно обрадованного взгляда, и потому все, чем жил сейчас Василий Федорович, потеряло свое значение, обмельчало.

Но об этих мыслях Василия Федоровича не знал никто. Не знала о них и Зинаида Михайловна. Она жила теперь без лишних хлопот и забот. Приходя со службы

в свою чистенькую, аккуратно прибранную квартиру, быстро готовила ужин, пила чай и устраивалась за свой небольшой письменный стол или на диван с книгой. Все-таки удивительно проще, беззаботнее жизнь одинокой женщины.

Зинаида Михайловна обнаружила, что у нее теперь много свободного времени, она успевала встретиться с подругами, зайти к портнихе и со вкусом, не торопясь выбрать фасон блузки или платья, опять-таки не спеша посидеть у знакомой мастерицы в парикмахерской. И даже на концерт или фильм теперь сходить оказалось значительно проще — захотела и пошла. Спутница для этого всегда найдется. Материально Зинаида Михайловна и раньше не была зависимой от мужа, зарабатывала она почти столько же. Обдумывая свое житье-бытье, Зинаида Михайловна неизменно приходила к выводу, что все, что произошло, — к лучшему.

Правда, порой мысли о их разрыве с Мишутиным начинали тревожить Зинаиду Михайловну. Тогда она вспоминала все, что было нехорошего, раздражающего, мрачного в их жизни с Василием Федоровичем, нанизывала эти воспоминания на память, словно бусинки на нитку, и опять успокаивалась, что жалеть ей, собственно, нечего. А если учесть, что он сам, сам затеял этот развод, то и говорить не о чем...

Но нет ничего неизменного в мире, нет и неизменных мыслей. Одиночество, таким привлекательным казавшееся поначалу, стало тяготить и ее, обращаться в осязаемую, гнетущую пустоту.

Прежде ее оценки тех или иных явлений, восприятие всего окружающего, проверялись Зинаидой Михайловной на мнении Василия Федоровича. Оценки его были немногословны, но почти всегда точны. Подумав немного над ее вопросом, потерев пальцами правой руки свои лохматые брови, Василий Федорович без особой интонации отвечал:

— Песня-то? Если бы автор не манерничал, не увлекся модернистскими выкрутасами, была бы песня!

Или более категорично:

— Стоящая штука.

Так же серьезно он относился и к ее вопросам совсем на другие темы: как понравилось платье, что сегодня было на Полине Алексеевне?

— Знаешь, понравилось. В меру ярко, материал подобран со вкусом и сшито хорошо. Только ей не надо так

подчеркивать талию, она у нее не очень... Надо бы пустить чуть посвободнее.

При всей своей природной аккуратности и педантичности Зинаида Михайловна не могла не заметить, что многие ее привязанности, увлечения, привычки уходят, пропадает интерес к ним. Зачем, собственно, перешивать шубу? Похожу и так. Зачем спешить домой? Кто там ждет? Зачем готовить что-то изысканное и вкусненькое? Обойдусь чем-нибудь обычным. Лучше уснуть поскорее, чтобы не донимали беспокойные, надоедливые мысли.

Натура Зинаиды Михайловны была деятельной: она должна была всегда что-то для кого-то делать, заботиться, думать... Предметом ее забот всегда был муж. В плане житейском он представлялся ей неопытным, мало приспособленным к жизни человеком. И именно поэтому она всегда вмешивалась в то, как он одевается, и что ест, и как регулярно показывается врачу. Ей доставляло истинное удовольствие видеть, как он, бывало, уплетает котлету и винегрет, как, добродушно ворча, неохотно, но все же отправляется на утреннюю зарядку. Зинаида Михайловна настойчиво вела супруга по стезе добродетелей и была горда тем, что так неукоснительно выполняет свой долг.

Теперь ей явно не хватало этой постоянной, всепоглощающей заполненности души.

Кто-то из подруг как-то сказал ей, что видел Василия Федоровича с молодой женщиной.

— А мне-то что, — с усмешкой ответила она. — Мы теперь с ним птицы вольные.

Но сердце заняло обеспокоенно и тревожно. Хотя и хорошо знала Зинаида Михайловна своего бывшего мужа, уверена была, что не пойдет на случайную близость, однолюб он, так же, как и она, но все-таки весть, принесенная подругой, растревожила, взволновала ее. Целый вечер и ночь потребовались Зинаиде Михайловне, чтобы уравновесить свое настроение, унять нервные, взвизгивающие мысли. Итог она подвела такой:

— Это еще раз подтверждает: все решено правильно.

Если Зинаиду Михайловну Крылатов больше не встречал, то с Мишутиним они виделись на рыбалке и охоте, и Петр Максимович убеждался все больше, что жизнь у приятеля пошла явно вкось. Впечатление от последней встречи было особенно удручающим.

Предстояла поездка на Сенеж. Они договорились увидеться вечером в пятницу, и Крылатов заехал к Мишу-

тину около семи часов вечера. Петра Максимовича поразили беспорядок и запустение в квартире. Но больше всего удивил сам хозяин. Небритый, всклокоченный, с мутными бегающими глазами.

— Ты что, Федорович, с перепоя, что ли?

— Да нет, откуда ты взял?

— Вид у тебя такой, что боюсь, всю рыбу перепугать можно.

Они заехали к Крылатову домой. Пока полковник собирался, Мишутин рассеянно перелистывал журналы на газетном столике. Затем взгляд его остановился на портрете молодой женщины, что стоял на столе. У женщины был задорный, чуть прищуренный взгляд и еле заметная лукавая улыбка.

— Петр Максимович, это... кто?

— Жена.

Мишутин угрюмо вздохнул:

— А я и не знал... Она что... не живет с тобой? Ушла или...

— Да, ушла. Навсегда ушла, Вася. Давно уже.

— И ты... все время один?

— Да, один.

— Почему же?

— Да так. Не мог иначе.

— Она что, была больна?

— Да, была. Но не только болезнь ее убила. Я тоже руку приложил. Будь умнее да повнимательнее, спохватись вовремя — всего этого могло не произойти.

Полковник замолчал. Мишутин тоже не расспрашивал, решив про себя, что, видимо, Петру Максимовичу это воспоминание тяжело. Но когда выехали на просторное Минское шоссе, Крылатов сам вернулся к начатому разговору.

— История, Федорович, довольно простая, но и поучительная. Работали мы с Настей вместе в одном из районов под Архангельском. Мы оба из тех краев, учились вместе, а после войны встретились вновь. Через год поженились и, как это говорится, жили душа в душу. Это поначалу. Работы у меня было по горло, домой приезжал я только ночью. А она все одна да одна. Ну и восстала против такой жизни. «Так жить я, — говорит, — не согласна, имей это в виду». Смолчать бы мне, успокоить ее. А я в амбицию. «Не согласная! Не нравится? Скучно стало? Тогда можешь убираться...» Накричал так на нее и ушел. А она гордая была, страшно гордая. Вернулся с ра-

боты — нет ее. Жду час, жду два — нету. Нашел ее у подруги, еле уговорил вернуться домой.

«Если ты, — говорит, — Петя, на меня еще так накричишь, совсем не вернусь. Так и знай».

Наутро слегла Настя в постель. Врачи определили нервный психический криз. Подняли они ее на ноги, но ненадолго. Таять стала моя Настя. Случилось что-то с кровью. Вozил я ее в Ленинград, и в Москву, но... помочь не смогли даже лучшие профессора. Так и остался я один.

Крылатов замолчал и долго разминал и без того мягкую сухую сигарету. Потом проговорил:

— Помнишь: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...»

Всю дорогу до Сенежа молчали. Если и возникал разговор, то касался снастей, мотыля, наживки, предположений, какой будет клев... Но Мишутин думал только об истории, рассказанной Крылатовым. Он и сам не понимал, почему она так остро, с какими-то болезненными ощущениями вошла, врезалась в его память. Невольно мысли перекинулись на их разрыв с Зинаидой. Если по пути на озеро мысли эти были отрывочны и бессвязны, отвлекала дорога, управление машиной, то когда приехали на место и устроились в тихой заводи озера и лишь красные поплавки, мерно качавшиеся на волнах, остались в поле его зрения, мысли эти полностью заняли сознание.

Вернувшись домой ночью, он принял окончательное решение, а на следующий день после работы поехал к Зинаиде Михайловне. Он долго стоял около двери ее квартиры, наконец отважился и нажал кнопку звонка.

Открыв дверь, Зинаида Михайловна подняла в немом удивлении глаза, быстрым стремительным движением запахнула халат, поправила прическу.

— Ты? Что такое? Что случилось?

— Можно... я... войду?

— Ну что ж... входи. Не пойму только — зачем?

Мишутин пристально посмотрел на Зинаиду Михайловну. Она изо всех сил старалась показаться беспечной и спокойной. Но горестная складка вокруг рта, глубокая, затаенная боль во взгляде говорили о том, что не так-то уж весело у нее на душе.

Василий Федорович заметил, что седых прядей в волосах Зинаиды Михайловны стало больше. Увидел, как бьется, пульсирует жилка на суховатой с заметными мор-

щинами шее Зинаиды Михайловны. И такой дорогой, близкой, до боли родной показалась она ему в этот миг. Он понял удивительно ясно, что без Зинаиды Михайловны, без тепла ее рук, без постоянного, озабоченного, материнского взгляда, без вечно ворчливой и поминутной заботы ее жить больше не сможет.

Многое поняла в этот момент и Зинаида Михайловна. Из этого многого главное было то, что она была рада ему, рада этому визиту, и сердце ее не испытывало ни злости, ни обиды, а было полно какой-то болезненной нежности к Мишутину.

Сказала, однако, Зинаида Михайловна совсем не то, что думала и чувствовала:

— Зачем ты здесь, Мишутин? Что у меня забыл?

Мишутин растерялся, вновь пристально посмотрел ей в глаза. Ни затаенной боли, ни тепла в них уже не было. Они искрились непримиримостью. Он ожесточился тоже и уже упрекал себя за то, что решился на это дурацкое унижение и собрался к ней, чтобы предложить добрый мир. Все же Василий Федорович с трудом выдавил из себя:

— Может, нам поговорить... Подумать... Может, мы того... помиримся?

Зинаида Михайловна посмотрела на него величественно и снисходительно.

— Ты лучшего ничего не придумал? — И со вздохом добавила: — Поздно, Мишутин, поздно.

Она не пояснила, почему поздно, а для Мишутина эти слова прозвучали так неожиданно, с такой оглушающей силой, что он, прислонившись к косяку двери, смог только сказать:

— Да? Ну, что ж... Я понимаю. Извини.

Механическим движением он открыл и закрыл дверь. И когда стихли его шаги, Зинаида Михайловна бросилась на кушетку и заплакала. Потом ей показалось, что позвонили. Она побежала в переднюю, открыла дверь: лестничная площадка была пуста.

Мишутин в это время шаркающей походкой плелся к стоянке такси.

Через два или три дня после поездки в Кузьминки приятели пригласили его в Заболотье. Настроение у Василия Федоровича было хуже некуда — он буквально не знал куда себя деть и потому согласился сразу. Кто мог предположить, что эта поездка окажется столь роковой?

Охота, лес, возможное появление зверя — это не было для Мишутина главным. Именно поэтому, находясь на номере, он заметил кабана, когда тот уже уходил, стрелял ему вдогонку. Стрелял неплохо, ранил тяжело, но все же лишь ранил, а не убил зверя. Преследование оказалось длительным, кабана не было ни видно, ни слышно, и азарт погони, чувство опасности стали спадать. Опять сознанием овладели мысли о том, о главном: «Что же делать? Как быть дальше?»

На роковой ложбине он увидел кабана в тот самый миг, когда зверь, собрав последние силы, подгоняемый дикой болью и яростью, бросил свое трехсоткилограммовое тело на обидчика. Это был молниеносный бросок. Но, будь Мишутин сосредоточен лишь на этом поединке, он мог еще выйти победителем, мог встретить летящий на него живой снаряд картечью. Этого, однако, не произошло. Не произошло потому, что мозг поздно приказал поднять ружье, снять с предохранителя. А раньше дать такой приказ он не мог, так как был занят другими заботами и другими мыслями...

Крылатов кончил свой рассказ, вытер платком вспотевший лоб и замолчал. Потом добавил:

— Пространно вышло очень. Извините. Но, понимаете, я не только вам рассказывал, но и сам пытался разобраться. Никак не могу смириться с этой смертью.

Генерал встал из-за стола, подошел к креслу и сел напротив Крылатова.

— Значит, вы считаете, что Мишутин был в состоянии депрессии, не смог оценить степень опасности и потому...

— Да, именно так. Только этим можно объяснить, почему он след в след шел за зверем, нарушая элементарные нормы предосторожности, почему не разрядил в него патрон с картечью...

— А может, сам... хотел...

— Смерти? Нет, это на Мишутина не похоже.

— Но ведь тогда те, кто был с ним в Заболотье, все равно ответственные за этот случай.

— Морально — да, юридически — нет.

— Все правы, а человек погиб.

— Я не сказал, что все правы. Виноваты многие. И приятели-охотники, и я, и сослуживцы, и Зинаида Михайловна, наконец. Будь мы все внимательнее, сумей вовремя понять всю боль Василия Федоровича, этой трагедии могло не быть.

...Вечером Крылатову позвонила Зинаида Михайловна.

— Вы извините, Петр Максимович. Я к вам за консультацией. Меня вызывают на Петровку, 38. Ума не приложу, зачем я им понадобилась?

— Вас, Зинаида Михайловна, вызывают по поводу Василия Федоровича.

Зинаида Михайловна почувствовала, как сжимается сердце в тяжелом предчувствии.

— А что с ним? Что?

— Василий Федорович погиб.

— Но ведь он... Мы... Неужели это правда?

— Да. Несчастный случай.

Зинаида Михайловна обессиленно опустилась на стул.

Ее сознание было заполнено лишь одной мыслью: «Ничего, уже ничего нельзя исправить...» И эта мысль, настойчивая и жгучая, тяжким грузом давила на сердце, туманила мозг, отдаваясь тупой ноющей болью в каждой клетке ее существа.

ПЯТЬ ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММА

Письмо первое

Здравствуйте, гражданин комиссар!

Вы, конечно, удивитесь этому письму, тем не менее я решил его написать.

Недавно мне попалась Ваша брошюра «О красоте душевной». Вечером, придя в казарму, я прочитал ее. Гладко написано. Василий Петушков, конечно, человек настоящий, герой в полном смысле. Тут спору нет. Но вот Ваши похвалы в адрес всех работников административных органов явно преувеличены. И очерк Ваш, по-моему, неправдив. От этой моей оценки, конечно, ровно ничего не изменится, и она может даже обидеть Вас, но пишу, что думаю. Особенно взвинтило меня одно место: «Да, тверда должна быть рука, карающая преступников. Но не менее важно человеку, облеченному властью, быть по-настоящему чутким, гуманным, справедливым. Ему надо уметь любить людей. Это, может быть, лучшая гарантия от ошибок, нарушений нашей советской законности. Так и только так работает абсолютное большинство блюстителей наших законов».

Вам из своего кабинета на Петровке виднее, но я таких людей среди «блюстителей законов» что-то не встречал. Конечно, я преступник, осужденный, и вовсе не рас-

считаваю на то, чтобы «блюстители законов» со мной лобызались. Но все же человек есть человек. Поэтому по самым элементарным правилам нашего государства рабочих и крестьян и я имею право на то, чтобы и ко мне относились как к человеку.

Я осужденный, и не просто осужденный, а трудновоспитуемый; по крайней мере, таким меня считает администрация колонии. Да и мое личное дело говорит то же самое. И все же я считаю себя человеком.

Работаю я на мебельном производстве, учусь в вечерней школе, читаю газеты, журналы, художественную литературу. Хочу быть полезным людям, пока хотя бы тем, которые окружают меня сейчас. А вот доказать, что я человек, не могу.

Привезли недавно к нам в мастерскую выдавший видь станок. Я его довел до такой кондиции, что он втрое поднял производительность, облегчил труд людей, стал давать высококачественную продукцию. Старший надзиратель колонии заявил мне: «Хорошо, Галаншин, молодец. Внедрять новое — это долг каждого советского гражданина, в том числе и ваш. Вы тоже гражданин, только временно изолированные от общества за свои деяния». Правильно сказал. А когда я толкнулся к нему со своим личным делом, он мне сунул в нос инструкцию: нельзя. А ведь дело-то у меня такое, что от него вся жизнь моя зависит. Не решу я его — и жить мне ни к чему. Да, да! Ни к чему. А мне говорят, инструкция. Я и просил, и требовал, и умолял. Ничего не помогло. Ну что осталось делать? Забился я в угол казармы и... заплакал. Да, да, ревел, как баба или пацан-несмышлениш. Хоть и стыдно об этом писать, а пишу, потому что факт остается фактом.

Вы, гражданин комиссар, никогда не видели, как плачет мужчина? Плачет от обиды, оттого, что не может доказать свое право называться человеком, доказать, что у него честные, искренние стремления. Это страшные, мучительные слезы, и не дай бог никому их испытать.

Да, есть среди тех, кто рядом со мной, такие, и их немало, которые считают, что раз они начали жихтарить, то есть жить по законам преступного мира, то должны и впредь грабить, воровать, бесчинствовать, пить, играть в карты, хранить блатные тайны. Это, дескать, у них на роду написано. А кто начинает думать иначе, тот дезертир. Тюрьма — штука неприятная, но временная. Зато

это школа опыта, приобретения новых корешей для дальнейшей деятельности на уголовном поприще.

Но должен сказать Вам, гражданин комиссар, что так думают не все, далеко не все.

А этого-то «блюстители закона» как раз и не хотят знать.

Вот почему статья о душевной красоте Ваших сослуживцев очень и очень приукрашена. Слишком Вы преувеличиваете, гражданин комиссар. Прочтя ее, можно подумать, что все вы герои, до краев наполненные благородством. А ведь это не так. Далеко не так. И рана в моей душе — убедительное подтверждение этому.

С приветом Леонид Галаншин.

Письмо второе

Гражданин комиссар! Вы даже не представляете, как ошеломило меня Ваше письмо! Во всем нашем отделении оно ходило из рук в руки целую неделю. Уж очень неожиданно все получилось. Я ведь, по правде, не рассчитывал на ответ. Большущее Вам спасибо. И, если можно, прошу меня извинить, что я так «безответственно и резко» написал о людях, призванных обеспечивать социалистический порядок. Действительно, написал я, не очень-то выбирая выражения. Но ведь в письме имелись в виду те, с кем волей судьбы я сталкивался. И то, что сказано там, не относится ко всем работникам административных органов. По возможности, прошу это иметь в виду. Хотя таких восторгов, как у Вас, они у меня, конечно, не вызывают.

Вот пишу Вам это сам не знаю зачем. В моей беде Вы ведь тоже не поможете. Не захотите. Однако раз Вы проявили интерес к моей не ахти какой знатной особе и пишете, что Вам «надо знать подробно, кто я, что натворил и чего добиваюсь», отвечу на Ваши вопросы.

Вот моя исповедь. Имейте, пожалуйста, в виду, что здесь нет ни одного слова неправды.

Детство мое было очень горькое, а юность — тяжелая. Родители разошлись, подбросив меня тетке. Как жить в чужой семье, где своих пять ртов, Вы, наверное, представить можете. В общем, чужой среди родных. Потом война. Пошел на фронт. Раненый, без сознания, попал в плен. Из фашистского лагеря меня освободили наши войска, вступившие на территорию Украины. Не подумайте, что я форс давлю, нет. Обивал все пороги, просил-

ся на фронт, но... Стали, как это водилось тогда, изучать да проверять. Не выдержал, нагрубил начальству, взяли меня на заметку. Обозлился я еще больше. А тут умудрил меня господь организовать ночную вылазку на спирт-завод. Нахлебались мы там вдоволь да и с собой еще прихватили. Ну и закрутилось дело. Получил я вместо направления на фронт пять лет со строгой изоляцией.

Вы, наверное, скажете: «А то как же? По заслугам». Да, по заслугам, не спорю. Конечно, я дурак, что затеял эту «операцию». Но сцепил зубы, решил: отбуду свой срок. И стал отбывать. Честно, аккуратно. Освободили даже на два года досрочно. Война уже кончалась. Вернулся в родные места. Не очень приятным было это возвращение. Дорогая тетушка от ворот поворот мне показала. Впрочем, понять ее можно. Все люди как люди. Кто уцелел и с войны пришел, гордые по земле ходят. Родину спасали. А я чем могу похвастаться?

Конечно, надо бы совладать со своей обидой. Руки, ноги есть, голова цела. С лагерями покончено. Какого рожна еще? Но зол я был на весь свет. Поехал на шахты, стал работать. А у самого все время мысль: не такой я, как все, сторонятся меня люди, еле терпят. И скоро это подтвердилось. Набирали на шахте людей на курсы машинистов. Толкнулся и я. Куда там! Мы, говорят, берем тех, кто достоин, а с вас судимость еще не снята. Замерло у меня все внутри. Пить я начал, да так, что удивляюсь, как концы не отдал. Иду я, бывало, по улице пьянь-пьянью. Люди шарахаются, смотрят с осуждением, а я злорадствую. Не нравится? А мне наплевать! Вниз так вниз, катиться так катиться! И пил, пил... Ну, там, где пьянка, там закон побоку. Как-то не хватило в одной компании денег на застолье. Ну что за проблема — деньги? Распотрошили мы продовольственную палатку в поселке. А когда хмель прошел, понял я, что натворил неладное. Только что толку, что понял? Поздно уже было. Дали мне по совокупности семерку. Сбежал. Вернулся в Луганск. И опять пришлось в колонию возвратиться. Теперь уж мне все подытожили: и те недоотбытые два года, что по первой судимости скостили, и семь, что отбывать не начал, и еще пять лет прибавили. Одним словом, срок вполне достаточный, чтобы поразмыслить над своим житьем-бытьем.

Вот Вам первая часть моей «героической» биографии.

Так я превратился в индивидуум особого рода, стал

«трудным осужденным». Ни под какие льготы я не попадаю. Раньше срока освободить меня нельзя, потому что из меня еще не сделали «хрустального» человека. А задача эта нереальная, потому что не может мир состоять только из «хрустальных» людей. Но главное, что произошло в моей жизни, во всей моей необузданной натуре изменения невероятные. Приятели мои говорят: Галаншин начал трайлить, фантазировать. Начальство тоже не верит: считает, что восьмерить пытаюсь, то есть прикидываться, притворяться. Не хотят понять, что не блажь это, а перемена во мне произошла громадная. Родился новый Леонид Галаншин, совсем непохожий на прежнего.

Как я уже сказал, у меня нет родных, семьи. Я не знал, что такое любовь, как можно гулять с девушкой, сидеть с ней в кино, делиться впечатлениями, мыслями. Ничего я этого не испытал. Всю жизнь мне приходилось наткаться на черствых людей. Конечно, попадались среди них и хорошие, но то ли я их не понимал, то ли они меня понять не хотели. Только убедился я давно, что не верят мне люди. Сочувствуют иногда, ну а от сочувствия не всегда легче бывает. Помочь же никто, в сущности, не может или не хочет.

Писатель Лацис в одной из своих книг сказал, что самое мучительное для человека — ничего не ждать от завтрашнего дня. Вы скажете, какое отношение это может иметь ко мне? Есть, мол, и тебе на что надеяться. Есть здоровье, силы, впереди — освобождение. Терпи, мол, Галаншин, и все рано или поздно утрясется. Но ведь пока солнце взойдет, роса очи выест. Не подумайте, что я хочу каких-то поблажек вроде досрочного освобождения. Я готов годы и годы пилить и строгать эти самые ножки для табуреток. Готов вынести и куда более худшее. Пусть я буду чистить выгребные ямы. И на это согласен. Но пусть поймут, что я человек!

Собственно, в этом смысл моих писем к Вам, если говорить откровенно.

Я люблю женщину. Да, гражданин комиссар, люблю женщину. И это не лакшовка какая-нибудь, а чистый, кристальный ключик. И люблю ее так, что ни в одной книге не читал про такую любовь, как наша. Вот уже пять лет, как я ее люблю. Думал, пройдет. Но нет. Не проходит моя любовь, а все сильнее и сильнее становится.

Понимаю, что Вам трудно поверить в это, ибо Вы, наверное, знаете наш мир. Да, там, где я нахожусь, отно-

шение к женщине низменное, циничное, хотя у людей, пишущих о ворах, жуликах, убийцах, и бытует порой обратное убеждение. Но это от незнания действительного положения дел.

Люди, способные поднять руку на ребенка, на немощного старика и вообще на человека, как правило, не знают великого чувства — любви. Но известно ведь, что нет правил без исключения. Случай со мной еще раз подтверждает это. Во мне, моей зачерстневшей душе родилось такое чувство, что заслонило все, я сам себе удивляюсь, сам себя не узнаю. Очень прошу: не относитесь к моим словам легко. Они выстраданы, вымучены, они — крик моего сердца.

Я чувствую, что, если бы мне поверили и разрешили сделать то, что я прошу, жизнь моя повернулась бы круто. Что же я прошу? Разрешить мне зарегистрировать брак с моей Галей. Только и всего. Я буду честно отбывать данный мне срок. Но тогда у меня будет путеводная звезда, тот огонек в ночи, который поведет за собой, отогреет сердце, поможет честно пройти оставшуюся часть пути.

Вот с этой-то своей просьбой я и обратился по начальству. И получил ответ: нельзя. Не положено. Инструкция.

Да, я совершил преступление, и не одно. Это я знаю, понимаю. Но я клянусь жизнью, клянусь своей любовью, что сделаю из себя другого человека! Только дайте мне эту возможность! Дайте! И все.

Помогите, гражданин комиссар, если сможете.

Галаншин Леонид.

П и с ь м о т р е т ь е

Здравствуйте, гражданин комиссар!

Получил Ваше письмо. Не очень-то оно меня обрадовало. Но все же спасибо за то, что Вы не чураетесь общения с тем, кого и человеком-то не признают.

Отчитали Вы меня крепко. Признаюсь, не раз бросаю в жар от Ваших увесистых слов. Однако Вы не совсем правильно поняли меня, гражданин комиссар. Вы сочли, что я требую какой-то особой к себе снисходительности, поблажки, прощения за свои ошибки. Да нет же! Нет! Прошу мне поверить. Поверить в то, что я хочу страстно, хочу во что бы то ни стало стать настоящим человеком.

Вы пишете в своем письме: «Право на ошибку — вы-

сокое право первооткрывателей и первопроходцев. Оно допустимо при исканиях, стремлениях человека сделать что-то новое, лучшее, большее для людей. Но и при этом ошибки не прощаются, тем более, если они, эти ошибки, чреватые какими-то последствиями. А есть ошибки, на которые человек не имеет права даже один раз в жизни. Ни в восемнадцать, ни в восемьдесят лет».

Правильные слова. Согласен, гражданин комиссар. Но ведь ошибка ошибке рознь. Конечно, я не из числа первооткрывателей. Но ведь и не убийца я, не предатель своей земли. И хочу не так уж много! Правда, моя просьба не укладывается в рамки инструкции. Но спрашивается: что изменится, если сделают исключение из этих инструкций? Для общего дела вреда никакого, для меня — другая жизнь.

Теперь я отвечу на Ваш вопрос о том, что за романтическая история со мной произошла и что это за «Дульцинея, которая зажгла во мне пламень». Я понял Вашу иронию, не хотел совсем писать, так мне стало обидно. Но в конце письма Вы уже серьезно спрашиваете обо всем этом. Поэтому я подумал: нет, комиссар не издевается надо мной и не из любопытства задает свои вопросы. Я убедил, уверил себя в этом и вот пишу Вам все. Все как было. И если Вы разбираетесь в людях, умеете понимать их психологию — по должности вроде бы обязаны это уметь, — поймете и меня.

Моя Дульцинея — это Галя. Маленькая, невзрачная на первый взгляд девушка. Милая моя Галя! Как я с ней познакомился, где? Работал я тогда каменщиком на строительстве нефтекомбината. И прислали на стройку девушек из ФЗО на практику. Ко мне направили Галю.

Я вел кирпичную кладку одного из цехов. Приходит прораб и говорит:

— Вот что, Галаншин! Эта девушка через пару месяцев должна стать мастером, доверяю ее тебе.

От этого его слова «доверяю» я первый раз в жизни смутился. Меня когда-то стыдили целым базаром, и я не краснел. А здесь стушевался. Посмотрел я на нее, на девушку-то, а она на меня. Глаза не опускает, смотрит и не моргнет. Вот, думаю, кажется, своя девка...

— Ну что же, — говорю, — полезем на леса, сейчас посмотрим, чему вас там учили, в ФЗО.

Она такая щупленькая, маленькая. Комбинезон серенький, на голове берет — ну как пацан. А подсобник мой отводит меня в сторону и говорит: «Давай, Леха,

действуй, а я на страже постою». Не знаю уж почему, но закипел я от его слов и так глянул на него, что тот попятился.

Залезли мы на леса. Узнал я, что ей восемнадцать лет. А мне? Мне в то время было тридцать пять. Никаких особых мыслей в голове у меня не было, но так просто, из озорства, проявил к ней хамство. И такую оплеуху получил, что по сей день в ушах звенит. Но жаловаться Галя не пошла и никому ничего не сказала. А я уж готовился суток пятнадцать штрафника отбывать. До обеда ни я, ни Галя друг другу не сказали ни слова. Обедать я не пошел, во рту сухо было. Сел прямо на лесах десятиметровой высоты, закурил. Подходит ко мне Галя с белым узелком, садится возле меня.

— Ну, давай, Леня, кушать. — И узелок развязывает.

Лежали в том узелочке два огурца, пяток помидоров, яйца и соль в бумажке. Ну и хлеб, конечно.

— Кушай, Леня. — Это она мне говорит, мне, который так по-хамски вчера поступил. Я посмотрел в ее глаза, а глаза-то у нее знаете какие? Электрические, нет, не электрические. Даже не знаю какие, очень красивые и нежные. И я... заплакал. Не знаю, как это случилось, но заплакал.

И Галя все поняла. Так и сидели мы. Молчали. А потом она говорит:

— Расскажи мне, Леня, о себе, о своей жизни. Все расскажи.

И я рассказал. Рассказал все, без утайки. Когда кончил, Галя взяла мою руку, тихонько так пожала.

Поверите, у меня красные круги перед глазами пошли, в горле горячий ком застрял, все тело стала бить какая-то неумемная дрожь. А Галя не отходила от меня и все говорила. Говорила о людях, о жизни, о разных местах, где бывала. В ушах у меня от ее слов играла настоящая музыка.

После этого дня каждое слово Гали стало для меня законом.

— Школа, оказывается, у вас есть?

— Есть, — говорю.

— А почему ж ты не учишься?

Через неделю я уже ходил на занятия.

— А что ты читал? Горького? Шолохова?

— Нет, — говорю, — не пришлось.

— Так почитай.

Появились у меня книжки. Газетами, журналами стал интересоваться.

Потом и до моей внешности добралась.

— Зачем, — говорит, — ты эту страшную бородищу носишь? Ведь ты молодой еще. Почему не следишь за собой?

А надо сказать, что среди нашего брата манера такая пошла, ну стиль, что ли, особый — на гориллу походить. Плюнул я на эту моду, стричься-бриться стал регулярно. Оказалось, что при желании вполне можно человеком выглядеть, а не образиной.

Правду говорят, что все тайное становится явным. Узнали и о нашей с Галей любви. Пошли слухи, что живу с ней. Меня перевели на тюремный режим. Даже написать я Гале не мог. Из тюрьмы разрешают писать только родственникам, если они числятся в личном деле. А у меня никого нет. Я записался на прием к начальнику тюрьмы полковнику Хусайнову. Он меня выслушал, как отец родной. Разрешил мне повидаться с Галей. Я ей написал. Что я только не передумал, ожидая ответа, сравнивая ее жизнь и свою! Ее годы и свои. Мучился, сомневался. А вдруг не придет? И вот получил весточку: «Буду».

В тот день начальник сам пришел в столярную мастерскую, где я работал, велел мне одеться почище и идти на свидание. Какая это была встреча! Два часа пролетели, как одна минута. Галя мне сказала, что ее исключили из комсомола за связь с осужденным и перевели на другой объект. Оказывается, как много она пережила! А еще смеется. Я стал ей советовать уехать в другой город.

— Зачем, Леня? Ведь я не украла ничего, не разбила ничью семью. Я нашла тебя, и из-за этого должна уезжать? Нет, своей любви я не стыжусь. А что со мной так поступили, пусть, не все люди бездушные, найдутся такие, которые поймут.

На прощание Галя сказала:

— Помни, Леня, я тебя не покину никогда. Где бы ты ни был, я буду с тобой.

Начальник присутствовал на нашем свидании и сказал ей:

— Ты, Галя, настоящий человек, я уверен, что изменишь судьбу Галаншина. К прошлой жизни он не вернется. Я помогу вам. Ты станешь его женой, а он будет честно трудиться, чтобы скорее прошел срок.

Мы поцеловались с Галей. И когда она на прощание передавала мне сумочку с продуктами, я готов был обнять весь мир от счастья, что теперь я не один на свете, что я нужен кому-то. Нужен Гале — хорошему, душевному человеку, девушке, милей которой нет в мире!

После этого я стал жить надеждами. Но не все надежды сбываются. Полковника Хусаинова перевели в другое место, а новое начальство все повернуло в обратную сторону. В свиданиях нам отказали. Я узнал, что один из надзирателей оскорбил Галю. Решил с ним «посчитаться». Уже направился, чтобы исполнить задуманное, как один из осужденных подозвал меня и сказал: «Иди, Леха, к тебе «твоя» пришла. У забора ходит». Я сказал Гале, что ее обидчику отомщу. Но она махнула рукой и сказала, что не обращает на это внимания, мало ли дураков и хамов. «Не смей с ними связываться!»

После этой встречи я снова подал заявление начальству с просьбой разрешить нам с Галей зарегистрировать брак. Меня вызвали. Вызвали и Галю.

Новый начальник сообщил нам, что ходатайствовать о регистрации не будет, так как это запрещено инструкцией, и, кроме того, у меня еще большой срок впереди. Галина же очень молода, и это, дескать, всего лишь порыв, романтика, молодость. Начиталась, мол, романов, вот и дурит.

Галя плакала, а я скрежетал зубами от бессилия.

Уходя, она сказала мне:

— Дойду до самого высшего начальника, а добьюсь регистрации. Это не старое время, у нас не отнимут любовь.

Так мы расстались с Галей.

Я в полном и безнадежном отчаянии. Все наши попытки найти выход из положения, получить человеческое право быть мужем и женой разбились об инструкцию. Если можете, гражданин комиссар, помогите! Хотя я уже не верю ни во что.

Галаншин.

Письмо четвертое

Гражданин комиссар! Вы зря на меня так обрушились в своем письме. Хотя многие из Ваших слов должен признать справедливыми. Но, скажу откровенно, если бы не Галя, если бы не ее сердце, ее душевная теплота, покончил бы я все счета со своим дрянным, незадачли-

вым житишком. Но попробую написать все по порядку.

После той беседы с начальством настоял я, чтобы Галина уехала в другой город.

Она послушалась и уехала. Устроилась работать неподалеку. Стал я посылать ей переводом деньги. Она не принимала сперва, отсылала назад: мол, она на воле, ей легче. Но я настоял. Да и деньги мне ни к чему. Есть во что одеться, харчи казенные. А Гале — ей и платице, и туфельки нужны, и в кино, и на танцы сходить. Ведь молоденькая же. Но Галя знает куда деньги тратила, что я присылал ей? Купила мне пальто, костюм, рубашек. Письмо я как-то получил от хозяйки, где она комнату снимает. Так она моей Галкой не нахвалится: и детей-то помыть поможет, и белье стирает. Как своя, родная в семье.

Но тут новое происшествие: запретили мне деньги Гале посылать. А мне перед ней стыдно, вдруг что нехорошее подумает? То посылал, а то вдруг нет. Я пришел к начальнику, говорю ему: как же так, ведь у меня, кроме Гали, никого нет на свете. А он мне: дурак ты, Галаншин. Ты ей деньги посылаешь, а она там, поди, проматывает их со своими хахалями. Ты думаешь, она ждет тебя? Так вот знай, раз связалась с осужденным, значит, непутевая была... Не помня себя, я заорал: «Не смей так говорить, не смей!..» И если б не о Гале в этот момент думал, не знаю, что бы было... Если кто оскорбит Галину, съем сразу, только железные пуговицы выплуну.

Скис я здорово после этого случая. Но опять Галя вмешалась. Прислала письмо. Добилась она, оказывается, что ее в комсомоле восстановили. Описала все свои хлопоты по нашей регистрации: куда ходила, куда пробижалась. Молодчина, ну просто молодчина! И планы свои на этот счет изложила. А с меня опять потребовала: работать по совести и вести себя как подобает.

Верите, всю хандру с меня как рукой сняло.

Работаю, как тигр, веду себя, как сосунок.

Мои дружки думают, что я работаю как чумной, потому что кого-то боюсь. А я ничего не боюсь. Даже смерти. Я ее презираю, она сама меня боится. Все дело в Галине. Ее письмо для меня — будто чудо живительное. Галя, только Галя держит меня!..

По неписанным законам нашего блатного мира вор или грабитель не должен в заключении занимать какие-либо административные должности. Десятник, бригадир, чем-

либо заведующий — деятельность запрещенная, заключенный вроде бы не должен браться за нее.

Я хорошо знаю эти звериные нормы. И все же согласился возглавить работу столярной мастерской. Почему? Да потому, что я не признаю ни за кем права делать меня слепым кутенком. Не хочу мириться с нормами и правилами, которые превращают человека в зверя! Нельзя, чтобы человек терял надежду хоть когда-нибудь получить право называться человеком. Так что Ваши слова, гражданин комиссар, о моем «в некотором роде заячьем поведении» не соответствуют истинному положению дел. Моменты, когда я падал духом, были, но мой жизненный стимул — Галя, она вовремя приходила на помощь. Ну и уж если совсем начистоту, Ваши письма тоже неплохо на меня подействовали. Только не считите это за подхалимаж. Я этого не люблю, и не в моем характере такие повадки. Ну а в общем итоге начальство наше иначе на меня смотреть стало. Видимо, понимать начало, что рождается новый человек в Галаншине.

Один из начальников все допрашивает меня, откуда меня в Москве знают. Никак я его убедить не могу, что ни сватьев, ни братьев у меня нет и водку мы с Вами никогда не пили.

Я все сделал, как Вы мне советовали. Обратился с подробнейшим заявлением в Москву. Описал все, как было, всю свою жизнь. И все отправил через свое начальство. Теперь жду ответа.

Я понимаю, что изрядно надоел Вам, и все же опять прошу об одном и том же: помогите, подтолкните там, в Москве, чтобы не пропала моя исповедь, чтобы разрешили нам с Галей зарегистрироваться. Свободы я не прошу. Я ее заработаю. Буду горы ворочать, как бульдозер. И нарушений режима не допущу. Доверие оправдаю. Но без Гали я жить не смогу, моя жизнь без нее пустая.

Ну что нужно, чтобы доказать, что мы беспредельно любим друг друга? Что не легкомыслие, не баловство это? Ведь пять лет прошло с тех пор, как мы встретились. И за это время мы еще больше, еще крепче привязались друг к другу.

Кто может сказать, что это юношеская романтика, каприз девчонки из ФЗО? Сейчас Галя совсем взрослая и очень-очень красивая. А лицо — лицо у нее такое, что я буду любоваться им всю жизнь.

Путаное это и какое-то слезливое письмо у меня по-

лучилось. Очень волнуюсь. Наболело все так, что кричать хочется. Только бы разрешили брак с Галиной. И больше мне ничего не надо. Свободу я горбом добуду. Не по обочинам, а по дороге пойду, если Галка будет рядом.

Галаншин Леонид.

Письмо пятое

Гражданин товарищ комиссар, здравствуйте!

Пишет Вам Галина Власенко.

Прежде всего сообщаю, что письмо Ваше получила. Спасибо Вам, большое спасибо, что написали. Извините, с ответом немного задержалась, была в командировке.

Постараюсь ответить на все Ваши вопросы.

Я не знаю, что писал Вам Леонид обо мне. О нем скажу все откровенно, как есть.

Встретились мы с ним случайно на стройке. Обросший, грубый человек, с большими, натруженными, узловатыми руками. Не знаю почему, но защемило у меня сердце. Особенно когда я посмотрела ему в глаза. Было в них и страдание, и непроходящая тоска, а в глубине их что-то теплое, человеческое. Может, потому, что я тоже имела нелегкое детство (родители у меня в войну погибли), но мелькнула у меня мысль, что этому человеку нужна родная, близкая душа, нужна, как хлеб, как воздух. И потом уже эта мысль не покидала меня.

Многие отзываются о Лене нелестно. Но они не знают его, какой он человек. А ведь это главное — человек. У него сердце золотое. И работать любит. Не злой он, не жадный, душевный и очень смелый, до отчаянности, что ему иногда и мешает.

Может, я вижу в нем только хорошее? Возможно. Но сердце мое чувствует, что Леня настоящий, что на него понадеяться можно, что не подведет он, не обманет. И что мы с ним — те двое из всех людей, что нашли друг друга, для счастья встретились, для жизни вместе, до конца рядом. Поверила я в это, полюбила его и сама первая пошла к нему. Леня — моя судьба, он мой единственный, и нет другого на свете для меня.

Я вспоминаю встречи с ним как светлые праздники, как самые счастливые дни. И то, что он старше меня, не имеет значения. И жизнь его прошлая не испугала меня. Потому что верю я в него, знаю сердце его большое, любовь нерастраченную.

Очень волнуюсь я о Лене. Он горячий, неуравнове-

шенный, как бы не сорвался. А уж если сорвется, тогда все — не поднимется. Это меня очень пугает. Письма я ему пишу по двое суток, все такие слова подбираю, чтобы не обидеть, успокоить. Он вроде слушается. Боится он, что я его бросить могу. Молодая, мол, жизнь вся впереди. И переживает разлуку нашу тяжело, нервничает. Свидания все просит. Да я к нему и сама побежала бы. Только ведь не так просто это! Наши законы, товарищ комиссар, справедливы, только жизнь в законы не вся укладывается. Вот люблю я Леню, хочу быть с ним. В беде, в несчастье, все равно где — хоть на Северном полюсе, только бы с ним. И знаю, что получится наша жизнь. Он тоже надеется, что все у него по-другому пойдет. А закон не дает нам быть вместе. Почему же не помочь нам? Я уже в разные места обращалась, куда только не писала. Одни сочувствуют, вроде понимают все. А другие говорят: «Брось его! Что, на нем свет клином сошелся, что ли? Что, ты на воле лучшего не найдешь мужа?» Как все это больно слушать! Сейчас у меня одна цель: добиться, чтобы мы были вместе.

Я сделала все, как Вы велели: послала все бумаги и министру и Генеральному прокурору. Теперь с нетерпением жду решения. Умоляю Вас, товарищ комиссар, помогите нам! Век не забудем.

Спасибо Вам за все, за отзывчивость Вашу — низкий поклон.

Галя Власенко.

Телеграмма

Москва, Петровка, 38. Товарищу комиссару.

Сегодня наш самый светлый, радостный праздник. Зарегистрировались в горзагсе, как полагается. Даже начальство счастья пожелало. Леонид признается и кается, что он не прав, совсем не прав в отношении Вас, Ваших товарищей по службе. Спасибо, товарищ комиссар. Всегда, всегда будем помнить Вас.

Леонид, Галина Галаншины.

Послесловие

Эта переписка лежала в сейфе среди служебных бумаг одного заслуженного криминалиста, много лет проработавшего на Петровке. Листки уже чуть пожелтели. Я начал просматривать их и не мог оторваться, пока не

прочитал все. В одну из встреч с комиссаром спросил его, знает ли он о дальнейшей судьбе своих подопечных. Или телеграмма была последней страницей этой истории?

Комиссар улыбнулся и не без гордости ответил:

— Нет, почему же? Просто последующие письма уже шли в мой домашний адрес, как к пенсионеру. А подопечные живы и здоровы. Есть за Тулой такой город — Новомосковск. Знаете? Ну так вот, там на Первомайской улице проживает семья Галаншиных. Муж, жена и двое хлопцев. Старший в этом году в школу пошел. Глава семьи, Леонид Петрович Галаншин, работает мастером деревообделочного комбината, жена — на стройке.

Помолчав немного, комиссар добавил:

— Был у них однажды. Рыбалка там на Иван-озере знаменитая. Думаю еще как-нибудь собраться.

ЗАЧЕМ?

Сегодняшняя встреча полковника внутренних дел Стрельцова и Василия Крупенина являлась последней, завершающей.

Крупенин уже понимал весомость фактов и цифр, скрупулезно собранных и зафиксированных в объемистых папках следственного дела, что лежали на столе полковника. Понимал и страшился их.

Сейчас он признавал, что да, виноват. Серьезно виноват, но все же не в такой степени, как ему инкриминируют. Старался преуменьшить масштабы операций, выискивал любые мало-мальски объективные причины, которые якобы толкали его по наклонной плоскости. Часто и плаксиво сетовал по поводу своей неудавшейся жизни, раскаивался в том, что стал на такой скользкий путь.

Он сидел сгорбившись на краешке стула, зажав в коленях потные дрожащие руки, и, надрывно всхрипывая, вопрошал:

— Зачем мне это было нужно? Зачем? Жизнь-то порушена, сгублена. Зачем? Для чего?

Полковник Стрельцов, уже привыкший к частой смене настроений Крупенина, ответил:

— На этот вопрос сможете ответить только вы сами, только сами. А сейчас вот вам текст обвинительного заключения. Садитесь вон за тот стол и внимательно читайте. Согласны — подписывайте, не согласны, имеете

замечания, возражения — заявляйте, будем вместе с вами разбираться вновь.

— Да, да. Понимаю.

Крупенин тяжело поднялся со стула, прошаркал к соседнему столу и углубился в чтение. Читал долго, поминутно вздыхая, охая, то и дело утираясь большим коричневым платком.

Стрельцову завтра предстояло докладывать следственное дело прокурору города, и он придвинул ближе к себе пухлые голубоватые папки. Вновь и вновь читая документы — протоколы допросов, очных ставок, заключения экспертов, он в который уже раз зрительно, почти осязаемо представлял себе пути и перепутья, все кривые, запутанные тропы Крупенина и его подручных.

...Дверь кабинета управляющего трестом Легпромстрой Крупенина тихо отворилась, и секретарша доложила:

— Вас спрашивает полковник Стрельцов из городского отдела внутренних дел.

Крупенин поднял трубку.

— Здравствуйте, товарищ полковник. Слушаю вас. Что за докука появилась к нам у блюстителей правопорядка?

— Дело вот какое, товарищ Крупенин. На Московском шоссе были задержаны два грузовика третьего стройуправления вашего треста с керамической облицовочной плиткой. Прошло три дня, а руководители стройуправления что-то не спешат приехать и помочь нам разобраться что к чему. Ведь в калужских краях ваших объектов, кажется, нет?

У Крупенина вдруг занял позвоночник, остро кольнуло в затылке. Болезненно поморщившись, он постарался ответить спокойно:

— Объектов у нас, товарищ Стрельцов, много. Строим и у себя в области, и в Москве, и на юге, и даже на БАМе. Руководству же стройуправления я сейчас накручу холку, и они живо помогут вам во всем разбраться.

Сразу же после этого разговора Крупенин вызвал Гурия Борzych, своего заместителя, и начальника отдела снабжения Горовца.

— Что там за история с грузовиками в третьем СМУ? Мне только что из милиции звонили.

Борзых стал объяснять:

— Должок мы досылали калужскому местному. Помните, днями они были у вас. Я распорядился, чтобы рассчитаться.

Крупенин сумрачно посмотрел на Борзых и Горобца.

— Сейчас же поезжайте в горотдел к полковнику Стрельцову и уладьте недоразумение. Эпизод этот надо локализовать, что-то он беспокоит меня.

Однако, несмотря на все старания руководителей третьего стройуправления и подключившегося к ним в помощь Борзых и Горобца, локализовать эпизод не удалось.

Старший лейтенант Камышин, что по поручению Стрельцова занимался случаем с грузовиками, навел за эти дни кое-какие справки и потому к объяснениям работников треста отнесся настороженно.

— Говорите, отдавали долг? Но почему цемент, взятый у калужан в вашем СМУ, не был оприходован? И по чьему разрешению была осуществлена эта обменная операция? Ведь и плитка и цемент строго фондируемые материалы. Разрешение главка? Представьте его нам. Неясно и еще одно. Зачем калужским местным таким такая плитка? Дворцов они вроде не строят, особняков тоже. Кому же и зачем она вдруг понадобилась?

Свои сомнения Камышин доложил Стрельцову, и вечером они вместе поехали к начальнику управления.

— Легпромстроем, вероятно, придется заняться поглубже, товарищ генерал. Сигналы и раньше были, да все руки у нас не доходили. А этот эпизод с плиткой очень настораживает.

Уловив предостерегающий взгляд генерала, Стрельцов добавил:

— Понимаю: и трест авторитетный, и управляющий под стать, но материалы таковы, что игнорировать их мы не можем. Проверить, во всяком случае, должны.

После короткого раздумья начальник управления проговорил:

— Ну что же. Раз есть основания — начинайте проверку. Но имейте в виду, что трест, как вы верно заметили, известный, дела делает немалые, и нам не простят, если мы опорочим его или кого-либо из работников без достаточных оснований.

Ни Стрельцов, ни начальник управления не предполагали тогда, что не столь уж значительная история с керамической плиткой положит начало разоблачению

крупной, отлично организованной группы дельцов, расхитителей, подвизавшихся на некоторых подмосковных стройках.

Крупенин, Борзых и Горобец — заправила этой группы, хотя и были обеспокоены подозрительностью лейтенанта Камышина при разборе дела с грузовиками, тоже не предполагали, что этот эпизод будет последним в их многолетней преступной и, к сожалению, безнаказанной деятельности, будет предвестником их конца.

Правда, для этого потребовался упорный, полугодовой каждодневный труд оперативной группы Стрельцова, работников прокуратуры, усилия многих консультантов, экспертов, специалистов по строительным, финансовым, плановым, транспортным и прочим проблемам.

...Крупенина пригласили в ОБХСС в ходе следствия, когда довольно много было уже выяснено.

Перед полковником Стрельцовым сидел грузноватый, излишне упитанный мужчина с бледным, часто потеющим лицом, с прядью рыжевато-седых волос, искусно закрывающих обширную залысину. В солидной осанке, басовитом голосе нет-нет да и проскальзывали властные нотки человека, привыкшего к тому, чтобы его и слушали и слушались. Только вот глаза были беспокойны, они ожидающе затаенным страхом следили за Стрельцовым, пытаясь угадать, что тому известно, все ли он знает из того, что знал сам Крупенин.

Полковник был суховат, немногословен и интересовался пока что общими вопросами: системой учета материалов, взаимоотношениями заказчиков и подрядных организаций, порядком финансовых расчетов между ними и прочим. Крупенин отвечал на эти вопросы подробно, со знанием дела. Очень хотелось ему как-то расположить к себе этого служаку. Даже думалось: чем бы задобрить его? Особенно настойчиво эта мысль стала мельтешить у Крупенина, когда Стрельцов в конце разговора, сняв очки и подслеповато щурясь, проговорил:

— А ведь мы, Василий Семенович, с вами когда-то встречались. Не помните?

Крупенин с готовностью поднял голову:

— Мир тесен. Наверное, встречались. Вероятно, на активах, совещаниях, конференциях.

Стрельцов скупно усмехнулся:

— Нет, я имею в виду другое. Но, впрочем, это не существенно.

Крупенин, однако, не хотел упустить неофициальную, как ему показалось, интонацию разговора и торопливо зачастил:

— Нет, нет. Подождите. Я вспомню. Склероз у меня еще только начинается. Так где же мы могли видеться? На стадионе? В театре? В ресторане? А впрочем, вы ведь в эти заведения, видимо, не ходите.

— Ну почему же? Когда есть необходимость или повод, когда есть возможности, ходим в ресторан. Одним словом, все как у людей.

Крупенин небрежно заметил:

— Ну возможности — дело наживное.

Стрельцов усмехнулся, пристально посмотрев на Крупенина.

— Хотите помочь расширить эти возможности? Смелый вы, однако, Крупенин.

— О чем вы, товарищ полковник? Вы, видимо, неверно меня поняли.

— А мне думается, понял я вас абсолютно точно. И хочу дать вам, Крупенин, один совет. Не мудрствуйте лукаво, не тешьте себя несбыточными надеждами. Сухим из воды вы на этот раз не выйдете. И потому настоятельно рекомендую — расскажите следствию все. Повторяю — все, открыто и честно. Ценности же в любых видах, что нажили нечестным путем, сдайте государству. Они ведь принадлежат ему.

Крупенин побледнел. Глаза сузились, чуть побелели в злобном всплеске. Хрипло, с неподдельным гневом проговорил:

— О чем это вы, полковник? Что я должен такое рассказать? И какие ценности? Откуда они у меня?

— Я дал вам совет. Если хорошенько подумаете, убедитесь — совет добрый.

Крупенин, ошеломленный, сбитый с толку этим разговором, нещадно клявший себя за то, что сам его начал, не знал, как сейчас поступить и что предпринять.

Наконец с кривой усмешкой проговорил:

— Буду думать. Только где же мне взять то, чего нет? Не богач я, поверьте. Вы ошибаетесь. Я не тот, за кого меня приняты. Нашли миллионера. Надо же такое придумать. Шарада какая-то. И знакомство наше — опять же загадка.

— Загадки, Крупенин, никакой нет. Жаль, конечно, что вы запамятовали один судебный процесс. А забывать его вам не следовало бы.

...Было это более двух десятилетий назад. Следственными органами тогда была разоблачена крупная, крепко организованная группа расхитителей, возглавляемая некими Хейфицем, Евгеньевым, Рейделем и Козловским. Группа орудовала в нескольких универмагах Москвы и трикотажных фабриках Подмосковья. На одной из них был даже сооружен специальный цех для производства пуховых платков, джемперов, женских шерстяных кофты и прочего трикотажа.

Прорабом на строительстве этого цеха работал Василий Крупенин, переброшенный сюда вместе с двумя бригадами с другой стройки.

Когда началось разоблачение группы Хейфица, прораб незаконно строящегося цеха тоже, естественно, попал в поле зрения следствия. Но народный суд, учитывая молодость Крупенина, малый срок работы на нелегальном объекте, не счел необходимым привлекать его к уголовной ответственности, ограничившись административными мерами.

Не понял, однако, Крупенин значимости сделанного ему предупреждения. В памяти от того процесса остались у него не суровые меры, примененные к обвиняемым, а ошеломляющие суммы, которыми они ворочали.

Через два или три года, будучи старшим инженером отдела капитального строительства на фабрике № 5, он сделал первый шаг на скользкой, наклонной дорожке.

Строительно-монтажное управление треста Легпромстрой, которое возглавлял Гурий Борзых, заканчивало на фабрике сооружение заготовительного цеха. На объекте еще много было недоделок, но строители настаивали на приемке. Площади предприятию нужны были позарез, и скрепя сердце дирекция подписала акт. Отдел капитального строительства фабрики тоже приложил к этому руку — гарантировал, что строительные недоделки в скором времени доведет до конца. Начальник СМУ Борзых эту заступку оценил по достоинству.

Вечером, после митинга в новом цехе и не очень изысканного, но добротного угощения строителей в заводской столовой, Борзых зашел к Крупенину в отдел капитального строительства. Он по-свойски уселся против Крупенина и положил перед ним небольшой, но довольно пухловатый конверт. Видя удивление Крупенина, немного-словно объяснил:

— Все правильно и все законно. Будешь у нас в СМУ — в ведомости распишешься. Так что не волнуйся.

Да и мзда-то пустяковая, разговора не стоит. За такой цех, да сданный в такие сроки разве так строителей и вас поощрять надо? Ну да ладно, все еще впереди.

За ужином в городском кафе, куда они затем отправились, разговор вертелся вокруг фабричных и строительных дел. Борзых жалился на настырность заказчиков, все хотят получить объекты срочно, немедленно, и ему приходится крутиться как белке в колесе. Крупенин опасался, что после получения акта о сдаче цеха стройуправление не завершит недоделки. Об этом он довольно настойчиво напоминал своему сотрапезнику.

— Все будет в норме, если вы, Крупенин, и ваше фабричное начальство будете понимать, что к чему. Между прочим, остатки стекла, шифера, плитки, огнеупорного кирпича приходить не спешите. Займемся вместе.

— А как же... — хотел спросить Крупенин, но собеседник с ходу понял вопрос.

— Оформлять списание будем в объемах, предусмотренных проектом. Тем более что недоделки, сам говоришь, еще добивать придется. Усекай, Крупенин, что говорю. И вообще держись Гурия Борзых. И дело обеспечишь, и внакладе не останешься.

Внакладе Крупенин действительно не остался. Вскоре он получил от Борзых еще один куш. Тревожные мысли в первое время приходили частенько, но, видя, что их альянс с Борзых идет не во вред фабрике, скоро успокоился. Соседей СМУ держало в черном теле, а пятая фабрика не бедствовала. После окончания заготовительного, занялись механическим цехом, подумывали уже и о пристройке к главному корпусу. Все это на фабрике и в главке связывали с оперативностью отдела капитального строительства фабрики и старшего инженера Крупенина, исполняющего обязанности начальника. Крупенин не опровергал этих разговоров, принимая их как должное. Как должное воспринял и последовавшее утверждение начальником ОКСа.

Через полтора или два года в целях большей специализации было решено Легпромстрой разделить на два самостоятельных треста — один для промышленного, другой для жилищного и культурно-бытового строительства. Есть правильная народная поговорка о том, что худая слава бежит, но хорошая тоже распространяется, хотя, может быть, и не так быстро. Когда в министерстве встал вопрос о руководстве треста по промышленному строительству, возникла фамилия Крупенина. Никаких оче-

видных изъянов за ним не числилось, и назначение состоялось.

При этой реорганизации к промышленному тресту отошли многие важнейшие объекты, ему же были переданы строительные цехи и участки ряда предприятий, ведущие работы хозспособом. Таким образом, Легпромстрой быстро вырос в довольно мощную строительную организацию. В реконструкции и модернизации производства нуждались многие предприятия, и все они рассчитывали на его услуги. И Крупенин не чуждался ни новых, более масштабных служебных дел, ни более широких возможностей для дел, далеких от его обязанностей. Широкие связи треста со многими предприятиями, учреждениями, ведомствами, с различными районами и городами позволили группе Крупенина осуществлять довольно широкие, но пока безнаказанные рискованные операции.

На нескольких объектах образовались немалые излишки силикатного кирпича. Выгодно пустили его в дело. Потом была операция с автомобильными скатами, с двумя десятками вагонов подтоварника, кровельным железом и еще многим строительным дефицитом.

Как-то вечером Борзых — теперь уже заместитель Крупенина в тресте, затащил его в один из загородных ресторанов. Здесь они встретились с двумя приткими южанами, оказавшимися представителями довольно солидных кооперативных ведомств, связанных с овоще-фруктовой и винной продукцией. В ходе ужина беседа довольно быстро приняла деловой характер. Южанам был нужен и кирпич, и цемент, и шифер, и многое другое. Все это было на складах и объектах треста, было у его заказчиков, было и в выделенных фондах.

— Помочь вам, конечно, нужно. Но как все это оформить? — высказал озабоченность Крупенин.

Борзых, однако, уже многое продумал.

— Что-то передадим в порядке шефской помощи. Что-то взаимобразно. Часть оформим как сокращение излишков. Затоваренность-то у нас на складах — бельмо на глазу для всех ревизий.

Южане основательно поживились за счет щедрот Легпромстроя, а сейф Крупенина пополнился новыми хрустящими купюрами. Солидно выросла и итоговая цифра вкладов в сберегательной кассе. Это радовало его, наполняло гордостью, сознанием собственной значимости. И отличная квартира, и отличная дача, и машина, и еще многое другое. Было с чего гордиться своей предприимчиво-

стью и деловитостью. Он уже без зависти встречался со знакомыми сослуживцами, более успешно продвинувшимися по служебной лестнице, без прежней робости держался в министерских кабинетах и различных ведомствах, спокойно, а порой снисходительно выслушивал нотации того или иного начальствующего лица. Думал при этом: «А сколько ты стоишь, дорогой? Сколько карбованцев у тебя за душой?»

Но все радости Крупенина кончались у порога его квартиры.

Зинаида Михайловна Крупенина, его вторая половина, была сотворена из совсем другого теста. Оказалась она, как в итоге скажет Василий Семенович, «бескрылой улиткой, не способной понять моих устремлений».

Не один год прожили вместе Крупенины. Интересы и вкусы, взгляды на жизнь должны бы совпадать, быть общими. Но супруги совершенно по-разному смотрели на то, как нужно жить и к чему стремиться человеку.

Познакомились они около трех десятилетий назад, работая на стройке химического завода. Стройка была молодежная, условия сложились нелегкие, но жили строители шумно, не унывая. Трудились, влюблялись, женились.

Веселому, разбитному прорабу понравилась скромная, робковатая фэзэушница. Она же втайне давно уже была без ума от него. Через месяца три или четыре всем поселком сыграли свадьбу.

Первые годы жили и скромно, и дружно. Им хватало заработка на все необходимое: одеться, обставить недавно выделенную квартиру и сына растить. Потом Крупенин стал продвигаться по службе и, естественно, стал расти достаток в семье. Но молодую женщину насторожило то, что достаток этот стал расти слишком стремительно. С малых лет, еще от матери, бережливой костромской колхозницы, она усвоила простое жизненное правило: жить надо по карману, честно и чисто, чтобы было можно спокойно спать, открыто и прямо смотреть людям в глаза.

Когда Крупенин принес первые три сотни сверх зарплаты, жена обеспокоенно и настойчиво допрашивала его: откуда? Он объяснил, что премия. Во второй раз сослался на вознаграждение за внесенное им рационализаторское предложение.

Потом была получена новая квартира, приобретена дорогая мебель, хозяин обзавелся собственной «Волгой».

И чем богаче становилась семья, тем меньше доставляло это радости Зинаиде Крупениной. Не в радость были вещи, что шли в дом, подарки, приносимые мужем. Не доставляли радости и нередкие поездки в гости к его друзьям, в московские рестораны, на юбилеи различных московских знаменитостей. Крупенина чувствовала себя в этой среде чужой и посторонней. Да и сам Крупенин, она видела это, лишь хорохорился и был тут как петух в гусиной стае. Приглашался-то он сюда как человек нужный, могущий оказать услугу. Крупнейший же строитель-трест не шутка. Сам Крупенин, однако, видел в этих приглашениях нечто другое — признание его значительности, весомости, личного авторитета.

Зинаида Крупенина, в сущности, опровергала широко бытующее мнение, что именно жены, прежде всего они, толкают мужей на различные темные стежки, заставляют их пускаться во все тяжкие, чтобы обеспечить повышенное благополучие в семье.

Чтобы избежать бурных нервных сцен, Крупенин более не приносил в дом ни лишних денег, ни ценных вещей. Для них он нашел другое место. Но ограничивать себя в житейских удобствах он вовсе не собирался. И поэтому давно уже искал возможность соорудить себе хорошую дачу. Не раз заговаривал об этом с женой.

— Помнишь, в Валентиновке мы видели такие уютные коттеджи? Прелесть. Надо бы нам соорудить нечто подобное.

— Что тебе дались эти валентиновские дачи? Ну построили их, может, академики, лауреаты там или артисты знаменитые, нам-то что до этого?

— Да узнавал я. Никакие не лауреаты и не академики. Просто люди жить умеют.

— Но мы, кажется, тоже не отстаем от них. Я по горло сыта твоими замашками. Ночей не сплю.

Столь неодобрительная реакция супруги, однако, не остановила Крупенина, и он предпринял нужные шаги, чтобы задуманное все-таки осуществить.

«Хоть будет где спрятаться от моей ведьмы», — пошутил он, давая поручение своим сподвижникам порыскать, поискать подходящую «дачную ситуацию».

Не зря говорится: ищите и обрящите. Один из московских заводов осваивал отведенный ему участок под дачное строительство. Но дело двигалось туго. Узнали об этом крупенинские помощники и сумели втиснуть несколько трестовских работников в организуемый коопе-

ратив. Конечно, основательно помогли ему трестовскими ресурсами, и через год с небольшим Крупенин получил вполне современную готовую, что называется, «под ключ» дачку.

Скандал дома, когда он сообщил об этом событии, был несусветным. Как ни старался Крупенин образумить, успокоить супругу, все было тщетно. Зинаида Михайловна, словно что-то опасное, колючее, отодвинула от себя торжественно положенные на стол ключи и, удрученно вздохнув, проговорила:

— Ты все же влез в эту авантюру, Василий. Зачем? У нас же есть дача.

— Какая это дача? Садовый курятник. Пока мы его подержим, а потом продадим.

Лицо супруги сделалось бледным, голос напряженно звонким и решительным.

— Объясни, Крупенин, на какие доходы ты шикуешь? Откуда у тебя такие средства?

— А это уже мое дело.

— Нет, это дело не только твое, а и мое тоже. И сына нашего. И ты обязан объяснить: откуда у тебя такие деньги?

Крупенин взбесился:

— Знаешь, Зинаида, мне это начинает надоедать. Я по горло сыт твоими скандалами.

— Мне это тоже надоело. Не могу больше. Я устала дрожать, не спать ночей. Постоянно ждать беды, позора. Не могу больше. Не могу.

— Могу не могу. Все это слова. Женские капризы. Не можешь — уходи. Двери не заперты, задерживать никто не собирается.

Это была серьезная оплошность Крупенина.

Зинаида в изнеможении опустилась на стул, долго молча смотрела на Крупенина, затем глухо выговорила:

— Я действительно не могу так жить, Крупенин. И уйду, да, уйду. Но напоследок скажу тебе вот что — не возьмешься за ум, кончишь плохо. Тюрьмой кончишь. Помяни мое слово.

Виталий — сын — пришел в самый разгар ссоры. Он долго вслушивался в нее, потом посоветовал:

— Ну что вы постоянно цапаетесь? Не можете жить вместе — расходитесь.

Зинаида Михайловна нервно бросила:

— Опоздал со своими советами. Именно об этом мы

и договорились. Я сейчас же уйду. И если ты хочешь жить честно, то уйдешь вместе со мной.

Виталий внимательно посмотрел на обоих разгневанных родителей и с усмешкой, так не подходящей к моменту, ответил:

— Ну зачем мне-то спешить. Мне пока нужны оба. В определенной мере, конечно. Так что я занимаю нейтральную позицию — неприсоединения к блокам.

Говорил Виталий с шутливыми интонациями, а глаза смотрели на мать холодно, отчужденно. Зинаида Михайловна поняла в тот вечер, что она потеряла не только мужа, но и сына.

Бунт хранительницы домашнего очага Крупениных был закономерен и естествен, но он слишком долго тлел и разразился, опоздав на 15—20 лет. И уже ничего не мог изменить.

Ссоры между родителями Виталий слышал не раз и не два. Привык и относился к ним спокойно. Он только не понимал, почему мать устраивает шум по поводам, которые должны бы лишь радовать ее. Решил отец заменить квартиру — ссора. Заменяли мебель — скандал. Появилась «Волга» — целый содом, слезы. А сколько у них свар из-за каждой покупки ему, Виталию. По ее мнению, и «Ява» ему ни к чему, и магнитола лишняя, и поездки в столицу с друзьями должны быть реже. А его короткий вояж на юг к морю — ненужная роскошь и баловство. Словно он отставок какой-то, а не единственный сын в семье.

— Странная все-таки женщина наша маман, — сокрушался он, подстраиваясь под сумрачное настроение отца. — Всегда и всем недовольна.

Крупенин со вздохом согласился:

— Женщины, они, друг мой, такие — секрет за семью замками. Вот и она. Живет дай бог каждому. Так нет, ей еще надо, чтобы все было чистенько, все гладенько, чтобы и рыбку поймать, и ножки не замочить, а тряпки носит только импортные. Не так все просто в жизни. Как говорится, хочешь жить — умей вертеться. Но ты не очень-то обращай внимания на ее крики. Бог терпел и нам велел. Не бери в голову. Но в случае чего — держись отца. У мужского сословия должна быть своя стезя...

Говорил это Крупенин не для красного словца. Он давно уже не исключал того, что с женой у них дойдет до развода. Думал сам об этом не раз и не два, а однаж-

ды почти решился на этот шаг. Но привычка к сложившемуся жизненному укладу, опаска неизбежных в таких случаях пересуд сдержали его. Была и другая причина. Где-то в глубине души он признавал обоснованность тревог и беспокойства жены и неоднократно давал себе зарок — кончать комбинации, уходить с кривых дорожек. Правда, решения эти принимались ночью, в преддверии тревожного сна. Утром же они ступшеывались или вовсе улетучивались из головы. И что в ночных мыслях представлялось страшным и пугающим, днем казалось обычным, малозначащим и нестрашным.

Решение Виталия остаться с ним наполнило сердце Крупенина отцовской гордостью. Вскоре, однако, он узнал сына получше, чем знал до сих пор.

Через несколько дней после ухода матери Виталий завел разговор о житейских делах и, ничуть не смущаясь, заявил:

— Дачу надо оформить на меня, отец. И не откладывая.

— Почему? Зачем? — недоумевая, спросил старший Крупенин.

Виталий пояснил:

— Ну чего же тут непонятного? С тобой может случиться всякое. И что тогда? И не только о даче я веду разговор. Ты, пожалуйста, организуй на мое имя некий возможный вклад в сберегательной кассе. Скупиться, я думаю, не будешь. И если что стрясется...

— Вбила все-таки тебе мать в голову эти дурацкие мысли, — прервал его отец.

Однако деловая хватка Виталия, его настойчивость и прыть понравились Крупенину, и он, поразмыслив день-другой, согласился с предложением сына. Была при этом и такая мысль: если действительно что приключится, то недвижимым имуществом не владею, а сын за отца, как известно, не ответчик. И хотя Крупенин где-то понимал всю шаткость и малую реальность этих рассуждений, все же они как-то утешали, успокаивали.

Сын взял на себя все хлопоты по переоформлению дачи, ездил в кооператив, поселковый Совет, в нотариальную контору, в другие нужные инстанции, оформил все положенные документы. Владелец особняка в Валентиновке стал не старший, а младший Крупенин.

Василий Семенович невесело пошутил:

— Ну а мне там хоть какая-то площадь будет выделена?

Сын шутки не принял и на полном серьезе ответил: — Посмотрим. Но садовый участок с хибарой я бы на твоём месте продавать не спешил. Мало ли что.

Да, младший Крупенин обещал в недалеком будущем далеко превзойти своего папашу. Убедиться в этом Крупенину-старшему вскоре была предоставлена новая возможность.

В один из вечеров сын пришел домой не один, а в сопровождении бойкой, затянутой в потрепанные джинсы рыжеволосой девицы и объявил:

— Знакомся, папан, это Галка, то есть Галина Матвеевна. Моя законная супруга. В загсе уже были. Званный сабантуй по этому поводу, как полагаем, за тобой.

Крупенин почти всегда и во всем потакал сыну, но тут возмутился, наговорил и ему, и новоявленной родственнице кучу грубостей. И это было его еще одной крупной ошибкой. Не знал он характера Галины Матвеевны, ее умения и сноровки в борьбе за свое место под солнцем.

Уже через месяц Крупенин понял, что жизни ему в его гнезде не будет. Скандалы и ссоры, что происходили когда-то с женой, и в сравнение не шли с тем бедламом, что устраивала сноха. Старшая официантка кафе «Вега» по собственному опыту общения с посетителями знала, что такое психологическая атака, и в полной мере использовала и этот прием, и свои мощные от природы голосовые связки. Когда домашний базар достигал высшего накала, старший Крупенин торопливо ретировался из дома, не появляясь по нескольку дней.

— Что делать будем? — спросил он сына после очередной баталии. Виталий ответил тут же:

— Выход очень простой, отец. Построй нам кооперативную квартиру. Или хлопочи о государственной. Это было бы еще лучше.

Крупенин долго удивленно смотрел на сына. Вновь подумалось о том, что малый вырос не промах, не пропадет и не затеряется на жизненных перекрестках. Будет шагать, видимо, пошире батьки. Мысль эта, однако, не вызвала у Крупенина ни радости и ни... тревоги за сына. Скорей он почувствовал нечто вроде зависти к Виталию на то, что молод, что много сможет взять от жизни.

Находиться дома ему стало невмоготу, и он перебрался в трестовскую гостиницу. Прожил там месяц или два и стал задумываться: а что же дальше? Решил навеститься к давней хорошей знакомой Нине Безруцкой. Та при-

няла его горячо и нежно, но в ответ на осторожные намеки Крупенина о его безрадостном существовании высказалась довольно четко: развод с семьей, загс, собственное гнездо в городе и пригороде. Одно из них на ее имя. Крупенин ежился, вздыхал, обещал все обдумать. Приятельница, однако, предупредила, что долго ждать не будет, ибо у нее есть и другие перспективы.

— Да и что ты раздумываешь, Василь? Твоих запасов хватит не только на два гнезда. Так что не жадничай, а то прогадаешь...

Эти слова основательно обеспокоили Крупенина, насторожили, и он долго пребывал в серьезных раздумьях. А потом решил твердо:

— Хватит, обойдемся без уз Гименея. Эта Нинка будет похлеще моей старой супружницы. А я еще и от ее крепостнических замашек не совсем отошел.

Вспомнив сейчас Зинаиду Михайловну, Крупенин мысленно упрекнул себя за то, что никак не соберется ответить на ее письма, что та шлет из своей Костромы. А впрочем, что он мог ей ответить? Она ведь в этих своих посланиях только и твердит одно: «Одумайся, Василий, меняй свою жизнь».

«А, собственно, почему я должен менять ее? — спорил Крупенин с этими письмами. — Каждый живет своим умом. Вот и я живу как могу, как умею. А умею, кажется, неплохо. Во всяком случае, не в рядовых ходим...»

Зинаида Михайловна действительно зря старалась наставить Крупенина на путь истинный. Семейная драма не отторгнула Крупенина ни от старых друзей, ни от сомнительных устремлений. Центробежная сила, которой он дал когда-то первоначальное движение, продолжала держать его на своей орбите.

Крупенин и его сподвижники по-прежнему продолжали свои темные дела. Заканчивалась одна операция, подвертывалась другая, завершалась эта, Борзых готовил третью. Накопленный опыт, скрупулезное знание упущений и прорех в учете материалов, в порядке взаимоотношений предприятий и строек — заказчиков и подрядчиков — все это помогало дельцам безнаказанно осуществлять многие свои комбинации. Однако всему приходит конец. Мелкая по масштабам группы Крупенина операция с облицовочной плиткой была последней.

...Крупенин наконец закончил чтение обвинительного заключения, долго сидел молча и, повернувшись к Стрельцову, зло, не скрывая своей неприязни, проговорил:

— Потрудились вы, полковник, изрядно. Собрали все мыслимое и неммыслимое.

Стрельцов уловил злые интонации в голосе Крупенина, но ответил спокойно:

— Потрудиться действительно пришлось. Куролесили вы со своей компанией вон сколько лет.

— Но я по-прежнему в корне не согласен с вашими выводами о хищениях якобы в особо крупных размерах... Вы почему-то все значительно преувеличиваете, цифры со многими нолями, конечно, эффе́ктнее, но... Я буду апеллировать и к суду, и в самые высокие инстанции.

Стрельцов прекрасно понимал, почему Крупенин оспаривает эту формулу обвинения. Она предусматривала повышенную меру ответственности. На эти слова ответил все в том же спокойном тоне:

— Это ваше право, Крупенин. Но добиться иной квалификации ваших деяний будет трудно. На половине проверенных объектов треста установлено значительное завышение якобы выполненных объемов работ, почти половина актов на списание дорогостоящих строительных материалов не подтверждается замерами и нормативами. Вы обратили внимание на итоговые цифры убытков от этого? Пять миллионов рублей. А ведь для проверки мы брали лишь объекты, строящиеся трестом в последние пять лет. Да это и понятно. Иначе как бы могли удовлетворять запросы своей многочисленной клиентуры на стройматериалы, начиная с дачников из Валентиновки, Реутова, Захаровки и кончая южными кооператорами? А материалы, что ушли на сторону со складов треста и ваших стройуправлений? Нет, Крупенин, эта формула обвинения абсолютно обоснованна, и опровергнуть ее вам не удастся.

Подождав каких-либо возражений со стороны Крупенина, Стрельцов продолжал:

— На одной из наших первых встреч я советовал вам встать во взаимоотношения со следствием на честный путь, искренне помочь распутать клубок ваших многочисленных злоупотреблений. И добровольно вернуть государству то, что нажито нечестными путями. Вы тогда возмутились и оскорбились даже; на что надеялись? Следствие с панталыку сбить вам не удалось, как вы ни старались. Не удалось и скрыть наворованное, хоть

изобретательность и сноровка и тут были проявлены. Чего стоят эти тайники в гараже и на садовом участке, сберкнижки с вкладами на подставных лиц, история с разделом имущества между сыном и вами и прочее, и прочее.

Крупенин, сидевший до этого молча, уткнувшись взглядом в пол, вдруг резко поднял голову и нервно, с надрывом выкрикнул:

— Ну и что? Что? Много я имею от этого? Наказан, да еще как. Из партии исключен, семью потерял, живу на казенных харчах. Завидная судьба.

Стрельцов с трудом сдержал себя, чтобы не ответить резкостью на эту тираду Крупенина.

— О партии вам, гражданин Крупенин, и говорить грешно. Должна же быть и у вас хоть какая-то совесть. Вы в ней, в партии-то, оказались совершенно случайно. И коммунисты треста очень правильно сделали, что освободили ее от вашей личности еще до того, как вы оказались у нас на казенных харчах. Судьбу свою каждый человек строит сам. И свою вы тоже определили сами, сами поставили себя перед советским законом.

Слова Стрельцова были и просты, и верны. Возразить против них Крупенину было нечего. Вспышка злого недовольства своей судьбой у него уже прошла. Через долгую паузу он задал Стрельцову вопрос, на который и страстно хотел ответа, и до головокружения боялся его:

— Скажите, полковник, что мне ждать от встречи с законом? К чему готовиться?

Стрельцов мог бы, конечно, высказать свои предположения, но не было желания делать это, и он без каких-либо интонаций ответил:

— Это дело суда. Гадать не берусь.

Покидая кабинет полковника, Крупенин опять хрипло и монотонно вопрошал:

— Зачем я все это делал? Зачем?

Стрельцов проводил его взглядом, долго сидел, задумавшись. Эта надрывная фраза, часто рефреном звучавшая во время их бесед, не выходила сейчас из головы полковника. Как жаль, что понимание ложного пути ко многим людям приходит слишком поздно. Чего не хватало этому человеку? Была работа, доверие людей, достаток, семья. Было все, чем живут люди. Зачем понадобились эти десятки тысяч, эта золотая мишура? Что они внесли в его жизнь, кроме неизбежной расплаты за со-

деянное? И, как бы подводя итог этим своим мыслям, Стрельцов проговорил вслух:

— Да, гражданин Крупенин, надо было вам задать себе этот вопрос раньше, гораздо раньше. Пока не поздно, его следует задать себе и другим тебе подобным, кто уготовил себе такую же незавидную судьбу.

УЛИЦА ВАСИЛИЯ ПЕТУШКОВА

— Слыхали, новый участковый-то... Петушков...

— А чего?

— Мешает, понимаешь, культурно отдыхать. Ни тебе песни псорать, ни дать по зубам кому-нибудь на танцах.

— Точно... Даже по четвертинке у магазина теперь спокойно не сообразишь. Петушков, видите ли, считает, что это нарушение порядка.

Так беседовали между собой одним теплым летним вечером «хозяева» тушинских улиц — любители выпивки и дебошей.

— Нет, хватит, — с ухмылкой сказал некто Зенков, считавшийся главарем этой теплой компании. — Довольно... Надо поучить этого Петушкова... вежливости.

И «хозяева» решили воспользоваться первым же подходящим случаем. Вскоре он представился.

...Однажды вечером за оголтелые крики, нецензурную брань и похабные песни Петушков остановил группу молодых людей.

— А ну-ка, молодежь, потише.

И, показав на темные окна домов, добавил:

— Люди отдыхают.

— А что такое? Разве веселиться запрещено? — с наглой улыбкой и хитро подмигивая друзьям, спросил Зенков.

Петушков мельком взглянул на него:

— Веселиться, Зенков, никому не запрещено. Но всему должно быть свое время. И потом, веселиться не значит безобразничать.

— Смотрите. Инспектор-то, оказывается, знаком с нами, — осклабился вожак группы.

— Знаем, Зенков, знаем. И тебя и дружков твоих. Тоже известны.

— Вот что, Петушков, предлагаем тебе мирное сосуществование. Мы тебя не трогаем — ты нас.

Петушков посмотрел на своих собеседников. Они обступали его плотным кольцом, дышали водочным перега-

ром, в глазах у одних играло озорство, у других мутнела пьяная злоба.

«Шестеро. Многовато, — подумал Василий. — Как бы не сплеховать...» Но тут же одернул себя: «Кого бояться-то? Этих?» И спокойно, с расстановкой ответил:

— Я согласен, Зенков, но при одном условии.

— Это при каком же?

— Ведите себя по-людски. А не то...

— А что будет в противном случае?

— Плохо будет, Зенков. Очень плохо. Испытывать не советую.

— Брось, лейтенант...

Рука Зенкова потянулась к кителю. Петушков стремительным рывком разорвал круг, но не отошел от него, а остановился в двух-трех шагах и глуховатым от волнения, но твердым голосом проговорил:

— Смотрите, Зенков, да и вы все. Предупреждаю. Не уйметесь — пеняйте на себя.

Кто-то из хулиганов подскочил было к Петушкову, замахнулся, но ударом в подбородок был отброшен к своим. Василий, прищурясь, смотрел, прикидывал — ринутся на него или нет? На всякий случай встал на более удобное место тротуара.

— Ну, кто еще хочет?

И, видя, что гуляки замешкались, бросил:

— Будем считать инцидент исчерпанным. И запомните, что вам сказано.

Он повернулся к группе спиной и спокойно, не спеша пошел по улице. Конечно, он знал, что они смотрят ему вслед, конечно, могло быть все — и камень, и нож в спину, а может, что-нибудь похуже. Но ни оглядываться, ни торопиться было нельзя. Надо, просто необходимо было показать свое превосходство перед кучкой этих наглых бездельников.

Только дойдя до площади, Петушков разрешил себе остановиться и оглянуться. Уличные «герои» подались восвояси.

...Трудный участок достался молодому уполномоченному. Так и сказал ему начальник отделения Пчелин:

— Участок один из самых сложных. Вы представляете себе свои обязанности? Свою ответственность? Пороху хватит? Я имею в виду волю, настойчивость, умение.

— О себе говорить трудно, но... постараюсь. Не боги горшки обжигают...

Не случайно майор задал этот вопрос. Зона, или, как

она теперь называется, микрорайон, где предстояло работать Петушкову, слыла в Тушине самой беспокойной. Около фабрики люди по вечерам боялись выходить на улицу. Площадь вокруг Дома культуры кишела хулиганами, которые сходились сюда со всего Тушина и даже приезжали с северо-западных окраин Москвы — от Сокола, с Марьиной Рощи и других мест.

Работа на таком участке требовала отдачи всех сил и энергии, воли и настойчивости, личной храбрости и, главное, умения.

Конечно, не перед каждым жизнь впрямую, в лоб ставит вопрос: «А ну покажи, на что ты способен, мужественное ли твое сердце, может ли Родина, люди рассчитывать на тебя, не подведешь ли в трудный момент?»

Перед Петушковым этот вопрос был поставлен именно так...

Мы идем по красивой улице. По той, что раньше называлась Фабричной. Когда-то по ее сторонам тянулись маленькие домики с палисадниками и подслеповатыми окнами, свинцово поблескивали большие лужи на мостовой. Теперь это большая магистраль с многоэтажными домами, облицованными светло-желтой керамикой. Широкие, сияющие голубизной окна, легкие ажурные балконы, скверы и газоны с яркими цветами. Другая стала улица. И название ее тоже стало другим.

Теперь это улица Василия Петушкова.

Невольно настраиваюсь на воспоминания и я. Память уводит в давние — комсомольские времена.

...Молодежный вечер в просторном клубе.

Доклад был скучноват, трактовал он, помнится, какие-то довольно важные, но всем известные истины. Но разговор, что разгорелся после доклада, захватил всех. Он давно уже перехлестнул и задачу вечера и регламент, шел, что называется, по большому счету. Тема — о месте человека в жизни, о роли молодежи, о путях-дорогах юности...

Говорили много и интересно. Спор же между комсомольскими вожаками двух соседних предприятий особенно запомнился всем, кто был на том вечере. Поначалу многим казалось, что оба оратора стояли за одно и то же — за жизнь полную, насыщенную и яркую. Но один считал, что по жизни надо идти расчетливо, экономя силы, примеряя шаг. Другой же шумно требовал жизни без оглядки, без мелочно-бухгалтерских расчетов: как да что, повредит ли это да подойдет ли другое. Заканчивая спор,

он взял себе в союзники Николая Островского, бросив в зал:

— Жизнь человеку дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за мелочное существование и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному — освобождению человечества.

Эти слова были уже тогда очень широко известны молодежи, и многочисленные цитатчики затащали их, приводя по каждому подходящему и неподходящему поводу. Но юношей, стоявшим на трибуне, они сказаны были с таким трепетным, горячим чувством, с такой взволнованной убежденностью, что все почувствовали — это сказано не для красного словца, а от души, от всего сердца. Именно потому никто из участников вечера — а их был полный зал — не остался равнодушным. Аплодировали оратору долго, горячо и шумно.

— Что же, посмотрим, как ты будешь руководствоваться этими принципами, — все еще не сдаваясь, проговорил оппонент. — Посмотрим, какой герой из тебя получится.

— Ну, героя из меня, может, и не выйдет, но человеком... Человеком я быть обязан.

Так ответил тогда Василий Петушков. Это именно он стоял в споре за жизнь «без оглядки».

На том вечере, о котором идет речь, был человек, который внимательнее всех слушал спор. Это был вожак тушинских комсомольцев Василий Пушкарев — несмотря на молодость, удивительно вдумчивый, рассудительный парень. Долгим пристальным взглядом провожал он Петушкова с трибуны, а потом заметил:

— Вот из таких вырастают настоящие люди.

. . . . .

Исподволь, изо дня в день формируются характеры, постепенно и незаметно складываются качества человека. И не всегда удается понять, где же корни того или иного поступка, под воздействием каких обстоятельств сложились те или иные убеждения, взгляды на жизнь. Школа, работа, семья, товарищи — каждый кладет свои «кирпичики» в фундамент человеческого характера.

...Небольшое село Сергеево под Юхновом. Вместе со сверстниками Вася Петушков после уроков бежит или

на ферму, или на гумно, или в поле. И хоть не очень крепки еще мускулы, не очень широки шаги, но и снопы ребята вяжут, и сено ворошат, и солому от молотилки отбрасывают, и зерно перелопачивают. Нелегко было это для детских рук, но зато сколько тепла было в отцовском взгляде, каким удивительно вкусным был черный хлеб и холодное молоко, когда семья садилась за ужин.

Пожалуй, здесь, участвуя в постоянном, каждодневном труде односельчан, мальчик впитал в себя презрение к праздности, постоянное стремление что-то делать и делать хорошо. Это немало помогло ему, когда он пришел в ремесленное училище.

Шумные ленинградские улицы, голосистая ребятня, гулкие цехи завода, где проходили практику, — все это сначала настораживало, пугало робевшего сельского паренька. Но постепенно стало привычным и родным, как когда-то родное село. И быть бы Василию Петушкову первоклассным токарем, а потом, наверное, и инженером. Ведь он удивительно быстро, на лету, схватывал сложные формулы, с блеском решал сложные алгебраические задачи, а замысловатые загадки чертежей читал так, что удивлял преподавателей.

Но тут грянула война и грубо вмешалась в жизнь мальчугана из-под Юхнова.

Глубокой осенью училище эвакуировалось из Ленинграда. Стоял слякотный серый сумрак. Тяжело, очень тяжело было в осажденном городе. И все-таки он по-отцовски заботливо отправлял ремесленников, найдя для них все, что было нужно: и составы из товарных и пассажирских вагонов, и продукты на дорогу, и запасы одежды, обуви. Нашлись и теплые слова на прощание.

За какие-то пять-десять минут до отхода поезда к вокзалу прорвался фашистский стервятник и стал бомбить составы. Педагоги, мастера, работники городских организаций, пришедшие проводить ребят, бросились их спасать. Они торопливо заводили ребят в подвалы, запикивали под станционные платформы, не обращая внимания на визжащие осколки, вытаскивали то одного, то другого пацана из горящих вагонов. Себя они не жалели. Важнее всего было не дать погибнуть ребятам. Как птицы, завидя ястреба, прячут под крылья своих птенцов, так и люди, метавшиеся по платформам, делали все, чтобы уберечь ремесленников от разящих осколков вражеских бомб.

Навсегда запомнил Василий, как их старший мастер

коммунист-путиловец, расстегнув свой старенький форменный китель, будто крыльями, прикрывал им двух белоголовых пацанов и торопливо, бегом вел их в укрытие. Взрыв бомбы настиг их у самого входа, и мастер рухнул на ступеньки...

Немало потом приходилось видеть Петушкову в жизни, но то, как падал насмерть сраженный старший мастер, прикрывая своих питомцев, — этого Петушков не мог забыть никогда. Может быть, впервые тогда он всем сердцем ощутил трогательную заботу взрослых, старших о своей смене, материнскую любовь Отчизны к своим маленьким сыновьям. Он всегда вспоминал этот эпизод с какой-то щемящей болью, чувствуя за собой постоянный, волнующий долг. И, возможно, когда шел спор в заводском клубе о том, как жить, Петушков думал о военном Ленинграде и о том хмуром осеннем утре...

Сверстники, да и люди постарше возрастом, работавшие с Василием Петушковым, порой удивлялись его настойчивости, рассудительности и удивительно страстному отношению к любому делу.

— Серьезности и упорства этому парню не занимать, — говорили они.

Это, однако, не мешало проявляться другим свойствам его натуры. В веселье умел он быть веселым, в горе — не терять головы. Если нужно было запеть песню — он первый, повальсировать на молодежном балу — не подведет, пошутить, да так, чтобы было смешно, но никому не обидно, — опять же Петушков. И еще одно качество у этого простоватого на вид парня — душевная теплота, уважительное, какое-то любовное отношение к людям.

Все это и определило на долгие годы его жизненные дороги. Он стал комсомольским работником, вожаком заводской молодежи. А это очень непростое дело. Зайдите в любой комсомольский комитет любого завода, побудьте там час-два, и вы убедитесь в этом.

Комсомольская работа — дело, как известно, до чертиков интересное. Но в то же время суматошное, хлопотливое, беспокойное.

Здесь надо быть организатором, инженером, хозяйственником, педагогом, спортсменом. Строгим, веселым и душевным парнем. И все это одновременно.

Надо уметь слушать десятки людей, советовать, требовать, учить, подсказывать, отвечать на сотни самых разнообразных вопросов, начиная с проблемы прилета

марсиан на Землю и кончая тем, «что делать, если она совсем на меня не смотрит и игнорирует?».

Надо не дать в обиду ребят какому-нибудь бюрократу и добиться, чтобы молодоженам давали квартиры, чтобы ребята прочли то-то и то-то, чтобы танцевали то, а не это...

Надо организовать учебу, спортивную работу и кружки самодеятельности, субботники и воскресники: ратовать за массовки и за порядок в общежитиях, бывать на собраниях, на комсомольских свадьбах и при разборе самых сложных семейных историй...

Одним словом, эти многочисленные «надо и надо» по плечу далеко не каждому. Петушков варился в таком котле четыре года. Промелькнули они быстро, стремительно, почти незаметно. Но свой след на его характере оставили. Прибавилось сдержанности, гибкости, уверенности в себе, умения общаться с людьми, влиять на их действия и поступки.

Когда Петушков пришел в армию, молодежь и здесь быстро узнала в нем способного, энергичного вожака. Он возглавил комсомольцев батальона, а потом руководил комсомольской работой полка.

Василий всегда считал, что жизнь у него довольно обычная, без сколько-нибудь выдающихся событий. Жизнь как жизнь, такая же, как у многих тысяч людей.

Вот закончена вечерняя школа, сданы экзамены на аттестат зрелости. Об этом тепло пишут заводская многотиражка, молодежная московская газета. Когда Василий увидел эти заметки, он не знал, куда деться от смущения.

— Ну зачем это они? Подумаешь, какое дело.

— Ты брось скромничать, Петушков. Так хорошо закончить школу при твоей работе — это не шутка.

— Не шутка, конечно. Но ведь не только я. Зачем же обо мне? Совсем ни к чему.

Известен и другой случай.

Когда женился, в парткоме завода сказали, что скоро из общежития он перейдет в квартиру. Петушков замахал руками:

— Нет, нет, спасибо. Я подожду. У меня соседи по общежитию десять лет ждут этих квартир. Пусть им сначала...

И в то же время эта настоящая скромность и даже какая-то застенчивость не мешали зреть и крепнуть в характере Петушкова иным качествам — воле и хорошей, чистой гордости.

Случилось у него в жизни так, что проверку этих свойств его характера взял на себя самый, казалось бы, близкий человек.

В своей автобиографии он об этом пишет лаконично, скупо:

«Был женат на гражданке Кузнецовой. Она от меня уехала с гражданином Сергеевым, с которым была знакома ранее».

Написано немногословно. Но сколько душевной боли, мужской и просто человеческой обиды стоит за этим сдержанным тоном.

Когда Василий, будучи в армии, получил письмо с этой новостью, он не поверил. Перечитывал его не раз и не два. Лида, его Лида, о которой он никогда не вспоминал без теплого комка в груди, с которой было столько скромных и волнующих радостей, строилось столько планов на будущее — его Лида ушла, уехала с другим... Это не укладывалось в сознании, казалось чудовищным, неправдоподобным, чем-то вроде нелепого сна.

Неотступно сверлил вопрос: почему? Что случилось? Разве не был он самым мягким и самым внимательным к ней? Разве не ей, Лиде, завидовали многие заводские девчата? И разве не он старался экономить каждую десятку, чтобы их молодая семья имела все, что нужно для более или менее обеспеченной жизни?

Более или менее обеспеченной... Вот в этом-то и крылась причина. Подругам Кузнецова объяснила откровеннее, чем ему:

— Что это за жизнь? Только и думаешь, как бы дотянуть до полочки. И так до конца дней? Ну нет. Рыба ищет где глубже, человек — где лучше.

Когда Василий узнал об истинной причине ухода жены, ему сделалось легче. Обидно было только, что не сразу понял ее, не распознал раньше. И хотя рана саднила еще долго, он постепенно смирился с потерей.

Через год с небольшим Лида вернулась. Богатые посулы старого знакомого, за которыми она погналась, оказались призрачным миражем.

— Как же ты теперь? — спросили подруги.

— Вася добрый, он простит.

Но женщина ошиблась. Доброта не поборол гордости. Петушков не простил. И хоть говорил с бывшей женой так, будто сам виноват в чем-то, — тихо и смущаясь, — но слова были такие, что переспрашивать было ни к чему.

— Все, что было, Лида, прошло. Ворошить не будем. Тебе хочется жить богато. Любыми путями, но богато. А я хочу и буду жить прежде всего честно. В этом корень всего. Так что будем считать дело законченным..

. . . . .

Вскоре Василий вернулся из армии.

Сразу пошел на родной завод. Долго ходил по цехам, приглядывался ко всему новому, что появилось здесь за эти годы, примерял — на что он сам годен, обдумывал, за какое дело взяться.

— Ну так как? Куда? Заводу-то, надо полагать, не изменишь? — допытывались друзья.

— Не собираюсь. Хочу сюда, к вам. Так и скажу, когда буду в горькоме.

Две отпускные недели пролетели незаметно. С жадным любопытством Петушков вглядывался в московские улицы, любовался чудесными, выросшими недавно домами, катался по новым линиям метро, ходил по театрам. Но хоть и хорошо было прогуливаться по столице, а без дела становилось скучно. По всем законам он мог отдыхать еще целый месяц, а при желании и больше. Петушков, однако, поспешил в горьком партии, чтобы решить, где работать.

Здесь его знали многие, а секретарем был все тот же, уже знакомый нам Василий Пушкарев. Когда-то вместе затевали они то строительство трамвайной линии в Тушине, то городскую техническую конференцию молодежи, то конкурс изобретателей...

Пушкарев встретил его, не скрывая радости:

— Петушков заявился? Совсем? Очень хорошо. Значит, в нашем полку прибыло. Давно прибыл? Две недели? И молчал. Нехорошо. Ну ладно. Рассказывай, где и как служил, что вообще новенького?

Пушкарев был все так же немногословен, серьезен и вдумчив, только сероватый цвет лица да усталый взгляд показывали, что достается секретарю горькома изрядно. Удивительно умел слушать людей этот человек, умел расположить их на душевный разговор. Незаметно пролетело добрых полчаса. Петушков спохватился. Но Пушкарев успокоил его:

— Не спеши. Расскажи, где побывал по приезду, что видел, что у нас понравилось, что нет...

Петушков задумался. Видел он за эти две недели

многое — и в своем родном Тушине и в Москве. И все ему нравилось.

— Чего ж тут мне может не нравиться? Ведь все свое, близкое, — с улыбкой, чуть удивленно ответил он на вопрос Пушкарева. — А пастроили всего столько, что глаза разбегаются.

— Так-то оно так. Но и прорех много. Тебе со свежим-то взглядом они, поди, заметнее. Вот с торговлей, например, плоховато, магазинов мало строим. Трамвай, что мы с тобой когда-то строили, уже того, устарел как вид транспорта. Жалуются люди — шуму, звону много. С отдыхом молодежи неважно...

— Верно, плоховато, — живо подхватил Петушков. — Домов-то эвон сколько, народу живет тысячи, а время проводят, фланируя по улицам. И хулиганы опять же. Вечером то в одном, то в другом месте драка.

— Вот-вот, — с радостью согласился Пушкарев. — Это ты верно заметил. Борьба против этого уродства — одно из неотложных наших дел. И если говорить откровенно, я к этому и разговор веду... Какие думки насчет работы? Куда намерен податься?

— На завод. К своим.

— Понимаю. Друзья-товарищи. Все свое, знакомое. В знакомой-то гавани якорь бросать куда сподручнее.

Пушкарев задумчиво глядел на Петушкова. Он хорошо его знал и строил свои планы о будущем Василия. «Да, безусловно, подходит, очень здорово подходит. А армия его еще больше отшлифовала», — думал он и все тверже решал использовать Василия на работе в милиции.

— Как смотришь, если направим тебя в органы внутренних дел, в милицию?

Петушков с недоумением посмотрел на Пушкарева.

— Почему в милицию?

— Ну а почему нет? Характер у тебя есть, не трус, с людьми работать умеешь. А теперь еще армейская закалка прибавилась. Вполне подходящая кандидатура.

— Но почему милиция? Никогда не думал о таком варианте.

— Вариант очень интересный, уверяю тебя. И если ты как следует подумаешь, уверен, что согласишься.

— Не знаю, право. Честное слово, не знаю. Никогда такая мысль в голову не приходила.

— Ну и что ж тут такого? Подумай, прикинь, взвесь все. Неволить тебя не буду, но подумать прошу.

— Хорошо, подумаю.

Петушков хорошо знал своего тезку, как и все в Тушине, и глубоко уважал его. Он был уверен — Пушкарёв неразумного не посоветует. Но предложение всё-таки было слишком неожиданным.

Теперь, проходя по улицам, Василий с обостренным вниманием приглядывался к работе постовых милиционеров, работников ОРУДа. Как-то на развилке Волоколамского и Ленинградского шоссе разговорился с молодым задорным постовым. Тот охотно рассказал о своей службе.

— Служба-то какова? Служба у нас важная. Ухо держи востро. Видите, — показал он рукой вокруг себя, — район-то какой. Людей тыщи, машин тоже. А домов, заводов, учреждений... И везде порядок должен быть.

И хотя служил парень в милиции, как оказалось, всего полгода, говорил о своем деле с гордостью. Эта встреча оставила что-то теплое и хорошее в душе Петушкова.

А дома его ждал пригласительный билет на городской актив народных дружин, присланный из горкома партии. Петушков улыбнулся — понял, что это забота секретаря.

— Верен себе. Если за что уцепится — не отстанет. Доканает-таки он меня, сделает милиционером, — вслух сам себе сказал Василий. И, вытюжив обмундирование, отправился на актив.

Собрание проходило в Доме культуры строителей.

Здесь была и безудая веселая молодежь, и серьезные, малоразговорчивые рабочие, инженеры, техники с соседних предприятий. Порой слышались громкие задорные голоса тушинских трикотажниц. Пришло много отставных военных — капитанов, майоров, полковников и просто пенсионеров без званий.

Ораторы сменяли один другого и просто, без тени хвастовства, как о чем-то очень обыденном говорили о своих ночных дежурствах, о патрулировании на тушинских улицах, о работе оперативных групп. Вот паренек рассказывает, как они, несколько дружинников, разняли пьяную драку, как обезоружили двух отъявленных хулиганов. Девушка с чулочной фабрики говорит, как комсомольцы вместе со старыми рабочими фабрики поймали с поличным группу расхитителей.

В перерыв Пушкарёв спросил Василия:

— Ну как?

— Очень интересно. У вас там такая работа раскручена, что мне и делать нечего.

Пушкарев серьезно возразил:

— Ну нет. Далеко не так. Мы эту работу только начинаем. А есть в городе и такие микрорайоны, где дело обстоит совсем плохо. И актива нет, и нарушений много, хулиганы распустились, сам же заметил...

После собрания Пушкарев пригласил Василия:

— Пойдем, походим по Тушину, подышим воздухом.

Они вышли на вечерние, ярко освещенные улицы. В скверах сидели заядлые шахматисты, «козлятники». По широким тротуарам прохаживались парочки, группы молодежи. Слышался смех, шутки, то тут, то там вспыхивала песня...

Говорили о разном, вспомнили, как ходили в комсомольских секретарях. Потом Пушкарев опять вернулся к прежней теме.

— Видишь: отдыхает народ, вполне законно отдыхает, после трудового дня. И надо, чтобы отдыхал спокойно. Значит, всеми силами помогай милиции. Именно поэтому мы посылаем туда наиболее надежных людей, выделяем на работу в дружину лучший актив...

— Не любят у нас милицию, — со вздохом заметил Петушков.

— Не прав ты, не так это. Есть у нас не совсем правильное представление об органах милиции. Есть, это мы знаем. Кое-кто и не любит. Но давай разберемся, кто, кто не любит? Обыватель, спекулянт, хапуга, хулиган. Эти действительно не любят. Так это же — лучшая аттестация для наших блюстителей порядка. А народ нашу милицию, наоборот, уважает и поддерживает.

Недавно на одной из многолюдных улиц города я был свидетелем такого случая. Группа не в меру развеселившихся подвыпивших молодых людей повздорила с водителем такси. Что-то там возникло у них с расчетом. Дело мелкое — пошумят и разойдутся. Но проходившего мимо постового милиционера насторожила услышанная им в этом гвалте фраза: «Бей под лопатку». Он понял, что обычное мелкое происшествие сейчас перерастет в преступление. И смело вошел в бурлящую толпу.

— Молодые люди, прошу прекратить ссору и разойтись.

Но куда там! Спорщики, что называется, вошли в раж. Теперь уж и милиционера окружили тесным кольцом, выкрикивая пьяные угрозы.

Однако через несколько секунд они сами оказались в кольце и куда более многочисленном и плотном. Их ок-

ружили прохожие москвичи. Они все спешили по своим делам, но вмешались все-таки в это уличное происшествие. Хулиганы были взяты, что называется, в тиски. А милиционер не терял времени. Вот уже у одного из особенно крикливых молодчиков отобран нож... Да, возглас «Бей под лопатку!» не был случайным...

Всю эту сцену наблюдал один иностранный корреспондент. Когда происшествие было ликвидировано и патрульная милицейская машина увезла нарушителей порядка, корреспондент пожелал проинтервьюировать одного из случайных участников этого уличного события. Он остановил мужчину лет сорока, несшего под мышкой рулоны каких-то чертежей.

— Почему вы так рьяно ринулись в эту заварушку? Тут что — ваши родственники? Знакомые?

— Нет ни родственников, ни знакомых.

— Тогда почему же? Ведь это дело милиции.

— Ну и что ж? Милиция-то ведь наша!..

По-моему, эта простая фраза, сказанная кем-то из москвичей, говорит об очень многом. Нам надо организовать борьбу за настоящий порядок, поднимать на эти дела широкий актив, всех наиболее энергичных граждан. Значит, в органы милиции должны прийти новые люди, организаторы, массовики, воспитатели...

Пушкарев говорил не спеша, как бы в раздумье, но говорил уверенно. Было видно, что он хочет убедить Петушкова. Ему хотелось, чтобы старый комсомольский товарищ принял поручение горкома не только умом, а и сердцем, чтобы не просто пошел на предлагаемую работу в порядке партийной дисциплины, а с желанием, с полным пониманием значимости предлагаемого дела.

Заметил Петушков в разговоре Пушкарева и еще одно. Он гневно, с ненавистью говорил о тех, кто, несмотря на предупреждения, не хочет свертывать с преступных тропок. Но в то же время с заботливой теплотой говорил о других людях, попавших на эти стежки-дорожки случайно, тянувшихся к исправлению, стремящихся вернуться к трудовой жизни.

— Когда будешь работать в милиции, помни, что преступниками не рождаются, преступниками становятся. Судить того, кто этого заслуживает, конечно, надо. И мы правильно делаем, что судим. Преступник должен знать, что он получит по заслугам, что ему не уйти от наказания, что рано или поздно, но за нарушение, попрание норм, установленных обществом, он понесет от-

ветственность. Но это только часть дела. И притом не главная. Нам необходимо активно, глубоко заниматься профилактикой преступлений, беречь людей от дурных поступков, предупреждать правонарушения.

Давайте распахнем широко двери любого дворца, клуба, привлечем туда именно тех, кто сюда никогда не приходит. Пусть играют в бильярд, пусть стреляют в тире, пусть танцуют. А потом затеем разговор по душам. И не раз, и не два. Горячий, глубокий, острый, такой, чтобы заронил искру в сознание и в сердце. Чтобы задумался парень над своим времяпрепровождением, чтобы понял, как обворовывает свою юность.

Понимаешь, Василий, мы должны, обязаны это сделать. Нам просто нельзя иначе. Но ведь и не только это. А воры? Жулики? Хапуги? Спекулянты? Их тоже не должно быть на советской земле. И вот возникает вопрос. Кто же все эти дела должен решать? Все, все должны взяться за них, единым фронтом, одним гужом. Все, в том числе и органы милиции. Им ведь все эти факты и явления известны лучше, чем кому-либо, они первыми сталкиваются с ними, одними из первых принимают на себя удар этих далеко не добрых сил старого мира...

Закончив свой несколько затянувшийся монолог, Пушкарев посмотрел на Петушкова и спросил:

— Ну как?

Петушков, улыбнувшись, ответил:

— Агитировать ты мастер. Но я пока еще не решил. Подумать хочу. Поразмыслить, прикинуть, что к чему.

— Подумать никогда не вредно. Но учти, что это важное и боевое дело. Советоваться тебе теперь пока не с кем. Или, может, я ошибаюсь? — лукаво взглянув на Василия, спросил Пушкарев.

— Да, на этот счет ты ошибаешься, товарищ секретарь. Обязательно посоветуюсь.

— Ну что ж, я очень рад. Теперь-то, надеюсь, выбор сделал без ошибки?

— Нет, Люба не такая. Она — человек замечательный.

— Ну, очень рад. Когда познакомишь?

— Как приедет.

— Когда же ждать ответ?

— Зайду в горком завтра или послезавтра.

...Так Василий Петушков стал работником милиции.

Когда в 129-м отделении появился коренастый темноволосый парень с густыми бровями, с загорелым ли-

дом и большими мускулистыми руками, его встретили веселыми возгласами:

— Так, так. Пополнение прибыло. Очень хорошо. Что же, давай знакомиться. Новым силам мы рады.

Не сразу свыкся Василий с новой работой. Много было здесь необычно, а иногда казалось пугающе сложным.

И в самом деле, было немного странно. Кругом мир и спокойствие, люди поют мирные веселые песни, работают, радуются, любят. А здесь — совсем иной язык, иные слова, здесь живут и работают совсем иначе. Здесь воинская дисциплина, четкость и немногословность. Здесь каждый день начальник проверяет оружие, его чистоту и боевую готовность.

В коллектив своего отделения Петушков вошел быстро и незаметно. Скоро все считали его старожилом. Служивому народу понравилось, что новенький прилежно посещает все оперативки, не пропускает ни одной лекции по криминалистике, серьезно, вдумчиво относится к каждому поручению.

Эти свойства, однако, еще ничем не выделяли его среди товарищей. Дисциплинирован? Вдумчив? Старательно вникает в дело? Ну и что же? Не один он такой.

Здесь люди служили по призванию. Зарплату им платили куда меньшую, чем каждый мог получить, допустим, на заводе. Далеко не в первую очередь они получали жилье. Не очень-то баловали их и другими привилегиями. Но зато требования предъявлялись без скидок. Здесь человек не мог твердо рассчитывать не только на спокойную неделю, но и на спокойный день и даже час. Но люди, что окружали Василия, шли на свое беспокойное дело не во имя материальных благ, а потому, что понимали — наш советский дом надо охранять, чтобы люди могли мирно жить: трудиться, веселиться, отдыхать, растить детей. И чтобы им никто не мешал. Да, в отделении работали люди скромные, простые и безгранично преданные своему долгу.

Петушков видел, как по первому же сигналу снимаются мотоциклисты, как по одному слову дежурного любой работник стремительно бросается к месту происшествия. А если работник этот увидел сам какое-либо нарушение, то ему и никаких команд не требовалось — каждый считал себя обязанным в любых условиях, в любой обстановке прийти на помощь тем, кто в ней нуж-

дается, вмешаться и сделать все, чтобы был охранен и восстановлен порядок.

Петушков с головой уходит в свою работу. Каждый вечер бывает он в общежитиях, красных уголках, на танцверандах. Посещает молодежные вечера, киносеансы, гулянья. Заходит в квартиры. Но это не просто дежурные посещения, не просто минутные визиты. Нет, Это или задушевная беседа с людьми или немногословный, но строгий разговор с не в меру шумным и падким па зелье весельчаком, или предупреждение замеченным в хулиганстве молодым людям. А иногда просто чашка чаю у гостеприимных заводских друзей.

Так прошло несколько месяцев. Петушков досконально изучил «свой контингент», как выражаются милиционеры. Он знал всех любителей выпить, всех буянов и скандалистов, а также и тех, кто при случае охоч до чужого добра... Но еще лучше он знал и тех, кто без раздумий придет на помощь в трудную минуту, кто не спрячется, не будет с безопасного расстояния наблюдать за тем или иным происшествием.

Его уже тоже знали, с ним приветливо здоровались, охотно вступали в разговор, шли советовать. Но кое-кто старался при встрече обойти инспектора стороной, кое-кто злобился.

Среди таких злобствующих был и Зенков со своими дружками. Их первое столкновение, с которого мы начали свой рассказ, во всех деталях запомнилось Петушкову. Он еще раз убедился, что хулиганствующие субъекты отчаянно смелы, пока попадают на робких. А когда встречаются с твердым отпором, их нахрапистость улетучивается как дым.

Встреча эта имела немаловажные последствия — главари тушинских лоботрясов поняли, что с участковым уполномоченным Петушковым шутки плохи, и притихли.

...Разнообразны и сложны обязанности участкового уполномоченного. Тысячи людей живут в его микрорайоне, десятки, сотни вопросов ежечасно возникают у них к представителю власти. Не поладили между собой соседи — к участковому, обидели родственники престарелую бабушку — она, постукивая клюкой по тротуару, направляется к нему же, в одной из квартир лежит одинокий больной гражданин — и об этом сообщают уполномоченному. А вот здесь сегодня свадьба — и часто, очень часто в таких случаях тоже зовут участкового. Нет, не для то-

го, чтобы унять не в меру веселых гостей, а чтобы он сам был гостем — в знак уважения.

Жизненный опыт, привычки, выработанные за время комсомольской работы, и, наконец свойство характера — все это помогало Петушкову всегда находить с людьми общий язык не на словах, а на деле, поддерживать с ними самые тесные связи.

Но никакой, даже самый лучший милиционер не может работать в одиночку или при поддержке таких же одиночек. Нужна организация, нужна активная помощь общественности. Василий очень скоро понял это.

Он становится частым гостем на чулочной фабрике, в строительном тресте, в школах, в техникуме... И везде говорит одно: порядок надо наводить сообща, общими усилиями. Для этого нужно вот что: дружины чтобы работали как следует. Это раз. Не потакать нарушителям — это два. Потом надо думать о том, как занять людей, на что им тратить свое свободное время... Торговля спиртным опять же... Ну зачем около каждой проходной по палатке, а то и по две? Ведь именно водка самый верный спутник хулиганов, воров, грабителей.

С этими же делами он не раз бывал и в горкоме партии, у Пушкарева:

— Помните, как вы меня агитировали идти в милицию? Теперь помогайте. Плоховато работают некоторые дружины, скучно в клубе, красные уголки большую часть времени закрыты. Прошу помочь...

И вот уже на чулочной фабрике дружина — не шестьдесят-семьдесят человек, а четыреста. По улицам патрулируют не разрозненные кучки энтузиастов, а тройки и пятерки подтянутых строгих парней с красными повязками на рукавах. То в одном, то в другом цехе фабрики, то на одном, то на другом участке стройуправления рабочие собрания обсуждают поклонников «зеленого змия», любителей побуянить, отравить людям настроение мерзким словом или пьяным дебошем. Общественные суды судят таких людей. И судят строго.

Жулики и воры, тунеядцы и пьяницы все больше боятся Петушкова. Но тем изворотливее стали они действовать, тщательнее скрывать следы своих грязных делишек.

Как-то в пригородном доме отдыха воры разбили окно небольшого флигеля и украли вещи отдыхающих. Петушков и Пчелин прибыли на место. Один из потерпев-

ших — рабочий парень — упавшим голосом повторял одно и то же.

— Костюм и плащ. Только купил. Думал, в доме отдыха и обновлю.

— Ну не стоит так убиваться. Найдут, — утешали его товарищи.

— Найдут! Где это они их найдут? Ищи ветра в поле... Плакали мои вещички!..

А Петушков вместе с Пчелиным тщательно изучали место происшествия, методично, шаг за шагом, сантиметр за сантиметром осматривали сквер, дорогу, ведущую к флигелю, комнаты.

Ночные гастролеры не оставили ни следов, ни малейшей зацепки. Видимо, уже набили руку, имели опыт. Куда направиться, где искать похитителей? Петушков снова и снова осматривает окно, комнату, аллею, вновь и вновь разговаривает с жильцами флигеля. Парень, у которого забрали наиболее ценное, твердит свое:

— Обновить хотел. К знакомой хотел съездить утром, книжечку билетную на метро купил.

— Сколько билетов израсходовал? — спросил Петушков, записывая разговор.

— Ну сколько? Один. Сюда доехал.

— Так, так. Ясно.

Потом в кустах под окнами обнаружили кепку — серую, в елочку. Хозяина кепки среди отдыхающих не нашлось. Возможно, она принадлежит именно тому, кого надо найти?

Билеты на метро, серая кепка... Не бог весть какие улики. И ничем они пока не могли помочь. Некоторые работники дома отдыха, видя, что Петушков забыл и про обед, и про сон, все ходит и ходит к ним, озабоченный и хмурый, уговаривали:

— Да бросьте вы это дело. Ну подумаешь, какое-то барахло украли! Дело наживное, купят. Молодые, зарабатывают, не велики потери.

— Ну нет, найдем, обязательно найдем.

Петушков продумал и прикинул все возможные пути и варианты. Отдыхающие? Нет. Все на месте. Отъезжающих в эти дни не было. Да и народ здесь отдыхал, как он убедился, положительный — металлисты, трикотажники, ребята из институтов. Нет. Подозрительных нет. Посторонний? Но почему он облюбовал именно этот одноэтажный флигель с одинарными рамами? Он мог скорее позариться на центральный корпус, там больше возмож-

ностей поживиться. Правда, там болеелюдно. Но знать об этом скорее всего мог кто-нибудь из работающих здесь. Своим предположением Петушков поделился с Пчелиным, с начальником отделения. Тот одобрительно, но с добродушной иронией заметил:

— Давай, давай, Пинкертон, действуй. Только не забывай глядеть и за другими делами на участке. А то за мелочишкой можно что-нибудь крупное упустить.

— Да ведь это тоже не мелочь. Скромные рабочие ребята. На трудовые рубли все куплено. Нет. Надо найти. Обязательно.

И Петушков еще и еще раз прикидывает один вариант за другим. Он изучает материалы о всех, кто работает в доме отдыха. Нет, все вполне надежный народ. Интересуется теми, кто ушел с работы. Один из сотрудников сообщил, что видел проходившего по дому отдыха Тужилкина. Того, что грузчиком работал. Тужилкин? Что-то напоминает Петушкову эта фамилия. Но что? Петушков опять роется в списках бывших работников дома отдыха, Тужилкин работал временно. Документов поэтому на него почти никаких нет, лишь заявление о расчете. Но вот записи в собственном блокноте оказались более обстоятельными. Иван Тужилкин. Судился за кражи. Долгое время нигде не работает... Так. Так. Ясно. Петушков торопливо собирается, вызывает машину. Дорогой говорит Пчелину:

— Убежден, что его работа.

— Почему же?

— А вот почему...

И Петушков подробно, обстоятельно, взвешивая слова, продумывая еще раз свои мысли, делится ими с товарищем.

— Да, пожалуй.

На стук в дверь вышла жена Тужилкина.

— Муж дома?

— Выпивши. Спит.

— Выпивши? Откуда у него деньги?

— С приятелем встретился. А денег у него нет. Вон, одни билеты на метро.

И женщина, чтобы подчеркнуть правдивость своих слов, взяла с этажерки книжечку и показала Петушкову. Он просчитал билеты. Девять. Так. Потом, вытащив из портфеля кепку, найденную в кустарнике, около флигеля, повесил ее на крючок вешалки и ворчливо проговорил:

— Ходит он у тебя по разным неполюженным местам и теряет свои вещи.

Женщина сняла кепку с вешалки, осторожно встряхнула и повесила вновь.

— А сказал — в Москве где-то оставил.

— Его убор-то?

— Его, его. А чей же еще?

В это время проснулся Тужилкин. Он сразу все понял, вскинулся было с кровати, но, встретившись с Петушковым взглядом, сник.

— Докопались все-таки... Допрыгаешься ты, Петушков.

— Разговорчики, Тужилкин, оставьте при себе. А сейчас собирайтесь, да поживей.

Когда вещи были разысканы и возвращены владельцу, тот обрадованно тараторил:

— Вот это да, вот это я понимаю! Здорово! Честное слово, здорово. Как же это вы? Ведь всего двое суток и прошло-то. Спасибо вам большущее. Ведь новый костюм-то, понимаете, обновить хотел. Не знаю, как и благодарить.

— Благодарить нас не надо. Каждый свое дело делает, — спокойно заметил Петушков.

Пчелин проговорил:

— Ну что ж. С этим делом все ясно. Поехали в отделение посмотрим, что у нас на очереди?

А дела на очереди действительно были.

...Петушкова давно уже настораживали и беспокоили несколько семей в Тушине. Нет, это были не хулиганы и не пьяницы, они не ходили буйными ватагами по улицам и не били фонари и магазинные витрины. Скандалов у них в квартирах тоже как будто не бывало... Настораживали они участкового уполномоченного другим: уж что-то очень быстро, буквально не по дням, а по часам стали богатеть. И не то, чтобы такие люди вообще не пользовались доверием у Петушкова. Нет. Когда несколько жителей Тушина задумали приобрести машины, со знанием дела обсуждали они вместе с ним, какие машины купить — «Москвичи» или «Волги», как спланировать на соседнем незастроенном участке коллективный гараж. Так что не просто повышенное благополучие тех или иных граждан беспокоило Петушкова. Если заработано честным трудом, как это у нас и положено, — то пожалуйста. Но в случае, о котором пойдет речь, дело обстояло как раз наоборот.

Петушков уже несколько раз замечал, что некий Николай Редькин — слесарь, Григорий Тимофеев — помощник мастера чулочной фабрики, Василий Дегтярев — электромонтер этой же фабрики, и Елена Воронина — заведующая магазином Тушинского торгога, стали жить не по средствам. Шумные пиршества устраивали они не только по праздникам, а и в будни. Одному не понравилась мебель — и он ее заменил на более современную, другой обзавелся автомобилем, третий стал подыскивать дачный участок.

Участковый уполномоченный не соглядатай, в личные дела людей он не вмешивается. Но он знает людей, с которыми живет бок о бок, знает их нужды и заботы, горе и радости. Знает и их достаток. И немудрено, что Петушкову, когда он наблюдал лихорадочное «обарахление» Редькиных, Дегтяревых и Тимофеевых, невольно приходила в голову мысль:

«А все ли ладно тут? Все ли честно?»

Он поделился своими сомнениями с начальником отделения. Тот посоветовал не спешить с выводами. Нельзя, чтобы честные люди попадали под подозрение. Однако фактов, вызывающих беспокойство, у Петушкова становилось все больше.

Он пишет начальнику отделения рапорт: «Доношу, что 11 декабря примерно около 19 часов около магазина № 15 по улице Фабричной продолжительное время стояла группа граждан, среди которых находились братья Дегтяревы и Редькин Николай. Затем к ним присоединился гр-н Тимофеев. После длительного разговора они, взяв таксомотор, выехали в направлении Москвы».

Как будто обычный, ничего особенного в себе не содержащий документ. Но как он понадобился, когда обнаружилось, что с чулочной фабрики в тот день пропало несколько тысяч пар капроновых чулок. Выяснилось также, что одиннадцатого числа по катонному цеху фабрики, откуда была произведена кража, дежурил помощник мастера Тимофеев...

Рапорт Петушкова, в котором он сообщил о подозрительном «производственном совещании» Редькина, Дегтяревых и Тимофеева, дал ключ к разгадке этого происшествия. Оперативники шли, что называется, по горячим следам. Во время обыска у Редькина обнаружили значительную часть похищенного — воры не успели еще переправить чулки в торговую сеть.

Компания была поймана с поличным. Деваться было

некуда — жулики признались в этой краже. Но больше ни в чем. А работникам ОБХСС были известны случаи краж на Тушинской фабрике и прежде. А кроме того, при обыске у некоторых участников шайки была обнаружена в немалых количествах шелковая лента, дорогостоящие красители. Откуда это? Зачем? И почему в таких значительных количествах?

Оперативная группа скрупулезно исследует все детали, все мельчайшие штришки дела, все данные, которые представляют хоть малейший интерес.

И вот результат.

Оказалось, что на протяжении нескольких лет в Москве и Московской области действовала организованная группа расхитителей государственного имущества. Редькин, Дегтярев, Тимофеев, Костюшин, Константинов, Лохматов и другие крали чулки, ленты и ткани с государственных предприятий и сбывали эти товары в торговую сеть. Работники же магазинов, в свою очередь, продавали «левые» товары населению, деля вырученные деньги между собой. В «сферу деятельности» хищнической группы входило около десяти фабрик. Сбывали ворованное работники четырнадцати магазинов и торговых баз Москвы и области.

Передо мной пухлые папки дел на «тушинскую группу», как она именовалась тогда в судебных органах. Девятнадцать толстых тяжелых томов — сотни протоколов допросов, десятки актов ревизий, ведомостей учета продукции, материалы судебно-бухгалтерских и товароведческих экспертиз, инвентаризационные документы и многое другое.

И все же не будь той скромной бумажки — рапорта наблюдательного участкового уполномоченного, — не было бы этих томов, не было бы разоблачения.

Следствие тоже проходило при живейшем участии Петушкова. Не случайно один из ведущих работников прокуратуры Москвы, руководивший следствием по тушинской группе, писал так:

«Преступная деятельность группы расхитителей, действовавшей на тушинской, ногинской и других фабриках, раскрыта благодаря товарищу Петушкову. Это он изучал быт и жизнь работавших на фабрике людей, он благодаря своей бдительности напал на след преступников, и он, наконец, сыграл решающую роль в их изобличении».

Яснее сказать трудно.

Да, тверда должна быть рука, карающая преступ-

ников. Но как же важно человеку, облеченному властью, быть по-настоящему чутким, гуманным, предельно справедливым. Надо любить людей. Это, быть может, лучшая из гарантий от ошибок, извращений, от нарушений нашей советской законности.

Василий Петушков обладал и этими драгоценными качествами. Они вскоре проявились, и вот при каких обстоятельствах.

На Тушинском проезде был обнаружен с множественными ножевыми ранениями в грудь гражданин Попков. В больнице, несмотря на все принятые врачами меры, он скончался.

Перед оперативными работниками милиции встала задача — найти убийц, изобличить их, не дать уйти от возмездия.

Вечером того же дня около Дома культуры чулочной фабрики Петушков задержал Анатолия Кононенко. Был он пьян и вел себя нервозно — все твердил: «Я знаю, чего вы ищете, вы ищете нож, но вы его не найдете. Попков мой друг, я его не трогал, только отвез в больницу». Уж очень подозрительны были эти лихорадочные объяснения, и Петушков отправил Кононенко в отделение.

По Тушину шли разговоры, что убийство совершил именно он, Кононенко, или Жирный, как называли его между собой знакомые.

Попков и Кононенко действительно были приятелями, часто вместо гуляли, ходили в кино, в клуб, нередко выпивали. В день убийства они тоже были вместе. По пути на танцы зашли к знакомому Кононенко — Николаю Лошанкову. Здесь выпили и через некоторое время ушли. А скоро Попова нашли смертельно раненным.

Вот что показал Лошанков на предварительном следствии:

«Посидев у меня минут сорок или час, выпив поллитра водки, Попков и Кононенко поднялись и ушли. Они спешили на танцы. Через некоторое время после их ухода я вышел в коридор, где разговаривал с женщинами — Шурой Абрамовой и Катей Улановой, которые спрашивали у меня о состоянии здоровья моей жены, находившейся в родильном доме. Я прочитал им письмо, которое получил от нее. В это время в коридор прибежала дочка соседки Таня и сообщила, что на улице зарезали парня, который был у меня в гостях. Я вышел на улицу и увидел, что по направлению к Тушинскому проезду идет

народ. Я также пошел туда и около забора под деревьями увидел лежащего в крови гражданина, что приходил ко мне с Анатолием, то есть Попкова. Там же стоял народ. Когда я спросил, кто это сделал, из толпы ответили: «С товарищем своим повздорили, тот его и полоснул...» Постояв минут пять в толпе, я ушел домой».

Кажется, яснее ясного. Побыв у Лошанкова и уйдя от него, приятели почему-то повздорили, завязалась драка, кончившаяся трагедией. А если учесть, что Кононенко все время нервничает и толкует о том, что «нож вы не найдете», предупреждая возможные вопросы, лихорадочно отрешивается от убийства, то вывод напрашивался сам собой: Попков погиб от ножа Кононенкова.

Но одних только рассуждений и предположений (пусть вполне обоснованных и логичных) в таком деле мало. Мало даже признания преступника. Нужны доказательства, бесспорно и недвусмысленно подтверждающие его вину.

Оперативные работники, следовательно беседуют с десятками людей, проверяют не одно и не два, а десять-пятнадцать сообщений, продумывают не один десяток фактов, догадок и предположений, вновь и вновь исследуют все, что имеет отношение к убийству. В который уже раз сверяются все версии и показания, уточняется время происшествия, исследуется каждая минута, предшествовавшая убийству: что, где и когда делал погибший, чем были заняты его знакомые... И все-таки все сходится к одному — к обоюдной драке между Кононенковым и Попковым. Да, пожалуй, здесь третьего не дано. Разве только Лошанков? Но он спокоен, уверенно объясняет все, о чем его спрашивают. Алиби его несомненно, Кононенко же путается, озлобленно молчит, наконец, совсем отказывается давать показания.

— Ну, ведь ясно же все? Чего он крутит? — возмущались оперативные работники помоложе. Но более опытные предостерегали:

— Не торопитесь с выводами, а ищите доказательства.

Решительнее всех был настроен Петушков.

— Не Кононенко убил. Не он.

— Почему не он? Откуда такая уверенность?

— Знаю я его. Работящий, смирный человек, не мог он.

— Все это хорошо. Но факты вещь упрямая. А они против него.

— Вижу, что против. Но думаю все-таки, что не он. Искать давайте.

Обыск у Кононенкова ничего не дал. Не многим обогатил следствие и обыск у Лошанкова. Правда, здесь нашли две новые шапки-ушанки. По свидетельству Лошанкова и Кононенкова, они принадлежали покойному Попкову...

— Почему Попков, уходя, не взял шапки? — спросили у Лошанкова.

— Просто забыл.

— Нет, не забыл, — уточняет Кононенко. — Лошанков оставил их у себя как залог. Попков деньги ему задолжал...

Это было нечто новое. Но... не имеющее значения для дела. Ведь Лошанков-то из дома не выходил. Значит, к убийству отношения не имеет. А Кононенко и Попков ушли вместе. При чем же тут шапки, если они даже и обнаружены у Лошанкова? Просто Кононенко хватается за эти самые шапки, как утопающий за соломинку.

Но участковый уполномоченный Петушков твердит свое:

— Нет, не верю, что Кононенко убил. Искать надо.

Кажется, невелика роль участкового уполномоченного, когда в следствие включается оперативный состав района, уголовного розыска города, следственные работники прокуратуры. Люди опытные, знающие... Но Петушкова это не смущало, и он выдвигал то одну версию, то другую, предлагал проверить то, перепроверить это, допросить такого-то, вызвать того-то. Его упорство и какая-то непоколебимая уверенность в невинности Кононенкова породили сомнения у следователя Дорогуша и старшего оперативного уполномоченного Гуревича. Был проведен повторный обыск в комнате Лошанкова. И этот обыск решил все. Под радиоприемником обнаружили письмо Лошанкова к жене в родильный дом. «Дорогая Марина Николаевна, — писал он. — Я сделал большую глупость. Не знаю, насколько мы теперь разлучимся. Глупость я сделал, глупость...»

Когда Лошанкову предъявили этот листок, вырванный из ученической тетради, он побелел. Понял, что теперь ему уже не спрятаться, не укрыться, не замести следов. Припертый к стене неопровержимыми уликами, убийца дает показания. Признается в совершенном преступлении.

Оказалось, что события разворачивались совсем не так, как об этом говорил Лошанков вначале.

Кононенков и Попков вместе вышли, но тут же, у крыльца, они расстались. Попков, пройдя несколько шагов, вернулся в дом, чтобы забрать оставленные у Лошанкова шапки. В комнате у них вышел крупный спор, который продолжался и на улице. Здесь спор перешел в озлобленную ссору. Разъяренный Лошанков ударил Попкова ножом в грудь и бегом вернулся домой. У него хватило выдержки спокойно беседовать с женщинами о здоровье своей жены, удалось не выдать себя при встречах с оперативными работниками. Но уверенности, что все пройдет бесследно, не было. Потому и было написано письмо жене...

Правда, если бы это письмо и не было обнаружено, улики все равно нашлись бы. Не зря Петушков не удовлетворился и вторичным обыском. Уже когда дело подходило к концу, в подвале соседнего барака был обнаружен синий пиджак со следами крови. Все соседи подтвердили, что он принадлежит Лошанкову...

Когда Кононенкова освободили из-под стражи, Петушков ходил улыбающийся, веселый. Кто-то из сослуживцев заметил:

— Что это ты, Петушков, так радуешься? Что-нибудь радостное приключилось?

— А как же? Конечно. Честного человека от такой беды уберегли. Как же не радоваться?

Немного довелось Василию прослужить в милиции. Однако итогам его работы, его послужному списку позавидовал бы любой ветеран. Вот дело хулиганов и дебоширов Сорокина и Борисова, дело расхитителя Каурова, мошенника Иванова, карманника и домушника Балыгина... Это строгой рукой Василия Петушкова они и многие-многие другие возвращены с дурных стежек к честной жизни.

В отделении милиции и в райотделе понимали, что из Петушкова растет незаурядный оперативник, отличный командир, видели, каким авторитетом пользуется он у своих товарищей.

Ему предлагают подумать о другой, большей работе. Но Петушков не захотел покидать свой участок. Как это он не будет проходить по Фабричной улице, любоваться этими вот чудесными домами, скверами, не будет ходить мимо вот этой школы, этого Дома культуры, не будет встречаться с ребятами из народных дружин? И потом

столько еще незаконченных дел, столько неосуществленных планов! Гунеядцы еще за ум взялись не все, пьяные ватаги нет-нет да и появляются на улицах Тушина, любители чужого добра тоже дают о себе знать... Нет, уходить с участка пока положительно нельзя.

Он затевает организацию лектория по правовым вопросам. Договаривается с работниками прокуратуры, народного суда о лекциях, раздобывает подходящие фильмы, привозит из Москвы ученых-юристов. Кто-то из работников отделения пошутил:

— Не иначе, Петушков хочет в Общество по распространению политических и научных знаний податься.

Петушков серьезно ответил:

— Если бы все хорошо знали законы, нарушений порядка у нас было бы гораздо меньше.

Он был не без оснований убежден в этом и не жалел ни сил, ни времени на то, чтобы разъяснять и разъяснять людям нормы социалистического общежития. И, конечно же, это не проходило бесследным, хотя, может, сразу и не давало каких-то конкретных, осязаемых результатов.

. . . . .

В числе не сделанных еще дел, о которых думал Петушков, было и такое маленькое, незначительное на первый взгляд дело, как беседа с Гридчиным. «Побеседовать, подробнее разобраться с Гридчиным...» Это запись в блокноте Петушкова. Последняя его запись...

Они жили недалеко друг от друга. Обязанности одного и поведение другого сталкивали их. Сначала редко, затем все чаще и чаще.

Гридчин принадлежал к немногочисленному, но всем изрядно осточертевшему племени отъявленных забулдыг.

Есть у нас, к сожалению, такие люди. Правда, на людей они похожи только внешне, и то отдаленно. Это слизняки, недостойные гордого и светлого слова — человек. Пьют по каждому поводу и без повода, пьют, когда есть за что и когда не за что, когда есть на что и когда не на что, пьют все — водку, вино, а когда нет ни того, ни другого, глушат одеколон, муравьиный спирт, политуру. Таких типов у нас немного, но они есть. И мы порой удивительно терпимы к ним. Пьянчуг подбирают на улицах, затем в вытрезвителях бережно приводят в божеский вид. Заботливые врачи и сестры делают им разные там уколы, примочки, компрессы. А они, отоспавшись на мяг-

ких, чистых до стерильности постелях, опять появляются на людях. Кое-как отбив на работе положенные часы, вновь околачиваются у магазинов и закусочных, соображая «на троих» или «на двоих», смотря по ресурсам и вкусам. Когда же общественность, врачи или милиция берут их в оборот, они хнычут, бьют себя в грудь, уверяя всех, что они больны, серьезно и мучительно больны. Не надо верить этим опухшим от пьянства субъектам и их плаксивым физиономиям. Это не болезнь, а распущенность, разнузданное попрание элементарных норм человеческого поведения...

Петушков делал все, что мог, чтобы удержать Гридчина от дурных троп. Не раз и не два говорил ему: бросай пить, бросай буянить. Гридчин обещал, бил себя в грудь, плакал мутными обильными слезами и... опять напивался.

Его предупреждали и на работе — включали в лучшие бригады, давали взыскания, устанавливали новые и новые сроки для исправления. Увольняли, брали вновь. Опять убеждали, критиковали, зывали к отцовским и иным человеческим чувствам. Не помогло. Пить продолжал. А пьяным — становился зверем.

И вот он опять в отделении милиции перед старшим лейтенантом Петушковым. Опять мутные пьяные слезы. Но на них уже не обращают внимания. Требуют объяснения по поводу происшедшей драки, где был зачинщиком. Рука с синей наколкой на кисти мелко дрожит. Несмотря подписав протокол допроса, Гридчин зло выдохнул: — На, возьми. Подшивай к своим архивам.

Петушков спокойно взглянул в лицо Гридчину, вздохнул.

— Плохо ты кончишь, Гридчин.

Потом старший лейтенант думает про себя: «Надо обязательно еще раз поговорить с ним. Только не сейчас. Сейчас не поймет». И когда за Гридчиным закрылась дверь комнаты, в записной книжке появилась та последняя запись: «Поговорить, разобраться с Гридчиным...»

Это было за несколько часов до трагедии, что произошла на Фабричной.

...Петушков собирался домой. Сын Юрка уже несколько раз робко, но настойчиво напоминал отцу: «Ты сегодня обещал прийти пораньше. Почему не идешь? Мы ждем...» Положив трубку телефона, Петушков улыбнулся. Он представил себе, как малыш карабкался на стул, всовывал маленькие розовые пальцы в круглые отвер-

ствия телефонного диска. Набирает старательно, весь сосредоточась на этой операции, и загорается радостью, когда слышит в трубке ровный, спокойный голос отца...

Петушков встал из-за стола, собрал бумаги, запер их в сейф, застегнул китель. Можно, кажется, идти домой.

Но дверь стремительно открылась. На пороге стояла жена Гридчина с перекошенным от страха лицом, вся в слезах.

— Товарищ Петушков! Скорее, умоляю... Николай детей убивает...

Петушков, не спросив больше ни слова, опрометью бросился из комнаты. Вслед за ним побежали Пчелин и несколько дежуривших в отделении дружинников.

Зимняя ночь, скользкая дорога, бежать по ней трудно. Но он бежал очень быстро.

...Гридчин буйствовал. Прищуренные, белесые от пьяной злобы глаза слезились, лоб, не заживший от последней драки, собрался в крупные набухшие морщины. Разорванная на груди рубашка висела клочками, мокрые волосы свисали на уши.

Дети, перепуганные жутким видом отца, давясь от слез, жались в угол кровати.

— Сволочи... Надоели... Убью. Перестреляю.

Видимо, это слово породило в пьяном мозгу новую мысль — достать ружье.

Он шумно, лихорадочно и долго рылся за шкафом, наконец с остервенением вытащил оттуда двустволку. Потом полез за патронами. Нашел и их. Сережа, увидев, что отец заряжает ружье, в смертельном испуге истошно закричал:

— Папочка, не надо!

— Замолчи, тварь! — Гридчин с силой толкнул его стволом в белеющий лоб. Ребенок упал навзничь, обливаясь кровью.

Слезы и крики детей, пьяные выкрики взбешенного бандита заглушали стук в дверь. Но стучали резко, настойчиво, властно. Гридчин вскочил на кровать, спрятался за выступ шкафа, выставил вперед зияющее дуло ружья.

— Николай, отопр. Это я — Петушков. Открой, давай спокойно поговорим.

— Уходи, стрелять буду...

Петушков знал Гридчина, знал его буйный, необузданный характер, особенно, когда тот пьян. Знал и о том, что у Гридчина есть ружье, и потому понимал, что угро-

за эта была не просто пьяным бредом. Надо осторожнее...

Но за дверью вновь слышался плач ребятишек. Как знать, может, они истекают кровью, может, озверевший сумасброд изуродовал их, посягает на их жизнь. И как бы в подтверждение этой мысли слышался истошный крик девочки:

— Убил, убил Сережу...

Раздумывать было некогда.

Петушков первым навалился плечом на дверь.

В коридоре яркий свет. В комнате же темнота. Поэтому уполномоченный, первым ринувшийся в комнату, ярко и отчетливо виден Гридчину. И поэтому прицел был предельно точным. Ярко-желтый, разящий сноп света ослепил Василия, страшный удар отбросил его назад. Прогрохотал по всему дому гулкий раскатистый ружейный залп из двух стволов. Старший лейтенант схватился за грудь, какую-то долю секунды стоял на ногах, недоуменно вглядываясь в комнату, а потом, обливаясь кровью, рухнул на пол.

...В вестибюле больницы на стульях, на диване, на окнах сидели люди. Много людей. Было тесно, душно, но никто не уходил. Все ждали врача. Он вышел, и по его виду без слов все было понятно: конец. Так Юра Петушков и не дождался своего отца.

Трагедия на Фабричной улице взволновала все Тушино. В милицию, в суд, прокуратуру шли десятки писем, телеграмм, шли делегации с предприятий. Требовали одного — строжайшего наказания убийцы.

Василия Петушкова хоронило все Тушино, хоронило как героя. Перед клубом, где стоял гроб с его телом, собрались тысячи людей. Проспект Свободы тоже был полон народа. Многотысячная процессия прошла и по Волоколамскому проезду, остановилась около дома, где жил Петушков, и долгим молчанием почтила его память...

Ветер далеко разносил по морозному воздуху печальные звуки траурного марша. А люди все прибывали и прибывали, заполняя прилегающие площади, улицы, переулки. И когда какой-то приезжий, только что сошедший с поезда, спросил: «Кого так хоронят?» — ему скупно ответили: «Настоящего героя».

. . . . .

Мы стоим на улице Василия Петушкова. Яркое солнце золотыми бликами играет в зеркальных стеклах вит-

рин, веселые стайки школьников, шумно споря и смеясь, идут по свежесполитым тротуарам. Один из ребят останавливается, читает табличку: «Улица Василия Петушкова». Паренек постарше начинает объяснять. Ребятня притихла, слушает...

И мне вновь почему-то вспоминается далекий, давний комсомольский вечер в одном из тушинских клубов и спор о месте человека в жизни. Вспоминается задорный, вихрастый парень, с жаром споривший о том, как следует жить. Да, этот парень прожил свою жизнь не зря, он оказался сродни героям Островского.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
ПОВЕСТИ	
Код «Шевро»	5
«Антиквары»	51
Конец «Золотой фирмы»	97
Коралловая брошь	143
Старые счета	167
У последней черты	195
РАССКАЗЫ	
Эспандер с инициалами	232
Запутанный след	251
Яшка Маркиз из Чикаго	278
Сычиха	294
Быль	310
Кто виноват?	330
Пять писем и телеграмма	352
Зачем?	366
Улица Василия Петушкова	383

Сизов Н. Т.
С34 КОД «ШЕВРО» : Повести и рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 414[2] с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 60 к. 100 000 экз.

Сборник Н. Сизова составляют известные читателю произведения. Повести и рассказы писателя читаются с захватывающим интересом не только потому, что в них есть интригующее детективное начало, но прежде всего потому, что автор поднимает в своих произведениях животрепещущие проблемы, стоящие перед обществом, вопросы правового и морально-нравственного воспитания. Издание рассчитано на массового читателя.

С 4702010200—066
078(02)—87 186—87

ББК 84Р7

ИБ № 5351

Николай Трофимович Сизов

КОД «ШЕВРО»

Редактор **С. Ионин**

Художник **В. Павлюк**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **З. Ахметова**

Корректоры **Л. Четыркина, Н. Овсяникова**

Сдано в набор 02.09.86. Подписано в печать 02.02.87.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отт. 22,44. Учетно-изд. л. 23,5. Тираж 100 000 экз.
Цена 1 р. 60 к. Заказ 1875.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Николай Трофимович Сизов родился в 1916 году в деревне Большая Молябуха Ивановской области.

В 1950 году окончил исторический факультет Московского педагогического института имени Н. К. Крупской.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы — на комсомольской, а затем на партийной работе. В 1962—1965 годах — начальник Управления охраны общественного порядка Мосгорисполкома, в 1965—1970-х — заместитель председателя Мосгорисполкома. С 1970 года — заместитель председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, генеральный директор киностудии «Мосфильм». С 1984 года Н. Т. Сизов — первый заместитель председателя Госкино СССР.